

НАУЧНЫЙ ТАТАРСТАН

2009
ISSN 1683-6537

Научный рецензируемый журнал

Учредитель — Академия наук Республики Татарстан

Зарегистрирован в Министерстве информации и печати
Республики Татарстан 5 января 1995 года. Регистрационный № 380

Журнал ориентирован на публикацию научных статей по следующим научным направлениям: 07.00.00 (исторические науки), 09.00.00 (философские науки), 10.00.00 (филологические науки), 12.00.00 (юридические науки), 17.00.00 (искусствоведение), 23.00.00 (политические науки)

Главный редактор — президент АН РТ академик **А.М.Мазгаров**

Зам. главного редактора — академик **М.А.Усманов**

Выпускающий редактор —

член-корреспондент АН РТ **Ф.Н.Багаутдинов**

Ответственный секретарь —

гл. редактор издательства «Фэн» АН РТ, к.и.н. **Б.Л.Хамидуллин**

Редакционная коллегия:

Багаутдинов Ф.Н. (Казань),
Бальдауф Ингоборг (Германия),
Васильев Д.Д. (Москва),
Вашари Иштван (Венгрия),
Ганиев Ф.А. (Казань),
Девлет Надир (Турция),
Загидуллин И.К. (Казань),
Кляшторный С.Г. (Санкт-Петербург),
Миннуллин К.М. (Казань),
Мухаметшин Р.М. (Казань),
Мухаметшина Р.Ф. (Казань),
Трепавлов В.В. (Москва),
Хакимов Р.С. (Казань),
Шамильоглу Юлай (США),
Ягудин Ш.Ш. (Казань).

Редактор

В.П. Лащенова

Переводчик

И.Ж. Салахов

Компьютерная верстка

В.В. Калинин

Адрес редакции:

420111, Казань, ул. Баумана, 20

Телефоны:

Гл. редактор — 292-40-34.

Зам. гл. редактора — 292-79-39.

Ответ. секретарь — 292-15-64.

e-mail: anrt@rambler.ru

(для редакции «НТ»)

Подписано в печать 13.03.2009.

Формат 70x108 1/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная.

Печ. л. 15,0. Усл. печ. л. 21,0.

Тираж 500 экз.

Заказ 03-09/01-3.

Издательство

«Центр инновационных технологий».

420108, г.Казань, ул. Портовая, 25а

Тел./факс: (843) 231-05-46, 231-05-61

E-mail: citlogos@mail.ru

www.logos-press.ru

© Коллектив авторов, 2009

© Издательство «Фэн» АН РТ, 2009

ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА ТЮРКСКИХ НАРОДОВ

- 6 *Арикеева З.М.*
Ритуальные перемещения из «своего» в «чужое» в обрядах жизненного цикла татар
- 9 *Багаутдинов Ф.Н., Гиладутдинов А.Н.*
Садри Максуди: юридическая деятельность
- 15 *Валеев Р.М.*
Вклад профессора Н.Ф.Катанова в историко-этнографическое изучение тюркских народов Евразии
- 37 *Давлетшина Л.Х.*
Трансформация мифоритуальных представлений в обрядовой жизни татар
- 42 *Завгарова Ф.Х.*
Типология сюжетов почитания культового камня у татар Заказанья
- 46 *Загидуллин И.К.*
Татарские национальные элиты и проблема выбора нового оренбургского муфтия в 1860-е годы
- 59 *Кляшторный С.Г.*
Имперская традиция в древнетюркской цивилизации
- 64 *Свердлова Л.М.*
Казань как центр транзитной торговли в XIX веке
- 76 *Сибгатуллина А.Т.*
«Дело» Саидазимбаева – руководителя мусульманского паломнического движения из России
- 90 *Трепавлов В.В.*
Хадж из Дешт-и Кипчака в XIII–XVII веках
- 100 *Усманова Д.М., Гильмутдинов Н.В.*
Из опыта издания специализированного юридического журнала в Казани: «Хокук ва хаят»

ФИЛОЛОГИЯ

- 106 *Ганиев Ф.А.*
О проблеме функциональной грамматики
- 118 *Загидуллина Д.Ф.*
Арабо-мусульманские поэтологические традиции в литературном самосознании татар
- 128 *Исламов Р.Ф.*
Монгольский Онгон (ᠣᠩᠭᠤᠨ) – по-тюркски ᠣᠩᠭᠠᠨ

ОБРАЗОВАНИЕ

133	Аминева В.Р. Компаративистские стратегии исследования и их учебно-методические аспекты
138	Габдрахманова Г.Ф. Проблемы трудовой мотивации учителей татарского языка средних школ Татарстана: этносоциологический аспект
144	Галимуллина А.Ф. Специфика преподавания курсов «История древнерусской литературы» и «История русской литературы XVIII века» на национальных отделениях педагогических вузов
148	Денмухаметова Э.Н. Единый республиканский экзамен по татарскому языку как показатель качества знаний учащихся
154	Закиев М.З. Национальные языки в образовательном пространстве РФ в контексте «Европейской хартии региональных языков или языков меньшинств»
158	Исхакова З.А. К вопросу изучения состояния учебно-методической базы преподавания татарского языка (по материалам этносоциологического исследования)
165	Лисенкова Л.А. Адаптивные возможности допрофессиональной подготовки в системе непрерывного гуманитарного и педагогического образования
170	Макарова Г. Языковые реформы в сфере образования РТ в контексте этнокультурной политики Федерального центра и Республики Татарстан
176	Сагитова Л.В. Язык и глобализация: наследие прошлого, новые конкуренты и новые возможности
182	Усманова Л.А. Функциональные особенности цветообозначений в русском и татарском языках (на материале языка художественных произведений)
187	Фатыхова А.Р. Проблемы разработки учебника татарского языка для англоговорящих студентов
192	Шакирова Д.Р. Проблемы внедрения компетентностного подхода в педагогическом вузе
197	Ярмакеев И.Э. Концепция республиканского научно-образовательного гуманитарно-педагогического кластера
202	ХРОНИКА ЖИЗНИ АКАДЕМИИ НАУК РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН
231	НАШИ ЮБИЛЯРЫ

HISTORY AND CULTURE OF TURKIC NATIONS

- Arikeeva Z.M.**
6 Ritual Transfer from «Own» to «Alien» in Life Cycle Rites of Tatars
- Bagautdinov F.N., Gimadutdinov A.N.**
9 Sadri Maqsudi: Deputy and Juridical Activity
- Valeev R.M.**
15 Contribution of Prof. N.F.Katanov in Historical and Ethnographical Studying Turkic Nations of Eurasia
- Davletshina L.Kh.**
37 Transformation of Mythologico-Ritual Idea in Ritual Life of Tatars
- Zavgarova F.Kh.**
42 Item Typology in Worship of Cult Stone among Tatars Living in the Suburb of Kazan
- Zagidullin I.K.**
46 Tatar National Elite and Problem of Electing a New Mufti in Orenburg in 1860-s
- Klyashtorny S.G.**
59 Imperial Tradition in Ancient Turkic Civilization
- Sverdlova L.M.**
64 Kazan as a Center of Transit Trade in 19th Century
- Sibgatullina A.T.**
76 «Personal File» of Saidzibayev – Head of Muslim мусульманского pilgrimage Movement from Russia
- Trepavlov V.V.**
90 Hadj from Desht-I Kipchak in 13th-17th centuries
- Usmanova D.M., Gilmudtinov N.V.**
100 As a manner of Experience of Publishing Special Legal Journal in Kazan: «Khoquq wa Khayat»

PHILOLOGY

- Ganiev F.A.**
106 About the Issue of O проблеме Functional Grammar
- Zagidullina D.F.**
118 Arabian-Islamic Poetological Traditions in Literature Consciousness of Tatars
- Islamov R.F.**
128 Mongolian Ongon (ᠣᠩᠭᠤᠨ) – in Turkic ᠣᠩᠭᠠᠨ

EDUCATION

- 133 **Amineva V.R.**
Comparative Strategies in Research and Their Educational Aspects
- 138 **Gabdrakhmanova G.F.**
Problems of Labor Motivation of the Tatar Teachers in Secondary Schools of Tatarstan: Ethnic and Sociological Aspects
- 144 **Galimullina A.F.**
Specificity of Teaching the Courses «History of Ancient Russian Literature» and «History of Russian Literature of 18th Century» at National Departments of Teachers Training Universities
- 148 **Denmukhametova E.N.**
Common Republican Examination in Tatar as Qualitative Characteristics of the Pupils' Knowledge
- 154 **Zakiev M.Z.**
National Languages in Educational Space of Russian Federation in the Context «European Charter for Regional Languages or Minorities' Languages»
- 158 **Iskhakova Z.A.**
Issue of Studying the Condition of Educational Base of Tatar Teaching (basing on materials of ethnic and sociological research)
- 165 **Lisenkova L.A.**
Adaptive Opportunities of Pre-Professional Training in the System of Continuing Liberal and Pedagogical Education
- 170 **Makarova G.**
Linguistic Reforms in the Field of Education in Tatarstan in the Context of Ethnic and Cultural Policy of Federal center of the republic of Tatarstan
- 176 **Sagitova L.V.**
Language and Globalization: Heritage of the Past, New Rivals and new Opportunities
- 182 **Usmanova L.A.**
Functional Peculiarities Colour Namings in Russian and Tatar (Basing on the materials of language in works of art)
- 187 **Fatykhova A.R.**
Problems of Development of Tatar Lesson Book for English Speaking Students on
- 192 **Shakirova D.R.**
Problems of Application of Competence Approach at Teachers Training University
- 197 **Yarmakeev I.E.**
Concept of Republican Cluster of Research and Education Humanities and Pedagogics
- 202 LIFE HISTORY OF TATARSTAN ACADEMY OF SCIENCES
- 231 OUR ANNIVERSARY HEROES

УДК 392

РИТУАЛЬНЫЕ ПЕРЕМЕЩЕНИЯ ИЗ «СВОЕГО» В «ЧУЖОЕ» В ОБРЯДАХ ЖИЗНЕННОГО ЦИКЛА ТАТАР

З.М. Арикеева

При описании обрядов жизненного цикла (родильные, свадебные, похоронные), относимых многими исследователями традиционной культуры к обрядам «перехода», целесообразно исходить из классической трехчастной схемы: выделение из коллектива – перемещение в неосвоенное пространство – возвращение в коллектив. Здесь можно наблюдать взаимопроникновение двух миров, путешествие представителей одного мира в мир других, появление «чужих» среди «своих» и «своих» среди «чужих».

В контексте свадебной обрядности данная схема ярко представлена картиной приезда жениха в дом невесты, где свадебный поезд жениха выступает тем «чужим», вражеским, которое появляется на территории «своего» и с которым необходимо вступить в борьбу. Традиция устраивать жениху и его «свите» всяческие испытания, препятствия на пути представителями стороны невесты, равно как и нападение, захват, взлом, совершаемый жениховой стороной, демонстрирует их недружеское отношение друг к другу, что является следствием принадлежности их двум противоположным мирам – сакральному и профанному, «своему» и «чужому». Вместе с тем появление невесты в доме жениха также сопряжено с опасностью для его обитателей. Невеста – представитель того, «чужого» рода, человек, прибывающий из незнакомой, а поэтому опасной территории, встреча с которым может отрицательно сказаться на представителях этого, «своего» мира. В целях устранения опасности

прибегают к разным защитным средствам, одним из которых выступает так называемое «очищение» огнем. У сибирских татар свадебная повозка с невестой проезжает через огонь, разведенный перед воротами дома жениха [3: 60]. Одной из трансформированных форм данного способа защиты можно считать обычай похлопывать невесту с двух сторон подоженными вениками в момент ее прохождения через ворота: «*Бичәне утлы япрак белән чабаты ике кеше капканың ике ягынан*» («*Невесту горящим веником похлопывают два человека с двух сторон ворот*») [2]. В то же самое время данные действия выступают средством приобщения невесты к роду жениха – происходит своеобразное «превращение», «преобразование» чужого в своего, по отношению к нему «применяется тактика адаптации» [1: 193].

В рамках родильной обрядности рождение ребенка также воспринимается как появление чужого, неизвестного существа. Однако на уровне обрядовых действий участники скорее способствуют этому действию, нежели противодействуют и сопротивляются ему, как мы могли наблюдать в случае встречи жениха в доме невесты. Так, для получения дитя из чужого пространства совершались действия, направленные на открытие пути для новорожденного – *кендек әби* (повивальная бабка) развязывала все узлы на платье, растягивала пуговицы, расплетала косы роженице. Кроме того, в случае трудных родов *кендек әби* или мать роженицы, присутствовавшая при этом, надры-

вала подол своего платья: «*Әни кереп килә ишектән, күлмәк итәген жырты-жырты, аналык ачылсын дин*» («Мама входит, надрывая подол платья, чтобы матка раскрылась») [3]. Полученное извне (из сферы чужого) дитя также подвергается определенным действиям по переделыванию, «превращению» в человека. Данное преобразование начинается уже с первых действий по отделению ребенка от матери и шире — от сферы природного, нечеловеческого. Один из первых шагов в процессе расподобления нечеловеческого и человеческого связан с выходом (из чужого мира), пребыванием в мире людей и отправлением (в свой мир, мир предков) плаценты (*соңгылык*) новорожденного. Выход плаценты, в определенной степени, может быть приравнен к самим родам. Для его успешного извлечения *кендек әби* растирала, разглаживала живот роженицы, сама женщина надувала бутылку и т.д. Пребывание последа (чужой материи, иноматерии) в человеческой среде требует выполнения определенных условий. Послед следует тщательно помыть, его нельзя выбрасывать. Возвращение последа на свою территорию также совершается в строго установленном порядке. Известны различные вариации отправления детского места «назад» среди татар — захоронение на кладбище, в подполе, между двух столбов, на чердаке дома, но во всех случаях сохраняются его локализация и глубинный смысл. Погребению последа всегда предшествуют действия по его омовению (в некоторых случаях до 41 раза: «*соңгыны 41 мәртәбә юасы*» — «послед надо помыть 41 раз») [1], заворачиванию в тряпку или помещению в лапоть, что соотносимо в первом случае с облачением в саван, в другом — с помещением покойника в гроб. В обычае погребения последа на кладбище просматриваются следы культа почитания умерших предков. Послед, как некогда живая часть тела, выполнив свои функции, погружается в царство мертвых, подобно телу умершего. Следовательно, о вступлении в общину

нового члена узнают и далекие предки. Этот ритуал служит отражением идеи о том, что все полученное от природы должно возвращаться обратно в лоно природы. Не случайно также и использование подпола в качестве места для погребения *соңгылык*. Данная традиция восходит к некогда существовавшему у многих народов обычаю погребать умершего, наиболее уважаемого члена рода, предка, под порогом или в почетном месте дома — под нарами [2: 168; 4: 95]. Что касается помещения последа на чердаке, то оно необходимо для благополучного выхода последа роженицы при следующих родах: «*Соңгыны ызба башына күмәсе, икенче бала тапкан вакытта соңгы чыксын өчен*» («Послед надо на чердаке похоронить, чтобы при следующих родах послед вышел») [4]. Таким образом, захоронение последа напрямую связано с новым рождением, также это становится способом сохранения отношения непрерывного обмена между предками и потомками, нелюдьми и людьми, жизнью и смертью.

В похоронной обрядности оппозиция «свой-чужой» отражена еще ярче и полнее. Проникновение смерти в мир живых, на территорию «своего» представляется явлением неизбежным, неотвратимым, которое предполагает естественный переход человека из одного мира в другой. Представление смерти как пространственное перемещение содержится и в терминах, обозначающих кончину, похороны умершего — *жаны чыкты* (душа вышла), *бакый дөньяга кучте* (перешел в вечную обитель), *алып барып куйдык* (отнесли), *соңгы юлга озаттык* (проводили в последний путь).

Трехчастная схема, обозначенная как выделение из коллектива — перемещение в неосвоенное (чужое) пространство — возвращение в коллектив, соблюдается в обряде проводов покойника, где основными лицами, следующими данной схеме, выступают участники похоронной процессии. В данном случае основной категорией становится путь, перемещение из «своего» в «чужое», сопровождаемое действиями-

ми по очищению пространства жизни от смерти и восстановлению границы между своим и потусторонним миром и, как конечный результат, возвращение в «свое». Дорога в мир мертвых не должна совпадать с путями живых. Именно поэтому в ходе обряда выполняются особые условия и предписания, в основе которых лежит идея «обратности», «инакости», полностью исключаящая возможность пересечения этих путей. Из дома умершего выносят ногами вперед (сравните рождение ребенка вперед головой). Интересно, что на кладбище покойника несут уже вперед головой, «чтобы не запомнил обратной дороги», тем самым выпроваживая смерть из своей территории. Ярким примером изгнания смерти («чужого») из мира живых служит обычай астраханских та-

тар, по которому кто-нибудь вслед покойнику топором рубит землю во дворе [5]. Однако основная граница между «своим» и «чужим» пролегает не здесь, а на территории кладбища. Возвращение с кладбища на территорию «своего» ознаменовывается выполнением очистительных процедур (омовение, смена одежды), что является необходимым условием окончательного разрыва с миром «чужих».

Таким образом, на примере отдельных моментов семейно-бытовых обрядов татар мы рассмотрели схему ритуальных перемещений из «своего» в «чужое» пространство, мотивы преобразования, переделывания «чужих» в «своих», что представляет собой одну из ведущих сюжетных линий обрядов жизненного цикла.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Байбурин А.К.* Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов / А.К. Байбурин. – СПб.: Наука, 1993. – 241 с.
2. *Кагаров Е.Г.* Состав и происхождение свадебной обрядности / Е.Г.Кагаров // Сборник Музея антропологии и этнографии. – Т. 8. – М., 1929. – С. 152–195.
3. *Насибуллина С.Х.* Лексика свадебных обрядов тоболо-иртышского диалекта сибирских татар / С.Х. Насибуллина // Материалы научно-практической конференции «Сулеймановские чтения-99». – Тюмень: Тюменский гос. ун-т, 2000. – С. 56–60.
4. *Токарев С.А.* Религиозные верования восточнославянских народов XIX – нач. XX в. / С.А. Токарев. – М.–Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1957. – 164 с.

СПИСОК ИНФОРМАНТОВ

1. *Ахметзянова Р.Х.* (1912 г.р.). Зап. Арикеевой З.М. 23.05.2006 г. в с. Уляя Высокогорского р-на РТ.
2. *Бабчанова Т.Т.* (1924 г.р.). Зап. Арикеевой З.М. 17.06.2008 г. в д. Аслана Ялуторовского р-на Тюменской обл. РФ.
3. *Гатауллина О.Х.* (1927 г.р.). Зап. Арикеевой З.М. 20.05.2006 г. в с. В. Кибя-Кози Тюлячинского р-на РТ.
4. *Сабитова Р.А.* (1930 г.р.). Зап. Арикеевой 05.10.2007 г. в д. Нов. Зимница Старо-Кулаткинского р-на Ульяновской обл. РФ.
5. *Сиражетдинов Ш.К.* (1946 г.р.). Зап. Арикеевой З.М. 19.08.2003 г. в с. Нов. Булгары Икрянинского р-на Астраханской обл. РФ.

Summary

The keynote of the article is ritual transference from «own» to «foreign» in ceremonies of Tatar's life cycle.

УДК 001-057.4

САДРИ МАКСУДИ: ЮРИДИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

*Ф.Н.Багаутдинов, доктор юридических наук, профессор,
член-корреспондент Академии наук Республики Татарстан,
А.Н.Гимадуллин*

Судьба этого человека удивительна. Садри Максуди (Садретдин Низаметдинович Максудов) — видный общественный и государственный деятель, признанный лидер и идеолог татарского национального движения в начале XX века, писатель и журналист, ученый и педагог, который владел 5–6 языками. Он родился в 1878 г. в деревне Ташсу, ныне Высокогорского района Республики Татарстан, в семье муллы. Как и многие молодые люди того времени, учился в медресе, затем поступил в Казанскую учительскую школу. Уже в возрасте 19 лет под влиянием романов русских писателей С. Максуди пишет и издает национальный роман «Жизнь». Это было первое сочинение, написанное на наречии казанских татар.

Желая продолжить образование, в 1901 г. он приезжает в Петербург, однако поступить в университет ему не удалось. В этот период он встречается в Ясной Поляне со Львом Толстым, а в Крыму — с Исмагилом Гаспринским, получает от них советы и наставления. После этого С. Максуди принимает неожиданное решение — продолжить обучение во Франции. Для поступления на юридический факультет он, как гражданин иностранного государства, должен был сдать экзамены по французскому языку и по-латыни. Не зная ни слова по-французски, не имея денег, знакомых, он за год-полтора овладевает французским языком и в 1902 г. поступает на факультет права Сорбоннского университета. Здесь он четыре года изучает юридические науки, посещает также и занятия по философии

и социологии. Обучение в Сорбонне было платным. Надо было платить и за поступление, и за сдачу экзаменов, и за обучение. Чтобы заработать на учебу и на жизнь, студент С. Максуди пишет статьи для разных российских газет, дает уроки русского языка. Во время обучения во Франции он написал еще один роман (опубликован в 1906 г.), а также сочинил пьесу на французском языке.

С. Максуди стал первым татарским юристом, получившим образование в Сорбонне. В 1906 г. он успешно заканчивает учебу, возвращается в Казань и сразу же окунается в политическую жизнь. В это время шли выборы во II Государственную Думу, и партия «Союз мусульман» выдвигает С. Максуди кандидатом в депутаты Государственной Думы.

Деятельность С. Максуди в качестве депутата Государственной Думы (то есть в качестве законодателя) II, а потом и III созывов достаточно подробно освещена в научной и исторической литературе, в частности, в работах доктора исторических наук Д.М.Усмановой. В российском парламенте С. Максуди проявил себя искусным политиком и защитником национальных интересов. Он всегда был на виду, часто выступая по самым злободневным вопросам. Яркие и убедительные выступления снискали ему славу национального патриота — среди мусульманского населения и прогрессивной части общества, ярлык «мусульманского националиста» — со стороны другой части общества. Наиболее значимыми были выступления С. Максуди в защиту прав мусульман, о национальных проблемах народного

образования, против разгрома Иж-Бубинского медресе, о мусульманских школах и медресе, о необходимости сохранения национального языка и религии и о многом другом. Его серьезные, основательные статьи и речи публиковались на страницах казанской газеты «Йолдыз» («Звезда») и таким образом становились известными широкому кругу мусульманского населения.

В составе делегации Государственной Думы России С. Максуди посетил Англию, о чем впоследствии написал и опубликовал книгу «Путешествие в Англию».

Личности Садри Максуди уделил определенное внимание и Габдулла Тукай. В поэме «Сенной базар, или Новый Кисекбаш» аксакалы обсуждают, как помочь Кисекбашу, в частности, говорят:

*«— Может, обратиться к С. Максуди:
Ты, мол, входишь в Думу, ты и рассуди.
— За него мы клали белые шары,
Как-никак обязан нам он с той поры».*

В примечаниях к этой поэме в изданиях советских времен неизменно указывалось: «Садри Максуди — депутат Государственной Думы, стоявший на платформе кадетов; после Октябрьской революции — белоэмигрант».

Вот как написал в своей книге о Тукае один уважаемый ученый-историк в 1986 г.: «Народный поэт Г. Тукай... вывел С. Максудова в «Новом Кисекбаше» как адвоката богачей, как маклера из торговых рядов казанского Сенного базара». Такова была оценка этого человека в те годы, оценка односторонняя и несправедливая.

Обратимся к прозе Г. Тукая. В журнале «Ялт-Йолт» (1912 г., № 45) Тукай опубликовал сатирическую статью под названием «Избавились от несправедливости». В ней речь идет о событиях в Казани в связи с выборами в Государственную Думу IV созыва. При этом Г. Тукай непримиримо выступает против одного из кандидатов в депутаты, казанского юриста Ш. Иманаева, давая ему безжалостную отрицательную характеристику, радуется, что кандидату-

ра Иманаева в конечном счете не прошла. И восклицает: «И в самом деле, что же нам оставалось бы делать, если бы в Думе после Галиаскара Сыртланова, Садретдина Максудова, Калимуллы Хасанова вдруг стали бы ошиваться такие личности!».

Таким образом, из этого сравнения ясно видно, что Тукай ставил С. Максуди достаточно высоко, считал его достойным представителем мусульман в Думе.

На выборах в IV Думу кандидатура С. Максуди не прошла. Он решает уйти из политики, вернуться к своей основной профессии — юриста и поступить на работу помощником присяжного поверенного (адвоката). Однако в России зарубежные дипломы не имели силы. Для подтверждения диплома других стран надо было сдать экзамены, причем все экзамены за 4-летний курс российского университета. Среди них были и знакомые предметы, которые С. Максуди изучал в Сорбонне, однако были и совершенно незнакомые науки. С. Максуди садится за учебу и повторяет весь курс обучения, заучивает наизусть тысячи статей из различных законов.

Зимние месяцы 1912–1913 гг. ушли на подготовку к экзаменам. С. Максуди целыми днями сидел за письменным столом, готовился. Хлопоты доставлял и маленький ребенок, родившийся в это время. В мае 1913 г. С. Максуди успешно сдал экзамены.

Кроме того, кто сдавал экзамен экстерном, должен был написать сочинение. С. Максуди выполнил сочинение на тему: «Сравнение правовых основ собственности в римском и мусульманском праве». Оно также получило положительную оценку.

27 октября 1913 г. кандидат прав С.Н. Максудов, проживающий в г. Казани, на Ново-Комиссариатской улице в доме Миндэ, подал прошение на имя присяжного поверенного И.И. Степанова о том, чтобы тот принял его в качестве помощника и патронировал в течение 5-летнего срока.

Прошение С.Н. Максудова было рассмотрено 9 ноября 1913 г. на заседании

Совета присяжных поверенных при Казанской судебной палате (председатель Ф.А.Брокмиллер, члены Н.Н.Андреев, Н.А.Макаров, Н.И.Миролюбов).

К прошению были приложены три рекомендации: от почетного мирового судьи В.Д.Боронина, товарища председателя Казанского окружного суда А.З. Попова, члена этого же суда Н.А. Новикова.

В частности, в заявлении (рекомендации) В.Д.Боронина указывалось: «...окончившего курс юридических наук при Московском университете Садрутдина Низамутдиновича Максудова я знаю с самой лучшей стороны. Его трудоспособность и нравственные качества безупречны. Несмотря на свои молодые годы, он успел уже заслужить общественное доверие и почтен избранием в гласные Казанской городской думы...».

Чтобы войти в число помощников присяжного поверенного, С. Максудов представил временное свидетельство о выдерживании экзамена в юридической испытательной комиссии при Императорском Московском университете от 1 июня 1913 г., что означало получение диплома второй степени.

1 августа 1914 г. С.Максудов получил диплом Московского университета первой степени с оценками: по уголовному праву, уголовному процессу, гражданскому, римскому, международному, торговому, финансовому, административному праву — весьма удовлетворительно; по гражданскому процессу — удовлетворительно.

Решением Совета присяжных поверенных при Казанской судебной палате С.Н. Максудов был зачислен в состав помощников поверенного И.И. Степанова.

По вероисповеданию Максудов был магометанином, поэтому на основании действовавших тогда правил (согласно разъяснению Правительствующего Сената) принятие в число помощников лиц нехристианских вероисповеданий допускалось не иначе как с разрешения министра юстиции. В этой связи Совет направил свое решение министру юсти-

ции. Первоначально министр оставил обращение «без последствий», то есть отказал, но 15 октября 1914 г. удовлетворил ходатайство Совета о принятии в число помощников присяжных поверенных С. Максудова.

Как видим, прошел почти год после решения Совета присяжных поверенных, пока было получено разрешение от министра юстиции.

К сожалению, деятельность С. Максудова в качестве помощника присяжного поверенного (адвоката) не нашла какого-либо серьезного освещения в научных и исторических исследованиях. В делах Казанской судебной палаты сохранилось личное дело С. Максудова, в котором имеются некоторые сведения о его деятельности в этом качестве. В частности, впервые в качестве защитника С. Максудов выступал по делу в отношении редактора газеты «Кояш» Садрутдинова.

В конце 1913 г. типография Харитонова, которая пользовалась в Казани наибольшей популярностью и справлялась с заказами и татарских клиентов, неожиданно выдала брак, — напечатав на арабском языке экземпляры Корана с серьезными дефектами и ошибками (некоторые строки ошибочно повторялись несколько раз, другие, наоборот, выпали из текста). По мнению мусульман, эти ошибки были равнозначны преступлению, т.к. затрагивались религиозные чувства мусульман. Татарская пресса дружно стала обвинять Харитонова. Наиболее активно выступала газета «Кояш», редактором которой являлся Закария Садрутдинова¹. Хозяевами газеты были предприниматели, книготорговцы и издатели братья Каримовы. Неофициальным творческим руководителем газеты являлся известный писатель и публицист Фатих Амирхан. Вот он-то и выступил первым в печати с «разоблачением» Харитонова. Харитонов тут же сделал заявление, что заменит испорченные экземпляры Корана на новые. В газетах звучали призывы и требования начать судебное преследование против Харитонова.

Кроме этого, в Коране было указано, что текст проверен и одобрен представителем Духовного собрания Сафиуллой Абдуллиным, однако последний заявил, что текста он и в глаза не видел. Более того, Абдуллин подал немедленный рапорт в Духовное собрание о своей непричастности к изданию Корана и даже сообщил в газетах, что намерен привлечь Харитонova к суду.

Очевидно, дело не пошло дальше словесных баталий и обвинений в печати. Вполне возможно и то, что проведенные проверки не обнаружили в действиях Харитонova злого умысла — не мог же он, в конце концов, причинить себе убыток, умышленно издав Коран с ошибками. Ведь типография-то была частная. Ошибки эти могли явиться результатом чьей-то невнимательности — работников типографии и т.д.

Со временем нападки на Харитонova прекратились и, видимо, он сам пошел в наступление, потребовав поместить в газете «Кояш» соответствующее опровержение. Редакция отказалась, и вот появилось дело об обвинении редактора газеты Садрутдинова по статье 1033. Очевидно, это имело место в конце 1914 или в начале 1915 г.

Это пока предполагаемая возможная схема развития событий по делу Садрутдинова, которого взялся защищать Садри Максуди. Для выяснения полной картины еще требуются дополнительные поиски в архивах.

Еще один интересный документ в отношении помощника присяжного поверенного С.Максуди был обнаружен случайно, когда мы занимались исследованием биографии известного юриста, редактора и издателя первого юридического журнала «Право и жизнь» Шайхатгара Иманаева, который состоял присяжным поверенным Казанской судебной палаты.

В делах Совета присяжных поверенных Казанской судебной палаты был найден документ о происшедшем конфликте между Ш. Иманаевым и С. Максуди. Сегодня их обоих мы с большим уважением назвали бы «мэтрами».

Так вот, мэтры тогдашней адвокатуры сцепились в общем-то по пустячному вопросу. Присяжный поверенный Ш.Иманаев подал официальную жалобу на действия помощника присяжного поверенного С.Н. Максудова и выдвинул в его адрес следующие обвинения:

— С.Максудов рекламирует себя в газете, издаваемой его братом и им самим;

— С.Максудов присвоил себе не принадлежащее ему звание присяжного поверенного;

— С.Максудов оскорбил Иманаева на собрании Общества пособия бедным мусульманам.

Жалобу рассмотрел дисциплинарный суд — комитет помощников присяжных поверенных при Казанском окружном суде в составе председателя М.М.Агаркова и члена А.Гр.Бать. По делу доложил Фармаковский.

Комитет допросил в качестве свидетелей: помощника присяжного поверенного Д.А.Исаковича (относительно доходов С.Н. Максудова от издания «Йолдыз»), помощника присяжного поверенного В.Таначева (как лица, присутствовавшего на собрании благотворительного общества); присяжного поверенного С.Алкина и помощника присяжного поверенного Ф. Туктарова — как лиц, следящих за татарской прессой и знакомых с жизнью казанского мусульманского общества.

Комитет в своей резолюции от 3 августа 1916 г. посчитал установленным полное отсутствие каких-либо случаев рекламирования себя как адвоката Максудовым где бы то ни было. В газете «Йолдыз», издаваемой его братом, были сообщения, освещающие общественно-политическую деятельность С. Максудова, весьма заметную в жизни русских мусульман, и эти сообщения не носили характера рекламы. Они не выходили за рамки обычной газетной информации.

Комитет также указал, что не подтвердилось материальное участие Максудова в издании газеты «Йолдыз» и что сам Максудов никогда себя не называл присяжным поверенным. В газете «Йолдыз» Максудова называли просто представителем, что не равнозначно

понятию присяжного поверенного, и это слово с татарского языка можно переводить по-разному.

По поводу инцидента на собрании благотворительного общества С. Максудов пояснил, что он как председатель собрания сделал Ш. Иманаеву замечание вполне в корректной форме. Это подтвердил и свидетель Таначев.

В заключение комитет указал, что не видит ровно ничего, что могло бы вызвать в действиях помощника присяжного поверенного С.Н.Максудова осуждение с точки зрения корпоративной этики.

В итоге комитет представил совету присяжных поверенных заключение об оставлении жалобы присяжного поверенного Ш. Иманаева без последствий.

Кроме этого, из архивных документов Комитета помощников присяжных поверенных видно, что в январе 1917 г. среди них произошел раскол, в связи с чем неоднократно проводились собрания. С. Максудов на общем собрании был избран председателем собрания, и сам вел его. Вполне возможно, что при нормальном стечении обстоятельств и спокойном ходе истории С. Максудов возглавил бы эту организацию. Но революции все изменили, и деятельность С. Максудов в качестве защитника завершилась.

Дочь С.Максудов, Адиля Айда, в книге об отце пишет, что перед революционными событиями 1917 г. «Садри Максудов занимался судебными исками и растрчивал в судах свое ораторское искусство». Возможно, такая формулировка говорит о том, что адвокатской деятельностью С.Максудов занимался без особого желания. Он все-таки рвался к общественной, государственной деятельности. Адвокатская работа была вынужденной и временной.

После ухода из Государственной Думы С.Максудов продолжил депутатскую деятельность в Казани — здесь он был избран гласным городской думы. При этом С.Максудов уже на городском уровне поднимает вопрос, который не удалось решить мусульманским депутатам в Государственной Думе — об объявлении для мусульман пят-

ницы выходным днем. Этот вопрос оживленно обсуждался в 1913—1914 гг., однако Казанская городская дума не согласилась с доводами С. Максудов и его сторонников. В частности, против выступил другой юрист и адвокат, гласный С.А.Ушаков. В знак протеста девять гласных мусульман во главе с С.Максудов покинули заседание городской думы (май 1914 г.).

Интерес представляет и позиция С.Н.Максудова, изложенная на заседании городской думы 22 мая 1914 года при обсуждении вопроса о выделении денежных пособий Царско-народному обществу на содержание портновского класса при школе общества и Боголюбскому отделу «Союза Русского народа» на содержание прогимназии.

Едва городская голова прочитал изложенное, как поднялся гласный С.Н.Максудов и заявил: «В правовом государстве могут существовать различные партии. Но учебные заведения должны быть беспартийны. Если мы сейчас даем деньги Союзу Русского народа или Царско-народному обществу, то завтра у Вас попросят деньги социал-демократы и мы уже не будем иметь возможность им отказать. Во избежание прецедента предлагаю ассигнования исключить».

Его поддержал другой юрист — адвокат С.А.Ушаков, заявив: «Надо знать, как поставлено обучение. Может быть, оно проникнуто политикой».

Но остальные депутаты не поддержали Максудова и выделили деньги.

15 мая 1914 г. на заседании городской думы городская голова В.Н. Боронин по собственной инициативе вынес на обсуждение весьма шепетильный вопрос: а правильно ли он получает 1200 рублей дополнительного вознаграждения по должности председателя сиротского суда? Причем на время обсуждения данного вопроса Боронин покинул заседание — с тем, чтобы решение было принято в его отсутствие, без его участия.

Действительно, ситуация была достаточно интересной и щекотливой: ведь Боронин получал основное жало-

ванье по должности городского головы, а также получал дополнительную плату за исполнение обязанностей председателя сиротского суда. Вполне резонно, что за исполнение как бы по совместительству многочисленных дополнительных обязанностей и должностей, которые возлагаются на голову (в основном общественного характера), доплачивать нет необходимости.

Мнения при обсуждении высказывались разные. На наш взгляд, позиция выступившего С.Максуди была наиболее взвешенной, обоснованной и логичной. Он подчеркнул, что указанное дополнительное вознаграждение ранее получали и прежние городские головы, поэтому этот вопрос следует обсудить при следующих выборах головы. Иначе настоящее обсуждение вопроса можно расценить как демонстрацию против действующего головы, заметил С. Максуди.

Революционные события вновь вернули С.Максуди в большую политику. В июне 1917 г. Курултай тюркских народов в Казани объявил о создании национально-культурной автономии поволжско-уральских тюрков, со столицей в Уфе, и избрал главой автономии С.Максуди. 25 апреля 1918 г. эта автономия (так называемая Республика «Идель-Урал») прекратила свое существование, а С.Максуди большевиком был заочно приговорен к смертной казни. С.Максуди эмигрирует в Финляндию, а затем во Францию. Здесь он участвует в оппозиционном движении.

В 1923 г. С.Максуди по конкурсу получает должность профессора Сорбоннского университета и приступает к чтению лекций по истории тюркских народов. Он увлеченно занимается научными исследованиями в этой области.

В 1924 г. по приглашению руководителя Турецкой республики Атаюрка С.Максуди переезжает в Турцию. Здесь он преподает в университетах Анкары и Стамбула, пишет книги, учебники и учебные пособия по истории тюркского права, языкознанию, философии и социологии. Он принимает участие и в политической жизни Турции — является членом национального собрания, первым помощником-советником Атаюрка, работает в Лиге Наций в составе турецкой делегации.

С.Максуди считается основателем новой науки под названием «История тюркского права». Именно этой науке посвящены его основные труды, изданные в Анкаре и Стамбуле. Кроме этого, он являлся автором работ по философии права, социологии, истории права, а также лингвистике. В это трудно поверить, но именно доморощенный татарин, родившийся под Казанью, со временем стал признанным авторитетом в вопросах лексики турецкого языка. Книга С. Максуди «Для турецкого языка» (1930 г.) сыграла большую роль в языковой революции в Турции в 1924–1930 гг. Он также опубликовал многочисленные статьи, посвященные развитию и совершенствованию лексики турецкого языка на его собственной основе. Большим вкладом в лингвистическую науку явилась его монография «Скифы и саки» (1933 г.). Труды С. Максуди по теории наций и национальных отношений, по истории тюркского права и другие работы не потеряли своей актуальности и сегодня.

С. Максуди умер в Стамбуле в 1957 г. Одна из улиц этого города носит его имя.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Закария Садрутдинов — сын родного брата Шигабутдина Марджани, был редактором демократически настроенной газеты «Кояш», которая выходила в Казани с 10 декабря 1912 г. до 24 июня 1918 г. Умер в Казани в 1930 г.

Summary

This article devoted to Sadri Makhsudi, he was well-known public figure and the leader of one of Tatars national movements in the beginning of XX century.

УДК 001-057.4:39

ВКЛАД ПРОФЕССОРА Н.Ф.КАТАНОВА В ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ ТЮРКСКИХ НАРОДОВ ЕВРАЗИИ

Р.М.Валеев, доктор исторических наук, профессор

Профессор Н.Ф.Катанов — один из ярких и колоритных национальных ученых и мыслителей российской науки, образования и культуры. Его жизненный путь и деятельность отражают важные события и тенденции отечественного и мирового востоковедения рубежа XIX—XX вв.

Многообразная научная и педагогическая деятельность Н.Ф.Катанова — яркое свидетельство развития в России тюркологической науки и национальных гуманитарных исследований и научных школ. Феномен его личности и наследия в истории отечественного востоковедения и культуре народов России, к великому сожалению, пока недостаточно изучен. Жизнь и труды замечательного тюрколога и этнографа Н.Ф.Катанова следует оценивать не только в координатах истории востоковедения в России и Европе, но и принимая во внимание широкий общественно-политический и культурный контекст исторического развития тюркских народов во второй половине XIX — первых двух десятилетиях XX в. Наследие и судьба ученого-просветителя определялись единством и многообразием истории и культур тюркоязычных народов России на рубеже XIX—XX вв.

Этапы жизненной биографии и огромное творческое наследие Н.Ф. Катанова для нас представляются интересными, яркими, поучительными, трагическими, «занимают видное место в классическом наследии отечественной тюркологии» (С.Н.Иванов) XIX—XX вв.

Он стал олицетворением образа двух миров — европейского и азиатского.

Российская ориентальная историко-научная и просветительская литература 20-90-х гг. XX и начала XXI вв., посвященная жизни и деятельности профессора Казанского университета, раскрывает основные этапы и особенности его творчества и бесценного наследия¹. Сформировались и развиваются разноплановые исследования катановского наследия, научной биографии, роли ученого в отечественной истории тюркологии и культуре народов России.

Изучение биографии и наследия Н.Ф.Катанова в России XX в. связано с тремя основными хронологическими всплесками научного и общественного интереса — 20-е гг. XX в.; 50-е — первая половина 70-х гг. XX в. и 1980-2008 гг.

Начало традиции изучения биографии и оценки тюркологического наследия Н.Ф.Катанова в полной мере было положено в 20-х гг. XX в. Особо выделяются публикации в центральной и местной печати, посвященные памяти ученого. Среди них некрологи В.А.Гордлевского, А.Н.Самойлович, А.Гаффарова, Н.М.Покровского, К.В.Харлампович и др.² Для них характерно описание примечательных фактов биографии «инородца», освещение основных этапов педагогической и научной деятельности, анализ мировоззренческих и социальных аспектов тюркологического наследия Н.Ф.Катанова и т.д. Через призму его научного наследия освещалась история становления и развития российской тюркологии на

рубеже XIX–XX вв. Известный тюрколог В. А. Гордлевский в статье «Памяти Н.Ф.Катанова», напечатанной в журнале «Новый Восток», отмечал, что «русское востоковедение потеряло в нем хорошего знатока современных тюркских языков, который тщательно транскрибировал и интерпретировал тексты. Неотшлифованные камни клал он для здания тюркологии...»³. Также А.Н. Самойлович в журнале «Восток» в небольшом некрологе «Памяти Н.Ф.Катанова» писал: «Хотелось бы надеяться, что давно ожидаемое ученым миром опубликование неизданных лингвистических и этнографических собраний Н.Ф.Катанова будет осуществлено после его смерти, а до издания материалы эти будут сохранены в надежном месте»⁴.

К сожалению, много ценного из наследия востоковеда-тюрколога не было напечатано в 1920-е и последующие годы. Публикации, отдающие дань памяти крупного российского востоковеда, не смогли отразить наиболее существенные результаты его научной деятельности как лингвиста, этнографа, исследователя народного творчества, нумизмата и путешественника. Статьи 20-х гг. XX в., посвященные Н.Ф. Катанову, написаны в координатах российской традиции изучения биографий и наследия отечественных ученых. К этому периоду относится закрепление Н.Ф.Катанова к российской тюркологической школе Казем-Бека XIX – нач. XX вв.⁵ В целом оценки ведущих тюркологов России 20-х гг. XX в. активно использовались в публикациях биографов последующих десятилетий.

Период 50-х – начала 70-х гг. XX в. наиболее ярко продемонстрировал следующий важный общественный и научный интерес к биографии и научному наследию профессора Казанского университета. Сегодня эти материалы остаются обширными публикациями, которые дают наиболее полное представление о жизни и деятельности видного востоковеда-путешественника и крупного специалиста по истории и культуре тюркских народов Евразии. В

основном они опубликованы в связи с юбилейными датами Н.Ф.Катанова.

Известная посмертная статья доктора языкознания С.Е. Малова «Н.Ф. Катанов, проф. Казанского университета (1862-1922 гг.)», опубликованная в «Вестнике Академии наук Казахской ССР» (1958 г.), положила начало данному этапу. Эта публикация ученика и соратника известного тюрколога символизировала окончание периода замалчивания и крайне негативной оценки его научной и общественной деятельности.

Как известно, серии статей 30-х – начала 50-х гг. оценивали Н.Ф. Катанова как «ученого холопа старого режима» («Красная Татария», 1933 г.), или характеризовали его «реакционером в науке» (Ученые записки Хак. НИИЯЛИ, 1951 г.) и т.д.

Между тем следует отметить, что в 30-х – первой половине 50-х гг. XX в. в европейской тюркологии по инициативе немецких востоковедов В.Банга и его ученика К.Менгеса появились ряд текстов Н.Ф.Катанова, связанных с величайшими путешествиями в Сибирь и особенно в Восточный Туркестан (1889–1892). Эти рукописные материалы были переданы в 1926 г. А.И.Катановой, супругой Н.Ф.Катанова, для профессора Берлинского университета В.Банга⁶. Издания этих текстов, осуществленные в Германии в 1933 и 1943 гг. К. Менгесом, были рецензированы С.Е.Маловым⁷.

Статья С.Е. Малова «в основном была доложена на заседании, посвященном памяти Н.Ф.Катанова, в Казанском университете в октябре 1922 г.» и опубликована в дополненном виде. Она стала переломной в изучении творческой биографии и в особенности роли и значимости тюркологического наследия Н.Ф.Катанова. Автору даже удалось привлечь внимание читателей на неизвестную для современников, но очень ценную сторону деятельности учителя-тюрколога: «Много, очень много статей прошло через руки Н.Ф.Катанова, и в большинстве случаев авторы даже не высказывали печатно благодарнос-

ти своему редактору. В этом повинен и я...»⁸.

Среди публикаций конца 50-х — начала 70-х гг. XX в. историографическую и источниковедческую ценность имеют отмеченные выше материалы научных конференций, посвященных 95-летию и 100-летию со дня рождения профессора Н.Ф.Катанова, и, конечно, известная монография С.Н. Иванова «Николай Федорович Катанов (Очерк жизни и деятельности)»⁹, изданные в 1962 и 1973 гг.

В разнообразных исследованиях привлечены опубликованные и неопубликованные работы ученого, проанализирован его вклад в исследование хакасского, тувинского и татарского языков, а также дана оценка лексикографической, фольклористической и научно-общественной деятельности Н.Ф. Катанова. На данном этапе сформировался образ выдающегося российского тюрколога широкого профиля.

Повторное издание очерка С.Н.Ивановым в 1973 г., по свидетельству самого биографа, когда «автор не внес сколько-нибудь значительных изменений в основной текст, так как за десять лет, прошедших со времени ее первой публикации, в литературе о Н.Ф. Катанове не появилось каких-либо новых фактов, существенно дополняющих настоящий очерк и требующих изменения его структуры», обозначило отсутствие комплексного монографического исследования биографии и научно-наследия Н.Ф.Катанова. В целом значимые материалы конца 50-х — 70-х гг. XX в. завершают этот важный период научного и общественного интереса к личности ученого и просветителя.

Публикации 1980–2008 гг. сформировали современный этап состояния и перспектив изучения академической биографии и наследия Н.Ф.Катанова¹⁰. Внимание исследователей было сконцентрировано на публикациях оригинальных разнообразных текстов Н.Ф.Катанова и архивных документов. В изучении биографии и наследия уче-

ного преобладали прикладные аспекты — языкознание, фольклористика, музейное дело, библиография и др. Эти материалы позволяют более объективно и комплексно оценить место тюрколога в истории российской науки и культуры конца XIX — начала XX вв., а также наметить направления изучения наследия и судьбы ученого.

Жизненный путь и тюркологическая деятельность Н.Ф.Катанова не исследованы на фоне развития тюркологической науки и кардинальных общественных перемен в России. Еще в меньшей степени мы представляем формирование и развитие научной концепции тюрколога в 80-х гг. XIX в. — первых двух десятилетиях XX в.

Академик В.А. Гордлевский в своей речи «Памяти Н.Ф.Катанова» от 11 июня 1922 г. на заседании Восточной комиссии Московского археологического общества говорил: «Историк востоковедения сумеет оценить труд долгий и бескорыстный, внесший обильный доброкачественный материал по языкам, до Катанова мало обследованным»¹¹.

В настоящей статье мы хотим затронуть тему историко-этнографического вклада Н.Ф.Катанова в российскую тюркологию и оценки его как одного из выдающихся основоположников, стоявших у истоков современных национальных тюркологических школ России, в том числе российской этнографии тюркских народов Евразии.

В летописи истории российской этнографии рубежа XIX–XX вв. Николай Федорович Катанов занял важное место. Уже в юношеские годы он проявлял научный интерес к языку, быту, облику и нравам сородичей. На протяжении 1884–1922 гг. он формируется и становится ведущим ученым в области этнографии и фольклористики тюркских народов Евразии. На протяжении основных периодов историко-этнографического изучения тюркских народов Н.Ф.Катанов свою научную работу соизмерял с конкретным исследовательским вкладом предшественников.

Историко-этнографические заслуги Катанова со студенческих лет в Петербурге (1884-1888), периодов экспедиции в Южной Сибири и Восточном Туркестане (1889-1892) и преподавательской работы в Казани (1894-1922) будут связаны с комплексным исследованием языков, традиционных и новых форм экономической и социальной жизни, быта, фольклора и духовной жизни тюркских народов Саяно-Алтая, Синьцзяня, Поволжья и Приуралья. Он оказал огромное влияние на развитие отечественной тюркологической этнографии и фольклористики.

Эти основные жизненные этапы научно-исследовательской деятельности Катанова отражают традиционные направления и некоторые особенности его вклада в историко-этнографическую мысль России последней четверти XIX — начала XX вв. На протяжении этих лет ученым накапливался огромный обобщающий этнографический и фольклористический материал, имеющий теоретическое и методическое значение. С 1889 г., с первых полевых экспедиций в Сибири, началось накопление им достоверных фактических историко-этнографических материалов и формирование научно-методических принципов исследования тюркоязычных народов евразийского пространства. Во многом это определяется сохранением и углублением преемственности разнообразных зарубежных и отечественных историко-этнографических исследований и материалов XVII — начала XX вв., посвященных тюркским народам Евразии¹².

В целом его этнографические материалы представляются комплексным и энциклопедическим наследием о многих тюркских народах, проживающих в Российской и Цинской империях, — хакасах, тувинцах, уйгурах, казахах, киргизах, тофаларах, татарах, башкирах и т.д. Эти ценные материалы формировались по итогам полевых этнографических экспедиций и поездок. Они особенно ярко демонстрируют научное трудолюбие, скрупулезность

и высокий уровень исследовательской культуры Н.Ф.Катанова, о чем написано во многих историографических работах. Известный советский этнограф С.А.Токарев в своем историко-этнографическом обзоре алтайско-саянских народов писал: «Очень ценны работы хакасского ученого проф. Н.Ф.Катанова, его материалы филологического и этнографического характера, особенно записи фольклора»¹³. Также в советской историографии Сибири конца XIX в. — 1917 г. выделяется фундаментальное значение работ Катанова наравне с наследием В.В.Радлова, Д.Н.Анучина и А.Н.Пыпина¹⁴. Особенно отмечалась фольклорно-собираТЕЛЬСКАЯ деятельность Катанова.

Однако многие эти оценки не позволяют глубже представить направления и преемственность многогранной историко-этнографической работы Н.Ф.Катанова на протяжении многих десятилетий.

Необходимо особо выделить специальную статью этнографа С.И. Вайнштейна¹⁵. На основе изучения опубликованных и архивных материалов он осветил научное наследие Н.Ф.Катанова, посвященное «этнографии хакасов, тувинцев, тофаларов, сибирских татар, уйгуров, казахов, казанских татар». В статье дан анализ содержания и значения рукописи «Дневник путешествия» Николая Катанова в Урянхайский край (Туву) в 1889 г. По свидетельству С.И.Вайнштейна, «данная рукопись представляет большой интерес для характеристики этнографических исследований Катанова и для изучения этнографии Тувы конца XIX в. ...»¹⁶.

Современная оценка вклада одного из основоположников этнографии тюркских народов Евразии начала XX в. имеет огромное значение для исследования истории отечественной тюркологии, ее школ и традиций. Наследие Н.Ф.Катанова ярко отражает историко-научное развитие этнографии в дореволюционной России 1880—1917 гг. и в первые годы советской власти 1918—1922 гг.

В целом годы учебы в университете и научной экспедиции (1884–1892) стали исключительно значимыми для становления Катанова-этнографа-исследователя. Изучение тюркских языков народов Сибири и Восточного Туркестана, непосредственное знакомство с жизнью населения, сбор фольклорного материала — это его основные направления этнографических исследований. После фундаментальной востоковедческой подготовки в университете он во время своего научного путешествия на высоком методическом уровне изучал живую разговорную тюркскую речь и собирал разнообразный этнографический материал.

Необходимо вновь обратить внимание на многие интересные детали подготовки и осуществления его научной экспедиции, которые остались без внимания целого ряда исследователей.

После окончания университета Н.Ф.Катанов решил посвятить себя научно-педагогической работе. Период с 28 мая по 4 июля 1888 г. связан с основными решениями об оставлении его «при университете для дальнейшего усовершенствования в тюркских наречиях»¹⁷. Инициатива принадлежала самому выпускнику восточного факультета Николаю Катанову и его учителю профессору И.Н. Березину, который дал положительный отзыв о своем ученике. Решение совета факультета восточных языков и ходатайство ректора университета «об оставлении кандидата Н.Катанова при университете для приготовления к ученой степени» были поддержаны попечителем учебного округа и 4 июля 1888 г. было разрешено оставить Н.Ф.Катанова «при С.-Петербургском университете, по кафедре турецко-татарской словесности на два года с 1 июля с назначением ему...стипендии по 600 руб. в год»¹⁸.

Н.Ф.Катанову решением от 7 октября 1888 г. был выдан университетский диплом кандидата, который он получил 15 октября 1888 г. Этот его первый диплом свидетельствовал, что он прослушал курс наук по арабско-персидско-

турецко-татарскому разряду факультета восточных языков С.-Петербургского университета. Также были отмечены следующие познания: «В арабском языке, истории арабской литературы, персидскому языку, истории персидской литературы, турецко-татарскому языку, обозрении турецких племен, восточной нумизматике, османском языке, истории Востока, истории Персии, русской словесности, богословия, немецком языке — отличные и в русской истории — хорошо...»¹⁹. Диплом был подписан ректором университета, доктором философии М. Владиславлевым и деканом факультета В. Васильевым.

Биографы Н.Ф.Катанова справедливо отметили роль академика В.В.Радлова в изучении студентом Н.Катановым в 1885–1888 гг. общетюркской фонетики. Кроме того, по свидетельству профессора И.М.Покровского (1865–1941), «в студенческие годы на Н[иколая] Ф[едоровича] имел сильное влияние кружок Н.М.Ядринцева, известного сибирского публициста, общественного деятеля и путешественника-археолога»²⁰. Исключительную роль в формировании его научных взглядов и принципов в период учебы в университете сыграли Г. Н. Потанин и Э.Ю.Петри.

Профессор Казанского университета Н.Ф.Катанов в 1909 г., оценивая роль своих первых наставников, писал: «Н.М.Ядринцев вдохновлял меня к исследованию быта и истории инородцев, Г.Н.Потанин — к записям произведений народного творчества по строго определенной системе с целью выяснения общих мотивов и черт и заимствований, В.В.Радлов наставлял к точной записи произведений словесности с целью определения так сказать родства и свойства разных инородческих наречий и языков, а Э.Ю.Петри убеждал в необходимости предварительного изучения европейских авторов, писавших об инородцах»²¹.

Важным рубежом жизненного и профессионального пути Николая Катанова стало научное путешествие в

1889–1892 гг. в Южную Сибирь и Восточный Туркестан с целью изучения языков и этнографии тюркских народов, организованное и поддержанное Русским географическим обществом, Петербургской академией наук и Министерством народного просвещения.

Истоки организации данного путешествия связаны с обсуждением записки В.В. Радлова о перспективности «исследования остатков тюркских племен на крайнем Востоке» на заседании отделения этнографии императорского Русского географического общества 11 декабря 1887 г.²² под председательством В.И.Ламанского. На заседании было определено представить записку в совет общества. В этой записке В.В.Радлов дал высокую оценку студенту IV курса восточного факультета С.-Петербургского университета Н.Катанову. Он писал: «Он занимался со мною в течение 3-х лет и издал уже при Академии несколько статей, касающихся своего родного говора. Из слов профессоров его и из собственных наблюдений я убедился в его усердии, способностях, преданности к науке и знаниях его по избранным предметам, так что нельзя найти более подготовленного и более способного лица для исполнения вышеупомянутого предприятия»²³. Он также просил Совет общества выделить в смете 1888 г. 1000 руб., создать «комиссию для составления подробного плана» экспедиции, а также обещал «ходатайствовать об ассигновании г. Катанову субсидии из штатных сумм Императорской Академии наук».

В октябре–ноябре 1888 г. Н.Ф. Катанов принимает окончательное решение. Происходит согласование вопроса о его научном командировании «в Монголию и Сев.-Запад. Китай для этнографического и лингвистического исследования тюркских племен» между Санкт-Петербургским университетом и Русским географическим обществом.

Совет императорского Русского географического общества 11 ноября 1888 г. выдал документ сотруднику общества Н.Ф.Катанову, в котором от-

мечалось, что «имеет честь обратиться с усерднейшею просьбою ко всем тем лицам и учреждениям...оказывать ему возможное содействие и покровительство...»²⁴.

Указом Александра III от 22 декабря 1888 г. кандидат Н.Ф.Катанов был командирован на два года «за границу с ученой целью»²⁵.

Министерством внутренних дел от 8 декабря 1888 г. был подготовлен и вручен открытый лист Н.Ф.Катанову, командированному в Восточную и Западную Сибирь и Китай с научной целью. Официальный документ, который подписал граф Д.Толстой, предписывал «местам и лицам, подведомственным Министерству внутренних дел, оказывать предъявителю сего всякое законное содействие к исполнению возложенного на него поручения»²⁶.

На заседании совета факультета восточных языков от 28 января 1889 г. была утверждена «Инструкция для занятий командированного с ученою целью за границу кандидата Николая Катанова», составленная профессором И.Н.Березиным²⁷.

Н.Ф.Катанов во время своего научного путешествия в 1889–1892 гг. и после возвращения в Санкт-Петербург в декабре 1892 г. официально оставался при университете до ноября 1893 г. 9 ноября 1893 г. по докладу министра народного просвещения император назначил Н.Ф.Катанова «преподавателем восточных языков в Казанском университете»²⁸.

В связи с этой научной командировкой Николай Катанов направлял свои отчеты в Министерство народного просвещения. Одним из первых историко-этнографических отчетов Н.Ф. Катанова стали «Результаты путешествия в Урянхайскую землю», направленные в январе 1890 г. Министерством народного просвещения в университет. Факультетом восточных языков был подготовлен отзыв на этот научный отчет²⁹. В последующие годы Н.Ф.Катанов также направлял свои отчеты в министерство, на которые были подготовлены

соответствующие отзывы профессоров факультета восточных языков университета.

Впервые в марте 1890 г. факультет восточных языков университета ходатайствовал о продлении срока «оставления при университете для приготовления к профессорскому званию» кандидата Н. Ф. Катанова с 1 июля 1890 г. по 1 июля 1891 г. «с сохранением за ним получаемой им стипендии 600 руб. в год»³⁰. Декан факультета И.Н.Березин писал ректору университета: «Путешествие г. Катанова, судя по полученному императорским русским географическим обществом сборнику материалов, добытых нашим молодым исследователем, должно почитаться весьма успешным: он собрал статистические данные относительно посещенных им тюркских поколений, составил описания их обычаев, представил рисунки родовых клейм (тамга) и предметов домашнего обихода, сделал попытку к составлению урянхайского словаря (около 1150 слов); песни, загадки, сказки, пословицы, шаманские молитвы и причитания считаются в сборнике сотнями»³¹.

В марте 1892 г. вновь решался вопрос об оставлении Н. Ф. Катанова при университете еще на один срок — с 1 января 1892 г. по 1 января 1893 г. В связи с этим был подготовлен новый отзыв факультета попечителю учебного округа: «...Пребывание г. Катанова на Востоке продолжается и последние представленные им Географическому обществу отчеты свидетельствуют, что г. Катанов и в настоящую пору не менее плодотворно продолжает свои исследования. В виду этого, и полагая, что для пользы науки, такой ревностный молодой труженик не может быть оставлен без необходимых для него поддержки и руководства ученых специалистов...»³².

Эта экспедиция по значимости общегеографических, лингвистических и историко-этнографических материалов стоит в ряду известных путешествий в Среднюю Азию, Монголию, Сибирь и

Восточный Туркестан, осуществленных во второй половине XIX — начале XX вв. Как известно, среди участников этих масштабных по научной и культурной значимости экспедиций были Ч.Ч.Валиханов, Г.Н.Потанин, Н.М.Пржевальский, братья Г.Е. и М.Е. Грумм-Гржимайло, В.И.Роборовский, В.В.Радлов, П.И.Лерх, В.А.Обручев, П.К.Козлов, Г.Н.Цыбиков, Н.И.Веселовский, В.В.Бартольд, В.А.Жуковский, К.Г.Залеман и другие³³. В период своего путешествия и в дальнейшем Н.Ф. Катанов постоянно обращался к этим и другим опубликованным материалам, посвященным географии, истории, этнографии и культуре народов Центральной Азии.

В декабре 1888 г. Николай Катанов выехал из Санкт-Петербурга в Сибирь. 19 января 1889 г. он прибыл в Красноярск, позднее — в Минусинск и Аскыз.

Первая его экспедиция была совершена в Урянхайский край (Тува). Из г. Минусинска он выехал 7 марта 1889 г. Подробный маршрут своего путешествия «с целью исследования быта и языка Урянхайцев» Н.Ф.Катанов описал в своем письме В.В. Радлову³⁴. Основными пунктами своих экспедиционных разъездов он избрал 14 торговых заведений русских купцов, расположенных в бассейне рек Турана, Улуг-кема и Бомкемчика. Всего во время путешествия было пройдено около 700 верст³⁵. В этот период были собраны тувинские песни, загадки, сказки, поверья и шаманские молитвы.

Из поездки по территории Центральной и Западной Тувы он вернулся в Аскыз 27 августа 1889 г. В своем письме В.В.Радлову от 15 сентября 1889 г. Н.Ф.Катанов писал: «Дневник путешествия, со включением в него сказок, песен, загадок и шаманских молитв, со включением также описания обычаев Урянхайского народа и рисунков клейм родовых (тамги) и рисунков на предметах домашнего обихода имею представить в скором времени для напечатания Императорскому Русскому Географическому обществу»³⁶.

Основным итогом комплексных исследований Тувы стала неопубликованная рукопись Н.Ф.Катанова «Очерки Урянхайской земли»³⁷, которая имеет неопределимое значение в истории этнографии Тувы.

После этой экспедиции, находясь в Аскызе и Минусинске в сентябре — декабре 1889 г., Н.Ф.Катанов занимался перепиской и переводами собранных тувинских текстов. Кроме того, он записывал сказки (нымак), песни (такпак) и загадки (тапчан нымак) «минусинских татар» — хакасов³⁸.

Определяя итоги и новые задачи дальнейшей работы, Н.Ф.Катанов писал своему наставнику В. В. Радлову 26 декабря 1889 г. из Аскыза: «Недели через три я выеду для исследования карагасов, обитающих в Каннской и Нижнеудинской тайгах; в настоящее время я собрал богатый материал по части наречий и обычаев абаканских татар (сагайцев, качинцев и бельтиров)»³⁹.

Следующая этнографическая экспедиция в Восточные Саяны была предпринята в январе — феврале 1890 г. и посвящена полевому лингвистическому и этнографическому исследованию карагасов (тофаларов). Основной путь пролегал через Каннский округ (верховья р. Агул) в направлении г. Нижнеудинска⁴⁰.

Из верховьев р. Бирюсы Нижнеудинского округа в письме В.В.Радлову от 18 февраля 1890 г. Н.Ф.Катанов сообщал о проделанной работе: «Записал уже многое; между прочим: названия костей карагасских; названия 12 месяцев года; названия рек и речек; названия деревьев; предания о происхождении 5 карагасских костей; обычаи племени: при рождении, женитьбе и похоронах, обряд посвящения горному и водяному духу коней и оленей; о жизни шаманов; о количестве племени Карагасов и количестве содержимых ими оленей и проч.»⁴¹. Итоги этого периода экспедиции были опубликованы в статье Н.Ф. Катанова «Поездка к карагасам в 1890 году»⁴².

Весна 1890 г. — февраль 1891 г. были связаны с проживанием в Аскызе и Ми-

нусинске и с интенсивной работой по обработке разнообразных материалов, собранных Катановым в предшествующие периоды экспедиций.

Кроме того, летом 1890 г. Н.Ф. Катанов посетил восемь китайских центров (Хотан, Кашгар, Ак-су, Кучар, Каракаш, Бая, Логучен и Старый Турфан), где знакомился с языком тюркского населения Восточного Туркестана. Оригинальные оценки были сделаны по итогам этой поездки: «Наречия тюркских обитателей этих городов в фонетическом отношении почти все сходны. Разница заключается лишь в большем или меньшем количестве китайских и монгольских слов» и ряде других значимых языковедческих выводов о тюркских языках Восточного Туркестана⁴³.

Также сохранился «Дневник путешествия» 1890 г., где представлены материалы поездки Н.Ф. Катанова в «Дзунгарию и северную часть Восточного Туркестана»⁴⁴. Как отмечал путешественник, ему «не удалось в эту поездку добраться до г. Хами, где можно было бы собрать интересные научные сведения как об языке, так и об обычаях обитателей Хамийского оазиса, неисследованных до настоящего времени ни одним специалистом. Кроме ограниченности средств, препятствием поездки в этот интересный оазис служило задержание нас в г. Урумчи китайскими властями, обещавшимися пропустить меня и двух моих спутников не иначе, как по получении из Пекина разрешения»⁴⁵.

В следующий период путешествия с февраля по ноябрь 1891 г. в центре полевых исследований Н. Ф. Катанова находились тюркоязычные народы (уйгуры, казахи и другие этносы) Восточного Семиречья (Тарбагатай). Наиболее важным итогом экспедиций 1890-1891 гг. стал сбор огромного массива фольклорных материалов: «исторические рассказы о войнах в Вост. Туркестане, песни, распеваемые в главные мусульманские праздники, песни эротические, толкования снов, загадки и пословицы», а также изучение «языка Казак-кир-

гизов, состоящих в ведении Тарбагатайского хейбей-амбана, живущего... в г. Дурбульджине»⁴⁶. Оригинальные тюркские тексты, собранные во время экспедиции, записывались и впоследствии публиковались Н. Ф. Катановым в принятой академической транскрипции этого периода. Н.Ф.Катанов оставался последователем этой академической традиции: тюркоязычные тексты, термины, названия, имена он записывал максимально приближенными к тексту или народному звучанию. В 1906 г. в связи с публикацией оригинального таранчинского текста песен, собранных Н. Н. Пантусовым в 1899-1900 гг. в г. Яркенте (Джаркент) Семиреченской области и присланных Н.Ф. Катанову в 1904 г., писал: «Для облегчения чтения текстов я снабдил их русской научной транскрипцией, принятой в тюркских изданиях нашей Академии Наук»⁴⁷.

Местом своего пребывания между поездками Н.Ф.Катанов избрал укрепление Бахты Семиреченской области. Именно отсюда он направил прошение на имя ректора университета (от 11 февраля 1891 г.) о дозволении вступить в законный брак с А.И. Тихоновой и получил ответ ректора университета от 15 марта 1891 г. о том, «что вступление его в законный брак препятствий... не встречается»⁴⁸. Бракосочетание Н.Ф. Катанова с А.И.Тихоновой состоялось 14 октября 1892 г. в Аскызской Петропавловской церкви⁴⁹.

Обобщенные материалы экспедиции, собранные в восточных районах Семиреченской области и г. Чугучаке с 24 февраля по 19 октября 1891 г., изложены Н. Катановым в отчете, направленном Русскому географическому обществу⁵⁰.

С 13 мая по 7 ноября 1891 г. Н.Ф. Катанов также жил в г. Чугучак (Китай) с тем, чтобы «подготовиться к путешествию по Китаю»⁵¹. Отсюда он писал В.В.Радлову: «Подготовка моя заключалась в том, что я нашел, при помощи русских подданных, живущих в Чугучаке, несколько китайских татар из горо-

дов Турфана, Логучена, Аксу, Кучара и Кашгара, записываю с их уст памятники народной литературы и таким образом совершенствуюсь в изучении татарского языка, с которым придется мне иметь дело во время поездки в Хами и Турфан»⁵². Именно в г. Чугучак в октябре 1891 г. Н. Катанов переписал тюркский текст литографированной китайской книги «Ли» (Закон). В 1902 г. этот текст был издан при поддержке В.Р.Розена в «Записках Восточного отделения Русского археологического общества»⁵³.

Наиболее протяженными по времени и значимыми по итогам научной экспедиции стали комплексные исследования основных тюркских этносов Синьцзяня.

8 ноября 1891 г. Н.Ф.Катанов «покинул г. Чугучак и через гг. Дурбульджин, Кур-Кара-Усу, Манас, Урумчи, Гучен и хребет Тянь- Шань (перевал Гоу-чен-дабан) проехал в г. Хами, где прожил вплоть до 7 марта 92 г.»⁵⁴.

Эта последняя экспедиция была проведена с ноября 1891 г. по март 1892 г. в Хамийском оазисе и завершилась в марте – мае 1892 г. в Турфане. Специальный паспорт на китайском, русском и маньчжурском языках для продвижения в Хами и Турфан был получен в октябре 1891 г. при содействии консула в г. Чугучак М.П. Шишмарева и консула в г. Кульдже В.М. Успенского.

По свидетельству самого путешественника, «в давно желанный город Хами» он проехал по маршруту «Чугучак – Кара Усу – Урумчи – Гучень – хребет Тяньшань – пикет Янь-цзы». «Здесь я намерен пробыть 1,5-2 месяца, – писал из г. Хами Н.Ф.Катанов в письме от 8 января 1892 г. В.В.Радлову, – и потом поеду в г. Логучен или Турфан, где пробуду около 1,5 месяца; далее 1,5 месяца пробуду среди илийских таранчей и оттуда поеду к верховьям р. Томи и Абакан для подробного исследования шаманизма качинцев, сагайцев, бельтиров и койбалов, и оттуда в С.-Петербург»⁵⁵. Н.Ф.Катанов пробыл в г. Хами до середины марта 1892 г.

Во второй половине марта 1892 г. «приехал на русской телеге из Хами через Пичань в Турфан»⁵⁶. В этом городе Восточного Туркестана Н.Ф.Катанова заинтересовала китайская система управления краем. О власти хамийского и логученского цзюнь-ваней (князя второй степени) он писал: «Оба вана сильно обирают своих подчиненных; крестьяне работают на них три недели и на себя одну. С посевов значительная часть отдается в собственность вана»⁵⁷.

Следующим центром пребывания Н.Ф.Катанова в Синьцзяне стал г. Кульджа, куда он прибыл в конце апреля 1892 г.

В целом на китайской территории Восточного Туркестана Н. Ф. Катанов находился 18 месяцев.

Н.Ф.Катанов закончил свое путешествие по китайскому Восточному Туркестану, прибыв в мае 1892 г. в г. Джаркент Семиреченской области. Он писал: «Путешествие по округам Тарбагатаю и Или и новой провинции Гань-су-синь-цзянь я закончил благополучно, собравши богатый этнографический и лингвистический материалы и большую коллекцию денежных знаков. Мною посещены следующие города северо-западного Китая: Чугучак (по китайски Бияр), Дурбульджин, Кур-Кара-Усу, Манасы, Чан-цзи (Санжи), Урумчи, Гучен, Хами, Пичан, Турфан, Джин-хо, Суйдун и Кульджа, и находящиеся близ них поселки и деревни. Исследованы мною быт и язык казак-киргизов и китайских татар»⁵⁸.

Завершающим этапом масштабного научного путешествия Н.Ф.Катанова стали июнь – декабрь 1892 г., когда он проживал в с. Аскыз и г. Минусинске. В основном Н.Ф.Катанов совершал поездки в Минусинском округе Енисейской губернии, изучая языки и этнографию тюркоязычных групп Минусинской котловины и предгорий Западных Саян – бельтиров, сагайцев, койбалов и качинцев. В центре внимания ученого оказался феномен шаманизма хакасов. Главным образом он записывал «шаманские рассказы и

молитвы бельтиров, каларов, сагайцев и качинцев»⁵⁹.

Следует особо отметить, что в целом во время путешествия 1889–1892 гг. в центре комплексного исследования Н.Ф.Катанова были «минусинские татары» – хакасы. Можно выделить три главных периода целевых полевых исследований языка и быта хакасов: сентябрь 1889 – январь 1890 гг.; апрель – июнь 1890 г. и июль – октябрь 1892 г. Он посетил основные географические зоны кочевьев сагайцев, качинцев, бельтиров, каргинцев – бассейны речек Таштыпу, Еси, Аскысу, Камышту, Уйбату, Ташебе, Бее и реки Абакан и составил уникальные записи об их расселении, верованиях, хозяйстве, административном управлении, этногенезе, миссионерской деятельности, памятниках народной литературы и т.д.⁶⁰ В одном из своих писем в Академию наук из г. Минусинска от 2 апреля 1890 г. Н.Ф.Катанов сообщал: «Теперь я занят переписыванием лингвистич[еских] материалов, собранных за время с октября 1889 г. по апрель 1890 года (у минус[инских] татар и карагасов). Всего накопилось око[ло] 3.000 стран[иц]»⁶¹.

По пути в Санкт-Петербург Н.Ф. Катанов будет писать своему учителю В.Р.Розену о своих основных итогах научного путешествия: «Четырехлетнее странствование мое по степям, горам и пустыням Азии было для меня весьма полезно: я окреп здоровьем, научился многому и видел много редкого. Бывали во время путешествия и такие минуты, когда проклинал себя за то, что выехал из Петербурга, но теперь все неприятное забыто, и, кажется, было бы излишнее съездить куда-н[ибудь] еще раз, хотя бы напр[имер] в Русский Туркестан. Материалов, не приведенных в порядок, везу с собою 1/4 пуда. По прибытии в Петербург (в конце этого месяца) займусь обработкою их, чтобы под свежими впечатлениями издать их как можно лучше»⁶².

Основные историко-этнографические материалы в ходе и по итогам научной экспедиции были опуб-

ликованы в известных и забытых работах Н.Ф.Катанова⁶³. В сентябре 1893 г. в своем предисловии к изданию В.В.Радлов, которому были адресованы письма кандидата С.-Петербургского университета Н.Ф.Катанова, отмечал, что в них «не мало сведений, новых и интересных для этнографии и тюркологии». Основоположник комплексных историко-этнографических и лингвистических экспедиций среди тюркских народов Сибири второй половины XIX в. В.В.Радлов обращал внимание читателя на то, что письма его ученика «представляют особый интерес потому, что описаны на местах исследований и под свежим впечатлением»⁶⁴. Именно его ученику было суждено продолжить комплексные тюркологические лингвистические, фольклористические и этнографические исследования в Центральной Азии.

Эти опубликованные письма Н.Ф.Катанов писал в Академию наук В.В.Радлову с 17 апреля 1889 г. по 12 ноября 1892 г. Они были написаны в ходе этнографической и лингвистической экспедиций из основных центров южной полосы Сибири и Восточного Туркестана.

Оригинальные этнографические материалы в письмах сообщались из с. Усинское (17 апреля 1889 г., Усинский округ, Енисейская губерния), с. Аскыз (15 сентября 1889 г., Минусинский округ, Енисейская губерния), г. Минусинска (14 ноября 1889 г., Енисейская губерния), верховьев р. Бирюсы (18 февраля 1890 г., Нижнеудинский округ), укрепления Бахты (23 февраля 1891 г., Семиреченская область), г. Чугучака (31 октября 1891 г., Восточный Туркестан, Китай), г. Хами (8 января 1892 г., 18 января 1892 г., Восточный Туркестан, Китай), г. Турфана (26 марта 1892 г., Восточный Туркестан, Китай), г. Кульджа (12 мая 1892 г., Восточный Туркестан, Китай), г. Джаркента (21 мая 1892 г., Семиреченская обл.), с. Усть-Есь (28 октября 1892 г., Минусинский округ, Енисейская губерния), г. Минусинска (12 ноября 1892 г., Ени-

сейская губерния). Именно в эти годы им была сформирована методика полевых этнографических и лингвистических исследований.

На протяжении 1889–1892 гг. Н.Ф.Катанов собирал и обобщал разнообразный этнографический материал о тюркских, самодийских и монгольских народах на огромных географических пространствах и в историко-этнографических областях Центральной Азии. В центре этнографического изучения были современные тюркоязычные народы Алтае-Саянского нагорья – хакасы, тувинцы, тофалары. Кроме того, были собраны этнографические материалы о тюрках Восточного Туркестана – уйгурах, казахах и киргизах.

После возвращения из путешествия в Санкт-Петербург в своем выступлении на общем собрании Русского географического общества (19 мая 1893 г.) Н.Катанов отмечал: «Не входя в подробное рассмотрение всего обширного и лингвистического материала, собранного мною за 4 года, я остановлюсь лишь на некоторых памятниках народного творчества тюркских племен Северной и Средней Азии, именно на таких памятниках, которые рисуют религиозные воззрения, быт и нравы названных племен и отношения их к соседним народам»⁶⁵. Материалы этого периода свидетельствуют, что объектами его историко-этнографического изучения стали малоисследованные тюркские этносы. Этот метод полевого этнографического изучения особенно проявился в докладе «Среди тюркских племен» (1893 г.). Оригинальный и комплексный лингвистический и историко-этнографический материал обобщался по следующим тюркским народам – урянхайцам (тувинцы), карагасам (тофалары), казак-киргизам (казахи), сартам (узбеки), китайским татарам (уйгуры и другие тюркские этносы Синьцзяня), минусинским татарам (хакасы). Эти и последующие историко-этнографические исследования позволяют оценивать Н.Ф.Катанова как сторонника эволюционистского

направления в отечественной этнографии.

Первые опубликованные сведения и материалы по истории и этнографии тюркских народов 1889–1893 гг. группируются по следующим направлениям: географические, административные, экономико-хозяйственные, лингвистические, фольклорные, культурно-исторические и религиозно-ведческие. Практически не встречаются антропологические сведения. В этот период Катанов олицетворяет тип фольклориста-этнографа, занимающегося «полевой» собирательской работой. Особенно в этот период видами его этнографической работы стали личные наблюдения, опрос местного населения и комплексный сбор разнообразных фольклорных текстов.

Основные направления этнографического изучения позволили путешественнику сформулировать выводы, что тюркские и другие этносы проявляли активное историко-культурное взаимодействие и взаимовлияние на пространствах Центральной Азии. Например, Н.Ф.Катанов отмечал, что верование урянхайцев «в дракона заимствовано через монголов у китайцев», а выделяя тюрков Восточного Туркестана как приверженцев суннитского ислама, он пишет, что «жизнь обитателей Хамийского оазиса не обошлась без влияния Китая, сказавшегося...на объяснениях некоторых явлений природы и обыденной жизни»⁶⁶. Такие оценки постоянно выделяются в историко-этнографических публикациях 1889-1893 гг. и более поздних работах Н.Ф.Катанова.

Историко-этнографические описания и обзоры Н.Ф.Катанова периода экспедиции составлялись под влиянием программных требований, сформулированных в 50-80-х гг. XIX в. отделением этнографии императорского Русского географического общества. Как известно, эти первые специальные этнографические программы ориентировали на комплексное изучение языка, домашнего быта, просвещения,

народных преданий и др. Эти принципы и требования легли в основу формирования и развития российской дореволюционной тюркской этнографии⁶⁷, а направление было представлено на всех этапах деятельности Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете, особенно в период, когда Н.Ф.Катанов возглавлял это научное сообщество⁶⁸.

На протяжении последующей научно-педагогической и общественной деятельности Катанов развивал научные основы и исследовательские направления этнографии тюркских народов России, сформировавшиеся в 1885–1893 гг.

Следующим важным этапом историко-этнографического изучения тюркских народов и этносов Н.Ф.Катановым стали 1894–1907 гг. Этот целостный период связан с началом его преподавательской и научной работы в Казанском университете. Символическим завершающим историко-научным событием является издание 9-го тома «Образцов народной литературы тюркских племен» в 1907 г. В.В.Радловым⁶⁹. Тексты, собранные и опубликованные Катановым, в этом фундаментальном издании несут в себе неопенимый этнографический материал. Как замечает автор в предисловии, он записал «возможно, большее количество материалов, как для лингвистики, так и этнографии»⁷⁰. В основном эти фольклорные тексты представляются Катанову оригинальным источником изучения материальной и духовной культуры современных тувинцев, хакасов и тофаларов. Материалы позволили в отечественной историографии тюркской этнографии конца XIX в. сделать вывод, что тюркские народы Евразии обладают разнообразной мифологией и разножанровым фольклором.

Первая вступительная лекция профессора императорского Казанского университета Н.Ф.Катанова «Этнографический обзор турецко-татарских племен» (29 января 1894 г.) стала значимым рубежом в биографии ученого-

тюрколога-этнографа и в развитии университетской традиции преподавания этнографии, первым университетским опытом изложения объекта, предмета и направления, зарождающейся дисциплины. Его новаторский вклад заключался в изложении оригинальной комплексной исследовательской программы в отечественной тюркологии и университетской этнографии тюркских народов на рубеже XIX–XX вв. В сфере его комплексного этнографического исследования тюркских народов — их языки, географические зоны расселения, религии, письменность, образ жизни, хозяйство, антропология, тюркские государства, а также источники и уровень сведений по этнографии, статистике, истории и языку тюрков.

Как известно, в период формирования кафедры географии и этнографии в 1884–1894 гг. в Казанском университете не сложилось учебно-методическое направление преподавания этнографии тюркских народов. Только с началом деятельности Общества археологии, истории и этнографии формируются и развиваются научные и просветительские направления комплексного исследования славянских, тюркских и финно-угорских народов Поволжья и Приуралья⁷¹.

В 1879 г. в программной речи председателя общества С.М.Шпилевского «О задачах деятельности казанского Общества археологии, истории и этнографии и возможном содействии обществу со стороны жителей местного края» было обращено внимание на то, что в связи с изучением народностей «не может быть какой-нибудь нетерпимости, враждебности или несправедливости к чужому». И далее было особо отмечено, что «свое и чужое мы должны судить по высшим общечеловеческим принципам»⁷².

В октябре 1891 г. на заседании член совета Общества И.Н.Смирнов отмечал, что «богатейший этнографический материал, который заключает в себе окружающая нас жизнь, только починает»⁷³.

В 1892 г. программа исследовательских публикаций по этнографии народов России «Известий Общества археологии, истории и этнографии» включала следующие группы — «история народности, внешний быт, семейные и общественные отношения, культ усопших, верования и религиозные обряды и произведения народного творчества»⁷⁴. С этого времени «Известия» общества придавали важное значение «группе этнографических фактов, которая имеет значение для этнографа как материал для выводов, входящих в область общей этнографии...».

В Казани Н.Ф.Катанов развил классическую университетскую традицию тюркологических и в особенности комплексных историко-этнографических и фольклористических исследований тюркских народов Евразии. К началу преподавательской деятельности в Казанском университете им был собран огромный лингвистический, фольклорный и этнографический материал. Особо также следует выделить значимость фольклорных и этнографических материалов, собранных Н.Ф.Катановым во время новых научных экспедиций в период работы в Казанском университете.

В период 15 мая — 1 сентября 1896 г. он совершил лингвистически-этнографическую поездку в Минусинский округ Енисейской губернии⁷⁵. Им был собран оригинальный этнографический материал, посвященный тюркским народам региона, — «О свадьбах у белтирского племени, 28 июня 1896 года», «О костях (коленах) у племен Сагай и Койбал, 2 июля 1896 года», «Родины и наречение имени у койбальского племени, 11 июля 1896 года», «О погребальных обрядах у койбальского племени, 11 июля 1896 года», «О приметах и поверьях у койбальского племени, 11 июля 1896 года», «О свадебных обрядах у койбальского племени, 12 июля 1896 года», «О свадебных обрядах у качинского племени, 12 июля 1896 года», «О погребальных обрядах у качинского племени, 12 июля 1896 года» и т.д.

Интересные этнографические зарисовки о башкирах, татарах и татарах-кряшенах были подготовлены профессором Казанского университета в ходе поездок, совершенных с 1 июня по 20 августа 1897 г. в Белебеевский и Мензелинский уезды Уфимской губернии, а также с 20 мая по 20 августа 1898 г. в Белебеевский уезд Уфимской губернии⁷⁶. «В лето 1897 года я собрал более всего песен и стихотворений и менее всего сказок у крещеных татар, тептярей и отатарившихся башкир, — писал Н.Ф.Катанов, — в лето 1898 года, кроме песен, я занимался собиранием сказок, пословиц, заговоров против разных болезней, загадок, стихотворений исторического и бытового характера, народных примет и толкований слов; кроме того я собирал и собственные имена. Все эти материалы я собирал как с целью изучения быта и верований уфимских инородцев, говорящих ныне по-тюркски, так и с целью, главным образом, изучения языка их»⁷⁷.

По итогам следующей научной поездки в Минусинский уезд Енисейской губернии летом 1899 г. был изучен архив Аскысской инородной управы, записаны в академической транскрипции тексты народной литературы сагайцев и описаны археологические памятники и предметы быта тюрков родного края⁷⁸.

Направлением научной работы ученого стали публикация и введение в научный оборот многих разнообразных материалов по истории и культуре тюркских народов Сибири, Восточного Туркестана, Поволжья и Приуралья. На протяжении 1894–1911 гг. он опубликовал более 170 работ, посвященных языку, литературе, истории, археологии, этнографии тюркских народов. Тюркологические историко-этнографические материалы заняли важное место в наследии профессора Казанского университета и в истории отечественной тюркологии.

Первыми знаменательными этнографическими публикациями Н.Ф. Катанова в этот период являются статьи «О погребальных обрядах у тюркских

племен с древнейших времен до наших дней»⁷⁹ и «О свадебных обрядах татар Восточного Туркестана»⁸⁰.

В первой публикации он обобщил погребальные обряды тюркских народов, записанные им в 1889–1892 гг. в ходе экспедиции в «Сибири, Монголии, Китайском Туркестане и округе Тарбагатай», — «бельтиров, сагайцев, карагинцев, карагасов, урянхайцев, китайских казак-киргизов, восточных и западных китайских татар, лобнорских татар». Особенно проявился сравнительно-этнографический метод освещения тюркских погребальных обрядов. «Обычай класть в гроб покойника запас пищи, — пишет Катанов, — и другие предметы существует теперь как у тюркских племен, так и у многих других народов Урало-Алтайской семьи: у черемисов, мордвы, вотяков, пермяков, вогулов, мешеряков, тептярей-язычников, чувашей, лопарей, остяков, якутов, тунгусов, коряков, гиляков и др.»⁸¹. Кроме своих личных наблюдений и описаний, Катанов привлек китайские и европейские источники, а также современную отечественную этнографическую литературу. «Ворование, что загробная жизнь, — обобщает Катанов, — есть продолжение настоящей, было присуще не только тюркским, маньчжурским и монгольским племенам, когда они были шаманистами, но и корейским племенам, по крайней мере это видно из китайских летописей...»⁸².

Во второй статье также изложены результаты путешествия в Восточный Туркестан в 1890–1892 гг. Определяя актуальность этих материалов, Н.Ф.Катанов отмечает, что «Восточный или Китайский Туркестан известен в Европе более в естественно-историческом отношении, нежели в этнографическом»⁸³. Этнографом был представлен оригинальный материал о тюркских свадьбах в селах и городах Восточного Туркестана: с. Токсун (около г. Турфан), г. Турфан, с. Кара-Тобе (около г. Хами) и г. Хами. В целом историко-этнографические работы Катанова свидетельствуют не только об этапе

накопления фактического материала. Они показывают определенный этап формирования основных принципов и проблем теоретического обобщения этнографии тюркских народов.

Разнообразные этнографические сведения о тюркских народах (хозяйственные, имущественные, родоплеменные и семейные отношения, расселение тюркских родов, административное устройство, хозяйство, жилище, одежда, быт, пища, верования, фольклор, народное искусство и т.д.) давали интересный обобщенный фактический материал. Прежде всего Катанов обобщал этнографические материалы исходя из научно-исследовательских задач. При этом данная исследовательская работа не представляется простым описанием и собиранием этнографических фактов⁸⁴.

В целом оригинальные статьи и материалы по различным видам этнографии тюрков позволяют выделить сформировавшуюся историко-культурную и этнографическую концепцию Н.Ф.Катанова на рубеже XIX–XX вв. Концепция сформировалась под влиянием российской общественно-политической идеологии, уровня этнографических знаний и социальной среды конца XIX – начала XX вв.

В основе этой концепции: идея единства и своеобразия истории и культуры различных тюркских народов; целенаправленное и последовательное изучение традиционной культуры и мировоззрения тюрков; упорная борьба с общественным «мнением, что инородцы обречены на вымирание»; «влияние русского населения на татар, на их язык, быт, хозяйство» и др. Также катановская концепция включает систему понятий, принципов и методов формирующейся отечественной научной этнографии тюркских народов.

Исследования Н.Ф.Катанова и его коллег, с которыми он активно сотрудничал (Н.Н.Пантусов, Каюм Насыри, Г.Н.Потанин, В.А.Мошков, А.А.Диваев и др.) в 90-х гг. XIX – начале XX вв., отразились в публикациях оригинальных

тюркоязычных текстов и их переводов на русский язык, а также в целом исследованию тюркских рукописей⁸⁵. Эти тексты издавались, прежде всего, с историко-этнографической целью и исследовательскими комментариями. Во многом оригинальные тексты и переводы отвечали основным научным требованиям.

В этом отношении символичен комментарий Н.Ф.Катанова в связи с изданием Каюмом Насыри (1825–1902) собранных татарских загадок, пословиц и песен. Отметим ряд катановских оценок: «Приведенные нашим собирателем загадки доказывают замечательное остроумие его народа. Из всех этих песен можно видеть, как образно и легко здешний татарский народ описывает радостное и грустное настроение своей души. В сборнике г. Насырова из пословиц не находим однако ни исторических, ни отражающих понятия народов о религии, а из песен ни обрядных, ни сохраняющих в себе следы верований. Несмотря на это наука должна довольствоваться и тем немногим, но интересным, что изредка попадает ей под руки»⁸⁶. Этот пласт фольклорных материалов во многом используется Катановым как значимый историко-этнографический источник.

Интересным материалом, осуществленным по инициативе Н.Ф.Катанова, стала публикация русских переводов азербайджанской, турецкой, хакасской и уйгурской версий сказок о трех братьях. Его внимание к этим тюркским текстам был продиктован следующим обстоятельством: «...4 тюркские сказки о 3 братьях-царевичах и 3 братьях-богатырях сходны в отдельных чертах со сказками других тюркских племен...»⁸⁷.

В целом фольклорно-этнографические материалы Катанова знакомили читателя с разнообразным миром тюркских народных обрядов, обычаев, песен, преданий и сказок. Особое внимание было уделено шаманским обрядам центральноазиатских тюрков.

Следующая значимая группа катановских материалов – это рецензиро-

вание, библиографическое описание разнообразных отечественных и зарубежных этнографических изданий и некрологи, посвященные российским этнографам в ряде периодических изданий⁸⁸. Это его направление исследований – свидетельство огромного внимания к различным этнографическим проблемам в отечественной и зарубежной этнографической литературе.

В центре внимания профессора университета разнообразные работы по этнографии тюркских, финно-угорских и славянских народов России. Интерес был обусловлен анализом и обобщением историко-этнографических материалов в опубликованных сочинениях отечественных и зарубежных современников. В этих рецензиях Катанова особенно заметны его этнографические идеи, методы и принципы. В 1896 г., рецензируя работу Н.П.Остроумова (1844–1930) «Сарты. Этнографические материалы» (1896), он писал: «Для знакомства с жизнью средне-азиатских тюркских обитателей книга Н.П.Остроумова послужит лучшим пособием, так как, во-первых, автор пишет как очевидец, знающий отлично туземную жизнь, а во-вторых, к сведениям, заимствуемым у других авторов, он относится строго критически, сопоставляя их с действительностью»⁸⁹. Необходимо обратить внимание читателей на то, что Н.П.Остроумов «в своей интересной и важной для этнографии книге» не публикует тексты стихов узбекского поэта Фирката. В двух рецензиях Н.Ф.Катанов оценивает значение работ Н.Н.Харузина – «Очерк истории развития жилища у финнов» (1895) и «История развития жилища у кочевых и полукочевых тюркских и монгольских народностей России» (1896)⁹⁰.

Исследовательские приемы и принципы были сформулированы Н.Ф.Катановым в 1895 г. в рецензии на работу А.А.Диваева «Этнографические материалы: сказки, басни, пословицы, приметы и былины туземного населения Сыр-Дарьинский области» (1895)⁹¹. Отмечая оригинальный материал о народных приметах народов Средней

Азии, Н.Ф.Катанов писал, что «автор принесет большую пользу этнографии, если свое глубокое знание языка и быта тюркских племен Средней Азии он приложит к делу составления сборника примет»⁹². Далее, выделяя перспективные направления этнографического изучения народов региона, писал: «Было-бы интересно знать шаг за шагом, как сватают у сартов невесту, как провожают ее к жениху и как празднуют свадьбу. Было-бы желательно знать: 1) как справляются свадьбы, похороны, наречение имени у богатых и бедных, 2) как справляются свадьбы у вдовых, и т.д.»⁹³.

В другой своей публикации Н.Ф. Катанов, рецензируя «Ежегодник Тобольского губернского музея» 1893–1895 гг., особо выделял, что музей «задался хорошими целями – давать не сухой перечень своих приобретений, а публиковать подробно также о быте и истории народов З[ападной] Сибири и о наиболее выдающихся событиях этого края». И также отмечал: «Было бы желательно, чтобы Тобольский музей в своем интересном «Ежегоднике» давал в будущем сведения и о тобольских татарах, об их быте, верованиях и пр.»⁹⁴.

В 1898 г. Н.Ф.Катанов дал критическую оценку этнографическим материалам, представленным в книге «Описание путешествия в Западный Китай» Г.Е.Грум-Гржимайло⁹⁵. Появление этой рецензии дало повод Г.Е.Грум-Гржимайло также высказать свои возражения на материал Н.Ф.Катанова в следующем, втором томе «Описания путешествия в Западный Китай» (1899)⁹⁶.

В данном случае интерес к рецензии Н.Ф.Катанова связан с тем, что этот материал позволяет вновь осветить его позицию как этнографа-исследователя. По замечанию рецензента: «...от такого путешественника, каким является Г.Е.Грум-Гржимайло, всякий ученый будет требовать и вправе требовать, чтобы виденные народы были описаны подробно и обстоятельно во всех решительно отношениях: и религиозном, и бытовом, и историческом, и языковом

и пр.»⁹⁷. Вновь в центре критики Катанова незнание языков исследуемых народов Центральной Азии российскими путешественниками XIX в. — Г.Е.Грум-Гржимайло, Н.М.Пржевальским (1839—1888), М.В.Певцовым (1876—1902), Б.Л.Громбчевским (1855—1905) и Г.Н.Потаниным (1835—1920). Пристальное внимание обращено на необходимость использования в исторических разделах, посвященных Джунгарии и Кашгарии, материалов «из рукописей или мало известных китайских или др. восточных книг». Оценивая значение иллюстраций, изготовленных фототипическим способом, Катанов пишет: «Однако предметы, необходимые в домашнем обиходе, не фотографированы вовсе, не фотографированы также рисунки вышивок и материй, которыми так славится Китайский Туркестан; не фотографированы и их занятия земледелием, садоводством, шелководством, ткачеством и пр.»⁹⁸. В целом рецензия Катанова отличается перспективными исследовательскими задачами. По его замыслу: «...следовало-бы исследовать...подробно и основательно и в отношении этнографическом, т.е. изучить специально быт, язык и верования народов Китая»⁹⁹.

Его активная библиографическая работа позволяла следить за разнообразными отечественными и зарубежными этнографическими материалами, а также критически оценивать их.

В основном эти материалы показывают, что Катанов бы приверженцем классического этнографического правила — знания языка изучаемого народа. Другим важным исследовательским принципом становится использование Катановым сравнительного этнографического материала тюркских, финно-угорских и славянских народов. Кроме того, историко-этнографические и фольклористические работы профессора Казанского университета основывались на оригинальном полевом, текстологическом и музейном материале автора и его предшественников. Фольклор, этнография и лингвистика органично были связаны в творческой биографии Н.Ф.Катанова.

В целом, оценивая наследие Н.Ф.Катанова, надо особо выделить его определяющее влияние на формирование историко-этнографических коллекций в ряде музеев России — комплектовании и изучении коллекций предметов материальной и духовной культуры народов Евразии¹⁰⁰.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: *Гордлевский В.А.* Памяти Н.Ф.Катанова. 1862—1922 // *Новый Восток*. — 1922. — Кн. 1; *Самойлович А.* Памяти Н.Ф.Катанова // *Восток*. — 1922. — Кн. 1; *Малов С.Е.* Н.Ф.Катанов, проф. Казанского университета (1862—1922 гг.). К 95-летию со дня рождения // *Вестник Академии наук Казахской ССР*. — 1958. — № 5(158); *Николай Федорович Катанов: Материалы и сообщения*. Абакан, 1958; *Материалы и сообщения. К 100-летию со дня рождения Н.Ф.Катанова (1862—1962) // Ученые записки Тувинского НИИЯЛИ*. — Кызыл, 1963. Вып. X. — С. 211—235; *Исхаков Г.И.* Тюркологическая деятельность профессора Казанского университета Николая Федоровича Катанова (1862—1922 гг.) // *Проблемы тюркологии и истории востоковедения*. — Казань, 1964; *Материалы научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения профессора Н.Ф.Катанова // Ученые записки Хакасск. НИИЯЛИ*. — 1964. — Вып. X. — С. 68—159; *Иванов С.Н.* Николай Федорович Катанов (Очерк жизни и деятельности). — Изд. 2-е. — М., 1973; *Каримуллин А.Н.* Н.Ф.Катанов — библиограф и книговед // *Книги и люди: Исследование*. — Казань, 1985; *Кокова И.Ф.* Н.Ф.Катанов: Документально-публицистическое эссе. — Абакан, 1993; *Катановские чтения*. Сб. статей. — Казань, 1998; *Катанов Н.Ф.* Избранные научные труды. Тексты хакасского фольклора и этнографии (Предисл., составл., подг. статей и текстов, пер. В.Е.Майногашевой, подбор научных статей В.Н. Тугужековой). — Абакан: Хакасское кн. изд-во, 2000. — С. 355—544; *Научное наследие Н.Ф.Катанова и современное востоковедение. Материалы Международной научной конференции, посвященной 140-летию со дня рождения Н.Ф.Катанова*. —

Абакан: Изд-во Хакасского гос. университета им. Н.Ф.Катанова, 2003. — 272 с.; Наследие Н.Ф.Катанова: история и культура тюркских народов Евразии: Доклады и сообщения международного научного семинара. 30 июня — 1 июля 2005 г. — Казань, 2006, и др.

² См.: *Гордлевский В.А.* Памяти Н.Ф.Катанова. 1862–1922 // Новый Восток. — 1922. — Кн. 1. — С. 448–451; *Гаффаров Ахад.* Николай Федорович Катанов (к годовщине со дня смерти) // Магариф. — 1923. — № 3–4. — С. 71–75; *Самойлович А.Н.* Памяти Н.Ф.Катанова // Восток. — 1922. — Кн. 1. — С. 104–105; *Самойлович А.Н.* Проф. Н.Ф.Катанов — первый ученый из абаканских турков // Жизнь Бурятии. — 1924. — № 6. — С. 107–113; *Покровский Н.М.* Памяти профессора Н.Ф.Катанова // Известия Общества археологии, истории и этнографии. — 1923. — Т. XXXII. — Вып. 2. — С. 245–259; *Харламович К.В.* Проф. Н.Ф.Катанов // Казанский музейный вестник. — 1926. — № 1–2. — С. 87–95 и др.

³ *Гордлевский В.А.* Памяти Н.Ф.Катанова. 1862–1922 // Новый Восток. — 1922. — Кн. 5. — С. 451.

⁴ *Самойлович А.* Памяти Н.Ф.Катанова // Восток. — 1922. — Кн 1. — С. 105.

⁵ См.: *Благова Г.Ф.* О двух тюркологических школах в России 60-х годов XIX — начала XX века // Восток в исторических судьбах народов России. Кн. 2. Тезисы докладов V Всероссийского съезда востоковедов 26–27 сентября 2006 года. — Уфа, 2006. — С. 34–37.

⁶ А.И.Катанова в письме от 7 декабря 1926 г. С.Е.Малову писала, что летом 1926 г. в Казани доктору Феттиху, уполномоченному Берлинской научной организации, были показаны рукописи Н.Ф.Катанова. Из них «...он взял 1) Поездка в Семиречье и Тарбагатай, тексты ч. 1 и П. 2) Переводы ч. 1 и П и сколько помню 3) Путешествие по Дзунгарии, Сибири и Туркестану, 520 листов». См.: Санкт-Петербургский филиал Архива РАН, Ф.1079, оп. 3, л. 121, л. 2. (Далее — СПб. ФА РАН).

⁷ См.: Советское востоковедение. — 1941. — Т. 2. — С. 305–306; Известия АН СССР. Отд. литературы и языка. — 1951. — Т. X. — Вып. 2. — С. 206.

⁸ *Малов С.Е.* Н.Ф.Катанов, проф. Казанского университета (1862–1922 гг.) // Вестник Академии наук Казахской ССР. — 1958. — № 5. — С. 93.

⁹ См.: *Малов С.Е.* Н.Ф.Катанов, проф. Казанского университета (1862–1922 гг.). К 95-летию со дня рождения // Вестник Академии наук Казахской ССР. — 1958. — № 5(158). — С. 88–94; Николай Федорович Катанов: Материалы и сообщения. Абакан, 1958. — 215 с.; *Катанов Н.Ф.* Хакасский фольклор (Из книги «Образцы народной литературы тюркских племен» Т. IX. — СПб., 1907). — Абакан, 1963; Материалы и сообщения. К 100-летию со дня рождения Н.Ф.Катанова (1862–1962) // Ученые записки Тувинского НИИЯЛИ. — Кызыл, 1963. — Вып. X. — С. 211–235; Материалы научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения профессора Н.Ф.Катанова // Ученые записки Хакасск. НИИЯЛИ. — 1964. Вып. X. — С. 69–149; *Иванов С.Н.* Николай Федорович Катанов (1862–1922). Очерк жизни и деятельности. — М.—Л., 1962. — 107 с.; *Иванов С.Н.* Николай Федорович Катанов (Очерк жизни и деятельности). — Изд. 2-е. — М., 1973 и др.

¹⁰ См.: *Халикова Р.Х., Шакурова Р.З.* Еще одна страница из научного наследия Н.Ф. Катанова // Советская тюркология. — 1981. — № 3. — С. 36–38; *Татаринцев Б.И.* О научном наследии Н.Ф.Катанова и его месте в тюркской и тувинской филологии // Вопросы тувинской филологии. — Кызыл, 1983. — С. 101–109; *Каримуллин А. Н.Ф.* Катанов — библиограф и книговед // Книги и люди: Исследование. — Казань, 1985. — С. 220–243; *Кокова И.Ф.* Н.Ф.Катанов: Документально-публицистическое эссе. — Абакан, 1993; *Катанов Н.Ф.* Толкования снов, благословения, загадки, пословицы, поговорки. Составители Г.Казачинова, В. Татарова. — Абакан, 1997. — 56 с.; *Катанов Н.Ф.* Свадебный обряд. Составители Г.Г. Казачинова, В.К. Татарова, В.В. Чезыбаева, Н.М. Дувакина. — Абакан, 1997. — 36 с. Катановские чтения. Сб. статей. — Казань, 1998; *Катанов Н.Ф.* Избранные научные труды. Тексты хакасского фольклора и этнографии (Предисл., составл., подг. статей и текстов, пер. В.Е.Майногашевой, подбор научных статей В.Н. Тугужековой). — Абакан, 2000. — С. 355–544; Николай Федорович Катанов. Автобиография и библиография. Составитель И.Л.Кызласов. Изд. 2-е, доп. — Москва—Абакан, 2001. — 71 с.; *Osman F. Sertkaya, Risbek Alimov, Nikolay Fedorovic Katanov un Calismalari uzerine bir Bibliyografya Denemesi.* — Istanbul, 2002. — 35; Научное наследие Н.Ф.Катанова и современное востоковедение. Материалы Международной научной конференции, посвященной 140-летию со дня рождения Н.Ф.Катанова. — Абакан: Изд-во Хакасского государственного университета им. Н.Ф.Катанова, 2003; Фольклор Саянских

тюрков XIX века. Из собрания Н.Ф.Катанова. В 2 тт. Т.1-2/ Сост., переводы, стихотв. перелож., лит. обраб., заключит. статья и коммент. А.В.Преловского. — М., 2003; Материалы научно-практической конференции «Возвращение наследия Николая Федоровича Катанова на родину» Сборник статей. — М., 2003. — 135 с.; Н.Ф. Катанов. Избранные труды о Хакасии и сопредельных территориях/ Сост. Угдыжеков С.А. —Абакан, 2004. — 260 с.; Николай Федорович Катанов. Письма. Сост. А.Н.Гладышевский. — Абакан, 2006. — 44 с.; Наследие Н.Ф.Катанова: история и культура тюркских народов Евразии: Доклады и сообщения международного научного семинара, 30 июня — 1 июля 2005 г. — Казань, 2006. — 296 с. и др.

¹¹ Гордлевский В.А. Памяти Н.Ф.Катанова (1862—1922) // Избранные сочинения. — Т.IV. — М., 1968. — С. 401.

¹² См.: Алексеев М.П. Сибирь в известиях западно-европейских путешественников и писателей. Введение, тексты и комментарии. — Т. 1. Ч. 2. — Иркутск, 1936; Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. 1. — М.-Л., 1950; Сухова Н.Г. Физико-географические исследования Восточной Сибири в 19 в. — М., 1964; Наумов В.Г. Русские географические исследования в Сибири в XIX в. — М., 1965; Мирзоев В.Г. Историография Сибири (домарксистский период). — М., 1970; Шейнфельд М.Б. Историография Сибири (конец XIX — начало XX вв.). — Красноярск, 1973; Ширина Д.А. Летопись экспедиций Академии наук на Северо-Восток Азии в дореволюционный период. — Новосибирск, 1983; Радлов В.В. Из Сибири: Страницы дневника. — М., 1989. — 749 с.; Миллер Г.Ф. Сибирь XVIII в. в путевых описаниях. — Новосибирск, 1996, и др.

¹³ Токарев С.А. Этнография народов СССР. Исторические основы быта и культуры. — М., 1958. — С. 430.

¹⁴ Шейнфельд М.Б. Историография Сибири (конец XIX — начало XX вв.). — Красноярск, 1973. — С. 16.

¹⁵ См.: Вайнштейн С.И. Этнографические исследования Н.Ф.Катанова у тувинцев и других тюркоязычных народов // Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. Вып. IV. — М., 1968. — С. 31—44.

¹⁶ Вайнштейн С.И. Этнографические исследования... — С.34.

¹⁷ См.: Российский государственный исторический архив Санкт-Петербурга (далее — РГИА СПб.). Ф. 14. Оп. 1. Д. 8933. Л. 1-5.

¹⁸ РГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 8933. Л.4.

¹⁹ См.: РГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 24321. Л.52-53.

²⁰ См.: Покровский И.М. Памяти проф. Н.Ф.Катанова // ИОАИЭ). — 1923. — Т. XXXII. — Вып. 2. — С. 247.

²¹ См.: Катанов Н.Ф. Предания присаянских племен о прежних делах и людях // Записки Русского географического общества. Сборник в честь семидесятилетия Григория Николаевича Потанина. — 1909. — Т. XXXIV. — С. 266.

²² См.: Известия императорского Русского географического общества. — Т. XXIV. — 1888. — С.-Пб., 1889. — С. 421—423.

²³ См.: Известия императорского Русского географического общества. — Т. XXIV. — 1888. — С.-Пб., 1889. — С. 469.

²⁴ НА РТ. Ф. 977. Оп. Совет. Д.8904. Л.12-12об.

²⁵ См.: Журнал Министерства народного просвещения. 1889. — Ч. 261. — Отд. 1. — С. 22; РГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 8933. Л.13; Куликова А.М. Востоковедение в российских законодательных актах (конец XVII в. — 1917 г.). — СПб., 1993. — С. 287.

²⁶ См.: НА РТ. Ф. 977. Оп. Совет. Д. 8904. Л.14.

²⁷ См.: РГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д.8933. Л. 15-16об.

²⁸ См.: РГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 8933. Л. 50.

²⁹ См.: РГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 8933. Л.23-23об.

³⁰ См.: РГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 8933. Л. 23-23об.

³¹ См.: РГИА СПб. Ф.14. Оп. 1. Д.8933. Л.23.

³² РГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 8933. Л. 40об.

³³ См.: Валиханов Чокан. Избранные произведения. — М., 1987; Потанин Г.Н. Очерки северо-западной Монголии: Результаты путешествия, исполненного в 1876—1877 гг. Вып. 1-4. — СПб., 1881—1883; Пржевальский Н.М. Путешествие в Уссурийском крае 1867—1869 гг. — СПб., 1870; Пржевальский Н.М. Из Зайсана через Хами и Тибет и на верховья

Желтой реки. — СПб., 1883; М., 1948; Памяти Николая Михайловича Пржевальского. (Ст. и речи). — СПб., 1890; *Роборовский В.И.* Путешествие в Восточный Тянь-шань и в Наньшань. — М., 1949; *Радлов В.В.* Образцы народной литературы тюркских песен, живущих в Южной Сибири и Джунгарской степи, собр. В.В. Радловым. Ч. 1-10. — СПб., 1866—1907; *Радлов В.В.* Сибирские древности. Т. 1-2. — СПб., 1888—1902; *Обручев В.А.* Краткий обзор экспедиций, снаряженных имп. Русским географическим обществом для исследования материка Азии с 1846 по 1896 // Известия восточно-сибирского отдела имп. Русского географического общества. — 1897. — Т. 27; *Козлов П.К.* Трехлетнее путешествие (1899—1901 гг.) по Монголии и Тибету. Экспедиция РГО. — СПб., 1913; *Козлов П.К.* Монголия и Амдо и мертвый город Хара-хото. 1907—1909: Экспедиция в Нагорной Азии. — М. — Пг., 1923 и др.

³⁴ Подробнее см.: Письма Н.Ф. Катанова из Сибири и Восточного Туркестана. Читано в заседании историко-филологического отделения 9-го января 1890 года. — СПб., 1893. — С. 7-8.

³⁵ См.: Письма Н.Ф. Катанова... — С. 8.

³⁶ См.: Письма Н.Ф. Катанова... — С. 10.

³⁷ См.: *Вайнштейн С.И.* Этнографические исследования Н.Ф. Катанова у тувинцев и других тюркоязычных народов // Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. — IV. — М., 1968. — С. 34; *Кужугет А.К.* Неопубликованный труд Н.Ф. Катанова «Очерки Урянхайской земли» // Наследие Н.Ф. Катанова: история и культура тюркских народов Евразии: Доклады и сообщения международного научного семинара, 30 июня — 1 июля 2005 г. — Казань, 2006. — С. 46—49.

³⁸ См.: Письма Н.Ф. Катанова... — С. 18.

³⁹ См.: Письма Н.Ф. Катанова... — С. 25.

⁴⁰ См.: Письма Н.Ф. Катанова... — С. 26.

⁴¹ См.: Письма Н. Ф. Катанова... — С. 26.

⁴² Подробнее см.: *Катанов Н.Ф.* Поездка к карагасам в 1890 году // Записки Русского географического общества. — 1891. — Т. XVI. — Вып. 2. — С. 133—230.

⁴³ См.: Письма Н.Ф. Катанова... — С. 95—107.

⁴⁴ См.: НА РТ. Ф. 969. Оп. 1. Д. 10. «Путешествие по Сибири, Дзунгарии и Восточному Туркестану. Дневник путешествия, совершенного по поручению императорского Русского географического общества в 1890 г.». 241 л.

⁴⁵ НА РТ. Ф. 969. Оп. 1. Д. 10. Л. 1.

⁴⁶ См.: Письма Н.Ф. Катанова... — С. 63.

⁴⁷ См.: Новые песни усекских таранчей, переселенцев из Илийского края. Таранчинский текст с русским переводом и примечаниями Н.Н. Пантусова и с предисловием и транскрипцией Н.Ф. Катанова // ИОАИЭ. — 1906. — Т. XXII. — Вып. 5. — С. 303.

⁴⁸ См.: РГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 8933. Л. 33—34.

⁴⁹ См.: НА РТ. Ф. 977. Оп. Совет. Д. 8904. Л. 7, 7об-8.

⁵⁰ См.: Отчеты канд. С.-Петербургского унив. г. Катанова, отправленного для этнографического исследования тюркских племен в Вост. Сибирь, Монголию и Сев. Китай // Живая старина. — 1892. — Вып. IV. — С. 111—122; 134—137.

⁵¹ См.: Письма Н. Ф. Катанова... — С. 62—63.

⁵² См.: Письма Н. Ф. Катанова... — С. 62—63.

⁵³ Подробнее см.: *Катанов Н.Ф.* Маньчжурско-китайский «ли» (закон) на наречии тюрков Китайского Туркестана // Записки Восточного отделения Русского археологического общества. 1902. — Т. XIV. — С. 31—75.

⁵⁴ *Катанов Н.Ф.* В императорское Русское географическое общество (отделение этнографии) // Живая старина. — 1892. — Вып. IV. — С. 135.

⁵⁵ Письма Н.Ф. Катанова... — С. 69.

⁵⁶ Письма Н.Ф. Катанова... — С. 73.

⁵⁷ Письма Н.Ф. Катанова... — С. 76.

⁵⁸ Письма Н.Ф. Катанова... — С. 81—82.

⁵⁹ Подробнее см.: Письма Н.Ф. Катанова... — С. 89—95.

⁶⁰ См.: Письма Н.Ф. Катанова... — С. 107—113.

⁶¹ СПб. филиал Архива РАН. Ф. 87. Оп. 3. Д. 175.

⁶² СПб. филиал Архива РАН. Ф. 777. Оп. 2. Д. 197. Л. 1об.

⁶³ Подроб. см.: *Катанов Н.Ф.* Бубен и колотушка шамана по описанию минусинских татар // *Известия Томского университета*. — 1890. — Кн. 2. — С. 237–239; *Катанов Н.Ф.* Поездка к карагасам в 1890 году // *Записки Русского географического общества*. — 1891. — Т. XVI. — Вып. 2. — С. 133–230; *Катанов Н.Ф.* Среди тюркских племен // *Известия Русского географического общества*. — 1893. — Т. XXIX. — С. 519–541; Отчет о поездке в Восточную Сибирь, Монголию и Северный Китай в 1890 и 1891 гг. // *Живая старина*. — 1892. — Вып. 4. — С. 111–122; Письма Н.Ф.Катанова из Сибири и Восточного Туркестана. — СПб., 1893.

⁶⁴ См.: Письма Н.Ф.Катанова из Сибири и Восточного Туркестана. Читан в заседании историко-филологического отделения 9-го января 1890 года. — СПб., 1893. — С.1.

⁶⁵ *Катанов Н.Ф.* Среди тюркских племен // *Известия Русского географического общества*. — 1893. — Т. XXIX. — С. 520.

⁶⁶ См.: *Катанов Н.Ф.* Среди тюркских племен // *Известия Русского географического общества*. — 1893. — Т. XXIX. — С. 522, 527.

⁶⁷ См.: *Оглезнева Т.Н.* Русское географическое общество: Изучение народов северо-востока Азии. 1845–1917 гг. — Новосибирск, 1994. — С. 21–23.

⁶⁸ Подроб. см.: *Смирнов И.Н.* Программа для собирания сведений об обрусении инородцев в России // *ИОАИЭ*. — 1892. — Т. X. — Вып. 5. — С. 548–551; Программа для собирания сведений о быте мордвы // *ИОАИЭ*. — 1892. — Т. X. — Вып. 6. — С. 658–660.

⁶⁹ См.: Наречия урянхайцев (сойотов), абаканских татар и карагасов. Тексты, собранные и переведенные Н.Ф.Катановым // *Радлов В.В.* Образцы народной литературы тюркских племен. Ч. IV. Т.1-2. — СПб., 1907.

⁷⁰ См.: Наречия урянхайцев... — С. III–IV.

⁷¹ См.: *Бусыгин Е.П., Зорин Н.В.* Этнография в Казанском университете. — Казань, 2002. — С. 16–53.

⁷² См.: *ИОАИЭ*. — 1884. — Т. III — С. 30.

⁷³ См.: *ИОАИЭ*. — 1891. — Т. IX. — Вып. 3. — С. 13.

⁷⁴ См.: *ИОАИЭ*. — 1892. — Т. X. — Вып. 1. — С. 2–3.

⁷⁵ См.: Ученые записки Казанского университета. — 1897. — Кн. 3. — С. ; Кн. 5-6. — С. 1–53.

⁷⁶ См.: Ученые записки Казанского университета. — 1898. — Кн. XI. — С. 1–37; Ученые записки Казанского университета. — 1900. — Кн. 7–8. — С. 1–30.

⁷⁷ Ученые записки Казанского университета. — 1900. — Кн. 7–8. — С. 3.

⁷⁸ См.: *Катанов Н.Ф.* Отчет о поездке в Минусинский уезд Енисейской губернии // *Ученые записки Казанского университета*. — 1901. — Кн. V–VI. — С. 1–58.

⁷⁹ См.: *ИОАИЭ*. — 1894. — Т. XII. — Вып. 2. — С. 109–142.

⁸⁰ См.: *ИОАИЭ*. — 1895. — Т. XII. — Вып. 5. — С. 409–434.

⁸¹ См.: *ИОАИЭ*. — 1894. — Т. XII. — Вып. 2. — С. 110.

⁸² См.: *ИОАИЭ*. — 1894. — Т. XII. — Вып. 2. — С. 114.

⁸³ См.: *ИОАИЭ*. — 1895. — Т. XII. — Вып. 5. — С. 409.

⁸⁴ Этнограф Вайнштейн С.И. обобщал: « Рассматривая этнографические работы Катанова и отмечая их большую ценность, следует все же сказать, что они носили в основном описательный характер...» // *Вайнштейн С.И.* Этнографические исследования... — С. 43.

⁸⁵ Подроб. см.: *Катанов Н.Ф.* Мусульманские легенды. Тексты и переводы // *Записки Академии наук*. — 1894. — Т. XXV. — С. 1–44; Сказания о семи эфесских отроках // *Записки восточного отделения. Русского археологического общества* (далее — ЗВОРАО). — 1894. — Т. VIII. — С. 223–245; Тюркские сказки о 3 братьях. Предисловие Н.Ф.Катанова. 1. Азербайджанская сказка. Т.А.Иваницкого. 2. Турецкая сказка. Н.Ф.Катанова. 3. Сагайская сказка. Н.Ф.Катанова. 4. Логученская сказка. Н.Ф.Катанова // *ИОАИЭ*. — 1895. — Т. XII. — Вып. 5. — С. 469–524; *Пантусов Н.Н.* Таранчинские песни (текст и перевод) // *ИОАИЭ*. — 1896. — Т. XIII. — Вып. 6. — С. 451–476; Катанов Н.Ф. Исторические песни казанских татар // *ИОАИЭ*. — 1899. — Т. XV. — Вып. 3. — С. 273–306; *Катанов Н.Ф.* Киргизская и казанско-татарская версии христианского сказания о 7 спящих отроках // *ИОАИЭ*. — 1905. — Т. XXI. — Вып. 4. — С. 382–388; *Мошков В.А.* Гагаузские тексты // *ИОАИЭ*. — 1895. — Т. XIII. — Вып. 2. — С. 70–83 и др.

⁸⁶ *Насыров А.К.* Образцы народной литературы казанских татар // *ИОАИЭ*. — 1896. — Т. XIII. — Вып. 5. — С. 375–376.

⁸⁷ См.: ИОАИЭ. – 1895. – Т. XII. – Вып. 5. – С. 480.

⁸⁸ Подроб. см.: ИОАИЭ. – 1895. – Т. XII. Вып. 5. – С. 525–539; ИОАИЭ. – 1895. – Т. XIII. – Вып. 2. – С. 84–87; ИОАИЭ. – 1895. – Т. XIII. – Вып. 3. – С. 229–233; ИОАИЭ. – 1896. – Т. XIII. – Вып. 6. – С. 552–560; Литература по археологии, истории и этнографии во второй половине 1899 г. // ИОАИЭ. – 1900. – Т. XVI. – Вып. 3. – С. 309–320; О новых финляндских изданиях, касающихся Поволжья. – Казанский телеграф. – 1901. – № 4. – С. 27–43; И.Н.Смирнов (некролог) // Журнал Министерства народного просвещения. – 1904. – № 9. – Отд. 4. – С. 32–39; О трудах И.Н.Смирнова по этнографии инородцев Восточной России // Ученые записки Казанского университета. – 1904. – Кн. 9. – С. 48–51; Памяти действительного члена Общества Александра Федоровича Можаровского (1846–1907) // ИОАИЭ. – 1907. – Т. XXIII. – Вып. 5. – С. 388–390; Памяти С.М.Шпилевского // ИОАИЭ. – 1907. – Т. XXIII. – Вып. 4. – С. 307–311 и др.

⁸⁹ См.: ИОАИЭ. – 1896. – Т. XIII. – Вып. 6. – С. 555.

⁹⁰ См.: ИОАИЭ. – 1896. – Т. XIII. – Вып. 6. – С. 557–558.

⁹¹ См.: ИОАИЭ. – 1896. – Т. XIII. – Вып. 6. – С. 84–87.

⁹² См.: ИОАИЭ. – 1896. – Т. XIII. – Вып. 6. – С. 86.

⁹³ См.: ИОАИЭ. – 1896. – Т. XIII. – Вып. 6. – С. 86–87.

⁹⁴ См.: ИОАИЭ. – 1896. – Т. XIII. – Вып. 6. – С. 233.

⁹⁵ См.: Ученые записки Казанского университета. – 1898. – Кн. IV. – С. 1–31.

⁹⁶ Подроб. см.: Грум-Гржимайло Г.Е. Описание путешествия в Западный Китай. – Т. II. – С.-Пб., 1899. – С. 386–400.

⁹⁷ См.: Ученые записки Казанского университета. – 1898. – Кн. IV. – С. 2.

⁹⁸ См.: Ученые записки Казанского университета. – 1898. – Кн. IV. – С. 4.

⁹⁹ См.: Ученые записки Казанского университета. – 1898. – Кн. IV. – С. 31.

¹⁰⁰ См.: Новые приобретения музея Общества археологии, истории и этнографии в 1895 г. // Известия Общества археологии, истории и этнографии (далее – ИОАИЭ). – 1895. – Т. XIII. – Вып. 3. – С. 234–243; Нумизматическая коллекция И.А.Износкова // ИОАИЭ. – 1896. – Т. XIII. – Вып. 4. – С. 290–315; Новые приобретения музея Общества археологии, истории и этнографии // ИОАИЭ. – 1898. – Т. XIV. – Вып. 4. – С. 429–433; Описание одного металлического зеркала с арабской надписью, принадлежащего Обществу археологии, истории и этнографии // ИОАИЭ. – 1898. – Т. XIV. – Вып. 6. – С. 662–664; Описание одного металлического зеркала с арабской надписью, принадлежащего Публичному музею г. Минусинска Енисейской губ., и несколько слов о металлических зеркалах, описанных другими // ИОАИЭ. – 1900. – Т. XVI. – Вып. 3. – С. 273–291; Восточные металлические зеркала Харьковской и Екатеринославской губерний // Труды Харьковского предварительного комитета по устройству XII археологического съезда. – 1902. – Т. 1. – С. 466–474; Хорезмийская свинцовая плита, найденная в развалинах Куны-Ургенча // Записки Восточного отделения Русского археологического общества. – 1902. – Т. XIV. – Вып. 1. – С. 15–17; Эпиграфический памятник Волжской Булгарии // ИОАИЭ. – 1905. – Т. XXI. – Вып. 3. – С. 263–268; Новые приобретения музея Общества археологии, истории и этнографии // ИОАИЭ. – 1907. – Т. XXII. – Вып. 1. – С. 46–47; Нумизматический кабинет Общества археологии, истории и этнографии // ИОАИЭ. – 1908. – Т. XXIV. – Вып. 3. – С. 293–294; О некоторых предметах из китайской коллекции почетного члена Общества ординарного профессора Н.Ф.Высоцкого // ИОАИЭ. – 1908. – Т. XXIV. – Вып. 5. – С. 454–461; Бронзовое зеркало с арабской надписью. – М., 1909; Новые приобретения Общества // ИОАИЭ. – 1909. – Т. XXV. – Вып. 6. – С. 209; О сабле с греческой надписью // ИОАИЭ. – 1910. – Т. XXVI. – Вып. 1–2. – С. 55–59; О некоторых вещах Казанского городского музея // ИОАИЭ. – 1919. – Т. XXX. – Вып. 1. – С. 97–102; Несколько слов о казанских коллекционерах // Казанский музейный вестник. – 1920. – № 7–8. – С. 35–47; Эпиграфический памятник Волжской Булгарии // Казанский музейный вестник. – 1921. – № 1–2. – С. 54–56.

Summary

The content of the contribution is about professors Katanov's contribution to history and ethnographic studying of Turkish nationalities of Eurasia.

УДК 398.34

ТРАНСФОРМАЦИЯ МИФОРИТУАЛЬНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ В ОБРЯДОВОЙ ЖИЗНИ ТАТАР

Л.Х. Давлетшина

Мифоритуальные представления народа составляют важнейший содержательный стержень всей традиционной культуры, поскольку в демонологических текстах (и соответствующих ментальных стереотипах) сохраняются наиболее значимые с мифологической точки зрения и устойчивые элементы архаической этнокультурной информации¹. Татарский фольклор, как известно, не сохранил реально зафиксированных (в устной или письменной традиции) мифов о верховных божествах и героях-первопредках, участвовавших в творении мира. Поэтому единственным источником для реконструкции персонажной мифологической системы, в которой бы отразились следы древнего мировоззрения татар, остается так называемая «низшая» мифология, т.е. комплекс представлений о демонах, духах, о нечистой силе и людях, наделенных сверхъестественными способностями. Данные этого типа представлены в фольклорно-этнографической традиции татар множеством локальных вариантов.

По результатам изучения разных сфер народной культуры можно заключить, что демонологические поверья пронизывают практически все стороны жизни традиционного общества и активно проявляют себя во многих фольклорных жанрах и обрядовой культуре. Они являются неотъемлемой частью семейных, календарных и хозяйственно-бытовых обрядов; тесно связаны с представлениями о времени и пространстве, о явлениях природы, о животном и растительном мире, о причинах воз-

никновения болезней и эпидемий. Поэтому при изучении мифологических представлений одного народа кроме традиционно привлекаемых жанров поверий, быличек, сказок, необходимо учитывать данные заговорных формул, заклинательных и магических приговоров, обрядов и обычаев, тексты суеверных запретов и предписаний и т.п. Учитывая многочисленность источников для изучения духов низшей мифологии, мы хотим в рамках данного доклада остановиться на обряде перехода в новый дом. Данный обряд основан на идее перенесения «доли» прежнего жилья на неосвоенное пространство нового дома. В роли носителя идеи «доли» у татар чаще всего выступает образ «йорт иясе», поэтому данный обряд представляет большой интерес для выявления семантики этого духа.

Обряд переселения «йорт иясе» можно отнести к переходным обрядам в системе ритуала перехода в новый дом. Как известно, обряды перехода традиционно состоят из трех этапов. А. ван Геннеп внутри одного церемониального цикла выделял особые категории обрядов перехода: обряды отделения, обряды промежуточные и обряды включения². В соответствии с данной схемой в обряде переселения «йорт иясе» можно выделить три локуса: старый дом, дорога, новый дом. Рассмотрим каждый локус в отдельности.

В пространственном отношении переселение «йорт иясе» воспринимается как переход из освоенного в неосвоенное пространство нового дома с целью социальной организации последнего.

Эти два вида пространства, в каждом из которых совершается определенная совокупность обрядов, соединяются дорогой, по которой «йорт иясе» везут в новый дом. Сама дорога, соответственно, воспринимается как путь ритуального перехода из «своего» пространства в «чужое», поэтому она также сопровождается определенными обрядовыми действиями. Для целей нашего анализа особенно показательно, что в образе «йорт иясе» воплощены представления о доле (счастье), богатстве, устойчивости коллектива во времени («йорт иясе» — предок), порядке, организации. Именно эти представления характеризуют категорию освоенного, своего, обжитого. Поэтому не случайно в обрядах перехода в новый дом столь существенное место отводилось «переселению» «йорт иясе», а следовательно, и переносу на новое жилище соответствующих признаков.

Собственно переход включает некоторые ограничения временного и социального характера. Время перехода определяется и мотивируется в разных местах по-разному. «Вселяющемуся в новое жилище «йорт иясе» предстоит вписаться в природный, даже космический ритм, пережить состояние обновления»³, поэтому наиболее благоприятным считается строго определенное время суток. Это и «ровно в полдень, по солнцу», и «как можно ранее перед восходом солнца, «в полночь», «чтобы хозяин шел ночью, и его не было видно», «во время новолуния». Весьма показательным является состав участников переселения и их функции. «Өй эзер булгач, йорт иясен беренче булып хужа кеше кертә» («когда дом будет готов, хозяина дома первым запускает хозяин»), «өйгә хужа гына керә, калганнар аннары» («в дом заходит только хозяин, остальные потом»). Таким образом, в переселении могут участвовать только члены семьи, присутствие чужих в данном обряде невозможно.

Обряд отделения от старого дома, который предполагает приглашение духа-хозяина, совершается в доме или

во дворе: «Дүрт почмакны да әйләнеп, йорт иясен чакырам, кулыма табагач тотам (надо ведь четыре угла обойти и пригласить хозяина дома с кочергой в руках)», «йорт иясен капка төбендә чакырабыз инде (зовем хозяина дома у ворот)», «себерке тотып, йортның почмакларын әйләнеп чыгам» (обхожу углы дома с метлой в руках). Этот факт связан с тем, что и двор, и дом граничат непосредственно с внешним (наружным) пространством, которое и считается чужим по отношению к закрытому, замкнутому пространству дворовых построек старого дома. Следует сказать и о том, что необходимым условием приглашения «йорт иясе» была вербальная магия. Мотивировкой для ее бытования служит поверье: без надлежащего, соответствующего всем канонам приглашения «йорт иясе» не переберется на новое место — в результате здесь не поселится домашнее счастье, средоточием которого он является. Модель этой формулы достаточно устойчива. Как правило, она содержит обращение, включающее номинации «йорт иясе». «Яхшыларым, әйдә безнең белән бергә яшәгез» (Мои хорошие, давайте вместе жить), «Йорт ияләре, йорт хужалары барыгыз минем белән» (Хозяева дома, пойдемте с нами жить), «Аллага тапшырдык, йорт иясе, бездән калма, яңа йортка күчәбез» (Благослови нас Бог, хозяин дома, не отставай от нас, переезжаем в новый дом). Данная формула может дублироваться, а подчас и заменяться мусульманской молитвой.

Призывая духа-хозяина перейти в новую избу, жильцы апеллируют к печке, четырем углам постройки, подполу. Если же в представлениях татар «йорт иясе» и «абзар иясе» (хозяин хлеба) сливаются воедино, внимание концентрируется на соответствующих сакральных локусах. Таким образом, во время перехода актуализируется часть пространства, осмысляемая в качестве локуса «йорт иясе». Иногда достаточно лишь вербальной магии для получения желаемого результата. Поэтому в одних случаях предполагается, что после

приглашения он сам перейдет в новое жилище, в других же — «йорт иясе» переносят. Его эманацией служат огонь из домашнего очага (угли, которые выгребают из печи, истопленной напоследок), кочерга, ухват, сито, веник. В некоторых местах, приглашая «йорт иясе» на новоселье, брали с собой курицу или кошку.

Далее действие обряда переходит за ворота дома, где актуализируются промежуточные обряды, способствующие правильному преодолению пространства дороги. Дорога осмысляется как часть внешнего «чужого» пространства, поэтому она регламентирована определенными запретами. Например, категорически запрещено разговаривать во время перехода, нельзя оглядываться назад. Эти запреты, скорее всего, связаны с желанием сохранить «долю» данной семьи неуязвимой, так как дорога является средоточием злых духов, которые могут вмешаться во внутренний порядок семьи.

С приближением к новому дому, т.е. третьему локусу данного обряда, «чужая» зона постепенно сужается и переходит в табуированный знак перехода⁴, в данном случае дверь дома. Сакральным свойством в этом варианте наделяется весь дверной проем, поэтому после вступления на неосвоенную зону выполняются определенные обряды включения: приносится жертва, в дом запускается животное, к двери подвешиваются сакральные предметы (ветка можжевельника, цикория, подкова). В Пестречинском районе РТ нами был записан интересный обычай обхода дома, перед тем как войти. Это, скорее всего, связано с идеей установления границ нового дома и закреплением духа-хозяина за своим пространством.

Пространство дома получает явно мифологическое осмысление. Перед нами в несколько трансформированном виде предстает путешествие в иной, незнакомый и полный опасностей мир. Снятие противопоставления своего-чужого, освоенного-неосвоенного достигается за счет смерти, что является

обычным способом разрешения подобных коллизий. По поверьям различных народов первый, вошедший в дом должен умереть, так как новый дом во многих культурах ассоциируется с гробом. Данное поверье встречается у татар в несколько трансформированном виде. Считается, что если увидишь во сне сруб или новый необжитой дом, то обязательно кто-нибудь уйдет из жизни. Поэтому при вступлении на чужую зону обязательно жертвоприношение — это способ установления связи между священным и светским мирами посредством жертвы, т.е. вещи, разрушаемой в процессе церемонии. Примером данного поверья служит окропление порога кровью курицы, которую затем варят и съедают всей семьей. По мнению Н.А. Криничной, данный обряд символизирует приобщение к телу бога и обретение его магической силы⁵.

Таким образом, человек, вошедший в дом после этих обрядов включения, как бы снимает противопоставление своего-чужого, делая пространство своим. Снятие противопоставления между своим и чужим не является конечной целью ритуальных действий, совершаемых при переходе. Не менее существенными представляются действия, связанные с социализацией внутреннего пространства жилища.

Если дух-хозяин идет «своим ходом», то хозяева в меру своих сил стараются стимулировать его скорое и благополучное вселение в новое жилище. В ожидании «йорт иясе» возможно несколько вариантов действий. В д. Улля Высокогорского района кашу, сваренную в старом доме, помещают в 4 угла подпола, выходят на улицу и, обратившись на юг, зовут хозяина на новоселье. В д. Б. Битаман того же района хозяйка садится у двери в подпол, рассыпает зерно и читает молитву. Таким образом, в данном случае актуализируется формула приглашения с помощью ритуальной еды.

Если же «йорт иясе» переносят, то хозяин или хозяйка вносят его различные атрибуты в новый дом и поселяют

«Йорт иясе» в том локусе, из которого мифический хозяин был взят в старой избе. «Барып житкәч, әйдә кер, бергә яшик, дип, табагачны пич алдына куясың» (Когда дойдешь, произнеся, «заходи, будем вместе жить», ставишь кочергу около печи). «Өйгә кәргәч, себеркене баз авызы кырыена куям» (Когда вхожу в дом, ставлю метлу рядом с крышкой подпола). «Табагачка атланып килеп керәм дә, әйдә өй иясе өйгә кер, әйдә өй иясе түрдән бул дип, ишекне ачып кертәбез. Табагачны пичкә сөйим инде» (Вхожу в дом, сидя на кочерге, и открыв дверь, приглашаю хозяина со словами «хозяин заходи в дом». Кочергу ставлю около печи). Так посредством совмещения соответствующих координат того или иного сакрального пространства осуществляется преемственность связи нового жилища с «родовым гнездом».

После размещения культурных символов в необходимых локусах наступает последний этап обрядов включения для закрепления духа-покровителя, а именно совместная трапеза. «Өйгә кәргәч, өй катымы үткәрәбез» (После переезда в новый дом, проводим трапезу), «Өйгә күчкән көнне нигез боткасы пешереп ашыйбыз» (В день переселения варим кашу нового очага), «Тары боткасы пешереп, йөртиясенә аерым кашык, аерым тәлиндә, чәй куябыз» (Варим пшеничную кашу, съедаем ее только с членами семьи, а также ставим отдельную ложку и тарелку с кашей для хозяина). Это толь-

ко единичные примеры коллективного угощения. Особо следует остановиться на обряде перенесения каши из старого дома в новый, что символизирует преемственность между старым и новым очагом. Эта каша съедается молча, всеми членами семьи и на стол обязательно ставятся столовые приборы для «йорт иясе». Таким образом, в коллективном угощении задействованы только члены семьи, что глубоко символично, так как здесь моделируется образ жизни семьи в этом доме. Во время трапезы как бы осуществляется разделение перенесенной доли на всех членов семьи. На этом обряд перенесения «йорт иясе» завершается. Однако на протяжении всей своей жизни хозяева поддерживают «йорт иясе», поднося ему ритуальную еду, так как время от времени необходимо обновлять благотворное воздействие духа-хозяина.

В заключение необходимо отметить, что обряд переселения «йорт иясе» по своей структуре соответствует обрядам перехода и имеет целью освоение необжитого пространства путем перенесения прежней доли на новый локус. Данный обряд интересен еще и тем, что в нем раскрывается такая ипостась «йорт иясе», как прародитель рода, поэтому изучение комплекса обрядов и поверий, в которых не последнее место занимают представители «инога мира» представляет значительный интерес для исследования системы мифологических представлений одного народа.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Виноградова Л.Н.* К проблеме идентификации и сравнения персонажей славянской мифологии / Л.Н. Виноградова, С.М. Толстая // Славянский и балканский фольклор. Верования. Текст. Ритуал. — М.: Наука, 1994. — С. 16.

² *Геннеп А., ван.* Обряды перехода. Систематическое изучение обрядов / Арнольд ван Геннеп / Пер с франц. — М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1999. — С. 15.

³ *Криничная Н.А.* Русская мифология: Мир образов фольклора / Н.А. Криничная. — М.: Академический проект; Гаудеамус, 2004. — С. 589.

⁴ *Геннеп А., ван.* Обряды перехода. Систематическое изучение обрядов. — С. 23.

⁵ *Криничная Н.А.* Русская мифология: Мир образов фольклора. — С. 590.

СПИСОК ИНФОРМАНТОВ

1. *Бакирова М.Х.*, 1926 г.р., с. Б. Битаман Высокогорского р-на РТ.
2. *Габдрахманова Г.М.*, 1935 г.р., д. Уля Высокогорского р-на РТ.
3. *Гатаулина М.Г.*, 1925 г.р., д. М. Ширданы Зеленодольского р-на РТ.
4. *Зиятдинова Ф.С.*, 1963 г.р., д. Б. Ачасыры Зеленодольского р-на РТ.
5. *Иванов И.В.*, 1929 г.р., д. Кряш-Серда Пестречинского р-на РТ.
6. *Скворцова Е.И.*, 1935 г.р., д. Кряш-Серда Пестречинского р-на РТ.
7. *Шарипова Ф.Г.*, 1925 г.р., д. Уля Высокогорского р-на РТ.

Summary

The article deals with transformation of conceptions about myths and rituals in Tatar's ceremony life.

УДК 398.32

ТИПОЛОГИЯ СЮЖЕТОВ ПОЧИТАНИЯ КУЛЬТОВОГО КАМНЯ У ТАТАР ЗАКАЗАНЬЯ

Ф.Х. Завгарова, кандидат филологических наук, доцент

В последние годы этнологическая наука заинтересовалась таким абсолютно неисследованным разделом народной культуры, как культ природных святынь, народных верований, связанных с ними, особым мировоззрением, отраженным в них¹⁻⁶. В татарской народной культуре к разряду природных святынь можно отнести родники, озера, холмы, камни, деревья, овраги. Природные святыни различаются в зависимости от географических и природных особенностей мест компактного проживания татар, например, у татар Приуралья по большей части встречаются культовые камни, святые озера, а татары Заказанья в разряд святых чаще относят родники, определенные деревья, холмы, овраги.

В целом культ каменных святынь татарам Заказанья не свойствен, поэтому с уверенностью можно говорить о локальной специфике почитания здесь святых камней по сравнению с традицией других фольклорно-этнографических регионов. Тораташы (камни-идолы с антропоморфным обликом), почитаемые татарами Нижегородской области, в Заказанье отсутствуют, камней-следовиков, таких как Мөһдиташ – культового камня татар Челябинской области, тоже нет. В наших исследованиях нам удалось обнаружить камень, являющийся собственностью только одного селения, поэтому в данной статье мы ограничимся рамками культового камня, имеющего место в современной народной культуре татар Заказанья, в частности у жителей деревни Казаклар Высокогорского района РТ.

Географически камень Акташ расположен неподалеку от деревни на холме под названием Ташамышка. Каких-либо отличительных характеристик, указывающих на его чудесное происхождение, у него нет.

Это типичный для данной местности известняк. Единственное отличие – это наличие множественных сквозных дыр. При фронтальном опросе все информанты (их было четверо), несмотря на различия в возрасте, социального положения, этиологию святости не смогли конкретизировать. А на вопрос «когда стали почитать?» отвечали: «по преданию предков». «Ата-бабадан калганча инде. Безнең әбиләр дә йорде. Без дә йөрибез»⁷. (Как наши бабушки ходили, так и мы ходим). Тем не менее в быту деревни Казаклар вокруг Акташа существует целый комплекс ритуальной практики и связанных с ним нарративов, выражающих народное мировоззрение. Теперь рассмотрим их по порядку.

1. Дорога к святыне. Пространственный код **ритуального** хождения к святому камню представлен символикой: а) дороги как коридора в «иной» мир, начинающегося за порогом дома или за границей деревни («своего мира»); б) символикой самого святого, сакрального места.

Дорога к святыне сопровождается выполнением ряда обязательных условий. Традиционно в фольклоре дорога осмысливается как «чужое», опасное для человека пространство, не защищенное от действий нечистой силы, будь то отрицательные мифологические (жен, убыр) или религиозные (шайтан, пэри)

персонажи. Дом и святое место – противоположная сторона оппозиции, зона «своего», знакомого и защищающего»⁸.

Хождение к культовому камню, как правило, совершается в одиночку. *«Акташка барганыңны әйтеп тормыйсың инде. Кем нәрсәгә адарланса, шуны атап бара»*⁹ (О том, что собираешься к Акташу никому не сообщаясь. Кто о чем ведь зарекается). В разговорах с информантами не всегда удавалось уточнить конкретную цель посещения сакрального камня. Это наводит на мысль о некоторой табуированности хождения к святыням. В то же время существуют определенные правила поведения человека в сакральном месте. При достижении человеком святого места вступает в силу второй этап обряда, ритуальные формы которого направлены на непосредственное взаимодействие со святыней, использование ее в личных целях. Поведение человека в сакральном месте носит не только уважительный, условный, но и ожидаемый характер: с одной стороны, оно направлено на сохранение и поддержание святости объекта, а с другой, своей задачей человек ставит получение от святыни «ответа», т.е. удовлетворения своих сакральных желаний. *«Менә адарланасың бит инде. Шул турыда уйлап, сәдақаңны куясың шунда»*⁹ (О чем-нибудь зарекаешься ведь. Вот об этом думаешь, оставляешь свою милостыню).

2. Ритуал обращения с культовым местом. Он начинается с подготовительного этапа, **со чтения молитвы**, смысл которого – наладить непосредственный вербальный контакт с сакральным местом. *«Менә безнең Нурислам әрмиягә китәр алдыннан Ташамышка Акшашына сәдақа калдырам дип керде... Аны өйрәттем. Башта бисмиллаңны әйт, аннары дога ызып бирдем, шуны укырсың, дидем. Аннары теләкләрен әйтә инде. Изге юл сорыш. Сәдакасын сала. Шул. Белмиңә бармыйсың инде, белеп барасың»*⁷ (Вот наш Нурислам перед уходом в армию к нам заглянул. Говорит, что идет к Акташу. Пришлось учить. Сказала, что сначала надо произнести

бисмиллу, потом читать молитву, которую я ему написала. Потом уж принято говорить своих желаниях. Просить святой счастливой дороги. Все знают эти правила).

Центральной частью ритуала **хождения к камню** является обращение к нему с сакральным желанием. При этом акцент делается на магическую силу сакрального места. На его связь с иным миром, в нашем случае – с духом предков. *«Без бик кечтеки чакта әбиләр Ташамышка жүрен бик борыңгы изге әрвахлар жүре диләр иде. Сәдаканы да шуларга атап салабыз инде»*⁹ (Когда мы были маленькими, нам бабушки говорили, что Ташамышка это место погребения наших древних предков. Садаку надо им посвятить).

Традицию оставлять в святом месте деньги можно считать завершающим этапом ритуального хождения к святыне. В локальной традиции деревни Казаклар эти деньги выполняют благотворительную функцию в виде милостыни бедным, нуждающимся. *«Ул сәдакаларның үз инкассаторы бар. Әкенеке. Гел килеп тора. Авыру инде ул. Акылга да туймый. Айга бер-ике мәртәбә килеп чыга бугай»*¹⁰ (У этих денег свой инкассатор есть. Он из Аки. Постоянно приходит. Умственно отсталый, больной).

Теперь рассмотрим нарративы, связанные с культовым камнем Акташ. При изучении устных рассказов о природных святынях фольклорист Ю.М.Шеваренкова распределяет их по тематике на две группы:

1. *Этиологические легенды* о происхождении природной святыни;

2. *Рассказы об их чудесных свойствах.*

А этиологические легенды о происхождении святынь классифицируются по тематике сюжетного состава и по характеру описанного события следующим образом:

1) легенда, в которой объясняется само появление природной святыни;

2) рассказы о чудесном «переводе» обычного природного объекта в разряд «сакральных»¹¹.

В нашем случае этиологических легенд, связанных с Акташем, нам не удалось зафиксировать. Это не означает, что такой легенды не может быть. По нашему мнению, при детальном опросе этиологические легенды должны обнаружиться. Так как при исследовании других культовых камней, например, Мәһдиташа — камня-следовика, расположенного у деревни Узбагаряк Кунашакского района Челябинской области и Тораташа, находящегося рядом с деревней Актук Краснооктябрьского района Нижегородской области, такие легенды нами зафиксированы в нескольких вариантах.

Сюжетный состав рассказов о чудесных свойствах почитаемого камня достаточно разнообразен. Наиболее распространенный из них основан на мотиве «чудесного исцеления», которое произошло от контакта с культовым камнем. «*Бер вакыт Маһирә авырды... Акташка менгәч кенә терелде бит*»¹² (Однажды заболела Махира. Пока на Акташ не сходила, не исцелилась).

К таким типам рассказов близки и нарративы о святотатстве, кощунстве по отношению к святыням. В них святыня предстает как саморегулируемая, самооберегаемая система, не позволяющая менять свои географические координаты и не допускающая возле себя определенных неэтических ситуаций. «*Авылның менә бу Ташамышка башында бер әби белән бабай торгаллар. Шуннан ягарга дип корган ботаклар алып төшкәлләр. Кул-аяклары шул ботаклар кебек корышып үлделәр. Акташтан бер нәрсә дә алырга ярамый. Жиләгенә дә кагыласы түгел*»⁷ (В этом конце дерев-

ни рядом с Ташамышкой жили старик со старухой. Они однажды у Акташа собрали хворост на топку. Так вот, им долго жить не пришлось. Оба друг за другом, скручившись как те ветки, и умерли. Ничего нельзя брать с Акташа, даже ягоды пробовать запрещается).

В деревне Казаклар нам удалось зафиксировать легенду, основанную на мотиве «растущего камня», в которых информанты отмечают свои наблюдения об изменении размеров святыни. «*Акташ үсә бит ул. Балалары да гел чыгып торалар. Аны эсиргә бик нык үсә диләр. Тамырлары бик тирәндә ди*»⁹ (Акташ он растет. У него очень часто появляются детки. Про Акташа говорят, что он врастает в землю. Корни, говорят, очень глубокие).

Интересна легенда об Акташе, где сюжетную линию составляет его функция придорожного камня-ориентира. «*...Безнең авылның Нәгыйм дигән кешесе адашкан. Юл табалмый бик озак интеккән. Шуннан көтмәгәндә Акташка килеп чыккан бит. Акташны кочаклап, Акташым-янашым дип елаган. Акташ юл күрсәткән инде*»⁷ (Нагим из нашей деревни заблудился. Долго кружил. Потом вышел на Акташ. Обнял его и заплакал от счастья. Акташ указал ему дорогу).

В заключение отметим, что нарративы о святых камнях представляют собой достаточно развернутый цикл. Снятие в последнее время запретов на посещение природных святынь делает их популярными священными объектами местного религиозно-мировоззренческого пространства и это, можно полагать, приведет к пополнению цикла легенд о них.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Фадеева Л.В.* Святые места реки Пинеги: памятники и предания / Л.В.Фадеева // Славянская традиционная культура и современный мир. Сборник материалов научно-практической конференции. — Вып. 3. — М., 1998.

² *Дубов И.В.* И поклоняешься идолу каменному / И.В. Дубов. — СПб., 1995. — 295 с.

³ *Шеваренкова Ю.М.* Исследования в области русской фольклорной легенды / Ю.М. Шеваренкова. — Нижний Новгород: РАСТР-НН, 2004. — 214 с.

⁴ *Морохин И.В.* Фольклор в традиционной региональной экологической культуре Нижегородского Поволжья. Серия «История охраны природы». Вып. 14 / И.В. Морохин. — Киев, 1997. — 28 с.

⁵ Рыжкова С.И. «Спит камушек без снов...». Мифологические представления о камнях у латышей / С.И. Рыжкова // Живая старина. — 2003. — № 3.

⁶ Шепанская Т.Е. Культура дороги в русской мифоритуальной традиции XIX–XX вв. / Т.Б. Шепанская. — М.: Индрик, 2003. — 527 с.

⁷ Записано Завгаровой Ф.Х. 23.05.2006 г. от Х.З. Галимовой (1926 г.р.), жительницы д. Казаклар Высокогорского района РТ (ГЦТФ, фонд 5, оп. 2, ед. хр. 226, А- 11).

⁸ Шепанская Т.Б. Указ. соч. — С. 247.

⁹ Записано Завгаровой Ф.Х. 23.05.2006 г. от Н.Ш. Садыковой, жительницы д. Казаклар Высокогорского района РТ (ГЦТФ, фонд 5, оп. 2, ед. хр. 226, А- 12).

¹⁰ Записано Завгаровой Ф.Х. 23.05.2006 г. от Р.Р. Сабирзянова (1963 г.р.), жителя д. Казаклар Высокогорского района РТ (ГЦТФ, фонд 5, оп. 2, ед. хр. 226, А — 14).

¹¹ Шеваренкова Ю.М. Указ. соч. — С. 151–159.

¹² Записано Завгаровой Ф.Х. 23.05.2006 г. от К.Г. Халикова (1926 г.р.), жителя д. Казаклар Высокогорского района РТ (ГЦТФ, фонд 5, оп. 2, ед. хр. 226, А-16).

Summary

The article deals with types of subjects in honoring of cultural stone of Tatars living behind Kazan.

УДК 297:39

ТАТАРСКИЕ НАЦИОНАЛЬНЫЕ ЭЛИТЫ И ПРОБЛЕМА ВЫБОРА НОВОГО ОРЕНБУРГСКОГО МУФТИЯ В 1860-е ГОДЫ

И.К. Загидуллин, доктор исторических наук

Последняя четверть XVIII – середина XIX в. стали важным этапом в институализации новых сословных групп татарского населения в российскую сословную иерархическую систему. В екатерининский период приобрело четкие очертания правовое положение трех новых социально-сословных групп, ставших национальными элитами татар. В последующее время продолжалось уточнение их статуса в рамках внутриполитического курса правительства.

В 1784 г. потерявшие свои привилегии после приписки Петром I в податное сословие мурзы и служилые татары, в случае доказательства своего благородного происхождения, получили возможность записи в российское дворянство. Одновременно сохранялась возможность записи в данное привилегированное сословие лиц через продвижение по служебной лестнице (военный или гражданский чиновник).

С учреждением в 1775 г. купеческого сословия татарские торговцы и промышленники, предприимчивые крестьяне и мещане, получили возможность записываться в новую полупривилегированную корпоративную группу, занимающую в сословной иерархии новой России ступеньку вслед за дворянством и православным духовенством, и таким путем повысить свое социально-правовое положение. Правда, для сохранения статуса гильдейского купца требовалось ежегодно освидетельствовать свое материальное положение.

Важным событием в социокультурной жизни татар стало учреждение в

1788 г. Оренбургского магометанского духовного собрания (ОМДС), означавшее одновременно официальное признание правительством духовных лиц мусульманских народов, расселенных в Европейской части и Сибири. В отличие от крымско-татарских духовных лиц Таврической губернии, где эта должность была наследственной, они не были объявлены привилегированной сословной группой. В округе ОМДС духовными лицами, как правило, становились дети абызов и мулл, наиболее одаренные из сыновей представителей податного и купеческого сословий. Вследствие получения от правительства прав на регистрацию и хранение актов гражданского состояния, производства по шариату раздела имущества и наследства прихожан, важной роли исламской религии в повседневной жизни татарского населения и отсутствия в сельской местности другой социальной силы, имеющей возможность конкурировать с имамами, духовные деятели завоевали высокое общественное положение и получили значительную власть над прихожанами.

Проникновение в татарское общество обновленческих идей в период модернизации России и развития капиталистических отношений во многом было обусловлено позицией и деятельностью представителей вышеназванных сословно-социальных групп. Эти корпоративные группы, благодаря своему социально-правовому положению, стали выполнять, исходя из конкретно-исторических и местных усло-

вий, роль локальных и общетатарских национальных элит.

В организационном плане лишь духовные лица имели единый всероссийский центр в лице ОМДС. В ряде крупных и сильных городских общин татарские торговцы были объединены в автономные купеческие общества, в других поселениях они составляли меньшинство среди русского купечества.

Позитивная деятельность ОМДС по координации религиозно-обрядовой жизни махаллей и миссия по представлению интересов мусульман перед царским правительством стали глубоко осознаваться татарскими элитами. По мнению царских чиновников (1872 г.), ОМДС превратилось в «центр тяготения для всего ... духовенства, обуславливающий как внутреннюю связь между его членами и единство их духа и общего направления, так и связь между духовенством и всем магометанским населением, в котором сам факт существования этого центрального духовного управления упрочивает сознание их племенного и религиозного единства»¹. Поэтому неудивительно, что жизнедеятельность религиозного управления и его дальнейшая судьба волновали представителей татарских элит.

Новые явления на этом поприще отчетливо проявились после смерти (4 августа 1862 г.) муфтия Габдулвахид Сулейманова. Как известно, в 1817 г. в российском законодательстве появилось положение о выборе оренбургского муфтия «магометанским обществом» европейской части России и Сибири, однако не был регламентирован механизм проведения самих выборов. В период действия нового положения два оренбургских муфтия — Габдессалам Габдрахимов и Габдулвахид Сулейманов — соответственно в 1826 и 1840 гг. были назначены императором Николаем I на основании представления министра внутренних дел, без проведения каких-либо выборов. Глубоко символично, что в условиях разработки и реализации курса либеральных реформ, во главу которых были поставлены

идея модернизации России и создание в перспективе правового государства, впервые центральная власть решилась на выработку механизма реализации данного законодательного положения.

Мусульмане знали о своем законном праве на выбор нового председателя ОМДС. Буквально на следующий день после похорон муфтия Г. Сулейманова татары г. Уфы обратились к генерал-губернатору Оренбургской и Самарской губерний А. П. Безаку с просьбой об определении на вакантную должность сына умершего муфтия Шарафутдина².

Ахун Шарафутдин Сулейманов, исполнявший с 1844 г. должность имама-хатиба при соборной мечети г. Уфы, был осведомлен о депеше генерал-адъютанта А. П. Безака в Министерство внутренних дел с сообщением о пожелании татар и направил 1 сентября в столицу свои документы, позволяющие, по его мнению, стать преемником отца³.

Габдулвахид Сулейманов, заботясь о дальнейшей судьбе своего старшего сына, в конце 1860 г. предпринял ряд мер для закрепления должности за ним. Как видно из представленных в Министерство внутренних дел Ш. Сулеймановым документов, 3 декабря 1860 г. духовные лица 24-го башкирского кантона Уфимского уезда Оренбургской губернии составили приговор об утверждении его старшим мухтасибом Оренбургской и Самарской губерний и назвали его заслуживающим должности муфтия, как «хорошо знающего отправление обрядов магометанской веры», и «доверили ему, Сулейманову, ходатайствовать перед правительством при открывшейся должности сей вакансии». Такой общественный приговор с идентичным текстом был составлен 1 февраля 1861 г. муллами и муэдзинами г. Оренбурга и Сеитова посада. Наконец, его отец 18 февраля 1861 г. просил генерал-губернатора А. П. Безака о предоставлении 6-месячного отпуска для совершения паломничества в Мекку и Медину и о назначении вместо себя на время отсутствия сына Шарафутдина с

получением соответствующего жалования (поездка не состоялась. — *И.З.*).

Печальное известие о кончине Габдулвахиды Сулейманова застало большую группу татарских предпринимателей за подготовкой к открытию ярмарочного сезона на главном «торжище» России, Нижегородской ярмарке. Торговый люд начал совещаться относительно достойного преемника муфтия. 22 августа 1862 г. от имени «почетных гостей, купцов и разных губерний магометан», находящихся на всероссийском «торжище», на имя министра внутренних дел торговцами было составлено ходатайство о рекомендации имама-хатиба, мударриса и ахуна г.Стерлитамака Оренбургской губернии Камалетдина Шарафетдиновича Нагаева на высокую вакантную должность. Данный документ дает представление о существовавшей в тот период своеобразной иерархии среди татарских торговцев на ярмарке. Ими верховодили казанские предприниматели: список лиц, подписавших коллективное ходатайство, «открывается» подписью коммерции советника, потомственного почетного гражданина (п.п.гр.) 1-й гильдии купца Исхака Губайдулловича Юнусова и потомственных почетных граждан 1-й гильдии купцов Негалима Исхаковича Апанаева и Муртазы Музафаровича Усманова. На этом собрании присутствовал (или подписали по совету вышеназванных авторитетных торговцев) всего 71 предприниматель, в большинстве своем гильдейские купцы из г.Казани, г.Томска, г.Симбирска, г.Уржума, г.Малмыжа, г.Царевококшайска, г.Арска, г.Троицка, г.Стерлитамака, г.Касимова и Касимовского уезда Рязанской губернии, г.Елатымы, г.Краснослободска и Краснослободского Темниковского, Саранского уездов и других мест Пензенской губернии⁴. Перечислим некоторых из них. Это — 1-й гильдии купец Мухаметша Утямышев, казанский 2-й гильдии купец Муртаза Мустафин Утямышев Азимов, 1-й гильдии купцы п.п.гр. из Томска Абдулфатих Ниязович Айтыкин, п.п.граждане

из Симбирска Сулейман Акчурин, из Малмыжа Исхак Мусевич Утямышев, купцы 2-й гильдии из Казани Галей Апсалямович Усманов, Абдул-Маниф Биккенов, Садик Бурнашев, из Царевококшайска Алиакбер Алиаскеревич Имангулов (купеческий сын), из Арска Умер Хасанович Якупов, Мухаммат Мусич Апанаев, из Касимова Негматулла Файзуллович Мустаев и другие⁵.

Лидерство во временной религиозной общине Нижегородского «торжища» Исхака Юнусова подтверждается и тем, что именно он через два дня, 24 августа, во Временном ярмарочном присутствии зарегистрировал этот приговор, придав коллективному волеизъявлению коммерсантов легитимность⁶.

Проблемой выбора нового оренбургского муфтия, соответствующего государственным интересам, одновременно стали заниматься и в столице. Министр внутренних дел П.А.Валуев 21 и 24 августа 1862 г. запросил мнения у оренбургского и самарского генерал-губернатора и казанского губернатора относительно кандидатов на эту ответственную должность⁷.

Как известно, до назначения муфтием Г.Сулейманов был имамом-хатибом гражданской махаллы города на Неве. Знакомство с членами царской фамилии сыграло решающую роль во взлете его духовной карьеры. Видимо, на такую счастливую возможность рассчитывал молодой гражданский имам Санкт-Петербурга тархан (с 1843 г.) Мухаммет-Алим Хантемиров⁸, который инициировал составление 31 августа 1862 г. общественного приговора от имени части мусульман города об избрании его, «лично министру внутренних дел известного», на вакантную должность оренбургского муфтия⁹.

После кончины Г.Сулейманова обязанности оренбургского муфтия по сложившейся традиции стал исполнять старший заседатель ОМДС Тазетдин Максютнов¹⁰, уже 9 лет занимающий эту должность. Между тем в начале 1863 г. в Казани должны были состояться выборы новых заседателей Духовного

собрания и кандидатов к ним на новое трехлетие. Оренбургский генерал-губернатор, желая предупредить возможность передачи обязанностей муфтия не известному властям избранному новому старшему заседателю, решил сохранить на этой должности проверенного и предсказуемого Т.Максютова. Не позднее 12 ноября 1862 г. для согласования данного деликатного вопроса оренбургский губернский прокурор специально приезжал в Духовное собрание и получил согласие членов религиозного управления на назначение Т.Максютова временно исполняющим обязанности муфтия, до избрания нового муфтия.

Оказалось, что эта проблема волновала и директора Департамента духовных дел иностранных исповеданий гр. Э. К. Сиверса (1856–1876), который 8 декабря предложил генерал-адъютанту А.П.Безаку оставить и.о.муфтия Т.Максютова, у которого в 1863 г. истек срок службы заседателем ОМДС, и, в случае согласия, выйти с такой инициативой в МВД.

В результате генерал-адъютант А.П. Безак, уже основываясь на соответствующем постановлении Духовного собрания и мнении местного прокурора от 29 ноября, предложил МВД оставить на этой должности Т.Максютова временно исполняющим обязанности муфтия до назначения нового председателя ОМДС, что было приведено в исполнение в начале февраля 1863 г.¹¹

Нерасторопность властей по выработке правил избрания нового муфтия стала в 1863 г. восприниматься некоторыми мусульманами как своеобразная тактика правительства по упразднению в ближайшей перспективе должности оренбургского муфтия и, возможно, самого ОМДС. Было очевидно, что сохранение данного института было возможно в случае официального определения на вакантную должность нового лица, что гарантировало прежний порядок управления духовными делами мусульман. В этой связи новое звучание приобретают выборы новых заседателей и

кандидатов к ним на новое трехлетие, состоявшиеся в Казани в начале 1863 г., на которых большинство голосов получил старший мухтасиб и старший мударрис Казанского уезда д.Старой Ульбы Аухадий Искандеров. Он стал старшим заседателем ОМДС. Следует подчеркнуть, и.о. оренбургского муфтия Т.Максютов не был избран на следующий срок заседателем ОМДС, что свидетельствовало о нежелании духовных лиц и торговцев Казанской губернии видеть его на этой должности.

А.Искандеров, уже до этого времени успевший два срока проработать заседателем Духовного собрания, обратился в Оренбургское губернское правление об определении его и.о. муфтия вместо Т.Максютова. На основании предписания генерал-адъютанта А.П.Безака (не позднее 14 мая 1863 г.) начальник Уфимской губернии Г.С.Аксаков 3 июня 1863 г. допустил А.Искандерова к исполнению обязанностей муфтия в качестве старшего заседателя¹².

У татар имелась информация о составлении властями положения о проведении выборов нового оренбургского муфтия. Об этом, в частности, свидетельствует анонимная записка муллы Оренбургской губернии, поданная министру внутренних дел не позднее начала февраля 1863 г. В ней говорится о необходимости скорейшего назначения нового муфтия (потому что заседатели ОМДС стали сильнее обирать приезжих для сдачи экзамена в Уфу кандидатов на духовные должности («испытание становится нам более 60 руб. серебром»)). Муллы также выразили свою обеспокоенность выдвижением (по их сведениям. — *И.З.*) в качестве избирателей только кантонных начальников, их помощников, старшин, мирз (дворян) и почетных граждан (читай: купцы), и оставлением имамов на стороне от выборов и возможностью избрания муфтием недуховного лица, что налагает им «стыд и горе»¹³.

Видимо, под воздействием информации о предстоящих выборах было подано ахуном Шарафутдином Сулей-

мановым министру П.А.Валуеву новое ходатайство (12 февраля 1863 г.), в котором сообщалось о готовности уступить первенство «достойнейшему, нежели такой найдется»¹⁴.

Стремясь сорвать планы ахуна, его оппоненты летом 1863 г., во время посещения генерал-адъютантом А.П.Безаком г.Уфы, заявили высокопоставленному чиновнику о том, что Ш.Сулейманов «мало сведущ в татарском языке». Узнав об этом, Ш. Сулейманов немедленно направил (13 июля 1863 г.) письмо министру внутренних дел П.А.Валуеву, доказывая свое превосходное знание турецкого, арабского и персидского языков конкретными текстами¹⁵.

Вследствие задержки проведения выборов муфтия, вызванного, главным образом, новизной дела и медлительностью местных властей, оренбургский и самарский генерал-губернатор А.П.Безак 25 августа 1863 г. назвал министру внутренних дел трех кандидатов для временного назначения оренбургским муфтием (до избрания нового муфтия). Это — бывший мулла, затем служивший кантонным начальником в Башкирском войске, подполковник Давлетшин, стерлитамакский мулла Камалетдин Нагаев и гвардии ротмистр в отставке ходжи Салимгерей Тевкелев¹⁶.

19 марта начальник Томской губернии отправил в столицу общественный приговор предпринимателей-мусульман г.Петропавловска, составленный 15 января 1864 г., о включении старшего ахуна городской подгорной мечети «из рода князей» Габдельбари Габбасовича Яушева¹⁷, в список кандидатов для баллотирования на должность муфтия.

Общественный приговор подписали 1-й гильдии купцы Хасан Юсупович Муратов, Ибетулла Баязитов, Негматулла Биктамиров, девятнадцать 2-й гильдии купцов¹⁸, городские духовные лица, один кандидат в 2-й гильдии купцы, четырнадцать купцов, двенадцать купеческих сыновей¹⁹, два купеческих брата, ряд мещан и других лиц.

Время шло, никаких шагов со стороны правительства по проведению выборов или назначению нового муфтия не предпринимались. Судя по обращениям татарских предпринимателей к местной и центральной властям, летом-осенью 1864 г. у купцов существовала серьезная обеспокоенность, вызванная бездействием правительства, и возникло опасение о возможности отложения назначения оренбургского муфтия на неопределенный срок. Тревогой за судьбу Духовного собрания пронизаны тексты их ходатайств и личные обращения к местным чиновникам. Сбравшись в сезон 1864 г. на Нижегородской ярмарке, татарские торговцы активно обсуждали сложившуюся ситуацию. В начале сентября коммерсанты сочли уместным вновь напомнить правительству о своем первом ходатайстве, подчеркнув, что их кандидат — ахун Камалетдин Нагаев — по личным качествам и «религиозной жизни» вполне достоин занять высокую духовную должность. Ходатайство подписал узкий круг лиц, главным образом, крупнейшие коммерсанты: п.п.гр. 1-й гильдии купец Исхак Юнусов (г.Казань), 1-й гильдии купец Исхак Апанаев (г.Казань), губернский секретарь Абдулхамид Еникеев, п.п.гр. Хасан Хамзинович Шакиров, Сюкай Еникеев (г.Темников), п.п.гр. 1-й гильдии купец Мухаметшакир Ахметшахович Утямышев (г.Малмыж), 1-й гильдии купец Исхак Мусич Утямов (г.Малмыж), купец Мустафа Мухаметминович Давыдов (г.Москва), касимовский мурза Салих Янбаев (г.Касимов) и еще один торговец. В документе имеется также подпись имама ярмарочной мечети Семерхана Соколова и примечание, чтобы ответ прислали в г.Казань, Исхаку Юнусову²⁰.

Накануне официального закрытия «торжища» с просьбой посодействовать ускорению избрания нового муфтия торговцы обратились к исполняющему во время нижегородской ярмарки временной должности нижегородского генерал-губернатору Н.А.Огареву, который отправил 15 сентября министру

П.А.Валуеву письмо с поддержкой мнения татарских купцов.

13 ноября генерал-адъютант Н.А.Огарев представил в Министерство внутренних дел новое письмо казанских купцов Исхака Юнусова и И.Апанаева, составленное 21 октября 1864 г., в котором они напоминали о поданном ими 2 сентября 1862 г. ходатайстве об избрании оренбургского муфтия и просили содействия в ускорении решения вопроса²¹.

В октябре 1864 г., во время посещения генерал-адъютантом А.П.Безаком по служебным делам г.Уфы, авторитетные мусульмане города также просили о скорейшем назначении муфтия²².

В Казани группа татарских купцов и духовных лиц обратилась к губернатору М.К.Нарышкину о лоббировании в Министерстве внутренних дел на должность оренбургского муфтия ахуна К.Нагаева. Если правительство найдет нужным проведение выборов, то провести их непременно в Казани как «в центре ОМДС». О своих переговорах с делегацией городской татарской общины М.К.Нарышкин 29 декабря 1864 г. уведомил министра, приложив к своей депеше полученный общественный приговор. В документе первыми подписались братья Ибрагим и Исхак Юнусовы, затем военный мулла Назмутдин Хисмутдинов и восемь гражданских имамов-хатибов города, среди которых отсутствует подпись имама 1-й городской мечети Ш.Марджани. Список завершается подписями 1-й гильдии купцов Мустафы Назировича Азимова, Муртазы Азметьева, Исмаила Исхаковича Апанаева, п.п.гр. 2-й гильдии купца Мухамета Мусича Апанаева и п.п.гр. Мухаматгалая Курбангалеевича Аушева²³.

Рассмотренный материал позволяет выделить «почерки» представителей двух групп татарской элиты. Духовные лица, как правило, действовали анонимно или подписывали коллективный общественный приговор вслед за купцами. Некоторым представителям духовенства были характерны индиви-

дуализм, организация своего выдвижения местной общиной или ее частью на вакантную должность муфтия.

Торгово-предпринимательская элита, пользуясь своими хорошими отношениями с местным губернатором, старалась заручиться его поддержкой, добиваясь сопроводительного письма при отсылке общественного приговора. Коммерсанты успешно использовали Нижегородскую ярмарку, куда приезжала значительная часть татарских предпринимателей, для коллективного волеизъявления представителей своей корпорации и доведения своего мнения до правительства.

На этом фоне выделяются действия представителей татарской элиты из числа дворян. Для них характерны индивидуальные действия. В частности, помещик Селимгерей Тевкелев (будущий муфтий) 20 июля 1864 г. обращался к директору Департамента духовных дел иностранных исповеданий графу Э.К. Сиверсу по двум вопросам: 1) о дальнейшей судьбе 9-копеечного брачного сбора с мусульман, предназначенного на строительство здания ОМДС (к этому времени здание было уже построено. — *И.З.*) и 2) об ускорении проведения выборов нового оренбургского муфтия. Однако тогда его письмо не удостоилось ответа, возможно, затерялось. По крайней мере, среди архивных дел нам не удалось его обнаружить. Повторно С.Тевкелев обратился в Департамент 6 февраля 1865 г. На этот раз он настаивал на выборном начале назначения муфтия и местом проведения выборов назвал Уфу, «около которой централизуется все мусульманское население Оренбургского края и которая составляет постоянную резиденцию муфтиев»²⁴. Двукратное обращение его в Министерство внутренних дел «выдает» в нем неравнодушного к духовным делам единоверцев отставного офицера.

Заслуживает внимания поступок потомственного дворянина коллежского советника Шагиахмета Алкина, решившего сделать данный вопрос объектом публичного обсуждения на страницах

периодической печати. Бывший частный пристав (1833–1846), помощник полицмейстера Казани (1846–1859) в отставке прекрасно знал специфику работы имперского бюрократического аппарата, видимо, опасался, что его обращение в Министерство внутренних дел «затеряется», будет проигнорировано. Чиновник николаевской эпохи глубоко понимал, что назначение оренбургского муфтия имеет политическую окраску, и небезосновательно опасался, что его обращение по разным причинам может быть не опубликовано. Он решил воспользоваться царившей в стране демократической атмосферой периода либеральных реформ и в январе 1865 г. обратился с письмом к своему бывшему непосредственному начальнику, казанскому полицмейстеру (1840-е гг.), который, выйдя в отставку, перебрался в Санкт-Петербург. Ш.Алкин просил его передать рукопись статьи «Муфтий Оренбургского края» в редакцию столичной газеты «Северная пчела».

Из письма становится ясно, что автор знал об обращении министра внутренних дел к начальникам ряда губерний о представлении предложений о порядке избрания оренбургского муфтия. Свое решение начать публичное обсуждение затянувшегося вопроса, надеясь привлечь к разговору и своих единомышленников, «которые молчат, может быть потому, что вообще не привыкли к печатному слову», Ш.Алкин объясняет тем, что он, как мусульманин, не может оставаться на стороне в возникшей ситуации. (Ш.Марджани пишет, что Ш.Алкин, когда был грозным помощником полицмейстера, оставался справедливым и богобоязненным человеком: находясь на казенной службе, не пропускал пятивременные намазы²⁵). Хорошее знание положения дел у единомышленников в разных губерниях европейской части России дает ему право высказать собственную точку зрения по проблеме выбора нового председателя ОМДС. «Правительство, с целью узнать истину, само часто обращается путем печати к общественному мнению и к

голосу людей, знакомых с делом, и мы не считаем себя вправе молчать, так как дело касается единомышленников наших и, может быть, наш голос будет небезполезным при решении вопроса о выборе оренбургского муфтия», — отмечает Ш.Алкин²⁶.

В начале статьи дается краткое пояснение о должности оренбургского муфтия. «Значение муфтия весьма важно для магометанского населения всех сословий. Муфтий — не только глава многочисленного магометанского духовенства. Самое высшее духовное лицо, он, вместе с тем, председатель Духовного собрания, в котором решаются все дела магометанской религии и соединенные с ними дела брачные, а также гражданские дела, заключающие в себе важный имущественный интерес, как дела о спорах по завещаниям и разделе наследств, достающихся по закону. Следовательно, выбор лица достойного, удовлетворяющего требованиям религии магометан и условиям гражданским — в существенном интересе всех сословий магометанского населения. Оренбургскому муфтию и тамошнему духовенству подчинено магометанское население одиннадцати губерний в числе 1766640 душ по исчислению академического календаря в 1864 г. Между тем со смертью в 1862 г. муфтия Сулейманова, важный пост этот до сих пор остается незамещенным», — указывает автор²⁷.

Ш.Алкин выступает за проведение выборов муфтия в г.Уфе, так как здесь располагается ОМДС и именно из числа представителей татарских дворян Оренбургской губернии, занимающих духовную должность, по его мнению, нужно избрать будущего муфтия. Дворянину, хорошо знающему ислам и правила веры, по его убеждению, будут не чужды и интересы правительства, и мусульманского населения.

По его мнению, список «достойных, вполне заслуживающих общественного доверия» лиц от каждого сословия должно утвердить местное начальство и обеспечить депутатов надлежащим документом. Автор смотрит в корень

проблемы, зная о существовании у государственных мужей опасения относительно возможности возникновения «нестандартной ситуации» на общемусульманском съезде. Утверждение списка доверенных мусульман местными властями, по его мнению, должно было решить эту проблему.

Депутаты из числа купцов, дворян и часть духовных лиц прибывали в г.Уфу на свои средства, а волостные старшины из крестьян – за счет экстраординарных сумм, которые затем возмещались из капитала брачных сумм ОМДС. Причем в определенный властями день выборы считались состоявшимися, независимо от того, сколько депутатов в них участвовало. Автор специально обходит вопрос о кандидатах на должность муфтия: для него первостепенное значение имеет проведение выборов и сохранение самой должности председателя Духовного собрания.

С учетом численности проживающих в 11 губерниях мусульман различных сословий Ш.Алкин составил квоту депутатам от каждой социальной группы, решительно отказываясь от идеи возможности участия в избрании муфтия исключительно духовных лиц. При этом он вполне основательно ссылается на процедуру выборов муфтия Таврическо-

го магометанского духовного правления, в которых, согласно действующему законодательству, участвовали различные социальные слои крымско-татарского населения. В выборах в Уфе должны были участвовать представители четырех социально-сословных групп: дворяне, купцы, духовные лица и крестьяне (волостные старшины). Его предложения о численности депутатов от каждой социальной группы мусульман, для наглядности, мы оформили в таблицу.

Как видно из таблицы, автор действительно учел численность всего населения в губерниях, об этом свидетельствуют графы «духовные лица» и «волостные старшины»: именно в Оренбургский, Казанской и Самарской губерниях компактно расселились значительные по численности группы мусульман. Среди купцов наибольшее количество мест (10) выделено татарам Казанской губернии, а по многочисленности депутатов-дворян (25 человек) резко выделяется Оренбургская губерния. По Нижегородской губернии, согласно проекту Ш.Алкина, среди уполномоченных не представлены дворяне, а по Оренбургской губернии – духовные лица (скорее, во втором случае была автором допущена механическая ошибка. – И.З.).

Таблица 1

Квоты депутатов от различных социальных групп мусульман 11 губерний для избрания оренбургского муфтия (проект Ш.Алкина)

№	Губернии	Дворяне	Купцы	Духовенство	Волостные старшины	Итого
1	Казанская	2	10	15	20	47
2	Оренбургская	25	5	—	15	45
3	Самарская	3	5	10	10	28
4	Вятская	3	3	3	3	12
5	Пермская	3	3	3	3	12
6	Тобольская	3	5	5	5	18
7	Нижегородская	-	2	2	2	6
8	Симбирская	2	5	3	5	15
9	Рязанская	2	3	3	2	10
10	Саратовская	2	2	3	2	9
11	Астраханская	3	3	3	3	12
	Всего	48	46	50	60	214
	Всего, в %	22,4	21,5	23,4	32,7	100

По другим губерниям в основу распределения квоты выборных лиц автор взял «средние цифры» — 2, 3 и 5 человек. Эти нормативы далеко не отражают реальную численность представителей различных социальных групп, а скорее должны были свидетельствовать об участии мусульман этих регионов в избрании нового муфтия, об общероссийском характере, масштабе выборов.

Всего мусульманское сообщество округа Духовного собрания избирало из своей среды 214 депутатов. В сословно-социальном «срезе» корпус уполномоченных выглядел следующим образом: 48 дворян (22,4%), 46 купцов (21,5%), 50 духовных лиц (23,4%) и 60 крестьян (32,7%). Как видно, привилегированные сословия (дворяне и купцы) составляли примерно по 1/5 части, мусульманское духовенство — 1/4 часть, а крестьяне — 1/3 часть всех депутатов. Следует подчеркнуть, что в силу малочисленности среди татар и башкир дворян и гильдейских купцов, квоты привилегированных сословий являются явно завышенными и отражают позицию Ш.Алкина о необходимости активного привлечения их представителей к участию в выборах.

Для решения организационных вопросов с выборами уполномоченных предлагалось назначить в четырехмесячный срок, предварительно опубликовав объявление о выборах в газете «Московские губернские ведомости».

Таким образом, проект Ш.Алкина представляет адаптированный к российским реалиям вариант проведения выборов, основанный на правиле: «избранные местной администрацией депутаты из своей среды избирают духовного главу».

Видимо, известное изречение о том, что не бывает бывших полицейских, сформировалось на основании реальных фактов. И в данном случае бывший казанский полицмейстер вместо того, чтобы отнести статью своего бывшего сослуживца, доверившего ему столь ответственное дело, в редакцию газеты, переправил ее почтой 18 января 1865 г.

директору Департамента иностранных исповеданий графу Э.К.Сиверсу, для рассмотрения возможности опубликования. В результате статья Ш.Алкина оказалась подшитой к одному из архивных дел Департамента.

Генерал-адъютант А.П.Безак в своем отношении в МВД от 31 августа 1864 г. высказывался за сохранение сложившейся практики назначения муфтия правительством. По его мнению, между депутатами, избранными в разных губерниях, при их различных интересах, отсутствии единого намерения «не может состояться правильного соглашения по этому предмету, и есть полный повод полагать, что выборами при таком порядке стали бы руководить интриги и происки. Посему избрание могло бы упасть на лиц, несколько не заслуживающих доверия правительства и не служащих представителями интересов всего магометанского сословия, почему-либо успевших склонить в свою пользу большинство голосов». Вторым аргументом были указаны интересы «местного управления», которые могли пострадать²⁸. В этот период генерал-адъютант озабочен успешным проведением административно-сословной реформы по переводу башкир и мещеряков Приуралья — военного-служилого сословия — в разряд свободных сельских обывателей с сохранением их прав на вотчинное владение земельными угодьями. Администрация была внутренне готова к разного рода эксцессам, опасалась выступлений протеста мусульманского населения. В данной ситуации проведение всероссийского съезда мусульманских депутатов в Уфе оказывалось для местных властей весьма нехотанным.

Несмотря на особое мнение генерал-губернатора А.П.Безака, на основании полученных предложений от начальников Казанской, Оренбургской и Самарской губерний М.К.Нарышкина, Г.С.Аксакова и Н.П. Мансурова и ряда других должностных лиц, сотрудниками Департамента не позднее 5 ноября 1864 г. были составлены правила прове-

дения выборов оренбургского муфтия в Уфе с участием представителей мусульман от разных губерний.

Данный проект так и не был передан в Комитет Министров. Причина этого, на наш взгляд, заключается в резолюции министра внутренних дел П.А. Валуева, записанной на полях документа: «Из Уфы кандидаты вынесли бы солидарность и общие идеи и направления в свои местные общества, а это правительство должно именно избегать такое сближение магометанск[ого] населения разных местностей. Сосредотачивать избирать магометан было бы неудобно, а посему несравненно лучше ограничить избрание указанием кандидатов отдельными местностями с тем, из всего числа кандидатов правительство имело бы возможность назначить одного по своему усмотрению»²⁹. Как видно, мнение министра внутренних дел совпало с точкой зрения оренбургского и самарского генерал-губернатора А.П.Безака.

Поэтому министр внутренних дел П.А.Валуев вернулся к депеше А.П.Безака от 25 августа 1863 г., в которой были названы кандидаты для временного исполнения обязанностей оренбургского муфтия. Наиболее соответствующим интересам правительства и достойным из их числа министром был признан гвардии ротмистр в отставке потомственный дворянин Селимгерей Тевкелев, совершивший хадж, но не имеющий религиозного образования. В начале апреля 1865 г. Селимгерей Тевкелев дал свое согласие на занятие вакантной должности и 24 апреля был «высочайше» назначен оренбургским муфтием.

Таким образом, в период либеральных реформ в сфере управления духовными делами мусульман европейской части России и Сибири было продолжено делегирование власти по модели «самодержец – личный агент». Причем впервые была распространена практика назначения в правительственное учреждение, курирующее духовные дела подданных, недуховного лица, которая была введена еще Петром I в отношении

Синода: председателем коллегиального религиозного управления мусульман, оренбургским муфтием, был определен С.Тевкелев, благонадежный в политическом отношении, но не имеющий духовного звания. Важно подчеркнуть, что председателем Духовного собрания впервые был назначен потомственный дворянин, представитель привилегированного сословия, являющегося социальной опорой самодержавия.

Мнения представителей татарских элит о порядке выбора оренбургского муфтия и кандидата на эту должность были проигнорированы центральными властями. Правительство, нацеленное на формирование основ правового государства, проигнорировало действующее законодательство, даже не сочтя необходимым внести в него соответствующие изменения. Рассмотренный нами случай дает основание говорить о существовании двойного стандарта в реализации либеральных реформ в сфере национального (религиозного) вопроса в Российской империи.

Наиболее организованной корпорацией, последовательно транслирующей свои намерения до правительства, проявили себя татарские предприниматели. Индивидуальная и совместная коммерческая деятельность на огромных территориях, многолетние связи, тесное общение на ежегодных ярмарках (Нижегородская, Ирбитская и др.) сформировали устойчивую группу новой элиты, которая, используя возможности совместного общения, стремилась выработать единую позицию. Следует отметить, что купцы выступали как самодостаточная социальная сила и не привлекали в петиционное мероприятие представителей других социальных групп, уверенные в том, что их точка зрения является главной и олицетворяет собой мнение всех мусульман. Иначе говоря, они позиционировали себя элитой и ведущей, самой влиятельной силой в мусульманском сообществе. Лишь во время составления общественных приговоров от имени жителей отдельных городов купцы приглашали к совместному воле-

изъявлению из местных жителей только местных духовных лиц.

Большое влияние на торговцев Среднего Поволжья имели в этот период казанские коммерческие советники Ибрагим и Исхак Юнусовы, они возглавляли петиционные инициативы на Нижегородской ярмарке и Казани.

Инициатива татар г.Петропавловска по выдвижению своего кандидата ахуна Г.Яушева на должность муфтия свидетельствует о слабом влиянии казанских торговцев на юго-восток России и существовании в местностях, отдаленных от Казани, сильных региональных групп предпринимателей. При этом нужно отметить, ходатайство о выдвижении ахуна Г.Яушева на должность муфтия было составлено не на Ирбитской ярмарке, а лишь татарской общиной г.Петропавловска, что свидетельствует, скорее, о существовании среди татарских коммерсантов выработанной еще на Нижегородской ярмарке общей линии поведения относительно кандидата на эту вакантную высокую должность. Характерной чертой действий данной группы национальной элиты явилось также успешное сотрудничество с представителями администрации в лице местных губернаторов.

Наиболее замкнутой и безынициативной социально-общественной группой в плане консолидации проявили себя в этот решающий момент татарские религиозные деятели. Несмотря на существование центрального религиозного управления, отсутствовала система иерархического управления в регионах или связи между духовными лицами были слабыми. Не проявили себя и не использовали свои налаженные связи в местностях ахуны, что свидетельствует, скорее, о слабости их позиции среди духовных лиц и существовании модели взаимоотношений религиозного управления с мусульманским духовенством по схеме «ОМДС – уездное полицейское управление – приходское духовенство».

На активность духовных лиц, безусловно, повлияли их замкнутость, незнание или слабое знание государс-

твенного языка и общественных отношений в государстве, средневековые представления о наказуемости инициативы. В то же время следует отметить, что духовные лица четко осознавали свою корпоративную самобытность, считая своим исключительным правом выборы нового оренбургского муфтия. Пассивность духовенства в таком крупном мусульманском центре, как Казань, скорее объясняется зависимостью городских религиозных деятелей в материальном плане от торговцев, а авторитетная группа духовных лиц из близлежащей округи г. Оренбурга побоялась поставить свои подписи в письме министру внутренних дел.

Старшему сыну Габдулвахита Сулейманова ахуну Шарафутдину не удалось воспользоваться своим выгодным положением и выдвинуться от имени мусульманских духовных лиц и махаллей ни г.Уфы, ни уфимского региона. После смерти авторитет Г.Сулейманова улетучился и Шарафутдин со своими амбициями на высокую духовную должность вскоре оказался в одиночестве. Следует отметить, по степени глубокого знания законов ислама, государственного языка, степени интеграции в русское социокультурное пространство он был одним из достойных кандидатов на эту вакантную должность из числа имамов. Однако мнимый авторитет Г.Сулейманова сыграл с Шарафутдином Сулеймановым злую шутку: даже местные религиозные деятели спустя месяц после смерти отца не захотели видеть преемником его сына.

Среди религиозных деятелей выделяется колоритная фигура ахуна г.Петропавловска Г.Яушева, сумевшего мобилизовать местных купцов для выдвижения своей кандидатуры.

Имам гражданской махалли Санкт-Петербурга Мухаммет-Алим Хантемиров также грамотно организовал подачу общественного приговора от имени части местной общины, надеясь на везение.

Практически не проявили себя в этот период дворяне Оренбургской губернии,

хотя часть из них поддерживала между собой постоянные связи, будучи начальниками или представителями среднего звена в башкирских и мещеряцких кантонах, а также во время заседаний уездных дворянских собраний. Такая их позиция позволяет говорить об индифферентном отношении к мусульманскому вопросу, или об отсутствии осознания себя представителями национальной элиты, чувствующими ответственность за дальнейшую судьбу мусульман, или же некоторым из них мундир чиновника не позволял проявлять инициативу. Как было рассмотрено, и С.Тевкелев, и Ш.Алкин, проявившие интерес к выборам муфтия, находились в отставке. Опосредственно можно говорить о том, что, возможно, дворяне Оренбургского края имели некоторое отношение к появлению в списке кандидатов на должность муфтия генерал-адъютанта А.П.Безака (1863 г.) бывшего муллы, затем служившего кантонным начальником в Башкирском войске, подполковника Давлетшина.

В то же время необходимо подчеркнуть, что проект потомственного дворянина Шагиахмета Алкина был наиболее подготовленным, адекватно учитывал

сложившуюся ситуацию и был нацелен на разрешение проблемы с проведением выборов муфтия, тогда как купцы и духовные лица ограничивались выдвижением своих кандидатур, полностью делегируя выработку механизма проведения выборов в компетенцию властей, что лишней раз демонстрирует их слабую юридическую подготовку и неумение максимально использовать предоставленные законодательством и российским обществом возможности на этом поприще.

Вопросы, связанные с выбором оренбургского муфтия, в силу знаковой фигуры председателя Духовного собрания, признаваемого мусульманами центральным институтом по курированию религиозно-обрядовой жизни, вызвали отклик и инициативы представителей национальных элит. В пореформенный период, с развитием капиталистических отношений и усилением модернизационных процессов в стране, в разной степени проявились отношение представителей трех национальных элит к происходящим изменениям в жизни мусульман и их влияние на обновленческие процессы в татарском сообществе.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Материалы по истории Татарии второй половины XIX века. — Ч. 1. — М.—Л., 1936. — С. 206.

² РГИА, ф.821, оп.8, д.601, л.4 об.

³ Там же. — Лл.30-39.

⁴ Там же. — Лл.12-15.

⁵ Там же. — Лл.12-15.

⁶ Там же. — Л.15.

⁷ Там же. — Л.73.

⁸ Мухаммет-Алим родился в 1836 г. в Санкт-Петербурге в семье помощника имама гражданской махаллы Мухаммет-Амина Хантемирова. После назначения муллы Г.Сулейманова оренбургским муфтием и отъезда в г.Уфу в 1840 г. Мухаммет-Амин занял его место. В 1854 г. Мухаммет-Алим получил свидетельство имама-хатиба и стал помощником своего отца. После увольнения его с духовной должности, в 1856 г., возглавил гражданскую махаллу Санкт-Петербурга.

⁹ РГИА, ф.821, оп.8, д.601, л.41-49 об.

¹⁰ Тазетдин Максюттов в 1834 г. был избран и определен имамом при мечети д.Кульбаш Казанского уезда. В 1839 г. был избран заседателем в ОМДС. В последующие трехлетия, в 1842, 1846 и 1851 гг., повторно избирался старшим заседателем религиозного управления и во время отлучек или болезни Г.Сулейманова два раза исполнял его обязанности. За многолетнюю службу на этой должности Т.Максюттов в 1854 г. был награжден серебряной медалью на Анненской ленте.

¹¹ РГИА, ф.821, оп.8, д.601, л.53-56.

¹² Там же. — Лл.68-70 об., 78.

¹³ Материалы по истории Татарии второй половины XIX века. — М.; Л., 1936. — С.166–167.

¹⁴ РГИА, ф.821, оп.8, д.601, л.67.

¹⁵ Там же. — Лл.79-79 об.

¹⁶ Там же. — С.167.

¹⁷ Г.Г. Яушев, из татарских князей, в 1852 г. он стал имамом-хатибом 2-й мечети в подгорной части г.Петропавловска, а в 1858 г. был утвержден старшим ахунем Тобольский губернии.

¹⁸ Абдуллах Акчурин, Мустафа Девлеткильдеев, Хамза Сутюшев, Халид Бакметов, Шагиахмет Ибрагимов, Касымхан Ялимов, Хасан Сутюшев, Сайфутдин Мусинов, Ахметжан Ермаков, Сапкул Мамкин, Сайфутдин Муратов, Габидулла Апсалямов, Абдулвали Абдулвагапов, Дамизян Муратов, Мухамадвали Салитов, Ибрагим Макситов, Юсуф Шакиров, Мухмаджан Макситов и Фахретдин Нагаев.

¹⁹ Халиулла Халитов, Тимербулат Девлеткильдеев, Тимергали Салимов, Фахретдин Саманов, Гумер Халитов, Мухаматлатиф Байгильдин, Мухаматзакир Байгильдин, Хамит Залитов, Мухаматсабир Байгильдин, Ахметжан Максютто, Нурмухаммет Мусин, Мухаметрахим Байгильдин.

²⁰ Там же. — Лл.123–123 об.

²¹ Там же. — Лл.171-173.

²² Там же. — Лл.170.

²³ Там же. — Лл.174-176.

²⁴ Там же. — Лл.181-182.

²⁵ *Мәрҗани Ш.* Мөстафадел — әхбар фи ахвали Казан вә Болгар (Казан һәм Болгар хәлләре турында файдаланылган хәбәрләр). Кыскартып төзелде / Ш. Мәрҗани.— Казан: Татар. кит. нәшр., 1989. — Б.223.

²⁶ РГИА, ф.821, оп.8, д.601, л.178.

²⁷ В примечании к тексту на этом месте сам же добавляет: «Сулейманов, пробыв оренбургским муфтием 20 лет, был мало полезен Правительству и не оставил о себе никакой памяти в народе».

²⁸ РГИА, ф.821, оп.8, д.601, лл.121 об.-122.

²⁹ Материалы по истории Татарии второй половины XIX века. — М.—Л., 1936. — С.180.

Summary

Tatar national aristocracy and problem of new Orenburg mufti electivity in 1860.

УДК 314 (091) (5)

ИМПЕРСКАЯ ТРАДИЦИЯ В ДРЕВНЕТЮРКСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

С.Г.Кляшторный, кандидат исторических наук, профессор

Фактор имперской традиции в истории сложения древнетюркской цивилизации еще ждет исследовательского внимания. Между тем все, что мы можем определить как признаки, присущие цивилизации, и прежде всего, достаточно развитая письменность и запечатленная в этой письменности историческая память, явилось прямым следствием создания в степной зоне Евразии Тюркской империи и наследовавших их государств (VI–X вв.).

Динамика возникновения центральноазиатских империй, а все они созданы кочевниками, казалось бы, проста и прозрачна. Уже первоначальный завоевательный импульс направлен не столько на расширение пастбищных территорий (это аномальный случай), сколько на подчинение стран с иным хозяйственно-культурным укладом. Степные племена консолидируются под властью одного вождя, одного рода, одной династии. Подчинив племена, соперничающие во власти над степью, завоеватель стремится поставить в зависимость от себя страны и народы с многообразными типами хозяйственной деятельности и, как правило, с развитой государственностью. Зависимость реализуется либо в форме непосредственного подчинения завоеванных стран новой династии, либо выплатой обусловленной дани. Именно на этой стадии государство, созданное кочевниками, преобразуется в империю¹.

Первоначально, в V–IV вв. до н.э., тенденция к интеграции в объединение имперского типа полилингвальной и полиэтничной массы скотоводчес-

ких племен определялась военными потенциями юэчжийского племенного союза, чье господство или военное преимущество было неоспоримым на пространстве от Восточного Притяньшанья и Горного Алтая до Ордоса. Но на рубеже III–II вв. до н.э., в ходе длительных и жестоких войн за власть над Степью, военные приоритеты перешли к их северо-восточным соседям и прежним данникам, племенам сюнну (гуннам).

В эпоху сюнну простые единицы социального и квазиполитического устройства, обозначаемые в современной научной литературе термином «вождество», трансформировались в то состояние, которое мы определяем термином «раннее государство», а применительно к обозначенным месту и времени – термином «архаическая империя», объединенная силой или угрозой силы и сама состоящая из раннегосударственных образований и вождеств. Держава гуннов, выросшая из военной демократии жунских племен VI–IV вв. до н.э., сложилась в борьбе не на жизнь, а на смерть с соседними племенами и китайскими царствами.

Впрочем, по мнению Т.Барфилда (1991), не следует преуменьшать сохраняющееся значение племенной аристократии, а саму гуннскую державу лучше обозначить термином «имперская конфедерация» (*imperial confederacy*). Т.Барфилд считает, что для внутреннего развития кочевого общества государственные структуры не нужны и они возникают у кочевников только в результате воздействия внешних обстоя-

ятельств, исключительно для военного принуждения соседних государств к уплате дани (*subsidiaries*) или открытию пограничных рынков². Напротив, по мнению Е.И.Кычанова (1997), государство гуннов, как и иные государства кочевников, возникло в результате внутренних процессов в самом кочевом обществе, процессов имущественного и классового расслоения, приведших к рождению государства со всеми его атрибутами³. Как бы то ни было, мне представляется верным наблюдение Дж.Флетчера (1986), считавшего, что «тенденция к империи» в раннегосударственных образованиях центральноазиатских кочевников проявлялась прежде всего во всевозрастающей абсолютизации ханской власти и развитии жесткой военизированной структуры их административных и политических формирований⁴.

В самом деле, рассмотрим, как запечатлены в текстах древнетюркских рунических памятников предписанные кагану деяния, определяемые его функциональным статусом.

Каган был прежде всего, гарантом благополучия «вечного эля» (т.е. империи), а основным условием существования эля провозглашены верность кагану бегов и «всего народа». Имя кагана выступает как эпоним («в эле Ильтериш-кагана», «в эле Бильге-кагана») и синоним («земля Капаган-кагана» названия государства. Ради «тюркского эля» каган должен «приобретать (т.е. предпринимать завоевания) до полного изнеможения», ради «народа тюрков» он должен «не спать ночей и не сидеть (без дела) днем». Война и мир, битва и союз – все решается по воле кагана для благоденствия «тюркского эля». Военные и дипломатические прерогативы кагана абсолютны, но ими не исчерпываются все его функции. Надписи постоянно фиксируют конкретные действия кагана и тем определяют его место в системе управления. Так, каган а) поселяет и переселяет побежденные племена, т.е. заново определяет их территорию; б) расселяет тюрков на завое-

ванной территории, распределяя земли между племенами; в) собирает, расселяет и «устраивает» тюрков в «стране Отюкен», т.е. на коренной территории народа тюрков; г) передает на определенных условиях часть племенных земель в своей собственной стране каким-либо группам иммигрантов (например, согдийцам). Главным преступлением «народа» против кагана и «вечного эля» была откочевка на другие земли, т.е. выход из-под каганской власти. Поэтому памятники полны предостережений и угроз против тех, кто замыслил отделение – откочевку, а к числу главных функций кагана отнесено «сбирание» и «устроение» народа на подвластной кагану территории, т.е. создание политической организации, системы подчинения.

Каковы были социальная и политическая структуры Тюркского эля? Тюркский племенной союз (*тюрк кара камаг бодун*), состоявший из племен (*бод*) и родов (*огуш*), был политически организован в эль. Родоплеменная организация (*бодун*) и военно-административная организация (*эль*) взаимно дополняли друг друга, определяя плотность и прочность социальных связей. По терминологии одного из рунических памятников хан «держал эль и возглавлял бодун». Он осуществлял функции главы внутри своего собственного племенного союза (народа) по праву старшего в генеалогической иерархии и выступал в роли вождя, верховного судьи и верховного жреца. Вместе с тем, возглавляя эль, он выполнял функции военного руководителя, подчинявшего другие племена и страны, вынуждавшего их к уплате даней и податей.

Хан опирался на племенную аристократию – бегов. Обращаясь с надписями-манифестами к своим «слушателям» («слушайте хорошенько эту мою речь!») – требует Бильге-каган) тюркские каганы выделяют среди внимающих им два сословия – знать и народ. Стереотип обращения – *тюрк беглер бодун* «тюркские беги и народ». Наиболее резкое противопоставление

знати и народа в памятниках уйгурской эпохи: *атлыг* «именитые» и *игиль кара бодун* «простой народ». Беги были аристократией по крови, по праву происхождения из того рода, особый статус которого в делах правления считался неоспоримым, освященным традицией. Элитой аристократии по крови был в Тюркском эле род Ашина, в государстве уйгуров — род Яглакар. Вместе с несколькими другими знатными родами, иерархия которых была общеизвестна и общепризнанна, они составляли особое наиболее привилегированное сословие. Из них формировалась высшая имперская аристократия, правившая элем, — *айгучи* «советники», *ана таркан* «высшие командиры армии», девять «великих *буюркуков*» (три «внешних» и шесть «внутренних»), составлявших верховную администрацию эля, другие военно-административные руководители государства⁵.

Декларируемой обязанностью кагана и его окружения была забота о благосостоянии соплеменников. Во всех надписях каганов и их сподвижников настойчиво повторяется, что только каган с помощью своих родственников и свойственников способен «вскормить народ». В уцелевших фрагментах Бугутской надписи эта формула повторена трижды; про Мухан-кагана (553–572) сказано, что он «хорошо вскормил народ». Бильге-каган постоянно напоминает, что он «одел нагой народ», накормил «голодный народ», сделал богатым «бедный народ», благодаря ему «тюркский народ много приобрел», «ради тюркского народа» он и его младший брат Кюль-тегин «не сидели без дела днем и не спали ночью». Бильге Тоньюкук, айгучи трех каганов, напоминает о неустанных «приобретениях» ради тюркского народа, осуществлявшихся Ильтериш-каганом и им самим, и сопровождает свои слова сентенцией: «Если бы у народа, имеющего кагана, тот оказался бы бездельником, то горе было бы у того народа!»

Несмотря на явное преобладание военных устремлений, в политических

программах правителей Тюркского эля проглядываются и иные мотивы. Было и стремление к симбиотическим связям с иной цивилизацией и иными духовными ценностями, которыми она обладает. Уже четвертый тюркский каган, Таспар (572–581), свою главную заслугу видит в создании новой буддийской сангхи, т.е. в заимствовании и распространении буддизма в тюркской кочевой среде, — вспомним санскритскую надпись на Бугутской стеле, начертанную, вероятно, индийским миссионером Чинагуптой. Десять лет Чинагупта и его ученики прожили при дворе Таспара, склонив его к принятию новой веры; но еще более, чем проповедь индийского монаха, Таспара побуждала к смене веры потребность в духовной связанности мировой империи, созданной дедом и отцом. Только жестокая междоусобная война и последующий распад единого эля остановили начавшуюся конверсию⁶. В двадцатые годы VIII в. после победоносной войны с Китаем, решившей проблему южных караванов, т.е. китайской платы за мир на северной границе, Бильге-каган (716–734) резко меняет политическую линию отца и дяди, Ильтериш-кагана (687–692) и Капаган-кагана (692–716). Он пишет в своей *apologia pro vita sua*, начертанной на посмертной стеле младшего брата: «Я связал свою жизнь и жизнь своего народа с народом табгач!». Внешним выражением смены курса Бильге избрал смену веры — он решил провозгласить государственной религией столь популярный тогда в Китае буддизм. Китафильская политика встретила столь жестокое сопротивление элиты каганата, что Бильге вынужден был отказаться от своей идеи.

Минуло сорок лет, тюркскую династию уже сменила в ставке на Орхоне уйгурская династия, ее основатель Элетмиш Бильге-каган (747–759) избирает новое направление имперской экспансии — оазисные царства Восточного Туркестана⁷. И сын Элетмиша, Бёгю-каган (759–779), обращает свой народ в манихейство. Он не

скрывает, что новый акт выбора веры свершен им в результате соглашения с городами- государствами Таримского бассейна, где влияние и власть были в руках согдийских манихейских конгрегаций.

Опыт заимствования и распространения чужой веры не был единственным путем создания общеимперской идеологии. Исследования последних лет именно в религиозно-мифологическом слое древнетюркской культуры выявили системные совпадения в столь отдаленных друг от друга регионах, как Северная Монголия, Кавказ и Дунайская Мадара.

Одна из надписей Мадарского святилища упоминает верховного бога праболгар, которого «хан и полководец» Омуртаг почтил жертвоприношениями. Имя бога — Тангра. Оно сразу вводит исследователя в мир древнейшей религии центральноазиатских кочевников, в мир орхонских тюрков. Но все же терминологического совпадения в имени верховного божества праболгар и древних тюрков недостаточно для более определенных выводов о степени их близости. Праболгарский пантеон из-за крайней скудости сведений о самих дунайских болгарях времен Первого Болгарского царства остается невыявленным, и это обстоятельство заставляет обратиться к племенам праболгарского круга. Неожиданные и яркие сведения такого рода содержит источник, далекий от Дуная и Центральной Азии. В «Истории албан» Моисея Каланкатуйского (X в.) содержится текст «Жития епископа Израэля», главы албанской христианской миссии, которая посетила в 682 г. «страну гуннов» в предгорной долине Дагестана. Здесь еще в VI в. группа тюркоязычных гунно-болгарских племен создала жизнестойкое государственное объединение, которое в VII в. Ананий Ширакаци именовал «царством гуннов». Автор «Жития», албанский клирик, не поскупился на яркие характеристики «дьявольских заблуждений и скверных дел» идолопоклонников, погруженных, как он пишет,

«в языческую грязную религию». Именно из этих разоблачений становятся известны ценнейшие реалии, дающие представление о пантеоне, обрядах и обычаях праболгарских племен. Высшее божество пантеона — Тенгри-хан. Среди других — божество Земли-Воды (орхонское *Йер-Суб*), женское божество плодородия, которое албанский клирик, не чуждый классической образованности, называет Афродитой (орхонская *Умай*), «некие боги путей» (древнетюркские *Йол-тенгри*). Как очевидно, гунно-болгарский пантеон VII в. детально совпадает с пантеоном рунических текстов Монголии и Восточного Туркестана. Учитывая несомненное тождество гунно-болгарского и древнетюркского пантеонов и время миграции праболгарских племен (племенной суперсоюз *огуров*), оставивших свою центральноазиатскую прародину не позднее V в., можно полагать, что та сложная религиозно-мифологическая система, которую мы называем «древнетюркской», сформировалась еще до середины I тыс. н.э. Но в эпоху существования Тюркского каганата эта система пережила существенную трансформацию — возникает политизированный общеимперский культ каганской четы, «рожденной на Небе и поставленной Небом», культ кагана и его старшей жены, ставшими земной ипостасью четы небесной — Тенгри и Умай, покровительствующей династии. И наряду со «священной пещерой предков», с ее ежегодными ритуалами и жертвоприношениями, появляются храмы каганов-предшественников, главным из которых в VI в. был храм основателя империи — Бумына. Именно после моления в этом храме и «совета» с духом обожествленного кагана-предка Таспар, как о том упоминает Бугутская надпись, принимал важнейшие государственные решения и объявлял их как волю кагана-основателя.

Таким образом, рассмотрение свидетельств рунических памятников и сообщений иных источников позволило обратиться к проблеме сложения

социально-культурных и идеологических представлений, существовавших накануне появления древнетюркской государственности внутри и за пределами центральноазиатской ойкумены. С рождением Тюркского эля унаследованная традиционная культура приобрела новые формы, в рамках которых появились качественно иные формы бытия и новые коммуникативные средства — седентеризация и урбанизация части населения, строительство городов в местах степных княжеских ставок, религиозные искания и, вершина достигнутого, — письменность, прошедшая путь от камнеписных стел

до рукописей на бумаге, письменность, породившая в VIII—XIII вв. богатую и разнообразную литературную традицию. Все это позволяет охарактеризовать древнетюркскую цивилизацию Центральной Азии как систему, включившую в себя наряду с архаичными и консервативными прогрессирующие и подвижные структуры, определившие сравнительно высокий, хотя и кратковременный динамизм ее развития. Эта цивилизация была неотделима или, во всяком случае, генетически связана с Тюркским элем — первой евразийской империей, созданной кочевыми племенами Центральной Азии.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Подробнее см.: *Кляшторный С.Г.* Степные империи древних кочевников Центральной Азии // Этнокультурное взаимодействие в Евразии. Программа фундаментальных исследований Президиума российской Академии наук. Под ред. А.Н.Деревянко, В.И.Молодина, В.А.Тишкова. Кн. 1. — М.: Наука, 2006. — С. 192—195.

² *Barfield T.J.* The Perilous Frontier. Nomadic Empires and China. — Cambridge: Mass., 1992. — С. 45—60.

³ *Кычанов Е.И.* Кочевые государства от гуннов до маньчжуров. — М., 1997. — С. 3, 6—37.

⁴ *Fletcher J.* The Mongols: ecological and social perspectives // Harvard Journal of Asiatic Studies. — 1986. — Т. 46, № 1. — С. 21.

⁵ Подробнее см.: *Кляшторный С.Г.* Формы социальной зависимости в государствах кочевников Центральной Азии (конец I тыс. до н.э. — I тыс. н.э.) // Рабство в странах Востока в средние века. — М.: Наука, 1986. — С. 217—228; *Klyashtornyj S.G.* Customary Law the ancient Turkic states of Central Asia: the legal documents and practical regulations // Central Asian Law an Historical Overview. — Topeka, University of Kansas, 2004. — С. 13—39.

⁶ *Klyashtornyj S.G., Livshic V.A.* The Sogdian inscription of Bugut revised // Acta Orientalia Hungarica. — Т. XXVI, 1972, fasc.1. — С. 69—102.

⁷ Подробнее см.: *Кляшторный С.Г.* Памятники древнетюркской рунической письменности и этнокультурная история Центральной Азии. — СПб.: Наука, 2006. — С. 309—319.

Summary

The Turkic empire and its heir-states in the steppe zone of Eurasia (VI—X cc.) shaped a certain type of civilization which deeply transformed not only traditional social and political institutes of nomads but also their local cultural tradition, structure of religious concepts (politicized tengriism) and system of communicative tools (own script).

УДК 339.5

КАЗАНЬ КАК ЦЕНТР ТРАНЗИТНОЙ ТОРГОВЛИ В XIX В.

Л.М.Свердлова, кандидат исторических наук, доцент

Казань XVIII–XIX вв., являясь важнейшим экономическим центром страны, играла значительную роль в складывании и функционировании общероссийского рынка, оказывала большое влияние на развитие коммерческой деятельности в восточной части страны, соседних с ней регионах, в уездных городах самой губернии. В основу процветания Казани легла, главным образом, транзитная посредническая, оптовая торговля.

Транзитная оптовая торговля, которая велась через Казань в исследуемое время, вывела город в число крупнейших торговых центров Восточной России. Товары, привезенные с Нижнего и Среднего Поволжья, Прикамья, Закавказья, из Сибири и с Урала здесь сосредоточивались, хранились и перераспределялись по городам и ярмаркам России, для отправки за границу. Казанское купечество вело активную торгово-предпринимательскую деятельность на восточном внешнем рынке, в сферу его интересов входили Средняя Азия, Западный Китай, Персия.

В начале XIX в. петербургскому порту казанские купцы отпускали хлеб, юфть, сало топленое говяжье и баранье, воск, мед. В Архангельск отправляли юфть, воск, топленое сало, пшеницу, горох, просо, шетину. На астраханский торг доставляли хлеб, юфть, мед, воск, дрова, лубья, смолу, деготь, а вывозили деревянное масло, олово прутковое, жесь листовую, ладан, виноградное вино, чернослив и винные ягоды, рыбу, икру, ткани, орехи. В Москве казанцы торговали рыбой, икрой, воском, медом, мылом, чулками «панскими и русскими», а в городах Поволжья — «вся-

кого рода хлебом», дегтем и смолой. Закупали же они золотые и серебряные позументы, парчу, шелковые и бумажные ткани, мишуру, оловянную посуду, сахар и «всякие фабричные товары». В первой половине XIX в. товарооборот Казани быстро растет: с 10–12 млн. в начале столетия до 26 в 1823 г. и 58 млн. рублей в 1852 г.¹ М. С. Рыбушкин² отмечал: «Приготавливаемые в Казани мыло и сальные свечи в большом количестве развозят на продажу кроме столиц и в отдаленные места Сибири и ценятся там по доброте своей очень высоко».

Немалое значение в превращении Казани в торгово-посреднический центр сыграло ее географическое положение на пересечении сухопутных и водных путей, которые имели общероссийское значение. Транспорт — важнейшее связующее звено в экономике России, без него невозможно нормальное функционирование ни одной отрасли хозяйства, ни одного региона страны.

Главнейшей транспортной магистралью европейской части страны в кон. XVIII — нач. XX вв. была Волга с ее притоком Камой. Она включалась в широтное магистральное сибирское направление «восток — запад» и меридиальное Волго-Кавказское магистральное направление «север — юг», по которым шел основной грузопоток, и не только восточной части страны.

Волга связывала Казань со странами Востока и Кавказа, камский путь вел на Урал и в Сибирь. По территории губернии протекали малые реки: Вятка, Сура, Свияга, Бездна, Цивиль, Малая Кокшага, Казанка, которые многие века также служили транспортными магистралями. По отношению длины

судоходных путей к пространству губернии Казанская губерния относилась ко второму разряду, где на 100 кв. верст площади губернии судоходных путей приходилось до двух верст³.

Основные потоки массовых грузов осуществлялись в широтном направлении, а Волга, Кама и их притоки имели меридиальное направление, и это было одним из главных недостатков речной транспортной системы. Вторым недостатком является сезонность перевозок, так как ледостав на Волге длится от 100 до 140 дней. К преимуществам речных транспортных перевозок следует отнести достаточно низкую, по сравнению с сухопутными перевозками, себестоимость речных перевозок, меньшие капитальные затраты на обустройство перевозок, чем в сухопутных видах транспорта, возможность перевозить крупногабаритные грузы, такие как минеральные стройматериалы, лес, уголь, зерно, а позднее нефть и нефтепродукты.

Главнейшими грузами на водных путях были дрова и лесные строительные материалы, на долю которых приходи-

лось свыше 56% всей перевозки. Второе место занимал хлеб (15%), затем шли нефтяные грузы, в количестве около 10%, и соль в размере свыше 2% общего итога перевозки.

Казань, раскинувшаяся на левобережье Волги, до 70-х гг. XIX в. имела одну пристань — «Бакалду», расположенную на берегу Казанки в Адмиралтейской слободе. Ее построили еще в середине XVI в. в пяти верстах от города. Со временем Казанка настолько обмелела, что пристань могла действовать с полной нагрузкой только во время весеннего разлива Волги, когда суда разгружались даже по берегам протоки Булак. В 1812 г. было создано Камское, а в 1820 г. — Волжское пароходства. Накануне отмены крепостного права по Волге и Каме ходило 220 пароходов, что составляло почти половину речного парового флота Европейской России⁴. В камском и волжском речном флоте преобладали многочисленные баржи и буксирные пароходы, передвигавшие сразу несколько непаровых судов с грузом. В 70-е гг. XIX в. была выстроена вторая казанская пристань — «Устье».

Таблица 1

Грузовые потоки на казанских пристанях⁵

Годы	Число грузившихся судов	Число разгружавшихся судов	Всего судов
1835	423	437	860
1836	278	580	858
1837	315	496	811
1838	418	561	809
1839	441	468	909
1840	547	541	1088
1841	496	529	1025
1842	699	547	1246
1843	391	490	881
1844	586	612	1198
1845	416	522	938
1846	420	471	891
1847	406	426	832
1848	424	329	753
1849	448	428	876
1850	432	529	961
1851	383	202	585
1852	393	338	731
1853	376	254	630
1854	380	253	633
1855	409	245	654
1856	306	453	759
1857	499	236	735

Пристани Казани до конца XIX в. отличались значительным грузооборотом, уступая на Волге лишь Нижнему Новгороду и Рыбинску. В 1845 г. на казанских пристанях грузилось 938, зимовало 158, прошло мимо города 4140 судов. За навигацию 1872 г. здесь приняли до 1300 грузовых судов разных размеров, 720 пассажирских и 360 буксирных пароходов. В затонах около Казани на зимовку оставалось до 300 судов⁶.

По данным Казанского биржевого комитета, в навигацию 1868 г., которая длилась около шести с половиной месяцев, через городские пристани прошло 41 065 500 пуд., в том числе 32 800 500 пуд. хлеба, а остальное составили сало, кожи, воск, мед, мыло, свечи, рыба, шерсть, овчины, мерлушка, пушнина, щетина. При этом неучтенными остались такие «традиционные статьи вывоза», как смола, деготь, корье, лыко, мочало, примерно на миллион серебром, и соль пермская до 5 млн. пуд. Отметим, дополнительно к названной цифре грузооборота пристаней 1868 г. нужно добавить 2 млн. пуд. хлебного груза, который ввезли и вывезли в половодье по Казанке, а 19 680 000 пуд. хлеба и льняного семени, 2 млн. пуд. сала, поташа, щетины, шерсти, кож, спирта и прочего товара скопилось на пристанях Камы ниже Сарапула, так и не дождавшись очереди для переброски в Казань⁷.

В начале 1880-х гг., в самое неблагоприятное для казанских деловых людей время, каждый год от Астрахани отправлялось до 150 млн. пуд. груза. За исключением выгруженных в Царицыне 30 млн., в Саратове 7 млн. и Самаре 2 млн., до Казани доходило около 110 млн. пуд. Здесь отправки ожидало еще до 120 млн. пудов, сплавленных по Каме до «Устья». Часть груза, от 30 до 100 млн. пуд., в зависимости от уровня воды на Волге, на пристани перегружалась с больших судов на мелкие. Вверх по Волге уходило до 230 млн. пуд. груза, большая часть которого предназначалась для Нижегородской ярмарки. Вот почему оказались неучтенными топливо, лесные и строительные, пош-

тучные грузы, которые на ярмарке не продавались. Всего в навигацию в этот период вверх и вниз по Волге между Казанью и Нижним Новгородом переправлялось до 320 млн. пуд. разного груза⁸.

И даже после ввода в действие железной дороги на более дешевые водные перевозки приходилась основная часть нагрузки. По сведениям Министерства путей сообщения, в 1908 г. по Волге в Казань доставили 47725000, а отправили 14237800 пуд., то есть общий грузооборот волжских пристаней доходил до 62 млн. пуд., в то время как на железнодорожной станции «Казань» погружено и выгружено примерно 10 млн. пуд⁹.

В России первые шоссейные дороги начали строить в 1817 г., с 1836 по 1855 гг. их сооружение велось с особым размахом. Во второй половине XIX в. все шоссейные и грунтовые дороги по фактическому заведованию распределялись на: 1) шоссейные (тракты), состоящие в ведении Министерства путей сообщения, 2) губернские и уездные, в основном грунтовые, входили в ведение земств, 3) проселочные грунтовые дороги, находились в ведении полиции. С 1861 г. постройка шоссейных дорог в центральных губерниях Министерством путей сообщения совершенно прекратилась, так как внимание правительства всецело было отвлечено на сооружение железных дорог.

В конце XVIII в., в связи с усилением торговых отношений с Китаем и Средней Азией, главным транзитным путем между Европейской Россией и Сибирью становится так называемая Казанская дорога, тот путь, который начинался от Казани и шел через Тюмень, Екатеринбург, Кунгур и Пермь. Сибирские купцы ездили на Макарьевскую (Нижегородскую) ярмарку по двум путям, соединявшим Сибирь с европейской частью: северным путем — через Верхотурье и Соликамск и южным — через Кунгур и Казань. Уральские купцы перевозили товар в Москву либо через Вятку (Хлынов), либо через Казань¹⁰.

Казань располагалась «в средоточии больших дорог, необходимых для проезда в важнейшие города и места, из которой оные разделяются в Вятку, в Тобольск и во всю Сибирь, Оренбург, Уфу, Уральск, и во все степные места и крепости»¹¹. Через город был проложен старейший путь, соединявший столицы России с Уралом и Сибирью (Москва – Казань – Екатеринбург – Тюмень). Его начало – Московский тракт, который связывал с российским центром не только столицу Казанской губернии, но и уездные города Свияжск, Чебоксары, а всех их – с Нижним Новгородом. Едва ли не единственной дорогой по суше из внутренней России в Оренбургский край, а оттуда в Ташкент, Самарканд, Бухару был Оренбургский тракт, который по территории губернии, кроме Казани, проходил через Лаишев и Чистополь. Царевококшайский тракт вел в города Вятской губернии, одного из главных торговых партнеров Казани, а Симбирский и Спасо-Симбирский тракты использовались купцами в торговле с городами, расположенными ниже по Волге. Через Казань был проложен и печально известный Сибирский тракт. Эти дороги, отмеченные на

границе города заставами, входили в ведение Министерства путей сообщения и содержались на средства государства.

Специфика транзитной торговли заключается в том, Казань использовалась как крупная перевалочная база для складирования товаров в ожидании благоприятных конъюнктурных, погодных, дорожных условий, необходимого срока для дальнейшего продвижения товаров к местам их продажи, в нашем случае на Нижегородскую, Ирбитскую, Мензелинскую, Оренбургскую и другие ярмарки Волжско-Уральского, Сибирского и Среднеазиатского регионов. В Казани торговцы могли совершать разовые оптовые операции перепродажи товара как через биржу, так и по договоренности другим, более крупным предпринимателям, которые и везли большие партии на ярмарки. Такие операции не требовали записи коммерсантов в казанскую купеческую гильдию, и торговцы фиксировались в документах по месту их постоянного жительства. В документах, отложившихся в Национальном архиве Республики Татарстан¹², запись часто была неполной, в ней могла указываться лишь губерния, из которой прибыл торговец.

Таблица 2

Транзитные торговые связи Казани с губерниями России в 1871 г.

Губерния	Чел.	Губерния	Чел.	Губерния	Чел.
1. Вятская	105	16. Пензенская	9	31. Иркутская	2
2. Уфимская	90	17. Тобольская	8	32. Калужская	2
3. Саратовская	54	18. Донская область	7	33. Киевская	2
4. Московская	45	19. Томская	6	34. Псковская	2
5. Самарская	44	20. Енисейская	5	35. Тифлисская	2
6. Симбирская	43	21. Орловская	4	36. Виленская	1
7. Нижегородская	42	22. Тульская	4	37. Воронежская	1
8. Оренбургская	39	23. Терская область	4	38. Екатеринославская	1
9. Пермская	38	24. Уральская область	3	39. Кубанская область	1
10. Ярославская	29	25. Сыр-Дарьинская область	3	40. Курляндская	1
11. Владимирская	15	26. Лифляндская	3	41. Курская	1
12. Костромская	12	27. Выборгская	3	42. Рязанская	1
13. Ставропольская	12	28. Бакинская	3	43. Семипалатинская область	1
14. С.-Петербургская	11	29. Акмолинская	2	44. Смоленская	1
15. Астраханская	10	30. Архангельская	2	45. Херсонская	1
Итого					676

Наиболее тесные торговые связи Казани установились с предпринимателями Вятской губернии – основного торгового партнера казанцев. Из 105 коммерсантов этой губернии 19 чел. прибыли из Уржума, 15 чел. – из Яранска, по 12 чел. представлены торгово-предпринимательскими кругами Вятки, Малмыжа и Сарапула, 11 чел. приехали из Елабуги, 9 – из Нолинска, 7 – из Слободского, остальные города Вятской губернии представили по 2–4 чел.

Вторым торговым партнером казанского купечества являются предприниматели Уфимской губернии – 90 чел. Наиболее полно представлены города Бирск (37 чел.) и Уфа (22 чел.).

Третье место по числу торговавших через Казань занимают жители Саратовской губернии (54 чел.). Далее следуют торговцы Московской губернии (45 чел.) и, в частности, Москвы (33 чел.), Самарской (44 чел.), Симбирской (43 чел.), Нижегородской (42 чел.), Оренбургской (39 чел.), Пермской (38

чел.), Ярославской (29 чел.) и других губерний.

Что же касается торговцев-мусульман, то наибольшее их число прибыло, не считая городов и уездов Казанской губернии, из Уфимской (20,2%), Оренбургской (14, 6%) и Вятской (11,3%) губерний.

Оптовый вид торговли требовал значительных капиталовложений, включая затраты на закупку товара оптом, на их транспортировку, больших временных затрат. Вот почему по сословной принадлежности купцы составляли подавляющее большинство торговцев – 566 чел., или 83,8 % от числа участвовавших в транзитной торговле, мещане – 81 чел., или 12%, крестьяне – 28 чел., или 4,2%. Женщины в числе торговцев составляли 3,3% (22 чел.), из них 21 чел. (95,5%) – купчихи и одна крестьянка (4,5%), что, несомненно, связано как с трудоемкостью самой оптовой торговли, так и с необходимостью частых отлучек из дома (см. приложение 2).

Таблица 3

Мусульмане-участники транзитной торговли через Казань в 1871 году
(по экономическим районам России¹³)

Район России	Число мусульман, занятых транзитной торговлей через Казань		
	всего по району	к числу торговавших по району через Казань	к числу всех, торговавших через Казань
	абс.	%	%
I. Северо-восточный – Земледельческий	66	100	53, 2
1. Казанская губерния	52	78, 8	41, 9
2. Вятская губерния	14	21, 2	11, 3
II. Южно-Уральский	43	100	34, 8
1. Уфимская губерния	25	58, 1	20, 2
2. Оренбургская губерния	18	41, 9	14, 6
III. Волжско-Сурский	7	100	5, 6
1. Саратовская губерния	1	14, 2	0, 8
2. Самарская губерния	3	42, 9	2, 4
3. Симбирская губерния	3	42, 9	2, 4
IV. Средняя Азия	3	100	2, 4
1. Сыр-Дарьинская область	2	66, 7	1, 6
2. Уральская область	1	33, 3	0, 8
V. Московско-Промышленный	2	100	1, 6
1. Нижегородская губерния	2	100	1, 6
VI. Северо-Уральский	1	100	0, 8
1. Пермская губерния	1	100	0, 8
VII. Северный Кавказ	1	100	0, 8

Следовательно, основные торговые потоки шли через Казань из Волжско-Уральского региона, соединенного с городом удобными речными и транспортными связями по основным трактам России.

Помимо основных магистральных направлений, в которые были включены Казанская губерния и ее столица, территорию губернии охватывала транспортная сеть внутригубернского и местного значения, входившая в единую транспортную сеть страны. Казанскую губернию пересекало восемнадцать торговых и проселочных дорог. Они соединяли уездные города между собой, а последние — с Казанью, за их состояние с 60-х гг. XIX в. отвечали земства. Законом от 1 июня 1895 г. расходы по уплате казне пособий на содержание судебно-административных учреждений, образованных по закону от 12 июля 1889 г., а также издержки на содержание мировых судебных и по крестьянским делам учреждений и губернских распорядительных комитетов были перенесены за счет казны. Освободившиеся в земских бюджетах суммы вносились в дорожные капиталы, которые в 1895 г. по губернии составили 9, 2% всех земских расходов. Сельские общества в 1894 г. затратили из мирских сумм на содержание в исправности дорог, мостов и переправ по 34911 руб. в среднем в каждой из 34 земских губерний. Подчеркнем, трудовые и материальные затраты сельских обществ не учитывались.

В навигацию 1871 г. через Казань перевезли товар 355 жителей Казанской губернии, что составляет 34,4% от общего количества участников транзитной торговли через столицу губернии, зарегистрированных в документе¹⁴. Женщины в составе торговцев составляли 1,7%. 187 чел. (52,7%) являлись жителями городов и посадов, 168 чел. (47,3%) приехали из сел и деревень. Разница между числом горожан и сельчан, занимавшихся транзитом, невелика и составляет 19 чел. (5, 4%) в пользу горожан. Значительная часть торговцев жила скупкой и перепродажей зерна,

крупы, сена и другой сельскохозяйственной продукции, включая кожи, сало, воск для дальнейшей перепродажи на ярмарках.

Из 355 торговцев — жителей Казанской губернии 303 чел. (85,4%) были христианами, включая 6 женщин, и 52 чел. (14,6%) — мусульманами. Если в число христиан, наряду с русскими, входили и другие народы, жившие в Казанской губернии, то мусульман представляли казанские татары.

Из 187 горожан торговцы христиане, включая 2 женщины, составляли 174 чел. (93%), а мусульмане — 13 чел. (7%). Из 167 сельчан 129 чел. (76,8%) были христианами, включая 4 крестьянки, 39 чел. (23, 2%) — мусульманами.

Следовательно, из 303 торговцев христиан выходцев из городов и посадов Казанской губернии было 174 (57,4%), сельчан — 129 чел. (42,6). Горожан христиан было на 45 чел. (14,6%) больше, чем приехавших из сел и деревень губернии.

Из 52 торговцев мусульман городскими жителями являлись 13 чел. (25%), сельскими — 39 чел. (75%), т.е. деревенских жителей было в два раза больше городских. Это можно объяснить тем, что основная часть татар вне Казани проживала в сельской местности.

Наибольшее число торговцев приехали из тех городов, которые были связаны с Казанью водными путями. Именно жители Арска, Свияжска, Чистополя, Лаишева, Чебоксар, Мариинского посада и Царевококшайска ежегодно в наибольшем числе записывались как на временных, так и на постоянных условиях в купечество Казани¹⁵. Распределение по конфессиональному признаку отражает ореол национального расселения коренных жителей в Казанской губернии.

Передвижение грузов по грунтовым дорогам трудно было учесть, и официальная статистика точных данных не имеет. Тем не менее именно грунтовые дороги служили подъездными путями к речным пристаням и станциям железных дорог. По этим же путям под-

**Жители городов и посадов Казанской губернии,
участвовавшие в транзитной торговле через Казань в 1871 г.**

№	Город или посад	Всего торговцев		Из числа торговавших			
				христиан		мусульман	
		абс.	в %	абс.	в %	абс.	в %
1	Свияжск	36	19,2	34	94,4	2	5,6
2	Чистополь	32	17,1	28	87,5	4	12,5
3	Арск	19	10,2	14	73,7	5	26,3
4	Лаишев	19	10,2	19	100	—	—
5	Мариинский посад	17	9,1	17	100	—	—
6	Чебоксары	16	8,6	16	100	—	—
7	Царевококшайск	15	8,0	15	100	—	—
8	Спасск	10	5,3	10	100	—	—
9	Козьмодемьянск	8	4,3	7	87,5	1	12,5
10	Цивильск	5	2,7	5	100	—	—
11	Тетюши	4	2,1	4	100	—	—
12	Ядрин	3	1,6	3	100	—	—
13	Троицкий посад	2	1,1	1	50	1	50
14	Мамадыш	1	0,5	1	100	—	—
Итого		187	100	174	—	13	—

возились и развозились все грузы для городских и сельских поселений, лежавших вне железной дороги и речных путей. Гужевой транспорт перевозил грузы по меридианному направлению на короткие дистанции, а по широтному — на длинные расстояния. По сравнению с речными перевозками его отличала высокая себестоимость, малая грузоподъемность и невысокая скорость. К достоинствам следует отнести доставку товаров по адресу «от двери к двери» без дополнительных затрат на перегрузку.

С установлением санного пути обозы грузов двигались и на большие расстояния, пересекая железные дороги, но в весеннюю и осеннюю распутицу всякое торговое движение прекращалось по большинству грунтовых дорог: бездорожье было подлинным бичом русского народного хозяйства. Грунтовые дороги находились в плачевном состоянии, гужевые перевозки занимали массу крестьянского населения, а дешевизна зимней перевозки вызвана была нуждой крестьян, что заставляло их довольствоваться платой, на кото-

рую могли в течение зимы прокормить себя и лошадь. Подсчитано, что «при удлинении расстояния подвоза по шоссейным дорогам на 22% против грунтовых максимальная стоимость подвоза по шоссе обходилась более чем вдвое дешевле сравнительно с грунтовыми дорогами»¹⁶.

В середине XIX в. сухопутным путем в Казань доставляли товары на сумму до 9 млн. руб., причем четыре пятых груза приходилось на зимние месяцы по санным дорогам и льду замерзших рек. Санным путем в Казань свозили основную массу зерна, закупая его на местных базарах и уездных ярмарках. Здесь же запасались салом, шерстью, кожей и прочим товаром. В свою очередь из Казани доставляли муку, крупу, соль, рыбу, чай, сахар, промышленные изделия. Обозы, проходившие казанскими дорогами, составлялись из 10, 50, 100 и даже 200 телег. По сведениям купцов, за каждые сто верст извозчики брали по 6—8 коп. с пуда груза¹⁷. В Казани они разгружались и вновь нагружались товаром для перевозки в Сибирь, на Ирбитскую, Кяхтинскую, Оренбург-

скую, Ростовскую и другие ярмарки, а летом дожидались клады с Нижегородской ярмарки.

Для перевозки товара в пределах Казанской губернии и в ближайшие с ней уезды и города, купцы нанимали местных извозчиков. В 1888 г. было выдано 2066 извозчицких знаков, летом 1910 г. работало 597, а зимой — 1302 извозчика¹⁸. Извозом подрабатывали крестьяне, главным образом из деревень Ковали, Салмачи, Дубьязы, Чепчуги и Чебокса. Основную массу извозчиков представляли татарские крестьяне, хотя этот вид промысла никогда не был для них единственным источником существования, главным занятием, как, например, для сибиряков.

С развитием пароходства с 1851 г. сухопутная доставка товаров, особенно летняя, заметно уменьшается, но зимние дороги используются очень активно, в том числе и по льду рек. Отправка из города зимой составляла около трети общего сухопутного годового привоза, остальной груз вывозился водой. При отсутствии железной дороги обозный привоз становился единственной возможностью доставки товаров в зимнее время года, хотя и стоил в полтора раза дороже перевозки груза по воде.

Значительный доход городу давал весовой сбор, который уплачивали владельцы груза с ввозимых и вывозимых товаров по 1 коп. с пуда за их взвешивание на городских весах, поставленных на пристанях «Бакалда» и «Устье». На казанской пристани сбор установили в 1840 г., а уже на следующий год казна получила 5300 руб. дохода. В 1896 г. купцы и промышленники заплатили 91928 руб., или в 19 раз больше¹⁹. Даже после того, как в большинстве городов страны весовой сбор отменили, по ходатайству Казанской городской думы Министерство финансов в 1888 г. решило собирать его еще 15 лет.

Раз в три, а с 1870 г. раз в четыре года в думе разворачивались жаркие баталии по выборам из числа депутатов ответственного за весовой сбор. В ходе дебатов обсуждалось до трех и более кандида-

тур, каждый кандидат представлял интересы определенной группы купцов.

В обязанность избранного на этот пост входило наблюдение за правильностью уплаты весового сбора, что и делало должность не только ответственной, но и сулящей, при определенных условиях, дополнительные личные выгоды. Пароходчик и владелец груза предпочитали «договориться» с чиновником и уплатить сбор согласно накладным квитанциям, а не по фактическому весу, который, как правило, оказывался намного больше. Да и стоянка судна при таком подходе к делу значительно сокращалась, а следовательно, снижалась плата за его простой. В «злоупотреблении должностью» подозревали многих, но доказать их вину так ни разу и не смогли. Кроме всего, исполнение данной обязанности давало выбранному гласному думы и законные 10 процентов от годовой суммы весового сбора.

В навигацию дамбы и мостовые, проложенные к пристаням, становились, пожалуй, самыми оживленными магистральями Казани. На этой разбитой, изрытой узкой семиверстной полоске земли, соединявшей город с «Бакалдой» и «Устьем», бился пульс деловой жизни Казани.

Наибольший грузовой поток приходился на весну. В это время года с пристани на пристань грузы перевозило до 1000 подвод с платой с пуда в один конец по 3 коп. Но, как отмечал «Казанский биржевой листок» 15 октября 1870 г., ломовиков не хватало и груз, сложенный на землю без какого-либо укрытия, долго дожидался своей очереди на отправку. Всю береговую линию Казанки, начиная от «Устья», «Бакалды» и до Кремля, а также и по Булаку, власти разбили на участки и сдавали в долгосрочную аренду крупным волжско-камским пароходным компаниям и предпринимателям. На снятых участках строились причалы, конторы, склады, амбары, под открытым небом хранили смолу, деготь, вар, строевой лес и дрова, сплавлявшиеся весной плотами

по Каме и Волге. При медленном спаде воды плоты останавливались на лугах под «Бакалдой», при быстром — доходили только до Петрушкина разъезда. В этом случае доставка дров на лесные склады стоила вдвое дороже²⁰.

Но ни старая, ни новая пристани не имели сколько-нибудь приспособленных сооружений, облегчавших причаливание судов, их погрузку и выгрузку. Неукрепленный берег постепенно подмывался, осыпался, уступая воде несколько сажений в год. Дороги к пристаням и полотно дамбы ремонтировались редко, проезд по ним, особенно весной и осенью, доставлял массу неудобств пассажирам и владельцам груза. Дорога до «Устья» на легковом извозчике занимала, при благоприятных условиях, три четверти часа. Строения Устьинской пристани растянулись по берегу на три версты²¹.

Все устьинские неудобства, непроизводительные затраты торговцев на провоз груза к пристаням и обратно, крайне неудовлетворительное состояние дамбы и дорог, проложенных к «Устью» и «Бакалде», привели предпринимателей к мысли соединить Казань с Волгой каналом так, чтобы речной порт оказался в самом городе.

Инициативу в свои руки взяли Казанское отделение «Общества для содействия русской промышленности и торговли» и Казанский биржевой комитет. В 1872 г. на рассмотрение городской думы поступил проект члена общества И.А. Шмакова, известного и тем, что ему принадлежало первое в Казани промышленное заведение по производству изделий из железобетона и цемента. Но, несмотря на поддержку биржевиков, дума одобрила проект, разработанный петербургским торговым домом «Арцыбашев и К°».

Речной порт планировалось выстроить на 450 судов с причалами для пассажирских и грузовых пароходов и барж, с защитной дамбой и каналом. Основные проектируемые сооружения должны были примыкать к улицам Варлаамской, Гостинодворской, Сенной и Еван-

гелистовской. Но ни этот, ни другие проекты сооружения пристаней так и не получили реального воплощения из-за отказа правительства в финансовой поддержке, а в городской кассе таких денег, где-то около миллиона, никогда не водилось.

Казань по своим капиталам и оборотам хлебной торговли имела «первенствующее значение по всей северо-восточной России». В непосредственной связи с ней действовал Нижний Новгород. Лучшие сорта пшеницы завозили из Самары, Саратова и Мелекеса. Из верховых волжских городов, из сел и деревень Волжско-Камского бассейна шли рожь, горох, греча, льняное и конопляное семя. Зимняя закупка зерна составляла 70-80% всего годового завоза²². Хлебный товар отправляли в Вятскую, Вологодскую и Петербургскую губернии, а хлеб в зерне и льняное семя — к портам для поставки за границу. И на рубеже XVIII — XIX вв., и через 50 лет в Казани реализовывалось примерно одинаковое количество хлеба — до 50 млн. пуд. В стоимостном выражении в ценах середины XIX в. завозимое зерно, мука, льняное и конопляное семя оценивалось в 2 млн. руб., а вывозимое — в 1,6 млн. руб. серебром²³. С известной оговоркой можно сделать вывод: в Казани распродалось лишь 20% товарного хлеба. Зимой в Казань приезжали комиссионеры Военного министерства и закупали зерно, в основном для кавказских войск. От размера их закупок зависели зимние рыночные цены на муку, крупу и зерно и они окончательно устанавливались на местном рынке с прибытием чиновников. Зерно, приобретенное казной, хранили здесь же в амбарах — «хлебных магазейнах».

Во второй половине XIX в. Казань сохраняет за собой положение крупнейшего центра переработки зерна в Поволжье. В городе действовало пять крупных мельниц, две из них работали на паровых двигателях. В 70-е гг. XIX в. в стране вырос спрос на муку, увеличились цены на нее, быстро развивалась сеть железных дорог, что способство-

вало появлению в Саратове, Самаре, по Оренбургской ветке железной дороги новых мельниц. Подвоз зерна в Казань и мукомольное дело сократились, хотя мука казанского помола ценилась очень высоко. По данным Биржевого комитета, в 1871 г. в городе распродавалось 28 млн. пуд. хлебного товара, исключая крупчатку, на сумму более 15 млн. руб. В конце XIX в. с Нижней Волги в Казанскую губернию для переработки в крупчатку поступало свыше 4 млн. пуд. пшеницы в год, перемалывалась большая часть завозимой ржи, а на казанских паровых крупорушках перерабатывали в крупу всю гречу²⁴.

Казань относили к важнейшим общероссийским центрам рыбной торговли. По данным начала XX в., городская ежегодная распродажа рыбных продуктов составляла около 150 тыс. пуд., или 6% от 2,6 млн. пуд. продукции, поступавшей в Казань. Остальной товар вывозится в Москву, Петербург, на север, северо-восток и отчасти на юго-восток Волжско-Камского края²⁵.

Главный экспортер этих продуктов Астрахань ежегодно доставляла на казанский рынок до 1,9 млн. пуд²⁶. Тесные связи с рыбной столицей Поволжья казанские купцы установили еще в середине 50-х гг. XVIII в., когда началась широкая эксплуатация ее рыбных богатств. Вместе с московскими, ярославскими и нижегородскими купцами казанцы занимали ключевые посты в астраханской рыбной торговле вплоть до 1917 г. Основную часть астраханского завоза, до 1790 тыс. пуд., составляла малосольная, соленая, сушеная, копченая и куренная рыба. По вкладываемому капиталу первое место принадлежало закупке сушеной рыбы. В Казани рыбу сортировали: 500 тыс. пуд. распродавали в Казанской губернии²⁷, остальную вывозились за ее пределы. При этом убытки, которые нес купец, были минимальными.

Красной уральской рыбы поступало на казанский рынок до 35 тыс. пуд. В «прорезях», как и из Астрахани, доставлялась живая рыба, преимущественно

стерлядь, часть которой расходилась в Казани, но лучший товар приберегался до Нижегородской ярмарки, а также направлялся в Москву. Зимой мороженых осетров, белугу, стерлядь, судаков, сазанов везли продавать в российские столицы²⁸.

Из Сибири, преимущественно зимой гужевым транспортом, перевозились кета, таймень, шип, нельма, сыр-ки, максун. Из Москвы, Риги и Ревеля везли сельдь, консервы, дорогие сорта рыбы, из Казалинска – аральскую рыбу. Из Архангельска сухопутно через Вятку доставляли копченую и соленую беломорскую сельдь, устюжанские снетки, камбалу, треску, архангелогородскую и нерченскую семгу²⁹. Местной рыбой торговали крестьяне и те, кто брал на откуп рыбные ловли. Для нужд казанской промышленности большими партиями заготавливался тюлений и рыбий жир.

Через Казань на волжско-камский рынок поступали рыбий клей, визига, икра. Из Астрахани привозили несколько сортов паюсной и пузырчатой икры: астраханскую, которая считалась лучшей, учужскую, казанскую, яицкую, из Сибири – кетовую свежую и паюсную, некоторые сорта икры купцы закупали в Москве, Риге и Ревеле³⁰.

Объем оптовой мясной торговли в Казани был значительно меньше рыбной. В целом из города вывозилось от 10 до 15 тыс. пуд. в Нижний Новгород и Москву, то есть 20-25% ввозимого мяса³¹, остальное потреблялось на месте. На казанский рынок поступал живой скот, мороженые туши, битая птица, засолы разной крепости. Товар закупали в Вятской, Уфимской, Самарской, Саратовской губерниях, в Оренбургском крае и Сибири. В начале XIX в. из Оренбурга и Троицкой крепости ежегодно перегонялось в Казань 50 тыс. баранов киргизской породы, крупный рогатый скот, киргизские, башкирские и калмыцкие лошади, из Уральска доставлялись крупный рогатый скот и бараны, с Вятки – низкорослые лошади, известные как «вятские», а

также скот, закупленный на местных уездных ярмарках³².

В 80-е гг. XIX в. на казанский рынок поступало до 40 тыс. голов, половину составлял мелкий рогатый скот. Кроме того, в город ввозили около 11 тыс. пуд домашней птицы из уездов Казанской, Вятской и Уфимской губерний, 5 тыс. пуд. дичи доставлялось из лесных районов Казанской, Вятской, Пермской губерний, из северного Приуралья и Сибири³³.

На берегу Волги рядом с железнодорожной переправой через Волгу местные мясоторговцы открыли отделения своих предприятий по закупке и откорму птицы. Ежегодно оттуда в Петербург и за границу доставляли около 50 тыс. пуд. битой птицы из Свияжского, Тетюшского, Ядринского и Чебоксарского уездов Казанской губернии и из близлежащих уездов Симбирской губернии. Дополнительно из Казани поставляли еще 1,5 тыс. пуд. домашней птицы и 1,2 тыс. пуд. дичи³⁴.

Поставка яиц на внутренний и внешний рынки находится в руках татарских купцов. Помимо местных розничных торговцев в Казани действовало около 30 крупных фирм, занятых исключительно скупкой и отправкой яиц за пределы губерний. Эти же фирмы специализировались и на оптовой торговле домашней птицей. В 1910 г. на казанский рынок поступило 1 695 000 пуд. яиц (1 пуд составляет 250 яиц), а в иные годы бывало свыше 2 млн. пуд. Яйца скупали в Казанской, Вятской, Пермской, Симбирской, Самарской и Уфимской губерниях. В Казани расхо-

дилось до 100 тыс. пуд. яиц, остальной товар вывозился в столицы и за границу, преимущественно на германский, английский, австро-венгерский, голландский рынки³⁵.

Итак, Казань, являясь важнейшим экономическим центром страны, играла значительную роль в складывании и функционировании общероссийского рынка, оказала большое влияние на развитие коммерческой деятельности в восточной части России, соседних с ней регионов, в уездных городах Казанской губернии. В первой половине XIX в. товарооборот Казани быстро растет: с 10–12 млн. в начале столетия до 26 в 1823 г. и 58 млн. руб. в 1852 г. Город к середине XIX в. в экономическом отношении прочно занял ведущее положение в Поволжье. Немалое значение в экономическом развитии Казани сыграло ее географическое положение на пересечении сухопутных и водных путей, которые имели общероссийское значение. Через город шли торговые потоки, соединявшие Запад и Восток России, а по Великому Волжскому пути – Север и Юг империи. Казань служила перевалочным центром для товаров зарубежных предпринимателей, соединяя восточные и западные страны. Наполненность товарных потоков, ассортимент товаров, проходивших через Казань, говорят о широких торгово-кооперационных связях и экономических интересах купечества города, позволяют определить его партнерские приоритеты: Вятская, Уфимская, Московская, Оренбургская и соседние поволжские губернии страны.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Загоскин Н.П. Спутник по Казани. – Казань, 1895. – С. 525; Казанский биржевой листок. – 1878. – 22 февраля.

² Чулков М. Историческое описание российской коммерции при всех портах и границах от древнейших времен до ныне настоящего. – Т. 6. – Кн. 4. – М., 1786. – С. 212, 213; Рыбушкин М.С. Краткая история города Казани. – Казань, 1834. – С. 93.

³ Россия. Энциклопедический словарь. – Л., 1991. – С. 346.

⁴ Россия. Энциклопедический словарь ... С. 347; Катанов Н. Татарские рассказы о старой Казани. – ИОАИЭ при Казан. ун-те. – Т. 30. – Вып 4. – С. 297.

⁵ См.: Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. – Т. 8. – Казанская губерния / Сост. М.М. Лаптев. – М., 1861. – С. 405.

⁶ Казанский биржевой листок. — 1872. — 27 января; *Загоскин Н.* Спутник по Казани. — Казань, 1895. — С. 525.

⁷ НА РТ, ф. 1, оп. 85, д. 72, лл. 5 — 7; Казанский биржевой листок. — 1869. — 26 января.

⁸ Казанский биржевой листок. — 1883. — 13 февраля.

⁹ Значение железной дороги Казань — Сарапул — Екатеринбург для Казанской губернии. — Казань, 1911. — С. VI.

¹⁰ *Кафенгауз Б.В.* Очерки внутреннего рынка России первой половины XVIII в. — М., 1958. — С. 158, 197—198.

¹¹ Казанские известия. — 1814. — 8 декабря.

¹² НА РТ, ф. 98, оп. 7, д. 59.

¹³ Подсчитано по: НА РТ, ф. 98, оп. 7, д. 59. Районы выделены в соответствии с Всероссийской переписью 28 января 1897 г.

¹⁴ Подсчитано по: НА РТ, ф. 98, оп. 7, д. 59.

¹⁵ См., напр.: НА РТ, ф. 299, оп. 1, д. 62, лл. 1—205.

¹⁶ Россия. Энциклопедический словарь. — Л., 1991. — С. 355.

¹⁷ Материалы для географии статистики ... С. 100.

¹⁸ Там же, с. 98.

¹⁹ Казанский биржевой листок. — 1869. — 9 февраля; Казанский телеграф. — 1893. — 10 мая; Волжский вестник. — 1897. — 14 мая.

²⁰ Казанский биржевой листок. — 1886. — 8 июля.

²¹ То же, 1875. — 14 сентября.

²² Казанский биржевой листок. — 1888. — 5 апреля.

²³ *Загоскин Н.П.* Спутник по Казани. — Казань, 1895. — С. 525; Казанский биржевой листок. — 1876. — 22 февраля; 1890. — 3, 18, 26 июля; 1891. — 26 ноября.

²⁴ Казанский биржевой листок. — 1890. — 18 ноября; 1896. — 6 ноября; Казанский календарь и справочная книга на 1873 год. Сост. Редников. — Казань, 1872. — С. 70.

²⁵ Скоропортящиеся продукты казанского рынка. К вопросу об устройстве земских холодильников. — Казань, 1913. — С. 38—39; *Бочагов А.* Наша торговля и промышленность в старину и ныне. — СПб., 1891. — С. 155.

²⁶ Скоропортящиеся продукты ... С. 39.

²⁷ Материалы для географии ... С. 440—441; Казанский календарь и справочная книга на 1873 год ... С. 71.

²⁸ Материалы для географии ... С. 440.

²⁹ Скоропортящиеся продукты ... С. 43—35.

³⁰ Там же, с. 43—44; Материалы для географии ... С. 441; *Бочагов А.Д.* Указ. соч., с. 157.

³¹ Казанский биржевой листок. — 1879. — 15 ноября.

³² Казанские известия. — 1814. — 5, 12 декабря.

³³ Казанский биржевой листок. — 1879. — 15 ноября; Скоропортящиеся продукты ... С. 24.

³⁴ Скоропортящиеся продукты ... С. 44—45.

³⁵ Там же, с. 13, 18; Казанский биржевой листок. — 1888. — 29 августа.

Summary

This article examined the relations of Kazan's merchantry, analyzed the direction and volume of transport and commodity flows that went through the city in XIX century. Basing on analysis of the sources author came to conclusion that Kazan had been the most important centre of transit meditative wholesale trade. The author brought into focus a contribution of Kazan citizens to the development of the economic affairs in the south of Russia and on the south export market.

УДК 297

«ДЕЛО» САИДАЗИМБАЕВА – РУКОВОДИТЕЛЯ МУСУЛЬМАНСКОГО ПАЛОМНИЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ ИЗ РОССИИ

А.Т.Сибгатуллина, доктор филологических наук, профессор

В конце XIX – начале XX вв. паломничество из России в Хиджаз принимает довольно широкое распространение. По статистическим данным, от 8 до 12 тысяч российских мусульман ежегодно совершали хадж. Это связано как с заметным улучшением общего благосостояния мусульман России, так и с частичным упорядочением способов передвижения и сравнительной дешевизной проезда по железным дорогам России. До постройки железнодорожных линий на восточных окраинах Российской империи паломничество оттуда направлялось через Персию, Афганистан и Индию. С открытием движения по закаспийской железной дороге паломники «начали изменять установленный веками путь (через Персию, Афганистан и Индию) и двинулись на Красноводск, Баку и Батуми, отдавая предпочтение железнодорожным путям больше, чем караванным. Когда же с 1905 г. открылось движение по ташкентской железной дороге, соединившее Туркестан с Поволжьем и Центральной Россией (Оренбург, Самара, Одесса. – А.С.), то паломники Туркестана, Семипалатинской, Ферганской областей и других примыкающих к ним мест, не исключая жителей пограничных владений Бухары, Персии, Китая и Афганистана, не замедлили направиться по новому пути»¹.

Число паломников, следующих по этим маршрутам, ежегодно возрастало. Из таких портов Черного моря, как Одесса и Севастополь, паломники отправлялись в Стамбул, где рассчитыва-

ли попасть на благотворительные пароходы султана или на бесплатные места, специально выделенные для малоимущих паломников на судах, следующих в Джидду. Из русских пароходств перевозкой паломников занимались «Русское общество пароходства и торговли», «Северное пароходство» и «Добровольный Флот». Но все же большая часть паломников перевозилась на пароходах иностранных компаний, главным образом, турецкой компанией «Хедивие»².

После открытия железных дорог паломники рассчитывали еще и на удобства при таком способе передвижения. К сожалению, не все их ожидания оправдались. Одной из главных проблем были переполненность вагонов и их непригодность для пассажиров-мусульман. «Обыкновенно в вагоне железной дороги, – пишет газета «Голос правды», – размещается 50–60 человек, где и как попало: под скамейками, на полках, в проходах, стоя, лежа, сидя. Женщины, мужчины-мусульмане и др. пассажиры в переполненном до крайних пределов вагоне двигаются по 15–20 суток до Одессы, в надежде там отдохнуть, но по прибытии испытывают новое разочарование. Барака для паломников в порте нет, железнодорожный вокзал не имеет помещений, где бы они могли расположиться до приема на пароход, а в гостиницах, близ порта, паломники не рискуют останавливаться, по нелестным отзывам, созданным на основании неединичных фактов грабежей. Усталым беднякам приходится ютиться по несколько

дней на открытом берегу моря»³. Помимо неудобств при передвижении по железным дорогам⁴, от Ташкента до Стамбула не было пунктов, снабженных предметами продовольствия, «разрешенными к употреблению законами магометанской религии, и потому каждый паломник должен был запастись провизией на все время путешествия в пределах России, т.е. почти на месяц. Последствия — цинга, тиф и др. инфекционные болезни, обычные спутники плохого питания и систематического недоедания. Устранить затруднения паломники своими средствами, понятно, не могли, отказаться же от паломничества они также не решались по религиозным убеждениям и часто погибали в пути, не достигнув желанной цели путешествия — Мекки»⁵.

Непонимание или плохое знание русской речи, неприспособленность вагонов для перевозки лиц мусульманского вероисповедания и другие неудобства делали поездки в большинстве случаев крайне тяжелыми и плохо отражались на физическом и нравственном состоянии паломников. С этими неудобствами паломники, однако, так или иначе мирились и совершали свой путь в Мекку, но с чем не могли примириться, или вернее, от чего не могли избавиться, — это от постоянного обмана со стороны различного рода маклеров (т.е. так называемых «далилов» и «симсаров»), которые якобы помогали простодушным паломникам. Туземцы, не владеющие русским языком, обращались к так называемым переводчикам-комиссионерам с просьбой о покупке железнодорожного билета, или же эти лица сами предлагали свои услуги. Получив деньги, «комиссионер» или вовсе скрывался, или же покупал билет до одной из более отдаленной от места покупки билета станции Ташкентской или Самаро-Златоустской железной дороги, на которой пассажира, фактически истратившего нужную за проезд сумму, высаживали и он оставался без средств. Подобных случаев⁶, которые производили на паломников самое гне-

тущее впечатление, ежегодно регистрировалось по несколько сотен. Многие обманутые хаджи должны были или временно, или вовсе отложить исполнение заветного желания посетить Мекку для поклонения Великим святыням⁷.

Российское правительство почти не занималось проблемами мусульманского паломничества: не было выработано четкой позиции по выдаче заграничных паспортов, многие паломники, как и в старые времена, бесконтрольно и неорганизованно пересекали границу страны без паспорта, не была урегулирована продажа билетов на российские и иностранные пароходы, отсутствовал контроль над взиманием различных сборов и т.д. Самое главное, не было как таковой организации всего паломнического движения.

Желая хотя бы чем-нибудь облегчить тяжелые условия паломничества, в 1907 г. потомственный почетный гражданин, «сарт по происхождению» Саид-Гани Саидазимбаев, «пользующийся известностью среди местного населения мусульманин, популярный во времена покорения Туркестанского края своими действиями (выкуп пленных, отпуск рабов и др.)»⁸, решил заняться проблемами своих единоверцев. Недостаток помещений в станционных вокзалах, неприспособленность их для мусульман-паломников и отсутствие буфетов с национальной пищей, по мнению Саидазимбаева, особенно тяжело отражались на здоровье паломников, потому он и решил в первую очередь устранить этот недостаток. Прежде всего нужно было построить несколько остановочно-продовольственных пунктов (мусульманских вокзалов) на пути паломников: в Ташкенте, Одессе, Феодосии. «В этих городах, особенно в Одессе, паломники собираются до 2—2,5 тысяч человек в ожидании отхода очередного паломнического парохода, — рассуждал он, — поэтому там следовало бы устроить в больших размерах хаджи-ханэ, рассчитанное на помещение минимально 2000 человек. Ради удобства посадки паломников на суда

и чтобы изолировать их от соприкосновения с прежними эксплуататорами переводчиками, хаджи-ханэ должно быть устроено в пределах портовой территории»⁹. По плану Саидазимбаева, построенное в пределах станционной территории здание должно было иметь пять помещений: по одному для женщин и мужчин, для омовения, чайный буфет и лавки для торговли съестными продуктами. Жилые помещения должны быть оборудованы нарами или кроватями для ночлега. При каждом пункте должны быть врач, аптека, мулла и резник для резки баранов.

За пребывание в хаджи-ханэ никакой платы с паломника взимать не предполагалось, если он пользуется помещением днем, за пользование же павильоном для ночлега с паломника должна взиматься минимальная плата, установленная в чайханах Туркестана. Что же касается врачебной помощи и лекарств, то таковые должны предоставляться паломникам совершенно бесплатно, а продукты продовольствия продаваться по таксе, утвержденной в установленном порядке местными властями. Заведование остановочно-продовольственными пунктами должно было находиться в руках доверенного лица, избранного из среды лиц, пользующихся доверием населения.

В Севастополе и Батуми образование хаджи-ханэ не было намечено на том основании, что отправление мусульманских паломников предполагалось совершать только из одесского порта, а прием их, при возвратном движении, — в Феодосийском порту¹⁰.

Имея в виду, что в перевозке паломников принимают участие 14 дорог: Сибирская, Самаро-Златоустовская, Средне-Азиатская, Ташкентская, Московско-Казанская, Сызрано-Вяземская, Рязано-Уральская, Юго-Восточная, Южная, Пермская, Закавказская, Владикавказская, Екатерининская и Юго-Западная и что на долю каждой из них падает известный доход, Саидазимбаевым было сделано Министерству путей сообщения предложение, чтобы

каждая из этих дорог ассигновала известное количество вагонов, из которых бы составлялись паломнические поезда.

От центрального сборного пункта мусульманских паломников в Средней Азии — Ташкента, отдаленного от одесского порта, пассажирские поезда проходили весь путь приблизительно за 8 суток. «Если паломнические поезда, в составе 8-9 вагонов, будут принимать ежедневно не менее 300 человек паломников, — считал Саидазимбаев, — понадобится 27 поездов или 216 вагонов. Но это количество вагонов в действительности уменьшается, т.к. поезда в течение всего периода перевозки могут обращаться между определенными пунктами 2-3 раза; для перевозки паломников вполне достаточно 70 вагонов или каждая из дорог — участниц должна предоставить для перевозки паломников по 5 вагонов»¹¹.

Большинство вагонов должно быть III класса и «все без исключения иметь приспособления для омовений и отделения помещений для женщин-мусульманок», — предполагал Саидазимбаев. — Ради сокращения количества подвижного состава и чтобы ввести в дело перевозки порядок, регулирующий движение, пунктами курсирования паломнических поездов должны быть назначены Самара и Одесса. Станция Самара является главным пересадочным пунктом, куда прибывают паломники из Сибири, Урала и Средней Азии. Собираясь здесь же в значительном количестве, паломники могут отправляться без задержки большими партиями в 300 и даже 500 человек, т.к. состав поезда может состоять из 10-12 вагонов. До Самары паломники следуют отдаленными вагонами, прицепленными к пассажирским поездам, и паломническими поездами, курсирующими на участках Ташкент — Самара, Омск — Самара. Этим устранится скопление паломников на станции Самара, происходившее потому, что пассажирские поезда не могли принимать всех наличных паломников за недостатком мест в поезде»¹².

В апреле 1907 г. Саидазимбаев обратился к начальнику Ташкентской железной дороги инженеру Штукенбергу с ходатайством об отдаче ему в 12-летнюю аренду смежного с пассажирским вокзалом участка территории станции Ташкент для постройки на ней туземного вокзала.

По постановлению Совета Управления Ташкентской железной дороги (от 21 июля и 23 августа 1907 г. № 620 и 842) его ходатайство было удовлетворено, и был отведен просимый участок площади в 520 кв. саж. 15 декабря 1907 г. была получена санкция от министра путей сообщения на разрешение строительства туземного вокзала на территории станции Ташкент.

Началось строительство. К делу постройки ташкентского вокзала инициатору удалось привлечь многих туземцев-паломников, которым идея сооружения в крупных центрах паломнического движения особых вокзалов нравилась и они видели в ней действительную помощь паломничеству, а Саидазимбаев в их глазах представлялся бескорыстным другом мусульманского общества. Весть о Саидазимбаеве как о благотворителе дошла и до Оренбурга, всюду в нем видели защитника мусульманских нужд, в особенности паломнических¹³.

13 марта 1908 г. Саидазимбаев официально был назначен руководителем паломнического движения. Циркуляр об этом был разослан губернаторам и градоначальникам более 50 городов и губерний Российской империи: «Вследствие заявления потомственного почетного гражданина Саид-Гани Саидазимбаева о необходимости назначения для организации правильного движения мусульман из России в Мекку особого руководителя паломников, который мог бы устранить в этом деле многие существенные недостатки, Его Высокопревосходительство Господин Министр Внутренних Дел изволил назначить в качестве руководителя паломничества вышеназванного Саидазимбаева. Сообщая о вышеизложенном, Департамент Полиции просит... сделать

распоряжение об оказании названному лицу местными властями надлежащего, в пределах закона, содействия в деле паломничества мусульман в г. Мекку»¹⁴.

Одухотворенный успехом Саидазимбаев планирует строительство таких же «туземных» вокзалов в Одессе, Феодосии и остановочно-продовольственных пунктов в 14 местах на пути паломничества. Он начинает хлопотать об улучшении условий переезда паломников и по морю, не отличающегося почти ничем от переезда по железным дорогам. К тому времени он получает от нескольких пароходных обществ предложения войти с ними в соглашение. Из всех пароходных обществ, которые предлагали ему услуги, он нашел возможным заключить такое соглашение с «Добровольным Флотом» как с учреждением солидного характера, высказавшим притом желание идти навстречу задуманному плану. Саидазимбаев заключил договор с Комитетом «Добровольного Флота» об удобствах и срочности путешествия от Одессы до Джидды (ближайший порт от Мекки) и обратно до Феодосии, причем Комитет поручил ему генеральную агентуру по перевозке паломников, и вообще по организации и систематизации этого дела. По договору едущим на пароходах «Добровольного Флота» должны были предоставить различные удобства, как например: срочность рейсов, снабжение пароходов продуктами продовольствия, разрешенными к употреблению законами мусульманской религии, отдельные помещения для женщин, для исполнения религиозных обрядностей и омовений, бесплатная медицинская помощь с выдачей лекарств и проч. Кроме того, «Добровольный Флот», из желания со своей стороны помочь паломникам, решил выдавать 5% бесплатных билетов для беднейшего населения мусульман¹⁵.

Приближался сезон паломничества 1908 г., и дела Саидазимбаева продвигались довольно успешно. Но вдруг большая проблема вышла с уже выстроенным туземным вокзалом в Ташкенте.

Когда пассажиры-мусульмане начали останавливаться здесь, за одну ночь, задохнувшись, умерли пять человек. В результате осмотра комиссия нашла новый вокзал для эксплуатации не пригодным. Началась переписка с управлением дороги, но начальник дороги инженер Штукенберг категорически запретил открытие вокзала, находя постройку неудовлетворительной¹⁶.

Почти в это же время на прошение Саидазимбаева Министру путей сообщения о постройке других туземных вокзалов приходит отказ с объяснением, что в Одессе в распоряжении Управления Юго-Западной железной дороги свободной территории не имеется, и в Феодосийском порту свободного места для вокзала тоже нет¹⁷.

После этого Саидазимбаев едет в Петербург налаживать свои дела, где ему существенную помощь оказывает член III Государственной Думы депутат от мусульман Уфимской губернии Г. Сыртланов. Ему удается получить аудиенцию у Министра внутренних дел Столыпина и убедить последнего, что затеянное Саидазимбаевым дело может заметно улучшить положение паломников. Но, несмотря на поддержку высокопоставленного чиновника, отношение общественности и власти к Саидазимбаеву начинает меняться в отрицательную сторону.

Перед самым началом паломнического сезона Саидазимбаев ведет переговоры с временным одесским генерал-губернатором генерал-майором И.Н.Толмачевым о предоставлении ему особых условий в деле устройства в городе приезжих паломников. В «Одесских новостях» от 12 августа 1908 г. выходит обязательное постановление¹⁸, где в «целях профилактики холерной эпидемии», которая как раз в том году свирепствовала в России, пилигримы должны были устраиваться только в хаджи-ханэ Саидазимбаева и придерживаться строгих правил поведения в этом заведении. Именно в это время одесского генерал-губернатора И.Н.Толмачева посещает чиновник

Министерства торговли и промышленности г. Ловягин, командированный на юг России с целью оказать содействие в деле принятия административных мер. И.Н.Толмачев подтверждает вывод, который был сделан чиновником Министерства торговли и промышленности из обзора деятельности Одессы по этому вопросу, что в сфере санитарной профилактики в городе приняты все необходимые меры. Попутно генерал-губернатор предложил г. Ловягину представить Министерству свое заключение «о необходимости в видах санитарных и антиэпидемических, ввести в Севастополь и Батум, через которые магометане-паломники направляются в Мекку на богомолье, те же самые правила, которые теперь выработаны местной администрацией для проезжающих через Одессу и останавливающихся в одесской хаджи-ханэ паломников»¹⁹.

В это время появляется циркуляр о том, чтобы все паломники перевозились только на русских пароходах под русским флагом. Этим циркуляром были отстранены турецкие пароходы, перевозившие паломников дешевле. Хедивийское общество пароходства в своей телеграмме Одесскому градоначальнику жалуется, что Саид Саидазимбаев, ссылаясь на запрещение администрации перевозить паломников не иначе как на пароходах русских обществ, отказывается перевозить паломников на их пароходах, отчего последнее терпит большие убытки, и что возмещение хотя бы части потерь путем сношений с паломниками для продажи билетов по соглашению стало невозможным благодаря мерам, принятым местными властями²⁰. Но и «Русское общество пароходства и торговли» не менее страдало от агентов Саидазимбаева, которые строго следили, чтобы паломники путешествовали только на судах «Добровольного Флота»²¹. Однако это не помешало Саидазимбаеву заключить договор с таким же монополистом в Джидде Рени-Беем о посадке 3000 паломников на два иностранных парохода²².

Газета «Гарджиман», вслед за ней и газета «Вақыт» срочно оповестили своих читателей — потенциальных паломников о постановлении, принятом генерал-губернатором г. Одессы²³. Поскольку нарушение указанных правил влекло за собой 3 месяца тюрьмы или штраф на 3 тысячи рублей, «мы не можем сказать, — пишет «Вақыт», — что хаджи будут в восторге от этих порядков и поблагодарят Саид-Гани Саидазимбаева. Если следовать этим правилам, паломники должны будут жить в хаджи-ханэ Саидазимбаева как заключенные»²⁴, т.е. они не смогут без разрешения руководства выходить в город, общаться с местным населением и т.д.

После выхода перевода на татарском языке постановления одесского генерал-губернатора в газете «Вақыт» читатели стали обращаться в редакцию с просьбой рассказать об этом неизвестном (в частности, мусульманам Поволжья, Урала и Сибири) Саид-Гани Саидазимбаеве и о его деятельности как руководителя паломнического движения. Газета почти в каждом номере уделяла внимание этой теме. Ш. Мухаммадьяров в своей статье, озаглавленной «Кто такой Саид-Гани Газимбаев?»²⁵, осторожно, но критически оценивает предпринятые им некоторые шаги. Являясь главным агентом компании «Добровольного Флота» и руководителем паломничества из России, по мнению корреспондента, Саидазимбаев становится монополистом в этом деле. И открывая хаджи-ханэ в отдельных городах, он в буквальном смысле загоняет паломников в узкие рамки строгих правил поведения в этих заведениях. Автор недоумевает, почему паломники с момента прибытия в Одессу должны сопровождаться полицией и жандармерией строго в хаджи-ханэ, когда в городе имеются меблированные комнаты и гостиницы. При этом выход в город строго воспрещен. Хотя причиной появления этого обязательного постановления указывается эпидемия холеры, но почему тогда эти профилактические меры не касаются купцов, торговцев,

христианских паломников и др. транзитных пассажиров, проезжающих через Одессу? Как всегда, и здесь холера непосредственно связана только с мусульманами, сетует газета.

Автор выражает сожаление, что Саидазимбаев, взявшийся помогать «родной нации», т.е. мусульманам, при организации своего дела прибегает к бюрократическим мерам, от которых вряд ли будет какая-то польза.

В следующем своем номере «Вақыт» предоставляет слово члену III Государственной Думы Галиасгару Сыртланову, который сыграл не последнюю роль в «паломническом деле Саидазимбаева». Сыртланов не без гордости признается, что именно благодаря личному его участию в этом неблагополучном 1908 г. российские паломники сумели получить разрешение от правительства выехать в Хиджаз. Уважаемый депутат уверяет читателей газеты в порядочности и добросовестности господина Саидазимбаева, в чем, мол, он сам лично удостоверился при встречах с ним. С целью рассеять сомнения тех мусульман, которые собираются в этом году совершать паломничество через Одессу, он летом специально выехал на место, посетил хаджи-ханэ и все увидел своими глазами. Результаты поездки он описывает так подробно, что не должно быть никаких подозрений в благородной деятельности Саидазимбаева:

1) Саидазимбаев добился выделения Министерством путей сообщения одной тысячи специальных вагонов для мусульман — паломников из Ташкента до Одессы, в которых имелись все удобства. По пути паломникам оказывают безвозмездную помощь переводчики и вожатые, специально назначенные руководителем.

2) Саидазимбаевым в Одессе открыто хаджи-ханэ на 2500 человек, где паломники будут изолированы от инфекционных болезней и различных неудобств, которые имеются в грязных гостиничных номерах. Здесь постоянно следят за чистотой. Для паломников готово все: койки-места, баня, отдельные

комнаты для омовения, мечеть, магазины, чайхана, столовая и место для приготовления пищи. Только тот факт, что Саидазимбаев истратил 40 000 рублей на это заведение, уже говорит о том, как оно совершенно.

3) Его сотрудничество с «Добровольным Флотом» оправдывается тем, что именно пароходы этой компании имеют наиболее комфортабельные каюты для пассажиров дальнего плавания. Саид-Гани эфенди добился, чтобы для каждого паломника была выделена отдельная койка, предоставлялся в неограниченном количестве кипяток для чая, свежее мясо. На судах будут служить имамы, которые будут руководить намазом. Для женщин и детей будут выделены отдельные от мужчин отсеки. Также будут функционировать молельные и врачебные комнаты, парикмахерские. Все, кроме еды, будет бесплатным. Бедным паломникам будут выделяться даровые билеты в расчете пять штук на сто человек. Билеты на пароходы обязательно должны быть приобретены на оба конца. Благодаря этому правилу, путешествие обходится намного дешевле.

По личному убеждению Сыртланова, любой паломник останется благодарным Саидазимбаеву за спокойную и хорошую организацию путешествия²⁶. Тем более за все это господин депутат ручается лично и в случае обмана со стороны Саидазимбаева обещает закрыть его учреждение.

Но не проходит и две недели, как газета начинает печатать серию писем-жалоб из Одессы от обиженных паломников, попавших в сети Саидазимбаева²⁷. Опасения редакции подтвердились в полной мере: с паломниками обращались почти как с заключенными, никуда их не выпускали, 300-800 человек неделями ждали парохода в этом злосчастном хаджи-ханэ, где все было дорого, услуги платными, условия проживания далеко не идеальными. Жандармы и полицейские не позволяли паломникам покупать билеты (сравнительно дешевые) на пароходы других компаний,

кроме судов «Добровольного Флота». Авторы писем проклинали и Саидазимбаева, и депутата Сыртланова, просили разобраться в этом запутанном деле других членов мусульманской фракции Государственной Думы, но только не Сыртланова. В подтверждение этих писем в центральной газете «Речь» выходит обличительная статья под названием «Хаджи-ханэ»²⁸, где заодно с Саидазимбаевым и его напарником И.И. Фрейденбергом²⁹ критикуется и одесский генерал-губернатор Толмачев, который воспользовался особой статьей о военном положении, имея в виду якобы грядущую опасность эпидемии холеры: «Если дом молитвы нередко превращается в вертеп разбойников, конечно, то нет ничего удивительного, если дом мусульман-паломников превратился в гнездо эксплуатации темных, нередко ничего не понимающих по-русски людей. Характерно в этой истории только то, как военные, чрезвычайные и иные положения вовремя и удачно приходят на помощь ловким людям вроде Саидазимбаева. Казалось бы, военное положение создавалось только для того, чтобы бороться с «внутренними врагами» и разбивать их политические планы. Но мимоходом это же положение, как оказывается, может пригодиться и для увеличения доходов Добровольного Флота и для обеспечения «комиссионных» Саидазимбаеву, а быть может, и еще кое для кого. И таких «побочных» следствий чрезвычайного положения очень и очень много»³⁰.

Эта статья также была перепечатана и на татарском языке в газете «Вақыт»³¹. «Одесса, — пишет корреспондент «Речи», — обзавелась новым учреждением «хаджи-ханэ», цель которого была предохранить Одессу от возможного занесения в город мусульманскими паломниками холерной эпидемии. Достигается ли устройством хаджи-ханы преследуемая цель — не нам судить. Только странно: паломники проезжают через всю Россию, следовательно, они могут занести холеру не только в Одессу, но и во все места, где они имеют остановку.

И вместо того, чтобы устроить наблюдательный пункт в начале пути и в местах остановки, его устраивают при самом конце путешествия паломников в пределах Империи. Почему это так? Вдобавок, все дело «передано на довольно странных условиях одному сарту как бы на откуп»³².

Начинают приходиться жалобы с мест о том, что «руководитель» Саидазимбаев не справляется с задачей перевозки паломников по железной дороге. Эксплуатационный отдел Управления железных дорог в Департамент полиции направляет отношение по вопросу об отсутствии содействия паломническому движению со стороны Саид-Гани Саидазимбаева. В рапорте начальника Ташкентской железной дороги от 8 ноября 1908 г. сообщается: «В настоящем году наблюдается более усиленное паломническое движение мусульман в Мекку. Часть паломников, в особенности следующие со станции Среднеазиатской дороги, прибывают в Ташкент в общих вагонах по билетам частью по направлению через Тулу, а часть через Пензу. При посадке и пересадке паломников в Ташкенте никакого содействия со стороны назначенного руководителя паломничества Саид-Гани Саидазимбаева не оказывается, причем на просьбу Управления дороги о сообщении размера предстоящего движения и станций посадки паломников для своевременного приготовления для их перевозки отдельных вагонов, никаких сведений от г. Саидазимбаева не получено, почему отъезд таковых паломников совершается так беспорядочно, как и в прошлые годы, при отсутствии руководителя. Несмотря на принимаемые меры по рассадке и сортировке на станциях Ташкент и Оренбург, едущих паломников в отдельных вагонах, как это требуется предписаниями Управления железных дорог, желательных результатов не достигается. Большая часть едущих паломников говорит на одном туземном языке, поэтому никакие объяснения с ними невозможны, часть же хотя и знает русский язык,

но к предложениям железнодорожных агентов, о пересадке в отдельные вагоны для беспересадочного следования до Одессы, относится недоверчиво и большей частью не желает оставлять занятых ими мест в общих вагонах, поэтому много паломников передаются на Самаро-Златоустовскую дорогу в общих вагонах. Докладывая об изложенном для сведения, со своей стороны присовокуплю, что большая часть вышеказанных затруднений при перевозке паломников могла быть устранена при условии руководства посадкой их и надлежащем разъяснении им со стороны Саид-Гани Саидазимбаева или назначенных им агентов-мусульман, хотя бы на одной станции Ташкент»³³.

Пресса бурно реагирует на все происходящее. Военный губернатор Самаркандской области в начале ноября 1908 г. отправляет в Департамент полиции три экземпляра газеты «Туркестанский Курьер» за № 26–28 со статьей под заглавием «Паломническая панама»³⁴ по поводу злоупотреблений и тяжелой опеки Саидазимбаева в деле следования паломников в Мекку на поклонение святым местам. По мнению автора статьи, Саидазимбаев, «захватив монополию на эксплуатацию паломников и на суше, и на море, имел в перспективе заработать миллионное состояние». Им дотошно делается расчет, каким образом Саидазимбаев имеет большие доходы от своего «руководства паломническим движением», не затратив на это ни копейки собственных денег. К примеру, в Одессе вместо постройки вокзала Саидазимбаев снимал в аренду Дом трудолюбия, и затратил на его ремонт, как пишет газета, 10 000–15 000 рублей, которых он взял у «Добровольного Флота» в виде ссуды, при этом Саидазимбаев брал с паломников по 5 руб. с человека, т.е. на этом предприятии зарабатывал ежегодно около 70 000–75 000 рублей и т.д.³⁵ Автор статьи упоминает и о «конкуренции», с которой Саидазимбаев столкнулся в Одессе в лице некоего г. Гуржи, который уже до него имел контору под названием

«Одесская центральная контора по переправке паломников-мусульман в Джедду, Ямбо и Бейрут через Константинополь»³⁶. И как ясно по статье, Саидазимбаеву пришлось идти на компромисс, заключив договор с г. Гуржи, по которому последний «за три рубля с головы паломника» отказывался от своего предприятия и его контора всецело переходила в руки Саидазимбаева. Автор «Паломнической панамы» пишет о потасовках между паломниками и руководством, и даже об избииении самого Саидазимбаева³⁷.

Начинается разбирательство по «чрезмерно активной деятельности Саидазимбаева». Главный врачебный инспектор при МВД Л.Н.Малиновский в своем письме от 20 ноября 1908 г. господину М.И. Трусевичу дает объективную оценку его деятельности: «Каких-либо указаний на неблаговидный образ действий г. Саидазимбаева, как частного лица, у меня не имеется, так как старания его привлечь всеми доступными ему средствами в свои хаджи-ханы и на суда Добровольного Флота возможно большое число паломников является вполне естественным со стороны частного предпринимателя, преследующего исключительно свои коммерческие интересы. С этой стороны г. Саидазимбаев не обращал бы на себя особого внимания. Но, благодаря званию «руководителя паломничества», которое ему было присвоено циркуляром Департамента полиции от 17 марта с.г. за № 29653, Саидазимбаев являлся в глазах местной администрации официальным лицом, пользующимся особым доверием и особыми полномочиями от Министерства внутренних дел и потому имеющим право на их особую поддержку. Только таким образом можно объяснить то особое покровительство, которое оказывалось предприятию Саидазимбаеву в Одессе, в ущерб всем пароходным обществам, кроме Добровольного Флота, по-видимому, по той причине на некоторых станциях железных дорог только агенты Саидазимбаева допускались вербовать на свои суда паломников,

тогда как агенты других обществ устранились³⁸.

Главный штаб Азиатского отдела делает запрос в Департамент полиции, «на каких условиях было разрешено Ташкентскому жителю Саид-Гани Саидазимбаеву устройство в Одессе и в других пунктах особых барачков для помещения мусульманских паломников и какая материальная поддержка была оказана этому лицу со стороны правительства»³⁹. В Министерстве внутренних дел появляются заявления о том, что Саидазимбаев «руководителем никогда не назначался»⁴⁰. 22 ноября 1908 г. 53 губернаторам и градоначальникам летит шифрованная телеграмма от директора Департамента полиции о том, что «закрывающееся в циркуляре 29653 упоминание о назначении Саидазимбаева руководителем паломничества внесено в текст по ошибке и потому не может служить к признанию каких-либо особых его полномочий, а равно должно быть принимаемо во внимание при оценке деятельности названного лица»⁴¹. После этого начинают приходить с мест в Департамент полиции спешные письма и телеграммы с просьбой объяснить данную телеграмму⁴².

Между тем мусульманские общества разных городов продолжали требовать вмешательства в дело депутатов Госдумы и остановить беспредел со стороны Саидазимбаева⁴³. Депутат Ш. Махмудов сообщает газете «Вақыт», что мусульманские депутаты, собравшись в Петербурге, попросили объяснения по данному поводу у господина Сыртланова. Тот продолжал оправдывать Саидазимбаева и доказывал, что паломники вполне довольны деятельностью последнего. Все закончилось тем, что депутаты решили во время рождественских каникул отправить Сыртланова с двумя членами Госдумы в Одессу, а других двух или трех депутатов в Феодосию, чтобы встретить по пути обратно домой этих злосчастных паломников и поговорить с ними⁴⁴.

Хотя в прессе вышло сообщение о том, что в Петербурге начинается след-

ствие по деятельности Саидазимбаева, что тот приехал в Петербург и встретился с адвокатом Сыртланова и т.д.⁴⁵, пока паломники возвращались (вторая половина января 1909 г.), страсти вокруг Саидазимбаева постепенно улеглись. В центре внимания прессы встали другие события, связанные с нападениями бедуинов на пилигримов в Хиджазе, где погибло много людей⁴⁶, скандал с пароходами «Евфрат», «Царица» и «Осборн» Русского Общества Пароходства и Торговли, куда не допускали журналистов, узнавших, в каких ужасных условиях привезли более 2000 паломников в Феодосию⁴⁷ и т.д. По сравнению с таким положением, хаджи-ханэ Саидазимбаева некоторым уже стало казаться «милым гостеприимством, о котором прибывшие паломники не могут вспомнить без волнения»⁴⁸.

Несмотря ни на что, начатое Саидазимбаевым дело в Одессе имело продолжение и в последующие годы. В рекламных путеводителях⁴⁹ и газетных сообщениях 1910–1911 гг. говорится, что в Одессе для услуг паломников имеется «хаджи-ханэ», в котором помещаются прибывающие паломники и где производится дезинфекция их вещей. Помещение «каравансарая» также приспособлено для нужд паломников. Помещение для паломников рассчитано на 3000 человек. Громадные, заново выбеленные комнаты. Много света и воздуха. Для паломников устроена большая баня, есть дезинфекционный аппарат «Гелиос» (для дезинфекции вещей паломников). Есть лазарет, два врача; все время дежурит наряд полиции. К услугам паломников имеются переводчики, подчиняющиеся особому контролю»⁵⁰.

1910 г. выдался очень тяжелым для паломников: в России (в том числе и в Одессе) снова бушевала эпидемия холеры и чумы. Даже уважаемый депутат Г. Сыртланов был вынужден публично обратиться к мусульманам с советом воздержаться в этом году от поездки в Хиджаз⁵¹. Но Саидазимбаева в привлечении «клиентов» на этот раз неожиданно поддержал имам г. Одессы

Сабирджан Сафаров, который в своем письме в редакцию «Вақыт» уверял, что в Одессе и в хаджи-ханэ все благополучно и готово для приема хаджиев, они смогут свободно выходить в город и иметь другие удобства⁵². Сообщая об этом, «Вақыт» предупреждает своих читателей, что как раз в то время, когда было написано письмо уважаемого имама, агентства телеграфировали об эпидемии в Одессе и о том, что по решению городских властей паломникам категорически воспрещалось выходить из хаджи-ханэ. Для подтверждения этого факта приводится письмо одного сибирского мусульманина, который жаловался, что условия и отношение к паломникам в этом заведении стали еще хуже, чем два года назад. Мусульмане, попавшие сюда, чувствуют себя «арестантами» и проклинают не только Саидазимбаева и Фрейденберга, но и...самого Сабирджан хазрата⁵³. Такие письма и сообщения продолжали печататься и в других газетах⁵⁴.

Несмотря на протесты с мест, на конкуренцию со стороны различных организаций⁵⁵, Саидазимбаев сохранил и в последующие годы монополию (по крайней мере в Одессе⁵⁶) в организации отправки паломников в Хиджаз. Благодаря стремлению к благотворительным делам, имя Саид-Гани Саидазимбаева было на устах и у представителей высшей власти. Например, парижский журнал «Мусульманин», подробно останавливаясь на праздновании 300-летия династии Романовых, сообщает, что в связи с этим Санкт-Петербургское общество попечения о престарелых и увечных рабочих решило построить «грандиозный» приемный дом на 1000 кроватей. «По инициативе Саид-Гани Саидазимбаева, — пишет журнал, — избранного за пожертвование на это дело почетным членом и членом Совета, общество решило отвести в новой богадельне особую палату для мусульман, которая будет обставлена по требованиям нашей религии. При палате будет особая молельня, комната для омовения и отдельная мусульманская кухня. Обо-

рудовать мусульманскую палату предполагается на пожертвования самого мусульманского населения. Первый щедрый почин в этом направлении уже сделал Ташкентский первой гильдии купец Муллагалей Ахмеджанович Яушев, согласившийся по просьбе Саидазимбаева пожертвовать 5000 рублей»⁵⁷.

Таким образом, как личность Саид-Гани Саидазимбаева, так и его роль руководителя паломнического движения из России однозначно оценить сложно. С одной стороны, он действительно большой инициатор и неустанный организатор благотворительности среди российских мусульман; и он, видно, действительно хотел улучшить условия передвижения паломников по железным дорогам России и по морю до Джидды. Другое дело, каким образом и какими средствами он добивался этого, и как на это реагировало само мусульманское общество. Тот факт, что за свое «усердие» Саидазимбаев был удостоен государственных наград⁵⁸, также говорит о том, что он – личность незаурядная и достойная внимания и памяти.

Приложение

ОБЯЗАТЕЛЬНОЕ ПОСТАНОВЛЕНИЕ Временного одесского генерал-губернатора

г. Одесса № 111, августа 9 дня 1908 г.

В виду следования паломников мусульман из мест или через места неблагоприятные по холере и в предупреждение возможности занесения этой эпидемии в пределы одесского градоначальства, я на основании пп.1 и 2 правил о местностях, объявляемых состоящими на военном положении, признал необходимым издать следующее обязательное постановление:

§1

Мусульманам-паломникам временное, до отъезда на пароходах, пребывание в Одессе разрешается лишь в

специально для того устроенной потомственным почетным гражданином Сеид-Гани Сеид Азимбаевым санитарно-паломнической хаджи-ханэ в помещении дома Трудолюбия. В виду чего все домовладельцы г. Одессы и содержатели гостиниц и меблированных комнат не могут отводить паломникам-мусульманам каких-либо помещений без особого моего на то, каждый раз, разрешения.

§2

При следовании паломников-мусульман в Одессу партиями, руководители партий обязаны при проезде через станцию юго-западных железных дорог «Бирзула» заявлять станционному железной дороге жандармскому начальству о количестве следующих в партии мусульман и о местности, из которой партия следует. По получении извещения одесской полицией о следовании в Одессу партии паломников мусульман, *администрация хаджи-ханэ обязана безотлагательно высылать, совместно с полицией нарядом* и по его указанию своих агентов на железнодорожную станцию «Тираспольская застава». Отдельные прибывающие по железной дороге паломники встречаются с агентами хаджи-ханэ на станции «Одесса Главная», для чего на пассажирский вокзал «Одесса Главная» ежедневно заблаговременно являются к приходу каждого пассажирского поезда агенты санитары от санитарно-паломнической хаджи-ханэ, снабженные особыми удостоверениями от канцелярии градоначальника.

§3

Прибывающие в Одессу паломников мусульманам *строжайше воспрещается сходить с железнодорожного подъезда в пределах одесского градоначальства и Одесского уезда на какой-либо другой железнодорожной станции, кроме «Одесса Главная»*, по прибытии на которую все паломники-мусульмане, а равно и следующие с ними переводчик и руководители партий *должны беспрекословно подчиняться распоряжениям* и указа-

ниям, высылаемых для их встречи на станции «Тираспольская застава» или «Одесса Главная» полицейских нарядов и *агентов хаджи-ханэ, под руководством которых паломники доставляются в хаджи-ханэ.*

§4

Кроме лиц, снабженных упомянутыми в §2 удостоверениями, никто в пределах одесского градоначальства *не имеет права принимать на себя какие-либо обязанности по приему в Одессе паломников-мусульман, исходатайствованию из документов и исполнению вообще каких-либо поручений.*

§5

С вокзала «Одесса Главная» паломников мусульман и их багаж должны доставлять без всякой задержки в помещение санитарно-паломнической хаджи-ханэ в особых вагонах или же по железному пути или же на высылаемых *от хаджи-ханэ специальных платформах.*

§6

К содержащимся в хаджи-ханэ паломникам мусульманам применяются в полном объеме утвержденные мною правила, причем о всяком случае заболевания администрации хаджи-ханэ обязана немедленно извещать местного врачебного инспектора и инспектора одесской морской врачебно-наблюдательной станции.

§7

Поступающие в хаджи-ханэ паломники мусульмане должны быть отправлены на ближайших пароходах без всякой задержки, и во время пребывания паломников в Одессе они должны на-

ходиться под непрерывным врачебным надзором дежурных санитарных врачей хаджи-ханэ. Паломники, а равно прибывающие с партиями переводчики и руководители, *могут отлучаться в город лишь в случае крайней необходимости,* по совершении санитарного осмотра и дезинфицирования, при свидетельстве врача хаджи-ханэ.

§8

В помещение хаджи-ханэ воспрещается доступ посторонним лицам без особого на то разрешения хаджи-ханэ.

§9

На отходящие пароходы паломники-мусульмане и их багаж должны доставляться средствами администрации хаджи-ханэ под ее надзором также в особых вагонах или же специальных платформах. Партия паломников мусульман, подлежащая посадке на пароход, накануне посадки на пароход, свидетельствуется в помещении хаджи-ханэ особой врачебной комиссией из врачей: городского, от врачебно-наблюдательной станции, врача хаджи-ханэ и судового врача, который выдает свидетельство в приеме людей здоровыми.

Настоящее обязательное постановление входит в законную силу со дня опубликования его в «Ведомостях Одесского Градоначальства».

Виновные в нарушении сего постановления подвергаются взысканию до трех месяцев ареста или денежному штрафу до 3000 рублей.

Временный одесский генерал-губернатор генерального штаба, генерал-майор ТОЛМАЧЕВ».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ ГА РФ, ф. 102. 2-ое делопроизводство, оп. 47; ед. хр. 314, л. 101–102.

² Там же.

³ Старый Туркестанец. Паломничество в Мекку. — Голос правды. (Петербург). — 1908. — № 708. — 24 января.

⁴ На такие условия путешествия Министерство путей сообщения обратило внимание и в 1907 г. был издан циркуляр о предоставлении паломникам отдельных вагонов. Но за не-

достатком вагонов в депо железных дорог, в особенности в депо дорог Средней Азии, мера эта не могла осуществляться, и в период паломничества того года для паломников было отведено не более 2,5 десятков вагонов, вмещавших самую незначительную часть общего количества паломников. (Отчет Саид-Гани Саидазимбаева о движении мусульманских паломников в Мекку в 1908 г. (год и место издания не указаны). С. 2).

⁵ Голос правды. — 1908. — 24 января. — № 708.

⁶ См.: *Сибгатуллина А.* Простодушных паломников обманывали везде... // Эхо веков. 2006. — № 2. — С. 180–182.

⁷ См: Докладная записка Саид-Гани Саидазимбаева г. Министру путей сообщения. С.-Петербург, 31.12.1907. (Машинопись). — ГА РФ, ф. 102. 2-ое делопроизводство, оп. 47; ед. хр. 314, л.101–102.

⁸ Голос правды. — 1908. — 24 января.

⁹ Отчет Саид-Гани Саидазимбаева. С. 3.

¹⁰ Отчет Саид-Гани Саидазимбаева. — С. 2–3.

¹¹ Там же. — С.3.

¹² Там же.

¹³ Например: Телеграфное сообщение министру внутренних дел Столыпину, члену Государственной Думы Сыртланову от мусульман Оренбурга за подписью 500 человек в поддержку С. Саидазимбаева. ГА РФ, ф. 102. 2-е делопроизводство, оп. 47; ед. хр. 314, л. 129–131.

¹⁴ ГА РФ. Фонд 102. 2-е делопроизводство; 1890 год; опись 47; ед. хран. 314, л. 115.

¹⁵ Голос правды. — 1908. — № 708. — 24 января.

¹⁶ Зет. Паломническая панاما // Туркестанский курьер. (Ташкент). — 1908. — № 25. — 7 октября.

¹⁷ ГА РФ, ф. 102. 2-е делопроизводство, оп. 47; ед. хр. 314, л. 103.

¹⁸ См. Приложение.

¹⁹ Одесские новости. — 1908. — 14 августа.

²⁰ ГА РФ, ф. 102. 2-е делопроизводство, оп. 47; ед. хр. 314, л. 190.

²¹ Отношение Правления Русского Общества Пароходства и Торговли в Департамент Полиции МВД от 2 октября 1909 г. № 1898. ГА РФ, ф. 102. 2-е делопроизводство, оп. 47; ед. хр. 314, л.216.

²² ГА РФ, ф. 102. 2-е делопроизводство, оп. 47; ед. хр. 314, л.172.

²³ См.: Хажилар хакында // Вақыт. — 1908. — № 362–363.

²⁴ Хажилар хакында // Вақыт. — 1908. — № 362.

²⁵ Хажилар хакында II. Саедгани Газимбаев кемдер? // Вақыт. — 1908. — № 374. — 25 сентябрь.

²⁶ *Сыртланов Г.* Хажилар мәсьәләсе хакында жавабым //Вақыт. — 1908. — № 380. — 9 октябрь; № 381. —11 октябрь.

²⁷ См. Идарәгә мөктәп. Одессадан. Хажихане вә Газимбаев //Вақыт. — 1908. — № 386. — 25 октябрь; Хажилар мәсьәләсе. Одесса хажиханәсеннән //Вақыт. — 1908. — № 388. — 30 октябрь; Хажилар мәсьәләсе// Вақыт. — 1908. — № 392. — 8 ноябрь; Хажихане // Вақыт. — 1908. — № 396. — 18 ноябрь. и т.д.

²⁸ Хаджи-ханә. Письмо из Одессы // Речь. — 1908. — № 244. — 12 октября.

²⁹ В «деле», имеющемся в Департаменте Полиции, фигурирует имя некоего Исаака Израилевича Фрейденберга, который явился в Феодосию «в качестве главного уполномоченного Саидазимбаева с целью руководить отправкою прибывающих в местный карантин паломников мусульман на родину». Вследствие телеграммы Директора Департамента полиции от 23 ноября 1908 года за № 331, Феодосийский полицмейстер отобрал у Фрейденберга, выданное Саидазимбаевым удостоверение, и воспретил ему принимать какое-либо участие в деле передвижения паломников, как не имеющему на это надлежащего правительственного уполномочия. ГА РФ, ф. 102. 2-е делопроизводство, оп. 47; ед. хр. 314, л.202-203.

³⁰ Речь. — 1908. — № 244. — 12 октября.

³¹ Хажилар хакында // Вақыт. — 1908. — № 388. — 30 октябрь.

³² Речь. — 1908. — № 244. — 12 октября.

³³ ГА РФ, ф. 102. 2-е делопроизводство, оп. 47; ед. хр. 314, л.184.

³⁴ «Панамы — грандиозное предприятие, соединенное с злоупотреблением доверия обще-

ства и подкупом должностных лиц и депутатов парламента. Слово панама сделалось нарицательным после обнаруженных колоссальных злоупотреблений в акционерном обществе для прорытия Панамского перешейка» // Малый энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона.

³⁵ Зетг. Паломническая панама // Туркестанский курьер. — 1908. — № 26.

³⁶ Такие «паломнические конторы» существовали в разных городах. Например, сообщение в газете: «Проходимец Яковлев-Брагин, именующий себя фабрикантом мыльного завода в Ташкенте, ловко эксплуатировал простодушных паломников, предоставляя им якобы различные удобства в дороге, и берущий за это сущие пустаки. Оказывается, не один Яковлев-Брагин ловит рыбу в мутной воде. По распоряжению Ферганского военного губернатора объявлено, что проживающие в Коканде Усачев и в г. Ош Серков без всякого права выдают себя за представителей какого-то Торгового Дома под фирмой «Хадж», приютившийся в Баку». См.: Нам пишут. Ташкент // В мире мусульманства. (СПб.). — 1911. — № 29. — 4 ноября. Все это также свидетельствует об отсутствии четкой политики правительства по организации паломнического дела.

³⁷ К. «Паломническая панама» // Туркестанский курьер. — 1908. — № 36. — 19 октября.

³⁸ Записка Управляющего Министерством торговли и промышленности от 17 октября 1908 г. № 6286. ГА РФ, ф. 102. 2-е делопроизводство, оп. 47; ед. хр. 314.

³⁹ ГА РФ, ф. 102. 2-е делопроизводство, оп. 47; ед. хр. 314, л. 195.

⁴⁰ ГА РФ, ф. 102. 2-е делопроизводство, оп. 47; ед. хр. 314, л. 172.

⁴¹ Там же, л. 174.

⁴² Телеграмма Управляющего Ставропольской Губернией от 23 ноября 1908 г.; Письмо в Департамент Полиции Кронштадского Военного губернатора от 25 ноября 1908, № 396. ГА РФ, ф. 102. 2-е делопроизводство, оп. 47; ед. хр. 314, л. 180–181.

⁴³ См.: Вакыт. — 1909. — 5 февраля.

⁴⁴ Хажихане мөсәләсе вә мөселман депутатлары // Вакыт. — 1908. — № 396. — 18 ноября.

⁴⁵ См. Вакыт (со ссылкой на газету «Нур»). — 1909. — № 432. — 17 февраля.

⁴⁶ См.: Вакыт. — 1909. — № 428, 431.

⁴⁷ Южные ведомости (Симферополь). — 1909. — № 10, 14, 25, 37.

⁴⁸ Крымский вестник (Севастополь). — 1909. — № 20. — 22 январь.

⁴⁹ См. напр. Всеобщий иллюстрированный путеводитель. Под ред. Н.Н.Лендера (Путника). — СПб., 1911. — С.292.

⁵⁰ Паломники // В мире мусульманства. (СПб.). — 1911. — № 21. — 11 сентября.

⁵¹ Вакыт. — 1910. — № 654. — 12 август.

⁵² Вакыт. — 1910. — № 669.

⁵³ Там же.

⁵⁴ Напр. см.: Страдания паломников // В мире мусульманства. — 1911. — №36. — 23 декабря.

⁵⁵ В Феодосии, к примеру, в 1909 г. организовывается Общество попечения о мусульманских паломниках, которое должно было распространить свою деятельность «за пределы Крыма», чтобы противостоять «разным паломническим дел мастерам в роде Рени-бея (в г.Джидде), Саидазимбаева и Ко». См.: Южные Ведомости. — 1909. — № 50. — 3 март.

⁵⁶ Русское Общество Пароходства и Торговли так и не смогло, видимо, получить разрешение на перевозку паломников из Одессы. По рекламным объявлениям 1910 г., специально подготовленных для мусульманских паломников на нескольких языках, видно, что паломнические суда этого общества уходили только из Севастополя, Батуми и Феодосии. См. Вакыт. — 1910. — № 664.

⁵⁷ Мусульманин. — 1911. — № 6-7.

⁵⁸ Интернет pecyпc: http://medalirus.narod.ru/Foto/foto_b.htm

Summary

Said Zimbaev's case — the leader of Islamic movement from Russia to Heijas.

УДК 297

ХАДЖ ИЗ ДЕШТ-И КИПЧАКА В XIII–XVII ВЕКАХ

В.В.Трепавлов, доктор исторических наук

В XIII–XVI вв. среди кочевников Евразии стал активно распространяться ислам. Как известно, одним из пяти «столпов» (*руки*) этой религии является *хадж* – посещение Мекки и поклонение ее святыням. Паломники из разных мест огромного мусульманского мира отправляются в путь с таким расчетом, чтобы прибыть туда к определенному сроку. Основное священнодействие начинается в седьмой день месяца зу-л-хиджжа и длится неделю. Поэтому хаджем считается не любая поездка в священный город, а совершенная в преддверии данной серии обрядов, т.е. на протяжении месяцев шаввал, зу-л-када и первых десяти дней зу-л-хиджжа¹. Очевидно, столь долгий, более чем двухмесячный срок странствия установился еще в раннем средневековье, при разрастании халифата, когда *дар-ал-ислам* распростерся от Пиренеев до Тянь-Шаня.

Далекое расстояние до Аравии и трудности путешествия были существенной проблемой для мусульман Дешт-и Кипчака. О периоде XIII – начала XV вв. имеются сведения о приезде паломников отсюда в Египет и Сирию для дальнейшего отбытия в Хиджаз. Установившийся порядок требовал формальной санкции на хадж от верховного государя, который распространял свою власть на эту аравийскую область. Такими государями в то время были султаны из династии мамлюков. Они имели резиденцию в Каире и управляли отсюда Египтом, Сирией, Палестиной, Нубией и Хиджазом. Кроме того, в Каире проживали номинальные халифы-Аббасиды, бежавшие из завоеванного монголами Багдада.

Территория Дешт-и Кипчака рассматриваемой эпохи входила в Улус Джучи (Золотую Орду), а впоследствии – в состав государств, сформировавшихся при его распаде. Ордынские ханы, как известно, поддерживали с мамлюкским Египтом активные дипломатические отношения, которые объяснялись коалиционным партнерством, направленным против их общего соседа и врага – Улуса Хулагу («монгольского Ирана»).

Арабские хроники сохранили свидетельства о приезде во владения мамлюков посланцев с севера, совмещавших посольские миссии с поездкой в Мекку. Султаны оказывали им всяческое содействие, тем более что об этом их просили в посланиях золотоордынские правители. Посольства прибывали в Египет или Дамаск (как правило, это было морское путешествие из крымского порта Судак), получали разрешение на хадж и с попутными караванами отправлялись в Аравию².

При этом каирские монархи сознавали свою роль «хранителей» Мекки и Медины как общемусульманских святынь. Разногласия и конфликты между единоверными государями формально не могли служить препятствием для паломников из враждующих стран. В 722 г.х. (1322–23) султан Насир-Мухаммед известил хана Узбека об отказе от вражды с хулагуидским ильханом именно на основании общности религии: «Я заключил мир с царем Абу-Саидом только ради мусульманства его и вступления его с находившимися при нем лицами в правоверие; нельзя запретить ему паломничество (в Мекку);

это один из столпов ислама, и он будет пособником в победе веры и мира»³. Впрочем, в данном случае имел место еще и внешнеполитический маневр — нежелание ввязываться в войну и притом сохранить добрые отношения с Са-раем⁴.

Еще один показательный случай произошел в начале XVI в. Через два года после разгрома и уничтожения крымцами Большой Орды (1502 г.) один из главных вельмож этого государства, мангытский бек Хаджике, попытался обрести пристанище во владениях победителя, но натолкнулся на жесткий отказ хана Менгли-Гирея: «Ты нам недруг, не надобен ты нам; как еси к нам приехал, так и от нас поеди...». Бек пустился в оправдания: «Яз не на княженье сюда приехал, хочю к Мяке идти, и ты бы пожаловал, дал милостыню, чем дотоле доехать...». Хан предоставил Хаджике два месяца на сборы и, видимо, снабдил деньгами для паломничества. Таким образом, принадлежность просителя к лагерю злейших врагов не воспрепятствовала пособничеству в его благочестивом начинании. Однако вскоре Менгли-Гирей узнал, что большеордынского эмигранта приютил у себя один из царевичей, ханских сыновей⁵. В конце концов он махнул на это рукой, и Хаджике остался в Крыму.

От 819 г.х. (1416-17) сохранилось известие о прибытии в Дамаск жены ордынского беклербека Эдиге с тремястами всадниками. Легко получив обязательное высочайшее дозволение, они с сирийским караваном совершили паломничество⁶. Здесь имеет место поездка только с целью хаджа, без совмещения его с посольским поручением. Многолюдная свита, очевидно, выполняла не только охранную функцию. Скорее всего в ней находились и какие-то родичи «хатуни». Ведь женщинам в принципе разрешалось отправляться в дальний путь только вместе с мужем или с другим ближайшим родственником. Впрочем, по шафийтскому мазхабу допускается хадж и без мужского сопровождения, но при гарантированной

безопасности и в группе как минимум с двумя женщинами⁷.

Неудивительно, что в группе паломников не было самого Эдиге. Этот могущественный мангытский сановник на протяжении предыдущих двух десятилетий занимал ведущее положение в Золотой Орде, пытаясь предотвратить ее распад, интригуя и сажая на трон марionеточных ханов. Правда, в 1417 г. его могущество уже практически сошло на нет, но он продолжал жестокую борьбу за власть с царевичами-Тохтамышевичами. Отправиться в хадж означало для него демонстративный отказ от этой борьбы и признание своего поражения. Именно так расценивалось путешествие в Мекку бывших правителей. Ведь после IX в. в мусульманском мире установился порядок, в соответствии с которым это означало отказ от престола⁸.

Хотя Эдиге официально и не являлся государем, его высший аристократический ранг беклербека и положение фактического правителя государства не позволяли ему пуститься в благочестивое странствие. Точно в таком же положении оказался через некоторое время внук Эдиге, беклербек Большой Орды Тимур. Он стал подумывать о хадже, но придворный стихотворец Шал-Кийиз Тиленши-улы отговорил его, сочинив подобающую случаю поэму «Нагрузил ты корабль грузом». В ней поэт обращается к своему патрону с увещанием воздержаться от своего намерения, чтобы не дать повода для междоусобиц. Будет лучше, говорил Шал-Кийиз, облегчить жизнь бедным и обиженным людям — «таким путем ты и сидя дома освободишься от грехов»⁹. Вняв этим доводам, бек остался в своем юрте. При этом, как видим, здесь названы рациональные причины, которые побуждали властителей воздерживаться от отъезда в Аравию.

Точно такое же положение главного бека занимал в Астраханском юрте начала XVI в. Баба-Али из тюркского племени китай. После смерти своего сюзерена, хана Джанибека (около 1514 г.),

он оставил свой высокий пост и, демонстрируя отстранение от мирских дел, отправился на поклонение Каабе. После этого он уже не вернулся в Поволжье, а поступил на службу к хорезмийскому царевичу Султан-Гази¹⁰.

В истории «постзолотоордынского» Дешт-и Кипчака известно несколько случаев, связанных с участием в хадже царственных особ, из которых все на момент паломничества не обладали монархическими прерогативами.

Так, последний астраханский хан Дервиш-Али и все жители Хаджи-Тархана в преддверии русского наступления в сентябре 1556 г. покинули город. Они не стали развязывать безнадежную борьбу с превосходящей военной силой Москвы. Как передает летопись, «Дербыш побежал в Азов (тогда – турецкая крепость Азак. – В.Т.), а оттоле к Мекки»¹¹.

В конце XVII в. крымский хан Селим-Гирей I, четырежды занимавший бахчисарайский трон, посетил Мекку только во время одной из своих «отставок»¹².

В 1524 г. хан Сахиб-Гирей оставил престол в Казани под предлогом хаджа и уехал в Стамбул, к османскому падишаху – сюзерену Гиреев¹³. Правда, затем выяснилось, что намерение совершить паломничество оказалось лишь предлогом, чтобы оказаться у «Высокого Порога» в надежде получить из рук султана престол в Крыму (что вскоре и произошло).

В 1557 г. правитель-бий Ногайской Орды Исмаил гневно опровергал слухи, которые распространяли его соперники в борьбе за власть – сыновья убитого им бия Юсуфа. Те всячески пытались уверить царя Ивана IV, будто долгая междоусобная война в Ногайской Орде имеет чисто внутренние, «династические» причины и никоим образом не направлена против интересов Московского государства, а Исмаил как братоубийца и узурпатор заслуживает мести. В частности, послы Юсуфовичей в Москве утверждали, что Исмаил добровольно «княжене здал Юнус мирзе» (старше-

му сыну Юсуфа), а сам пошел «к Мекке». Исмаил требовал от царя казнить лжецов¹⁴. Тем не менее вновь наглядно проявляется сопряженность хаджа с правителем, утратившим власть.

Пилигримы из северных владений позднесредневекового Дешта (Мангытского и Сибирского юртов), а также из узбекских ханств отправлялись в хадж через обширные ногайские степи. Башкирское предание рассказывает, что из своего жилища у озера Азкират (Южный Урал) совершил паломничество исламский миссионер Хусейн-бек, посланный из Туркестана к башкирам его учителем, знаменитым суфием Ходжой Ахмедом Ясави¹⁵.

В 1576 г. по пути из Хорезма к Каабе пересек страну «мангытских узбеков» (*узбакан-и мангити*) шейх Камал ад-Дин Хусейн Хорезми¹⁶.

Через четыре года через ставку ногайского мирзы Ураз-Мухаммеда проследовала из Искера (?) в хадж Сылыханым, мать сибирского хана Кучума¹⁷.

Пути паломников сходились в Астрахани¹⁸. Крупнейшая и наиболее обустроенная переправа через Волгу в ее окрестностях именовалась Ханским бродом (между современными поселками Сеитовка и Ак-Месджид)¹⁹. К ней прибывали представители самых разных мусульманских государств – «изо всех мест», как сказано в одной русской грамоте. В источниках упоминаются странники «и из Асторохани, и из Бухар, и из Шамархани, и из Ташкента, и от Озямских земель», «ис Тюрмен и ис Крымшевкалов»²⁰. Кроме того, как мы видели, сюда съезжались также жители более северных территорий (в том числе наверняка и Среднего Поволжья – Булгарского вилайета, позднее Казанского ханства).

Однако в 1556 г. Астраханское ханство было присоединено к Московскому государству. Находясь в окружении чуждого кочевого мира, воеводы тщательно заботились о безопасности южного анклавного владения России. Среди мер контроля за ситуацией было воспрепятствование в переправе для

пилигримов. Уже в начале 1557 г. возвращавшиеся из Мекки мусульмане сообщили турецким путешественникам, встреченным в Шаме (Северное Приаралье), что Астрахань взята русскими и все пути через степь перекрыты²¹. Есть прямое указание в отписке из Крыма посла Афанасия Нагого от начала 1567 г., что «бусурманы... пойдут на Асторохань к Бахметеву гробу, и твои... государевы воеводы их не пропускают»²². Еще через десять лет, летом 1577 г., ногайский мирза Саид-Ахмед обращался к царю Ивану с просьбой приказать воеводам перевозить за Волгу хаджи («азеи, которые пойдут к Мекке»)²³, т.е. и в то время переправа все еще была затруднена.

Причины жесткого контроля русских властей над «перевозами» были многообразны и существенны для российской стороны. Царские наместники старались не допустить, чтобы ногаи перебирались со своего, левого, на правый, т.к. там они нередко присоединялись к крымским и казыевским набегам на русское пограничье. Далее, одна из важнейших функций воевод состояла в неукоснительном взимании перевозных пошлин. Уже в 1558 г. бий Исмаил просил смягчить эти требования, дабы через Волгу «голодных и нужных наших людей перевозили даром, а не имали с них ничево»²⁴ (в то время Ногайская Орда была охвачена голодом, мором и смутой).

Существенной причиной ограничений было также предотвращение проникновения османской агентуры в российские владения. В XVII в. в наказах, выдававшихся в Москве ново-назначенным астраханским воеводам, предписывалось не допускать к городу «турских городов торговых людей» и отправлять их восвояси с требованием не приезжать впредь — из-за отсутствия соответствующего дозволения от государя²⁵. Кроме того, предлогом для отказа служило отсутствие у желавших переправиться через Волгу обязательной «проезжей астраханской грамоты» с царской печатью²⁶ (которая стави-

лась в местной воеводской канцелярии — съезжей избе).

В исламском мире нарастало раздражение неожиданным препятствием. Правители одного из ближайших к месту событий мусульманских государств — Крымского юрта — отразили это настроение как в претензиях к московскому царю, так и в планах отвоевания у него Нижней Волги. Особенно был настойчив в 1560–70-х гг. хан Девлет-Гирей I. Ивану IV он писал, в частности: «И ходили азеи к Меке... им дорога была через Асторохань, а ныне та дорога затворилася»; через Астрахань «азеи к Меке хаживали, то им дорога была, а в нынешнее время тем азеям туда дороги нет» и т.п. Все это в его трактовке преподносилось как «всем мусульманом насилство и лихо». Крымский бек Мурад в беседе с русским послом в 1576 г. добавил, что «которым де было людем ходити к Меке на Асторохань, а нынеча де ходят далече»²⁷.

В источниках нам не удалось встретить данных об обходном маршруте, упомянутом в последней цитате²⁸. Однако некоторые данные позволяют полагать, что Ханский брод вовсе не был закрыт воеводами наглухо и для всех. Иван Грозный посчитал жалобы паломников напрасными «бездельными речами», а при «котором убытке» со стороны местных чиновников советовал обращаться прямо к нему²⁹. Похоже, к обиде на воеводские препоны примешивалась досада по поводу завоевания Астраханского ханства «неверными», отчего положение рисовалось более мрачным, чем было на самом деле. Так, в начале 1567 г. в Стамбул явились послы от правителей Ургенча и Бухары. На аудиенции у султана они перечислили беды, причиненные «мусульманству» русскими завоеваниями на востоке; при этом в документе отмечено, что «послы шли к Меке на Асторохань», т.е. одновременно и совершали хадж.

Очевидно, на своем пути узбекские послы все же смогли успешно преодолеть астраханскую переправу, т.к. в обратный путь они намеревались от-

правиться той же дорогой: «А юргенчскому деи послу и шихом (т.е. шейхам, составлявшим бухарское посольство. — *В. Т.*) в Юргенч и в Бухары идти на Асторохань»³⁰. Едва ли они двинулись бы туда, будь переправа через Волгу недоступна.

Однако негативный идеологический и психологический резонанс среди мусульман от падения татарского Хаджи-Тархана был несомненным. В умах политиков зрели планы отвоевания юрта.

В 1588 г. Иван Мишуриин был направлен гонцом из Москвы в Бахчисарай. По возвращении на родину он изложил в Посольском приказе новости и слухи о международной обстановке, услышанные им от разных собеседников в Крыму. Среди прочего Мишуриин поведал о бухарском посольстве в Стамбул и о неудачной попытке бухарского хана Абдаллаха II заключить военный союз с султаном Мурадом III для захвата Астрахани: «Да к турецкому де салтану бухарской прислал посла своего в 97-м году³¹ просити де силы к Асторохани, штоб де турецкой салтан послал силу свою, да и крымского царя к Асторохани послал же бы. А бухарской будто хотел свою силу с турецкою силою послати к Асторохани. И бухарской де посол от тех мест и по ся места ждет в Царегороде у турецкого салтана. А турецкой де салтан ежелет кличет во Царегороде, штоб которые охотники шли к Асторохани. А дает им алафу³², и алафы де ниhto не емлет, а к Асторохани ниhto не идут»³³.

По документам, отложившимся в венецианском архиве, бухарское посольство предстало перед султаном в августе 1587 г. Главным предметом переговоров была вовсе не Астрахань, а военные действия против Сефевидов. Но среди прочих вопросов фигурировало и обсуждение возможности освобождения Нижней Волги от «*Gran Dusa di Moscovia*», дабы очистить путь паломникам³⁴.

На военные планы Абдаллаха могли оказывать влияние и высокородные татарские принцы астраханской династии, эмигрировавшие в середине XVI в.

в Мавераннахр³⁵. В источниках имеются упоминания, позволяющие предполагать какое-то воздействие на хана с их стороны. Около 1584 г. один из ногайских мирз сообщил царю Федору Ивановичу, что ему известно о планах бухарского правителя «Сарачик взяти и мусулманство прославить. А после того хотят и твои юрт взать... А как завладев Волгой и Яиком... хотят стол твои Москву взать и веру свою прославити»³⁶. Здесь говорится о планах Абдаллаха отстроить ногайскую столицу Сарайчук, разгромленную казаками в 1581 г., и в дальнейшем двинуться к Волге. Скорее всего подразумевалась не вся река от истоков до устья, а только низовье — район Астрахани.

Через одиннадцать лет о подобных намерениях вновь зашла речь, и теперь в качестве объекта нападения бухарцев прямо называлась Астрахань. В январе 1595 г. казахский посол говорил своему земляку в Москве, что прибыл с целью обратить внимание русского правительства на восточные дела, дабы «государь... на бухарсково не оплашивался, а ногаем бы не верил. Бухарской царь ныне юргенского Азима царя со юрта согнал, Юргенч взял под себя. А ныне, с ногаи соединясь, хочет поставит в Сарайчике город. Как в Сарайчике город поставит, толды будет и [над] Астороханью промышлять»³⁷. В то время Абдаллах завоевал Хорезм, и границы его государства выдвинулись в кочевые степи.

В свое время я высказал сомнение в истинности агрессивных поползновений Абдаллаха: он «был далек от мысли захватить русскую территорию... Не думаю... чтобы целью владыки Мавераннахра и Хорезма была агрессия против России. Следующим шагом его продвижения в Дешт должно было стать установление контроля над степями Центрального и Северного Казахстана, и согласие с ногаями позволило бы охватить этот регион полукольцом для последующего завоевания»³⁸. Приписывание узбекскому хану намерений развязать антирусскую войну казалось

мне сознательной дезинформацией москвитян со стороны ногайских и казахских политиков, которые искали противовес набирающей силу Бухаре. Идея вызволения Хаджи-Тархана из рук «неверных» десятилетиями тлела в Крыму, и Гирей то и дело заводили об этом разговор³⁹, а в 1569 г. безуспешно попытались вместе с турками отвоевать город⁴⁰. Никаких практических мер в этом направлении, насколько мне известно, никогда не предпринимали правители Мавераннахра.

Однако, с учетом присутствия выходцев из Астрахани в свите Абдаллаха, нельзя исключить их (выходцев) воинственного настроения. Инициатива похода бухарских узбеков на российскую столицу по-прежнему кажется мне невероятной; к тому же именно в эти годы Абдаллах направлял в Московское государство дружественные посольства⁴¹. Но вполне возможно, что среди внешнеполитических планов хана действительно в каком-то виде фигурировала Астрахань — бывшая столица поверженного юрта и к тому времени давно уже русский город⁴².

Следует заметить, что религиозные лозунги и стимулы во внешней политике были присущи бухарскому хану, подобно большинству мусульманских монархов. В 1584 г. он завоевал Бадахшан (где правили последние тимуридские династы) именно под предлогом обеспечения свободного прохода паломников к Мекке⁴³.

Добавим, что властитель соседнего с Мавераннахром региона и государства — Хорезма, вышеупомянутый Хаджи-Мухаммед-хан, в 1567—68 гг. (975 г.х.) возмущенно обращал внимание крымского и османского монархов на препятствие, которое создало для паломников и купцов русское воеводство в Астрахани. Устранение этой препоны виделось ему в отвоевании «вилайета Эджерхан» у русских пришельцев⁴⁴.

Высокая Порта внешне разделяла благочестивое негодование своих среднеазиатских собеседников⁴⁵, но до реальных действий у османов в 1580-х г.

руки так и не дошли. Гораздо более актуальным для Стамбула было в то время противостояние с Сефевидами в Закавказье.

Дальнейший, западный, маршрут паломников из Астрахани известен из отписки (донесения) астраханских воевод Ю.П.Буйносова-Ростовского и С.В.Волынского, доставленной в Москву в июне 1630 г. Ниже приводится соответствующий фрагмент этого документа.

«Апреля, государь, в 29 день привел к нам, холопом твоим, в съезжую избу юртовской табунной голова Янмамет Ромазанов своего табуна татарина Кудашман-азия. А сказал, что де, государь, тот татарин приехал внове в улусы к морю в Мочаг⁴⁶ ис Казыева улуса⁴⁷. А юртовской татарин Кадашман в роспросе нам, холопом твоим, сказал: в прошлом-де, государь, во 134-м году⁴⁸ при боярине и воеводах при Петре Петровиче Головине со товарищи по подписной челобитной из Асторохани отпущен он съ юртовским татаринном с Кулаком по их бусурманской вере к Меке для молбы. И от Асторохани государь, ехал он на Казыев улус, а ис Казыева улуса приехал в Крым. И был в Крыме два месяца, собрався с товарищи, ехал на турецкие города на Янкермен да на Аккермен, да на Кли, да на Смаил, а ис Смаила в Царьгород⁴⁹, и в Царьгороде был три дни. Собрався их ис турецких розных городов со сто человек. Ис Царьгорода ехали они сухим путем до турецкого Шамшерипа города⁵⁰ шесть недель. И в Шамшерипе городе был с месяц, ехал до Меки скорою ездою на верблюдах шесть недель три дни, потому что де, государь, то место безводное⁵¹. И у Меки де был он тритцать ден, поехал назад в Царьгород. И в нынешнем де, государь, во 136-м году⁵² зимою приехав, был он в Царьгороде три дни, а хто в Царьгороде солтан, того де он не ведает»⁵³.

(Из последней фразы следует, во-первых, аполитичность (притворная?) допрошенного юртовца, который якобы даже не поинтересовался персоной

падишаха, совмещавшего светское владычество над османским «Великим государством» со священным рангом халифа; во-вторых, сугубая формальность процедуры выдачи султанского разрешения на поездку в Хиджаз⁵⁴.)

Приблизительно полустолетием раньше отправился к Каабе кубравийский шейх Камал ад-Дин Хусейн Хорезми. В жизнеописании шейха «Джадат ал-ашихин», составленном в 1573 г. его сыном, приводится краткое перечисление пунктов, через которые пролегал этот путь. Следуя из Хорезма, Камал ад-Дин Хусейн пересек Мангышлак и, как упоминалось выше, Ногайскую Орду, проехал через города Сарайчук, Хаджи-Тархан и Азак (Азов), направился в Крым и оттуда (морем?) в Стамбул⁵⁵. Как видим, здесь западное направление маршрута несколько иное. Очевидно, Хорезми совершил путешествие еще до взятия русскими Астрахани (1556 г.) и разрушения казаками Сарайчука (1581 г.).

Расходы на длительное путешествие в Аравию были огромны (отчего оно было доступно, как правило, лишь богатым людям). Иногда отправлявшимся туда удавалось добиться денежной помощи от своих правителей. Но были случаи, когда «спонсировать» хадж просили русских монархов. Конечно, на это мог осмелиться только тот, кто имел какие-то заслуги перед Москвой. Например, своему крымскому амиату, беку Сулейман-шаху (Сулешу)⁵⁶, Иван IV в 1571 г. послал 300 руб. Это был отклик на просьбу прислать 500 руб. по благочестивому поводу: «И ож даст Бог хочю ити к Меке и на дорогу харчю⁵⁷ нет. И волной человек царь (т.е. хан. — *В.Т.*) невеликим харчом пожаловал, и того на путь харчю не станет»⁵⁸. Возможно, это был не первый хадж Сулеша, т.к. шестью годами ранее его родич бек Ахмед ревниво пенял Ивану Васильевичу: «А свату моему Сулешу князю к Меке ити на харч даешь много...»⁵⁹.

В 1593 г. крымские «царицы», мать и вдова султана Мурад-Гирея, которому довелось активно участвовать в москов-

ских дипломатических комбинациях 1580-х годов (в отношении Крыма и ногаев), с аналогичными просьбами обратились к Б.Ф.Годунову — фактическому соправителю царя Федора Ивановича (речь шла о сумме в «триста золотых черленых») ⁶⁰.

В мае 1620 г., собираясь в паломничество с детьми, «в дорогу денег на харч» просил у царя Михаила Федоровича один из высших ногайских духовных иерархов, сеид Сайф ад-Дин. Для обоснования своего прошения он рекомендовался в грамоте на высочайшее имя «холопом твоим и богомольцем» и указывал, что беспрестанно молится «про твое государево многолетное здорье»⁶¹. Причем деньги сеид просил разрешения получить лично в русской столице, посетив ее перед отправкой в далекое странствие.

В течение XVI–XIX вв. вся территория бывшего Дешт-и Кипчака оказалась в составе Российского государства. Завоевание татарских ханств и увеличение мусульманского населения в государстве были важнейшим фактором цивилизационного развития России. Попытки всеобщей и поощряемой сверху христианизации не приносили ожидаемых результатов. Поэтому периодически происходило некоторое смягчение политики по отношению к подданным, исповедующим ислам. Как известно, официальная толерантность к «магометанам» была провозглашена Екатериной II во второй половине XVIII в. Кроме того, сказывались «забота об имидже России как государства, имеющего особые отношения с исламским миром, и реальное ощущение родства с Востоком, репродуцируемое на Руси из поколения в поколение»⁶².

В следующем столетии совместными мерами властей и мусульманского духовенства паломничество из России к Каабе приобрело организованные формы. В 1803 г. появился первый высочайший указ, регламентирующий официальное санкционирование хаджа⁶³. К концу XIX в. сформировались три главных

пути следования мусульман в Хиджаз с территории Российской империи: 1) по Закавказью и Северной части Персии через Керманшах, Ханекин, Багдад, Кербелу и Неджеф, затем через пески Аравии к Мекке и Медине; 2) через Самарканд и Бухару в Афганистан, далее на Мазар-и Шариф, Кабул, Пешавар, Бомбей, оттуда морем в Джидду и Ямбо; 3) через Одессу, Севастополь или Батум морским путем в Стамбул, Суэц, Джидду и Ямбо⁶⁴.

Тем не менее власти все-таки воспринимали путешествие в Мекку настороженно. На такое отношение влия-

ли еще и опасение привнесения в среду российских мусульман нежелательных политических идей, а также угроза проникновения с Востока эпидемических инфекций⁶⁵.

Однако на протяжении рассматриваемого в данной статье периода (до XVIII в.) мусульмане, проживавшие в российских владениях, практически не имели возможности хаджа. Причины заключались как в тогдашней однозначно антиисламской политике правительства, так и в постоянном и нараставшем напряжении в отношениях с Османской империей.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ислам. Энциклопедический словарь. — М., 1991. — С. 261; Ягмур Х. Хадж. — М., 2006. — С. 75.

² Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1. — СПб., 1884. — С. 68, 105, 175.

³ Там же. — С. 329.

⁴ Закиров С. Дипломатические отношения Золотой Орды с Египтом (XIII—XIV вв.). — М., 1966. — С. 83, 84.

⁵ Сборник Русского исторического общества. Т. 41. — СПб., 1884. — С. 515, 520; подробнее см.: Трепавлов В.В. История Ногайской Орды. — М., 2001. — С. 131.

⁶ Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. — С. 454, 442.

⁷ Ягмур Х. Указ. соч. — С. 76.

⁸ Бартольд В.В. Халиф и султан // Бартольд В.В. Сочинения. Т. VI. — М., 1966. — С. 26. Это не относилось к государям, которые обладали сюзеренитетом над Хиджазом.

⁹ Сикалиев А.И.-М. Ногайский героический эпос. — Черкесск, 1994. — С. 51.

¹⁰ Утемиш-хаджи. Чингиз-наме. — Алма-Ата, 1992. — С. 114.

¹¹ Книга, глаголемая Летописец Федора Никитича Нормантского // Временник Московского общества истории и древностей российских. — М., 1850. Кн. 5. — С. 106.

¹² Смирнов В.Д. Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты до начала XVIII века. — М., 2005. — С. 453.

¹³ Там же. — С. 304; Очерки Марджани о тюркских народах. — Казань, 2003. — С. 128; Худяков М.Г. Очерки по истории Казанского ханства. — М., 1991. — С. 89.

¹⁴ Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой. 1551—1561 гг. — Казань, 2006. — С. 253.

¹⁵ Игнатъев Р.Г., Гурвич Н.А. Хроника достопамятных событий Уфимской губернии и Оренбургского края с самых отделенных времен до настоящего // Справочная книжка Уфимской губернии. — Уфа, 1883. — С. 334.

¹⁶ DeWeese D. Islamization and Native Religion in the Golden Horde. Baba Tükles and Conversion to Islam in Historical and Epic Tradition. University Park, Pennsylvania, 1994. — P. 201.

¹⁷ Российский государственный архив древних актов (далее — РГАДА). Ф. 127, оп. 1, д. 9, л. 168.

¹⁸ Подробное описание торговых и паломнических маршрутов через мусульманские страны в XVI в. (с картой) см.: Carrère d'Encausse H. Les routes commerciales de l'Asie Centrale et les traitements de reconquete d'Astrakhan // Cahiers du monde russe et soviétique. 1970. Vol. 11. № 3. P. 397, 401—406.

¹⁹ Зайцев И.В. Астраханское ханство. — М., 2006. С. 170; Bennigsen A., Veinstein G. La Grande Horde Nogay et le commerce des steppes pontiques (fin XVe siècle — 1560) // Türkiye'nin sosyal ve ekonomik tarihi, 1071—1920. Ankara, 1980. — P. 234.

²⁰ РГАДА, ф. 123, оп. 1, д. 10, л. 322 об.; д. 13, л. 175, 180 об., 184. Шамархань – Самарканд; Озямские земли – Иран (Аджам); Тюрмен(ы?) – или страна туркмен, или Тюменское владение в Северо-Западном Прикаспии; Крымшевкалы – Северо-Западный Кавказ (*крышамхал* – титул престолонаследника шамхала).

²¹ *Зайцев И.В.* Указ. соч. С. 173; *Bennigsen A., Veinstein G.* La Grande Horde Nogay et le commerce des steppes pontiques (fin XVe siècle – 1560) // *Türkiye'nin sosyal ve ekonomik tarihi, 1071–1920.* Ankara, 1980. P. 234.

²² РГАДА, ф. 123, оп. 1, д. 10, л. 322 об. Усыпальница Пророка в Медине («Бахметев гроб») здесь, конечно, упомянута не к месту.

²³ Там же, ф. 127, оп. 1, д. 8, л. 65 об.

²⁴ Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой. – С. 274.

²⁵ Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. 3. – СПб., 1841. – С. 212, 213, 260.

²⁶ Там же. – С. 203; Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. 2. – СПб., 1846. – С. 87.

²⁷ РГАДА, ф. 123, оп. 1, д. 13, л. 175–175 об., 180 об., 184; д. 14, л. 3.

²⁸ Используемая ранее дорога через Иран оказалась в то время закрыта для пилигримов из Средней Азии по причине вражды шахов-Сефевидов с Османской империей и Бухарским ханством.

²⁹ РГАДА, ф. 123, оп. 1, д. 13, л. 207.

³⁰ Там же, л. 163 об., 164 об.

³¹ 1588/89 г.

³² *Алафа (улufe)* – 1) фураж; 2) жалованье, вознаграждение.

³³ РГАДА, ф. 123, оп. 1, д. 17, л. 320 об.–321.

³⁴ *Bennigsen A., Berindei M.* Astrakhan et la politique des steppes nord pontiques (1587–1588) // *Harvard Ukrainian Studies.* – 1980. – Vol. 3/4. – Pt. 1. – P. 74, 78.

³⁵ Подробно см.: *Трепавлов В.В.* Предки Аштарханидов в Дешт-и Кипчаке (заметки о предыстории бухарской династии) // *Тюркологический сборник. 2007–2008* (в печати).

³⁶ РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1585 г., д. 6/№, л. 13–15.

³⁷ Там же, ф. 122, оп. 1, 1594 г., д. 1, л. 8–9. Юргенский Азим-царь – ургенский хан Хаджи-Мухаммед (Хаджим-Азим).

³⁸ *Трепавлов В.В.* История Ногайской Орды. – С. 379–380.

³⁹ Об этой проблеме в общем контексте русско-крымских и отчасти русско-турецких отношений второй половины XVI в. см. подробно: *Виноградов А.В.* Русско-крымские отношения. 50-е – вторая половина 70-х годов XVI века. Кн. I–II. – М., 2007; в общем контексте осmano-узбекско-иранских отношений – *Bennigsen A., Berindei M.* Op. cit.

⁴⁰ В послании польскому королю Сигизмунду Августу (весна 1569 г.) султан Селим II объяснял причину данного похода беспрестанными преследованиями и грабежами, которые совершают русские над паломниками, следующими в Мекку из Астрахани (*Зайцев И.В.* Указ. соч. – С. 183).

⁴¹ Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР. Вып. 3. Ч. 1. – Л., 1932. С. 98–101, 404–406; *Зияев Х.* Урта Осие ва Волга буйлари (XVI асрнинг иккинчи ярми – XIX асрлар). – Тошкент, 1965. – С. 91, 92.

⁴² Через несколько лет после завоевания Астраханского ханства воеводы построили новую крепость на противоположном берегу от татарского Хаджи-Тархана. Это «досадно стало» хану и «всей земле» крымской. Разрабатывая в 1567–1568 гг. планы похода к Астрахани, турки и крымцы собирались «на старом городище город однолично ставити», «город поставити на крымской стороне на старом городище», имея в виду место прежнего поселения (РГАДА, ф. 123, оп. 1, д. 13, л. 160 об., 164–164 об.; д. 15, л. 381).

⁴³ История Узбекистана. Т. 3. – Ташкент, 1993. С. 80; *Шараф-хан ибн Шамсадин Бидлиси.* Шараф-наме. Ч. 2. – М., 1976. – С. 279.

⁴⁴ *Carrure d'Encausse H.* Op. cit. – P. 410; *Osmanli belgelerinde Kazan.* Ankara, 2005. – S. 5. Скорее всего этот вопрос был поднят в ходе визита того самого узбекского посольства к османскому падишаху в 1567 г., о котором упоминалось выше в связи с перекрытием волжской переправы.

⁴⁵ См. опубликованные Э.Каррер д'Анкос письма султана различным адресатам с упоминанием узбекских посольств: *Carrère d'Encausse H.* Op. cit. – P. 410–413.

⁴⁶ Местность в дельте Волги.

⁴⁷ Казыев улус (Малые Ногаи, Малая Ногайская Орда) — политическое образование, созданное на Северном Кавказе выходцами из заволжской («Большой») Ногайской Орды во второй половине XVI в.

⁴⁸ 1625/26 г.

⁴⁹ Перечисляются турецкие крепости в Северо-Западном Причерноморье: Джан-Керман, Ак-Керман, Килия, Измаил; Царьгород — Стамбул.

⁵⁰ Дамаск.

⁵¹ При движении каравана по безрадостной пустынной местности одним из немногих способов времяпрепровождения путников был подсчет скорости верблюдов. Татарский историк и мыслитель Шихабутдин Марджани во время хаджа в 1880 г., при следовании из аравийского порта Ямбо (Янбо) в Медину, подсчитал, что верблюд делает в час 1360 шагов; при этом он отметил, что во время его предыдущего странствия в Хиджаз с сирийским караваном (как и цитируемого нами юртовца Кадашмана) верблюды шли в более медленном ритме — 1300 шагов в час (Очерки Марджани о тюркских народах. С. 63).

⁵² 1627/28 г.

⁵³ РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1628 г., д. 1, л. 299—300.

⁵⁴ Однако эта процедура, несмотря на ее канцелярскую рутинность, все-таки считалась обязательной (см.: *Смирнов В.Д.* Указ. соч. — С. 186, 454, 455).

⁵⁵ *DeWeese D.* Op. cit. — P. 201.

⁵⁶ *Амият* — доверенное лицо и посредник в дипломатических отношениях. Об этой функции Сулеша и его отпрысков см.: *Виноградов А.В.* Род Сулеша во внешней политике Крымского ханства второй половины XVI в. // Тюркологический сборник. 2005. — М., 2006.

⁵⁷ *Харч* (от араб. *хардж*) в данном случае означает не только пропитание, но и в целом расходы на дорогу.

⁵⁸ РГАДА, ф. 123, оп. 1, д. 14, л. 50 об., 112 об.

⁵⁹ Там же, д. 11, л. 335.

⁶⁰ Там же, д. 18, л. 248 об., 249, 308.

⁶¹ Там же, ф. 127, оп. 1, 1619 г., д. 2, л. 288—290.

⁶² *Фаизов С.* Ислам в Поволжье. VIII—XX вв. Очерк истории. — М., 1999. — С. 56.

⁶³ См.: *Арапов Д.Ю.* Первый российский указ о паломничестве в Мекку // Россия в средние века и новое время. — М., 1999; Ислам в Российской империи (законодательные акты, описания, статистика). — М., 2001. — С. 61, 62.

⁶⁴ *Резван Е.А.* Хадж из России // Ислам на территории бывшей Российской империи. Энциклопедический словарь. Вып. 1. — М., 1998. — С. 97.

⁶⁵ Там же; *Сызранов А.В.* Ислам в Астраханском крае: история и современность. Астрахань, 2007. — С. 42.

Summary

Nadaj from Desht-e-Kipchani in XII—XVII centuries.

УДК 050

ИЗ ОПЫТА ИЗДАНИЯ СПЕЦИАЛИЗИРОВАННОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ЖУРНАЛА В КАЗАНИ: «ХОКУК ВА ХАЯТ»

*Д.М. Усманова, доктор исторических наук,
Н.В. Гильмутдинов*

В статье речь пойдет о журнале «Хокук ва хаят» («Право и жизнь»), выходящем в Казани в течение года (1913) и ставшим первым опытом двуязычного специализированного правового периодического издания, появившегося по инициативе мусульманского деятеля в провинциальном городе. История журнала «Хокук ва хаят» демонстрирует ряд основополагающих тенденций в развитии прессы в поздней имперской России, а также свидетельствует о границах и возможностях функционирования специализированных периодических изданий в мусульманской среде. Хотя журнал «Хокук ва хаят» был двуязычным (материалы публиковались на двух языках – русском или татарском), его традиционно и вполне справедливо относят к образцам дореволюционной мусульманской прессы¹.

Чтобы лучше оценить место данного издания в развитии татарской прессы, так же как и в процессе становления и эволюции правовой мысли среди мусульманского населения империи, следует немного подробнее обрисовать общие тенденции развития в пореформенной России специализированной правовой периодической печати.

Свою историю правовая периодическая печать на русском языке ведет с конца XVIII в., когда в России появились первые альманахи-сборники юридической направленности: «Театр судоведения, или чтение для судей и всех любителей юриспруденции», «Знаменитые и любопытные дела первой половины XVIII в.» и др. Однако

эти издания трудно назвать полноценной прессой. В первой половине XIX в. для юридической печати наступает характерный для всей российской прессы период «затишья», нарушаемый появлением единичных изданий.

Количественный рост правовой прессы наблюдается на рубеже 1850–1860-х гг., когда на территории Российской империи появилось значительное число новых периодических изданий, имевших специализированный правовой характер: «Юридический журнал», «Гласный суд», «Ученые записки» Московского университета, «Вестник права и нотариата», «Закон и жизнь», «Право и порядок» и др.². Одной из главных причин бурного количественного роста правовых изданий являются Великие реформы 1860-х гг., а точнее – судебная реформа 1864 г. Судебная реформа не просто внесла изменение в систему судопроизводства страны, она способствовала складыванию новой юридической корпорации, в том числе сословия присяжных поверенных, представители которой и явились основными потребителями специализированной правовой литературы, в том числе газет и журналов юридической направленности.

В пореформенную эпоху вся российская пресса переживает время уверенного роста в количественном плане и эволюции в плане содержания³. На протяжении более чем полувекового периода развития дореволюционной российской прессы мы наблюдаем ее количественный рост, который в определенные периоды сменялся недолги-

ми периодами спада. Скачкообразные тенденции в плане общего количества юридических изданий (да и всей российской прессы в целом) объясняются ужесточением цензурного законодательства, колебаниями в экономическом и политическом положении страны, что не могло не отразиться на положении прессы. По нашим подсчетам, общее количество периодических изданий, выходивших с середины XIX в. и вплоть до Февральской революции 1917 г., превышает шестьдесят наименований. Мировая война и последовавшие две революции крайне негативно сказались на положении правовой прессы: многие издания вынужденно прекратили свое существование.

Основными инициаторами выпуска специализированных юридических изданий на первоначальном этапе выступали государственные учреждения, такие как Министерство юстиции и Правительствующий Сенат. Со временем, после осуществления судебной реформы, инициатива в деле организации подобных изданий переходит к различным юридическим обществам, созданным при университетах (лидировали столичные юридические общества), и представителям сословия присяжных поверенных. В редакторском деле доминирующее положение также занимали представители адвокатской корпорации. Высокий профессионализм в редактировании правовых периодических изданий демонстрировали И.В. Гессен, С.А. Муромцев, В.Д. Спасович, А.Ч. Пассовер, К.К. Арсеньев и другие известные юристы. Такое активное участие адвокатов в издании правовой прессы объясняется тем, что они играли важную роль во всей судебной системе дореволюционной России. Например, представители адвокатского сословия были причастны к изданию двух ведущих юридических изданий того времени: журнала «Юридический вестник» (Москва, 1867–1892) и газеты «Право» (Санкт-Петербург, 1898–1917). С другой стороны, присяжные поверенные особенно нуждались в

подобного рода специализированных изданиях. Не случайно, что в начале XX столетия адвокаты предпринимают несколько попыток издавать журналы, ориентированные на нужды именно адвокатского сословия: в 1902–1905 гг. присяжный поверенный Н.П. Карабчевский являлся редактором журнала «Юрист»; в 1915–1916 гг. другой известный присяжный поверенный А.Н. Кремлев редактировал журнал «Юридические советы». Оба издания выходили в Санкт-Петербурге.

Энергичное участие в издательском деле принимали также профессора университетов и других высших учебных заведений, притом не только столичных (Московский, Петербургский), но и провинциальных. Не отставали в этом деле профессора Казанского, Дерптского, Харьковского, Одесского и других университетов. Большим количеством юридических обществ при высших учебных заведениях страны и Советов присяжных поверенных объясняется широкая география издания и распространения специализированной юридической прессы. Первенство в издании специализированной правовой прессы принадлежало двум традиционным столичным центрам – Санкт-Петербургу (34 наименования) и Москве (11 наименований). В провинциальных городах (да и то преимущественно губернских) выходило, как правило, по одному (Тифлис, Томск, Ставрополь, Юрьев), два (Одесса, Киев, Казань, Харьков) или максимум три (Ярославль) издания.

Если вести речь о Казани, то нужно отметить ряд благоприятных обстоятельств для появления в городе правовой прессы. На протяжении XIX столетия Казань постепенно превращается в крупнейший университетский центр с вполне сложившейся, авторитетной и богатой интеллектуальными силами профессорской корпорацией. С 1864 г. Казань являлась одним из важнейших в стране юридических центров, где присутствовали своя Судебная палата, Окружной суд, складывалось сословие

присяжных поверенных. Тем не менее мы имеем всего лишь два периодических издания, имевших юридическую специализацию. Речь идет, во-первых, о «Трудах» Казанского юридического общества, которые хоть и являлись периодическим изданием, но не могут рассматриваться как многопрофильный правовой журнал, выходящий регулярно и охватывающий широкую читательскую аудиторию. Вторым изданием стал упомянутый ранее журнал «*Право и жизнь*» («Хокук ва хаят»), издававшийся в 1913 г. на двух языках – татарском и русском⁴.

Издателем-редактором журнала являлся казанский присяжный поверенный *Шайхгаттар Хасанович Иманаев* (7.08.1875 – 8.01.1939). Поскольку личность издателя-редактора в тех условиях играла решающую роль при определении общего характера издания, несколько слов следует уделить его биографии⁵. Шайхгаттар Хасанович Иманаев является одним из первых профессиональных юристов из казанских мусульман. Родом был из д. Терси Елабужского уезда Вятской губернии⁶. После завершения гимназического курса в Уфимской мужской гимназии он в 1897 г. поступил на юридический факультет Казанского императорского университета, завершив его с дипломом второй степени в 1901 г.⁷

После окончания университетского курса по юридическим наукам летом 1901 г. он подал прошение о зачислении его на историко-филологический факультет, однако уже через несколько месяцев Ш. Иманаев решил прекратить учебу и поступить на службу по судебному ведомству. Впоследствии он служил на юридическом поприще, занимаясь избранной профессией адвоката вплоть до Октябрьской революции.

В 1901 г. Ш. Иманаев вступил в адвокатское сословие округа Казанской судебной палаты. Хронологически он стал вторым казанским адвокатом из числа мусульман после Саид-Гирей Алкина (в адвокатуре с 1898 г.). В начале XX в. к ним прибавились в статусе по-

мошников адвоката Садри Максуди (1913 г.), Валидхан Таначев (1910-е гг.) и Фуад Туктаров (1915 г.).

В 1912 г. Ш. Иманаев выступил с инициативой издания правового журнала на татарском языке. В архивном деле отложилось несколько прошений, поданных Ш. Иманаевым на имя казанского губернатора о разрешении издавать ему данный журнал. Прошения датируются 6 и 19 декабря 1912 года, 19 февраля и 7 августа 1913 г. Изменения касались в основном предполагаемого места издания журнала. Очевидно, что по мере реализации данного проекта у Ш. Иманаева возникали проблемы с типографией, которые он пытался решить летом 1913 г. покупкой типографии бывшей газеты «Баянелъхак» и переводом ее по новому адресу.

Разрешение на издание журнала было получено уже в декабре 1912 г., а первый номер журнала вышел 20 января 1913 г. Журнал был заявлен как двухнедельный, однако намеченный график не выдерживался, вскоре издание стало выходить раз в месяц, а потом и реже. Тираж издания был заявлен в 1000 экземпляров, что было вполне традиционным и логичным для татароязычных журналов. Однако подписчиков у журнала «Хокук ва хаят» практически не было, что делало журнал убыточным предприятием. Последний номер (№ 10) появился в январе 1914 г. (тогда как предыдущий № 9 в конце сентября 1913 г.), после чего издатель был вынужден закрыть свой журнал за недостатком подписчиков, средств и в силу ряда других причин⁸.

Что оставалось неизменным во всех поданных прошениях, так эта заявленная программа будущего издания. Обширности и разноплановости предполагаемого издания свидетельствует простое перечисление пунктов предполагаемой программы журнала:

1. «Действия и распоряжения Правительства.
2. Передовые статьи по юридическим вопросам.
3. Судебная хроника.

4. Библиографический отдел.

5. Фотографии и биографии общественных деятелей, выдающихся юристов и представителей других отраслей знания, прямо или косвенно содействующих улучшению правового положения населения.

6. Справочник по судебным делам, производящимся в публичном порядке.

7. Судебные телеграммы и письма.

8. Судебная медицина.

9. Фельетон и критический разбор статей из области юриспруденции всякого рода, отчеты о деятельности юридических обществ русских и иностранных.

10. Административная юстиция.

11. Ответы подписчикам и жителям по вопросам, касающимся печати, административного отбывания воинской повинности, учебных заведений, торговли, повинностей и налогов и вообще отдел практических советов по действующим законам.

12. Отдел статей — извлечения из 16 томов свода русских законов, касающихся татарского населения России.

13. Фотографические снимки общественных деятелей, картины и карикатуры.

14. Отдел сатиры и юмора.

15. Статьи по вопросам из общественной жизни: местная хроника и известия из фабрично-заводской жизни.

16. Областные и внутренние известия.

17. Отдел по народному образованию в освещении вопросов по обучению мусульманских женщин и о положении учителей мусульман.

18. Статьи о литературе, театре и музыке и вообще, искусстве, критике и отчеты о выпущенных в свет литературных произведениях.

19. Иностранные известия.

20. Отдел объявлений»⁹.

Реально же данная программа не сообразовалась, прежде всего, из-за проблем с формированием круга постоянных авторов, а также вследствие ограниченных интеллектуальных возможностей самого главного редактора. В целом

Ш. Иманаеву не удалось создать вокруг своего издания достойный круг юристов и публицистов, которые были бы в состоянии превратить этот журнал в солидное издание, пользующееся у татарских читателей популярностью.

Следует отметить, что несмотря на малое количество татарских юристов в целом и адвокатов в частности, между ними не было единства, взаимопонимания и редко складывалось плодотворное сотрудничество. В частности, известны случаи неоднократных конфликтов Ш. Иманаева с С. Максуди¹⁰ и С.-Г. Алкиным, которые в свою очередь не оказали ему никакой поддержки в издании упомянутого выше журнала. Конечно, следует учитывать то обстоятельство, что у С.-Г. Алкина был свой не слишком удачный опыт издательско-редакторской деятельности: в 1906—1907 гг. он издавал газету «Казан мухбире», однако был вынужден расстаться со своим изданием из-за обвинений по делу о Выборгском воззвании. К 1913 г. он вообще отошел от подобных дел. В свою очередь, С. Максуди для выражения своих идей в качестве печатного рупора всегда мог прибегнуть к услугам газеты «Йолдыз», издававшейся его старшим братом Х. Максуди. Поэтому он едва ли испытывал нужду в новых изданиях. Таким образом, сложные личные взаимоотношения в среде татарской адвокатуры г. Казани, а также несовпадение их личных интересов и пристрастий сыграли свою отрицательную роль в судьбе журнала «Хокук ва хаят».

В прошении, так же как и в первых номерах издания, было заявлено, что «Хокук ва хаят» рассматривается как «двухнедельный прогрессивный юридический, религиозный, философский, национальный, экономический и литературный журнал». Издатель планировал также в качестве приложения к журналу бесплатно рассылать годовым подписчикам статьи действующих законов в переводе на татарский язык. О серьезности его намерений свидетельствует и тот факт, что летом того же 1913 г. Ш. Иманаев приобрел в собственность

типографию, которая прежде принадлежала прежним владельцам газеты «Баянелъхак» Сайдашевым. Однако соответствовать заявленному высокому уровню у издателя и редактора журнала не получалось: в нем преобладали мало-содержательные, в основном переводные с русского языка статьи. Нередко присутствовала и прямая компиляция. Журнал был двуязычным, в то же время статьи на татарском языке доминировали, тогда как русскоязычный материал составлял едва ли пятую часть издания. Но самое главное, что в журнале было мало оригинальных и содержательных статей, а узкая специализация издания существенно сужала круг читателей.

Изучение истории становления и развития дореволюционной российской прессы, анализ содержания ведущих правовых изданий позволяет отметить ряд тенденций в их развитии. Одна из них заключается в том, что в начале XX в. издания становились все более и более политизированными. Это явление связано с общим оживлением политической жизни в стране, особенно после опубликования Манифеста 17 октября 1905 г. Юридическая пресса в поздней имперской России приобретала ярко выраженный общественно-политического характера. Нередко юридические журналы и газеты выходили за рамки узкого специализированного издания, ориентированного на практические нужды конкретного читателя-юриста, представителя той или иной профессиональной корпорации, а затрагивали разнообразные общественно-политические вопросы. Возможно, именно это обстоятельство, в силу узости чи-

тательской аудитории у специализированных изданий, позволяло последним держаться на плаву.

Неудачный опыт с изданием в губернском городе специализированного журнала, особенно ориентированного на мусульманского читателя, свидетельствует об еще большей ограниченности читательской аудитории у подобных изданий (даже в сравнении с русскоязычной аудиторией). Важную роль в судьбе издания играли такие обстоятельства, как наличие в распоряжении инициатора достаточного капитала, чтобы хотя бы первое время поддерживать на плаву заведомо убыточное издание. Большое значение имели и личные качества издателя-редактора, такие как собственный интеллектуальный потенциал, характер, позволяющий налаживать и поддерживать нужные контакты, а также формировать широкий круг коллег и единомышленников, готовых поддержать данный проект. Далеко не все эти обстоятельства присутствовали в случае с Ш. Иманаевым и его детищем. Однако журнал «Хокук ва хаят», ориентированный на освещение правовых вопросов и развитие в мусульманской среде правовой культуры, стал первым подобным изданием на татарском языке, появившемся в предвоенной России. Несмотря на неудачу этого первого опыта, следует признать, что издание правового журнала на татарском языке стало ответом на потребности и вызовы модернизирующегося мусульманского общества в поздней имперской России, а потому усилия Ш. Иманаева заслуживают внимания и одобрения.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ История мусульманской прессы в России имеет обширную историографию. Из наиболее значительных работ можно отметить следующие публикации: *Рамиев И.* Татар вакытлы матбугаты. Альбом. — Казань, 1925; *Bennigsen A., Lemerrier-Quellejay C.* La presse et le mouvement national chez les musulmans de la Russie avant 1920. — Paris, 1964; *Амирханов П.У.* Татарская демократическая печать (1905–1907 гг.). — М., 1988 — 191 с.; *Usmanova D.,* Die Tatarische Presse 1905–1918: Quellen, Entwicklungs-etappen und Quantitative Analyse. In: *Muslim Culture in Russia and Central Asia from the 18th to the Early 20th Centuries. Islamkundliche Untersuchungen.* — Berlin. 1996. — S. 260–276; *Гайнанов Р.Р., Марданов Р.Ф., Шакуров Ф.Н.* Татарская периодическая печать (1905–1924). Библиографический указатель. — Казань,

1999; *Амирханов Р.У.* Татарская дореволюционная пресса в контексте «Восток – Запад» (на примере развития русской культуры). – Казань, 2002. – 240 с.

² *Лисовский Н.М.* Библиография русской периодической печати 1703 – 1900 гг. (Материалы для истории русской журналистики). В 2 т. / Н.М. Лисовский. – Пг., 1915. Т. 1. – 613 с.; Т. 2. – 610 с.; Библиография периодических изданий России 1901 – 1916 гг. / Сост. Л.Н. Беляев, М.К. Зиновьева, М.М. Никифоров. – Л., 1958 – 1961. Т. 1 – 4. Т.1: А-З. 1958, 663 с.; Т. 2: И-П. 1959, 715 с.; Т.3: Р-Я. 1960, 687 с.; Т. 4: Указатели. 1961, 399 с.

³ *Есин Б.И.* История русской журналистики (1703–1917): Учебник. – М., 2000. – С. 463.

⁴ Материалы, связанные с данным изданием, отложились в ряде архивных фондов: НА РТ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 5380. 16 л.; Ф. 420. Оп. 1. Д. 212; РГИА. Ф. 776. Оп. 21. Ч. II. Д. 51. 24 л.

⁵ Одна из первых подробных биографий Ш. Иманаева с публикацией документов появилась лишь в 2000-х гг.: *Емельянова Е., Ахунов А.* [вступительная статья], *Замалдынова Г.* [публикация документов] Шейх-Аттар Иманаев (1875 – 1939) // Гасырлар авазы – Эхо веков. – 2002. – № 1/2. – С. 126-138.

⁶ В разных документах мы встречаем различные свидетельства его этнической принадлежности – «башкирец», татарин, тептяр и пр. Но если в отношении этнической принадлежности могут возникнуть какие-либо разночтения, то по родному языку (татарский) у него не было никаких различий с мусульманским населением Казани, где прошла большая часть его взрослой жизни.

⁷ Личное дело студента Казанского императорского университета см: НА РТ. Ф. 977. Оп. л./д. Д. 33240. 29 л.

⁸ *Usmanova D.* Die Tatarische Presse 1905-1918: Quellen, Entwicklungsetappen und Quantitative Analyse // *Muslim Culture in Russia and Central Asia from the 18th to the Early 20th Centuries.* Islamkundliche Untersuchungen. Band 200. – Berlin: Klaus Schwarz Verlag, 1996. – S. 273.

⁹ НА РТ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 5380. Л.1-2, 5-6, 12-13.

¹⁰ НА РТ. Ф. 52. Оп. 1. Д. 383. 29 л. По заявлению присяжного поверенного Ш.А.Х. Иманаева о действиях помощника присяжного поверенного сотрудника С. Максудова.

Summary

From experience of publishing law magazine «Хокук ва хаят» in Kazan.

УДК 81'36

О ПРОБЛЕМЕ ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ ГРАММАТИКИ

Ф.А. Ганиев

В языкознании, как правило, нет грамматик без включения функциональной стороны грамматических средств. Весь вопрос в том, с какой стороны рассматривается функциональный аспект. Как известно, прежде всего функциональная сторона грамматических средств исследуется (изучается) «от форм к значению», «от средств к функциям». Известные нам грамматики многих языков написаны по этому принципу. Эту грамматику можно назвать формальной. Но к описанию языка можно подойти с другой стороны, «от значения к форме», «от функций к грамматическим средствам». Эту грамматику можно назвать функциональной, как принято говорить. Особенность этой грамматики в единстве функционального и структурного аспектов. Функциональный аспект — это отражение функций грамматических и связанных с ними элементов. Функциональная грамматика не противопоставляется формальной грамматике, не представляет какую-то новую особую грамматику, она отличается лишь выдвиганием на первый план функционального аспекта грамматического строя языка.

Функциональная грамматика направлена на изучение и описание системы функций (значений) грамматических средств. Данная грамматика включает: 1) классификацию и анализ грамматических средств, участвующих в реализации изучаемых явлений; 2) анализ и обобщение семантических функций, реализуемых в грамматических средствах.

Без формального описания грамматики языка, т.е. без описания и «от

формы к значению», невозможно приступить к изучению функциональной грамматики. Насколько точно охарактеризована формальная грамматика, настолько точно будет описана функциональная грамматика.

Функциональная грамматика не является грамматикой типологической или логико-универсальной. Основным элементом ее описания являются не универсальные понятия, а собственно конкретные языковые значения (функции). Многие описания в русле функциональной грамматики будут иметь значимость не только для исследования типологии языков, она будет весьма полезна для практического усвоения изучаемого языка.

* * *

В существующих грамматиках тюркских языков, которые, как правило, созданы по принципу «от формы к содержанию», описание структуры языка производится примерно по следующей схеме: через приводимую форму какой-либо грамматической категории раскрывается грамматическая функция последней. Так, например, в «Грамматике татарского языка» В.Н. Хангильдина дается форма направительного падежа, указываются его форманты и утверждается, что данная форма обозначает: «1) направление действия или процесса к какому-либо лицу или предмету; 2) направление действия или процесса к какому-либо месту; 3) время или временные пределы какого-либо действия или процесса; 4) цель какого-либо действия или процесса; 5) причину или

мотив какого-либо действия или процесса»¹.

Данная система описания грамматического строя языка может быть названа «формальной», ибо здесь приводятся формальные элементы языка с последующим раскрытием их значений, тем самым как бы устанавливается примат формы над выражаемым ею значением.

Хотя в описании грамматического строя тюркских языков по данной системе и достигнуты определенные успехи, однако в отдельных грамматиках тюркских языков не вся система формальных средств выражения грамматических значений установлена и описана, особенно это касается аналитических грамматических средств. Авторы ряда грамматик вообще, как правило, исключают их из арсенала грамматических средств, не описывают их, не раскрывают их грамматическое содержание.

По нашему мнению, для описания грамматического строя и системы словообразования тюркских языков можно избрать и другой способ, а именно — принцип «от содержания к форме». Такую систему называют «функциональной». Принцип описания языков «от значений к средствам их выражения» в свое время выдвигал Б.А.Серебренников, который предлагал строить исследование не на основе логических категорий, а на материале конкретного языка². Аналогичного мнения придерживаются в своих работах Т.В. Булыгина³, С.Н. Иванов⁴, А.В. Бондарко⁵. По этому поводу В.С. Храковский пишет, что «исходным пунктом исследования должна служить опора на значение, а результатом исследования должен быть реестр тех формальных средств, которые используются для обозначения данной грамматической функции как в одном и том же, так и в различных языках»⁶.

До настоящего времени нельзя было поставить вопрос о функциональном способе описания грамматики тюркских языков, ибо без обстоятельного анализа грамматического строя с помощью формативной грамматики невоз-

можно раскрыть и установить систему грамматических значений языка.

Наиболее важным является установление системы грамматических значений, в отличие от неграмматических. Для этого необходимо выяснить сущностные признаки грамматических функций (значений), определить критерии различения грамматических и неграмматических языковых значений.

Неграмматические значения подразделяются на лексические и стилистические. К стилистическим относятся, например, в татарском языке, значения, выраженные стилистическими суффиксами типа *-кай/-кэй*, *-чык/-чек* и т.д.

С другой стороны, многие тюркологи под «грамматическим значением» понимают лишь значения, выраженные суффиксами, что сужает категорию грамматического значения.

К грамматике относятся все те значения, которые не принадлежат к лексике и стилистике. Нам представляется более правильным широкое понимание грамматического значения, ибо без этого языковые значения, не являющиеся лексическими, остаются за рамками грамматических исследований.

Как известно, к грамматическим значениям языковеды относят: 1) значения морфологических категорий (например, значения категории падежа, времени и т.д.); 2) значения членов предложения (например, определение, дополнение и т.д.); 3) значения типов предложений (например, вопросительные, восклицательные и т.д.). Как видно, в отмеченных грамматических значениях трудно найти общий, объединяющий их признак, инвариант. Тем не менее их «грамматичность» почти ни у кого из лингвистов не вызывает сомнений.

К лексическим значениям относятся реальная семантика слов, словообразовательные значения. В абсолютном большинстве случаев в тюркологии сущностная природа грамматических значений уже определена, хотя по отдельным вопросам и существуют противоречивые мнения. На наш взгляд,

настало время исследовать грамматики тюркских языков по принципу «от грамматических значений к их формам».

Функциональная грамматика, опираясь на достижения формальной грамматики, должна систематизировать и классифицировать грамматические значения, снабдив каждое из них списком всех формальных средств его выражения.

Категория падежа, например, в тюркских языках, как известно, выражает отношение обозначаемого предмета другим предметам или действиям (процессам). При создании «функциональной грамматики» по категории падежа все ее значения (имеются в виду выраженные грамматические отношения между словами) должны быть систематизированы и классифицированы на основе достижений формативной грамматики и для каждого падежного значения приведены формальные средства его выражения.

Рассмотрим падежное отношение, обозначающее «причину действия или процесса». Это грамматическое значение выражается, во-первых, направительным падежом: *Көннәр салкынга үләннәр күтәрелми* 'из-за холодных дней травы не поднимаются'; во-вторых, направительным падежом в сочетании с послелогами или послеложными словами: *Көннәр салкынга күрә үләннәр күтәрелми* 'из-за холодных дней травы не поднимаются'; в-третьих, аналитическим падежом, то есть именно-послеложной конструкцией: *Көннәр салкын булу сәбәпле үләннәр күтәрелми* 'из-за холодных дней травы не поднимаются' или же *Көннәр салкын булганга үләннәр күтәрелми* 'из-за холодных дней травы не поднимаются'.

Как показывают факты языка, одно грамматическое значение, в данном случае одно падежное значение, в татарском языке может выражаться пятью формальными средствами.

Между значениями, выраженными вышеприведенными формальными средствами, наблюдаются лишь незначительные, еле уловимые оттенки, но

все они обозначают одно грамматическое значение — «причину действия или процесса».

Словообразование в тюркских языках также может быть описано по принципу «от содержания к форме». Для этого необходимо анализировать и установить значения словообразовательных средств в связи и в зависимости от производящих основ, по структурно-функциональному принципу.

Как пишет И.С.Улуханов, «систему словообразования или ее подсистемы можно представить в виде семантического поля, расчлененного на участки, соответствующие значениям формантов, причем некоторые участки могут частично или полностью перекрываться»⁷.

При функциональном принципе исследования словообразования к каждому словообразовательному значению необходимо дать реестр выражающих его словообразовательных средств. Как известно, словообразовательное значение имеет несколько характерных признаков.

Во-первых, словообразовательное значение, в отличие от грамматических значений, охватывает, как правило, лишь часть слов, относящихся к той или иной части речи. Во-вторых, оно не имеет и не образует противопоставлений, как это свойственно морфологическим категориям. В-третьих, словообразовательное значение не является индивидуальным значением отдельного слова. Оно выделяется путем сопоставления производных и производящих слов.

При формальном способе описания словообразования в одном месте концентрируются все значения одного форманта, но это неизбежно ведет к многократному повторению одних и тех же значений при раскрытии содержания других дериватов.

При функциональном способе описания, то есть при описании словообразования с точки зрения функций, словообразовательное значение указывается только в одном месте, а дерива-

ты – в соответствующих местах (несколько раз).

Приведем описание ряда словообразовательных значений у глаголов татарского языка: например, словообразовательное значение: «приобретать то качество или признак, который выражен производящей основой». Производящая основа при этом выражает признак, формант – его становление. Это общее словообразовательное значение в татарском языке может выражаться двенадцатью дериватами.

1) суффиксом *-ла/-лэ*: *аксакла-* ‘хрометь’, *акрынла-*, ‘медлитель’, *иркенлэ-* ‘почувствовать (себя) свободно’;

2) суффиксом *-лаш/-лэш*: *уңлаш-* ‘править’, *суллаш-* ‘леветь’, *бюрократлаш-* ‘бюрократизироваться’, *душлаш-* ‘подружиться’;

3) суффиксом *-лан/-лэн*: *либераллан-* ‘становится либералом’, *ялкаулан-* ‘стать ленивым’, *ислэн-* ‘тухнуть’, *сусыллан-* ‘становится сочным’, *телсезлэн-* – ‘неметь’;

4) суффиксом *-ыр/-ер (-ар/-эр)*: *нечкэр-* ‘утончиться’, *яңар-* ‘обновиться’, *кыскар-* ‘укоротиться’, *яктыр-* ‘рассветать’, *агар-* ‘побелеть’;

5) суффиксом *-ра/-рә (-ыра/-ерә)*: *миңгерә-* ‘тупеть’, *сәлперә-* ‘дрябнуть’;

6) суффиксом *-ык/-ек*: *саек-* ‘мельть’, *чынык-* ‘закаляться’, *савык-* ‘выздороветь’;

7) суффиксом *-а/-ә*: *буша-* ‘ослабеть’, *ләшперә-* ‘стать дряблым’;

8) суффиксом *-ы/-е*: *киме-* ‘уменьшаться’, *ныгы-* ‘укрепляться’, *бае-* ‘богатеть’;

9) суффиксом *-ай/-эй*: *матурай-* ‘стать красивым’, *көрэй-* ‘стать упитанным’, *кырысай-* ‘стать резким’;

10) суффиксом *-ыл/-ел (-ал/-эл)*: *төзәл-* ‘поправиться’, *терел-* ‘выздороветь’;

11) суффиксом *-сы/-се*: *күксе-* ‘плесневеть’, *каксы-* ‘валиться’;

12) суффиксом *-н (-ан/-ән)*: *төзән-* ‘прихорашиваться’⁸.

Как видно, краткий экскурс в описание словообразовательных значений по схеме «от содержания к форме» рас-

крывает весьма интересную языковую картину. В словообразовательных значениях отдельных дериватов наблюдаются лишь небольшие нюансы, не выходящие за рамки общего значения.

Функциональная грамматика даст возможность раскрыть и исследовать также так называемые «скрытые грамматические значения» в языке. Так, значения функционально-семантических категорий, не имеющих иногда эксплицитных признаков, остаются вне внимания лингвистических исследований. Само собой разумеется, что лишь описание как выраженных, так и скрытых грамматических значений позволяет создать полную картину грамматического строя языка.

Исследование языка с точки зрения функции формантов необходимо, прежде всего, для раскрытия глубинных явлений его грамматического строя и словообразования. Оно позволяет классифицировать и обобщить систему функции грамматики и выявить в отдельных случаях скрытые грамматические значения.

С другой стороны, без функциональной грамматики языков невозможно научно достоверное сопоставительное изучение их грамматического строя, ибо сопоставление с точки зрения формальных средств не дает желаемых результатов, носит поверхностный характер. Органическое сопоставление грамматики языков по примату семантических признаков позволяет получить более или менее правильное и системное представление о содержательной структуре сопоставляемых языков, что является основной задачей сопоставления и типологии языков.

На базе функциональных грамматик можно успешно вести и типологические исследования. Как показывают факты, на основе сопоставления языков с точки зрения примата формальных средств невозможно получить достаточно полную типологическую картину. Лишь опираясь на семантику, можно вести достаточно глубокое типологическое изучение языков.

Однако под названием «типологическое исследование» в татарском языкознании ведется лишь сопоставление формальных средств, например, русского и татарского, английско-татарских языков. Нам известна, диссертация «Словообразование в английском и татарском языках», где сопоставление ведется лишь с точки зрения формальных средств. В одной главе приводятся формальные средства с их значениями английского языка, в другой — формальные средства с их значениями татарского языка. Где здесь органическое сопоставление языков? Вообще здесь не имеется органического исследования типологии, а механически приводятся в разных местах средства словообразования английского и татарского языков, притом взятых практически без изменений из готовых трудов.

Отсюда ясно, что без глубоких функциональных исследований не представляется возможным вести адекватное типологическое исследование языков. К сожалению, на это не обращает внимание, не чувствуется правильного отношения к данной проблеме.

Описание грамматики и словообразования с точки зрения примата значения поможет уточнить методику изучения и формулировки грамматических тюркских языков и исследования словообразования по принципу «от значения к форме».

Следует признать, что это сложная и трудная задача, ибо до сего времени еще не все грамматические и словообразовательные значения изучены, исходя из единых научных принципов формальной грамматики и формального словообразования. Во многих грамматиках тюркских языков аналитические средства выражения грамматических значений не в полной мере исследованы. Еще полностью не разработаны приемы и методика функционального описания грамматики и словообразования языка. Можно надеяться, что со временем эти трудности будут преодолены и тюркологи разработают рациональную методику функционального

описания языка, создав на ее основе настоящую функциональную грамматику тюркских языков.

Краткая история исследования функциональной грамматики в русском языкознании

Концепция функциональной грамматики возникла не сегодня. Мнение о необходимости изучения в грамматическом описании обоих аспектов анализа — от формы к значению и от значения к форме — было высказано уже в 1922 г. С.И. Бернштейном: «Отправной точкой синтаксического исследования должен служить материал, почерпнутый из физически осуществляемой и воспринимаемой внешней речи. От этой материальной данности исследователь восходит к ее психическому источнику — от звукового обнаружения мысли к значению. Так, наличность в языке формы повелительного наклонения позволяет заключить о существовании в психике данного языка категории повелительности. Но, с другой стороны, может оказаться, что эта категория находит выражение и в других формах — в других звуковых обнаружениях, например, в форме инфинитива, произнесенного с соответствующей интонацией. Поэтому, установив при помощи формы известного значения категорию, исследователь должен проделать обратный путь — с точки зрения найденной категории вновь пересмотреть весь материал внешних обнаружений мысли в языке. В результате получается двойная система соответствий: 1) форма повелительного наклонения выражает грамматические категории повелительности, условности и т.д.; 2) категория повелительности выражается в форме повелительного наклонения в форме инфинитива с определенной интонацией и т.д. И только в этой второй системе синтаксис получает завершение и достигает своей конечной цели — быть учением о предметной области явлений сознания и способах их внешнего обнаружения»⁹.

Сходные суждения о двухаспектном исследовании грамматики были высказаны О.Есперсеном (1924 г.): «Стройную систему можно создать в том случае, если исходить из принципа двухстороннего подхода, который мы установили в лексикологии. Также и в грамматике можно начинать либо извне, либо изнутри. В первой части (форма → значение) мы исходим из формы как данной величины, а затем улавливаем ее значение или функцию; во второй (значение → форма), наоборот, мы исходим из значения или функции и устанавливаем, как они выражаются в форме»¹⁰. Эти идеи, высказанные С.И. Бернштейном и О.Есперсеном, были развиты во многих трудах наших отечественных языковедов. Так, Г.А.Золотова в своей книге «Очерк функционального синтаксиса русского языка» пишет, что анализ от значения к форме находит реализацию в определении типовых значений, рассматриваемых как общие значения множества предложений¹¹.

Н.А. Слюсарева рассматривает семантические свойства языковых единиц как свойства базовые, абсолютные, без которых данная двухсторонняя единица не может быть сама собой¹². Это вполне согласуется с философскими категориями, рассматривающими примат содержания над формой.

В трудах В.Г.Гака нашли отражение также теоретические исследования от содержания к форме¹³.

В какой-то степени так или иначе частичная разработка проблематики встречается в работах В.З. Панфилова «Взаимоотношение языка и мышления» (М., 1971); А.А. Холодовича «Проблемы грамматической теории» (Л., 1979.); Т.В.Булыгина «Грамматические и семантические категории и их связи». — В кн. «Аспекты семантических исследований» (М., 1980); Ю.С. Степанова «Имена, предикаты, предложения (семантическая грамматика)» (М., 1981); О.Н.Селиверстова «Экзистенциальность и посессивность в языке и речи» (автореф. докт. дисс. М., 1982).

Теоретические исследования разных типов семантики — лексической, словообразовательной и синтаксической — имеют место также в работах О.И. Москальской, В.А. Звегинцева, Д.Н. Шмелева, Ю.Н. Караулова, Е.С. Курбьяковой и т.д.

Много сил отдал как теоретической, так и практической разработке функциональной грамматики А.В.Бондарко. Он четко определил предмет и задачи исследования функциональной грамматики. По его мнению, имеется три типа функционально-грамматического описания: 1) функционально-грамматическое описание, основанное на принципе «от формы к значению», «от средств к функциям»; 2) функционально-грамматическое описание, основанное преимущественно на принципе «от значения к форме», «от функций к средствам»; 3) функционально-грамматическое описание, основанное преимущественно на синтезе направлений анализа, исходящих от форм (средств) и от значений (функций)¹⁴.

А.В.Бондарко вводит в функциональную грамматику понятие «функционально-семантическое поле». По его мнению, система ФСП в русском языке охватывает несколько групп полей:

1. Группировка полей с акциональным (предикативным) ядром, в состав которой входят:

а) комплекс ФСП аспектуально-темпоральных отношений: аспектуальность, темпоральность, таксис;

б) группировка модальных полей, бытийность (экзистенциальность), поле состояния (пересекающиеся с аспектуальностью, но выходящие далеко за ее пределы);

в) комплекс ФСП функционально-субъективных описаний: залоговость (поле, включающее не только выражение активность/пассивность, но и выражение транзитивности/интранзитивности, рефлексивности, взаимности и т.д.), персональность; комплекс двух последних полей относится к области пересечения акциональных полей с предметными (субъективно-объективными).

2. **Группировка полей с предметным (субъективно-объектным ядром субъективность/объективность)** (имеются в виду отношения, выражаемые сочетаниями с падежными и предложно-падежными формами во взаимодействии с залоговостью и персональностью, а также с одушевленностью/неодушевленностью; определенность/неопределенность) (данное поле выходит далеко за пределы группировки ФСП с предметным ядром, будучи тесно связанным с полями качественности и количественности, относящиеся к следующей группировке).

3. **Группировка полей с квалитативно-квантитативным (преимущественно атрибутивным) ядром:** качественность и количественность (поле, охватывающее как признаки, так и субстанции, а также действия, корпоративность и посесивность).

4. **Группировка полей с обстоятельственным ядром:** поля причины, цели, условия, уступки, следствия, поле сравнения, локативность; к данной группировке относится также обстоятельственный аспект темпоральности. Все обстоятельственные поля тесно связаны с предикативностью.

Как замечает сам автор, отсутствует резкая грань между отдельным полем и группировкой полей, т.е. отсутствуют четкие критерии выделения полей.

А.В.Бондарко выделяет два основных структурных типа ФСП:

1. **Моноцентрические** (слабо центрированные) поля, опирающиеся на грамматическую категорию. В русском языке таковы следующие поля: (центр — категория вида); темпоральность (центр — категория времени), модальность объективная (центр — категория наклонения); залоговость (центр — категория залога); корпоративность (центр — категория степени сравнения прилагательных и наречий). Поле персональности опирается на две связанные друг с другом системы форм: категорию лица глаголов, с одной стороны, и личных местоимений, с другой стороны.

2. **Полицентрические** (слабо центрированные) поля, базирующиеся на некоторой совокупности различных языковых средств (морфологических, синтаксических, грамматических, лексических). В русском языке к данному типу (к различным его разновидностям) относятся следующие поля: таксис, экзистенциальность, поле состояния, субъектность/объектность, определенность/неопределенность, качественность, количественность, посесивность, поля причины, цели, условия, уступки, следствия, сравнения, поля локальности¹⁵.

Поле таксиса, по мнению автора, также формируется различными средствами (морфологическими, синтаксическими и лексическими).

Если все эти высказывания суммировать, здесь не наблюдается функциональной грамматики. С некоторыми оговорками можно включить в функциональную грамматику приведенный автором первый структурный тип, хотя и там перечислены не только грамматические, но и лексические средства (например, местоимения).

Во втором структурном типе, в полицентрических полях, кроме грамматических средств, перечислены многочисленные лексические средства: местоимения: *какой-то, этот*; прилагательные: *данный, настоящий, определенный, отдельный*; предикативы: *да, нет*; глаголы: *жить, находиться, попадаться, лежать, стоять, сидеть, висеть, торчать, чувствовать, терпеть* и т.д.¹⁶.

Как видно, практически в каждом поле приведены лексемы, отдельные слова. Если все это проанализировать, это уже не грамматика, получается, что в выражении функциональной грамматики участвует и огромное количество самостоятельных слов. Если эти слова классифицировать, можно установить сколько угодно функционально-семантических полей. Это уже не функциональная грамматика (от значения грамматических средств к самим грамматическим средствам), а расширенная, расщепленная на поля с участием

самостоятельных слов семантика языка, выражающая, как сам автор заявляет, «совокупностью различных языковых средств».

На наш взгляд, в этой проблеме необходимо четко и на ясных критериях отделить функциональную грамматику, выраженную лишь грамматическими средствами, и семантику или ФСП языка, выраженную всевозможными языковыми средствами.

Первый структурный тип представляет собой функциональную грамматику, второй — функциональное семантическое поле языка или семантику языка. Как видно, у полицентрических (слабо центрированных) полей не имеется границ, они как безбрежное море. Поэтому у данного направления исследования нет определенных критериев, практически все зависит от субъективизма исследователя.

И.С.Улуханов в своей монографии «Словообразовательная семантика в русском языке» исследует, как правило, грамматику «от семантики к форме», т.е., другими словами, «от функции к форме». Например, он во главе угла изучения словообразования глагола ставит его семантику, значение. Классифицирует глаголы по таким рубрикам: 1) глаголы со значением приобретения знака (*прогнать, ветшать*); 2) глаголы со значением произнесения чего-либо (*ахать, охать, кричать, лаять*) и т.д.

Дальше изучение глагола проводится по инвариантным суффиксам:

1) действие, имеющее отношение к тому, что названо мотивирующим существительным (*батрачить, мотыжить*);

2) действие, имеющее отношение к тому, что названо мотивирующим прилагательным (*хитрить, дорожить*), и т.д.

Глаголы по словообразовательной семантике делят на четыре группы.

1. Совершать действие, характерное для кого-либо или чего-нибудь (*учить, болтать*).

2. Делать так, чтобы... (*финансировать, спиртовать, перчить*).

3. Действовать с помощью чего-нибудь (*мотыжить, боронить, бомбить*).

4. Совершать действие, названное мотивирующим существительным (*ремонтировать, анализировать, саботажничать, пьянствовать*).

В каждой группе приведено еще до десяти дифференцированных значений и вначале отмечаются словообразующие суффиксы этих значений. В работе семантическое описание словообразования проведено весьма тщательно. Однако, на наш взгляд, кое-где не хватает композиционной целостности и логической последовательности¹⁷.

В русском языкознании имеется книга Г.А.Золотовой «Синтаксический словарь. Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса», где отличается, что «словарь является первым в языкознании последовательным функциональным описанием элементарных элементов русского синтаксиса — синтаксем, из которых строятся словосочетания и предложения»¹⁸. Автор пишет, что для осмысления синтаксического механизма языка необходим ответ на вопрос о том, в каких единицах, на каком уровне системы это взаимодействие осуществляется. В качестве такой единицы выдвинуто понятие синтаксемы.

Синтаксема — минимальная, далее неделимая семантико-синтаксическая единица русского языка, выступающая одновременно как носитель элементарного смысла и как конструктивный компонент более сложных синтаксических настроений, характеризуемая, следовательно, определенным набором синтаксических функций. Различными признаками синтаксемы служат: 1) категориально-семантические значения слова, от которого оно образовано; 2) соответствующая морфологическая форма и 3) способность синтаксически реализоваться в осуществленных позициях.

Г.А.Золотова различает три функции синтаксем:

1. Самостоятельные, изолированно употребленные единицы.

2. Употребленные единицы в качестве компонентов предложения.

3. Присловные употребленные единицы в качестве компонентов словосочетания.

Таким образом, получается три функциональных типа синтаксем: свободные, обусловленные и связанные. Для наглядности можно привести описание родительного падежа.

А. В заголовках свободные синтаксемы: *второго марта, 4 июля*.

Б. Обусловленные синтаксемы: *театров здесь три*.

В. Связанные синтаксемы: *касается его руки* (Тынянов); *достигнул своего хутора* (Гоголь)¹⁹.

Как показывает материал книги Г.А.Золотовой, хотя она и постулирует свою книгу как функциональная грамматика, однако, к сожалению, таковой она не является, ибо приводится название падежа с предлогом, без предлога, т.е. синтаксемы, словосочетания, после характеризуются их семантика, функции. Как видно, исследование ведется от словосочетаний к их значениям, функциям. Исследование, безусловно, интересное, богатое материалом и тщательным анализом. Но функциональной морфологии не видно. Поэтому автор свою книгу и назвал более точно — «Синтаксический словарь. Репортаж элементарных единиц русского синтаксиса».

Таким образом, в русском языкознании существует несколько течений, подходов к разработке функциональной стороны языка. Большинство исследователей, как правило, функциональную грамматику представляют как грамматику, функции которой выражаются практически всеми средствами языка.

Об исследованиях функционализма и функциональной лингвистики за рубежом

В зарубежной лингвистике, как можно проследить по поступившим материалам, вообще отсутствует термин «функциональная грамматика», там

принято говорить о функциональной лингвистике²⁰.

Установлено, что с идеей функциональной лингвистики в свое время выступили французские ученые. Они в 1976 г. создали «Международное общество функциональной лингвистики» с целью координации исследования ученых разных стран и издали книгу под названием «Функциональная грамматика французского языка» под редакцией А.Мартине. В этой книге мало что осталось от грамматики. В ней отсутствует раздел морфологии, он заменен разделом «Инвентарь монем». Монемы, по их мнению, это минимальные единицы, обладающие формой и выражающие определенный смысл, и которые фактически соответствуют аффиксам (их видам, приставкам и т.п.). У французской школы имеет место три направления: 1) канадские исследователи основное внимание обращают на операции семантического анализа; 2) шотландские ученые работают в области семасиологии; 3) шведские лингвисты изучают соотношение структуры и ее социологической характеристики. **«Целью Общества функциональной лингвистики, пишете его секретарь Ж. Мартине, ни в коей мере не является унификация функциональной доктрины. Общество стремится дать возможность представителям разных течений функционализма определить свое место в общем течении и обосновать свою точку зрения»** (см. книгу «Функциональные направления в современном французском языкознании». — М., 1980. — 288 с.).

Действительно, в зарубежной лингвистике возник ряд учений функционализма. Во-первых, имеется течение, которое рассматривает функциональное описание как «довесок» к формальному анализу (С. Куно и Дж. Хокинс). Во-вторых, существует течение, рассматривающее грамматику в синтезе «от формы к значению» и «от значения к форме» (В.Д. Ван Валин), и третье течение, к которому относятся многие функционалисты, считающие, что грамматики должны быть сведены к дискурсивно-

му исследованию, т.е. к исследованию только речи. Они, как правило, грамматику сводят к повторяющимся дискурсивным (речевым) моделям.

Американский языковед Т.Гивон, один из родоначальников функционализма, ввел термин «топик» — это тот предмет, о котором идет речь в данном дискурсе (речевом тексте). Этим он обосновал языковой способ обозначения предмета речи (референта).

В университете в Амстердаме, вслед за французскими лингвистами, создали **Институт функциональных исследований и языкового употребления**. Функционализм этого института строится как глобальная теория языка и опирается на положение о фундаментальном характере языка как средства социального взаимодействия. Фундаментализм Амстердама стремится к типологической, прагматической и психологической адекватности.

Еще имеются исследователи референциальной-ролевой грамматики (РРГ). РРГ — это глобальная теория, претендующая на охват языка в целом, а не на какого-нибудь частного круга явлений. Эта теория признает лишь единственный синтаксический уровень и ее теории интересуют синтаксические отношения и падеж, сложные предложения. Для них вообще не существуют морфологии.

В современной науке о языке существует еще направление, которое разделяет многие установки лингвистического фундаментализма: это когнитивная лингвистика. Функциональная лингвистика и когнитивная лингвистика, хотя и совместимые, но параллельно существующие направления; когнитивная лексика в узком смысле — это набор четко очерченных семантических концепций.

Краткий обзор зарубежных теорий функционализма показывает, что многие уже отказались от термина «функциональная грамматика», они используют термин «функциональная лингвистика». Таким образом, функциональная лингвистика становится безбрежной,

туда включают типологию, психолингвистику, текст, придумывают новые термины, дискурс, монемы, топик и т.д. Предложения и словосочетания для них являются основами функционализма, функциональной лингвистики.

Как видно, вообще зарубежный функционализм практически полностью отходит от исследования классической грамматики, отводит главенствующее положение (примат) функциональному исследованию языка в тексте.

Таким образом, в языкознании существует несколько течений, подходов к разработке функциональной стороны языка.

Большинство исследователей, как правило, функциональную грамматику представляют как грамматику, функции которой выражаются практически всеми средствами языка.

По нашему мнению, функциональную грамматику должно представлять функциональное описание, основанное лишь на грамматических средствах.

В отличие от многих течений функционализма (функциональной лингвистики) нами под термином «функциональная грамматика» понимается система значений (функций), выражаемая лишь классическими грамматическими средствами.

О состоянии изучения функциональной грамматики в тюркологии и в татарском языкознании

Следует признать, что ни в тюркологии, ни в татарском языкознании на функциональную грамматику как татарского, так и других языков не обращают внимания. На Международных конференциях приходится слышать замечания по этому поводу.

Для составления функциональной грамматики, как было сказано выше, необходимо иметь хорошо разработанные, адекватно отражающие формальные грамматики тюркских языков, т.е. описание грамматики языка «от формы к его значению». Такие грамматики уже

появились во многих тюркских языках, лишь в некоторых не хватает исследования аналитических грамматических форм.

Впервые о функциональной грамматике тюркских языков мною была опубликована статья под названием «О семантической грамматике тюркских языков», где говорилось о необходимости составления функциональной грамматики тюркских языков (1981 г.)²¹.

Все же в тюркологии наблюдаются незначительные попытки фундаментального описания отдельных проблем. Так, имеется описание фундаментального словообразования отдельных глаголов с заимствованными основами, после они приводятся²².

В тюркологии еще имеется монография Х.Г.Нигматова «Функциональная морфология тюркских памятников XI–XII веков». Однако в ней изучение функциональной морфологии в современном лингвистическом понимании не имеется. Правда, как и во всех грамматиках, в ней даются разряды местоимений (личные, указательные, возвратные, отрицательные, вопросительно-относительные), наречий (качественно-обстоятельные, количественные, пространственные и временные), междометий (междометия, выражающие чувства и эмоции, звательные междометия, побуждающие к какому-либо действию). Как видно, здесь наблюдается исследование указанных частей речи «от значения к форме» (с. 14–22), как это имеется во всех грамматиках.

Послелог в ней рассматриваются «от формы к значению», т.е. приводится сначала послелог, после – его значение (С.23).

При рассмотрении, например, словоизменения всех остальных частей речи исследование ведется «от формы к значению». Так, в ней, например, виды значений дательного падежа (12 значе-

ний), местно-временного падежа (11 значений) и других падежей, категорий залога, времени глагола рассматриваются «от формы к значению» (С. 82–120).

Словообразование указанных памятников ведется «от суффиксов к их значениям» (С. 163–173).

Как видно, эта монография Х.Г.Нигматова хотя и названа функциональной, практически в современном лингвистическом плане в полной мере таковой не является²³.

В теоретическом плане С.Н. Иванов затрагивает этот вопрос в своем докладе «Методологические вопросы тюркской грамматики»²⁴.

Несмотря на наличие высказываний о функциональной грамматике в тюркских языках, до сих пор пока не разработан ни функциональное словообразование, ни функциональная грамматика. Словообразование и грамматика в настоящее время стали самостоятельными дисциплинами, поэтому они рассматриваются как отдельные части лингвистики.

В татарском языкознании такое же положение. Все грамматики татарского языка являются формальными, например, «Татар теле грамматикасы» В.Н. Хангильдина (1959), «Хэзерге татар әдәби теле морфологиясе» Д.Г. Тумашевой (1984), академические грамматики татарского языка в трех томах (1998, 2002).

В них по традиции лишь наречия, местоимения, послелог, союзы, междометия, подражательные слова описаны «от семантики (функции) к формам». Остальные части речи даны по принципу «от формы к значениям».

Функциональная грамматика нами, согласно новым исследованиям разделена на две части: 1. Функциональное словообразование татарского литературного языка; 2. Функциональная грамматика татарского литературного языка.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Хангильдин В.Н. Татар теле грамматикасы. — Казан, 1959. — С. 87–88.
- ² Принципы описания языков мира. — М., 1971. — С. 30.
- ³ Булыгина Т.В. Об организации плана содержания с точки зрения ее соответствия организации плана выражения // «Проблемы языкознания». Доклады и сообщения советских ученых на X Международном конгрессе лингвистов. — М., 1967. — С. 62–68.
- ⁴ Иванов С.Н. Методологические вопросы тюркской грамматики // Советская тюркология и развитие тюркских языков в СССР: Тезисы докладов и сообщений. — Алма-Ата, 1996. — С. 77–98.
- ⁵ Бондарко А.В. Функциональная грамматика. — Л.: Наука, 1984. — С. 34–37.
- ⁶ Храковский В.С. Принципы типологического описания содержательных грамматических функций // Тезисы докладов второго Международного симпозиума ученых социалистических стран на тему: Теоретические проблемы восточного языкознания. — Ч. II. — М., 1977. — С. 78.
- ⁷ Улуханов И.С. Словообразовательная семантика в русском языке. — М., 1977. — С. 131.
- ⁸ Ганиев Ф.А. Современный татарский литературный язык: суффиксальное и фонетическое словообразование. — Казань: Дом печати, 2005. — 360 с.
- ⁹ Бернштейн С.И. Основные вопросы синтаксиса в освещении А.А.Шахматова. — Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук. — Петербург, 1922, XXV.
- ¹⁰ Есперсен О. Философия грамматики / Перевод с английского. — М., 1958. — С. 39.
- ¹¹ Золотова Г.А. Очерки функционального синтаксиса русского языка. — М., 1973. — С. 29.
- ¹² Слюсарева Н.А. Проблемы функционального синтаксиса английского языка. — М., 1981. — С. 57–70.
- ¹³ Гак В.Г. Высказывание и ситуация // В кн. Проблемы структурной лингвистики. — М., 1973. — С. 349–372.
- ¹⁴ Бондаренко А.В. Функциональная грамматика. — Ленинград: Наука, 1984. — С. 8–21.
- ¹⁵ Бондаренко А.В. Функциональная грамматика. — Л.: Наука, 1984, С. 60–62, 71–72.
- ¹⁶ Бондарко А.В. Функциональная грамматика. — Л.: Наука, 1984. — С. 61–70.
- ¹⁷ Улуханов И.С. Словообразовательная семантика в русском языке. — М.: Изд-во «Наука», 1977. — С. 132–197.
- ¹⁸ Золотова Г.А. Синтаксический словарь. Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса. М.: Наука, 1978. — С. 2.
- ¹⁹ Там же. — С. 27–29.
- ²⁰ Сведения взяты из статьи А.Кибрика «Течения в рамках функционализма».
- ²¹ Ганиев Ф.А. О семантической грамматике тюркских языков // Советская тюркология. — 1981. — № 4. — С. 27–31.
- ²² Исенгалиева В.А. Тюркские глаголы с основами, заимствованными из русского языка. — Алма-Ата: Наука. 1966. — 204 с.
- ²³ Нигматов Х.Г. Функциональная морфология тюркских памятников XI–XII веков. — Ташкент: Изд-во «Фан», 1989. — 192 с.
- ²⁴ Иванов С.Н. Методологические вопросы тюркской грамматики // Советская тюркология и развитие тюркских языков в СССР: Тезисы докладов и сообщений. — Алма-Ата, 1996. — С. 97–98.

Summary

The article deals with problems of functional grammar.

УДК 82:801.6; 821(091)

АРАБО-МУСУЛЬМАНСКИЕ ПОЭТОЛОГИЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ В ЛИТЕРАТУРНОМ САМОСОЗНАНИИ ТАТАР

*Д. Ф. Загидуллина, доктор филологических наук, профессор,
член-корреспондент АН РТ*

Представления о поэтическом искусстве в средневековой татарской литературе формировались под влиянием трудов по поэтике арабских, персидских, тюркоязычных мыслителей. Вплоть до начала 1910-х гг., времени появления первых учебников татарских авторов по литературной теории, татарские поэты, ученые, мыслители опирались на сочинения классиков арабо-мусульманской поэтики: «Китаб аль-бадиг» («Книга о новом стиле») Ибн аль-Мугтаза, «Китаб аль-баян» («Стилистика») Аль-Джахиза, «Тарджеман аль-баляга» («Переводы по балягать») Радуйани, «Мизан аль вазн» («Весы стихотворных размеров») А. Навои, «Рисалия гаруз» («Книга об арузе») Захираддина Бабура, «Рисалия джами мохтасар» («Краткое изложение трудов») Вахида Табризи и др.

Арабская литература относится к числу наиболее древних литератур, в которых сформировалась система теоретических представлений о поэтическом искусстве — поэтика. Становление поэтики в арабской литературе исследователи относят ко второй половине VIII—XI вв.¹. В годы правления халифа аль-Мамуна (813—833) была создана самая благоприятная в истории Восточного халифата обстановка для развития естественных наук и философии. В центре внимания просвещенных кругов оказалась философия Аристотеля, аристотелизм лег в основу учений, разрабатывавшихся перипатетиками мусульманского Востока. Родоначальником последних считается аль-Кин-

ди (ок.800 — ок.870), который первым среди арабов ввел в обиход основные концепции аристотелевской философии. Дальнейшее развитие восточного перипатетизма, в рамках которого шла интерпретация античной поэтики, связано с именами аль Фараби (870—950) и Ибн-Сины (980—1037)².

Трактат о поэтике Фараби был задуман как своеобразное руководство к пониманию трактата Аристотеля. Основой учения Фараби, как и великого грека, составляет подражание, при этом им подчеркивается, что в подражании проявляются сходные свойства предмета. Рассматривая поэзию (литературу) как явление, рожденное силой фантазии, он классифицирует поэзию по тематике, а самих поэтов делит на категории: поэты по призванию, поэты, творчество которых основывается только на знании правил стиха, и подражатели. Отсюда, по мнению Фараби, возникают разновидности стилей в поэзии³. В другой работе, «Трактате о законах искусства поэзии», Фараби подробно характеризует фантазию как специфический способ художественной изобразительности. Цель литературы видит в воздействии на воображение и чувства людей с помощью подражания. А главной особенностью искусства слова определяется образность⁴.

Литературно-теоретические взгляды Фараби были развиты ученым-энциклопедистом Ибн Синой, оставившим богатое научное наследие (некоторые специалисты насчитывают 132 подлинные работы мыслителя⁵). Согласно Ибн

Сине, поэтические произведения разделяются на две группы: к первой принадлежат те произведения, в которых изображение полностью соответствует действительности, но лишено способности воздействовать на чувства читателя (именно в этом различие его концепции от определения Аристотеля), ко второй группе относятся произведения, которые создаются при помощи фантазии, в них изображение не совпадает с действительностью, однако они оказывают сильное воздействие на читателя⁶. Поэзия, по его мнению, это слово, способное воздействовать на фантазию, всячески развивать фантазию человека, а такая способность заключена, во-первых, в содержании, во-вторых, в образности. Кроме того, критериями оценки художественного произведения указываются интонация, степень подражания и ритмичность⁷.

Представителем восточной перипатетической школы Абу-ль-Валидом Мухаммед ибн-Ахмед ибн-Рушдом было написано 38 комментариев, из которых 28 сохранилось на арабском языке⁸, среди них — комментарии к таким трактатам Аристотеля, как «Риторика», «Поэтика», «О душе», Платона — «Государство» и многое другое.

Среди комментариев особое место занимает наследие Насруддина Туси, трактат («Асас аль-иктибас» — («Основа для подражания») которого подробно освещает проблемы литературоведения, поставленные еще Аристотелем. По мнению Р.Мусульманкулова, именно Насруддин Туси, говоря о главном законе поэзии — отражении действительности, указывает, что поэзии как роду искусства присущи мухакат (подражание, мимесис), и «наслаждение изображенным» — лаззати-мухакат (катарсис), и представляет концепции мимесиса и катарсиса. Кроме того, важным вкладом в теорию литературы следует считать его определение отличия художественной литературы от риторики, мысли о назначении поэзии и ее соотношении с реальной жизнью: «хотя риторика (хитабат) по значению близка к поэзии,

однако риторика сильна реальностью, а поэзия — фантазией»; «материалом поэзии является слово, а ее форма, согласно современникам — ритм, а согласно знатокам логики — фантазия»⁹.

Таким образом, уже к IX—XI вв. у мусульманских народов важным источником теоретико-литературной мысли стало служить древнегреческое философско-эстетическое наследие. Кроме того, арабские ученые обращались и к трудам индийских философов и филологов. Так, в книге арабского ученого XI в. Аль-Бируни, под названием «Индия», три главы посвящены индийской литературе, в одной из них — XII главе — автор сопоставляет теорию и практику санскритского стихосложения с арабо-персидской метрической системой гаруз¹⁰. И на материале единой поэтики (баягаты) стали выделяться научные направления, основным из которых стало бадиг (бади), учение о поэтических фигурах, ритме и рифме. Учение приобрело очертания сложившейся науки при Аббасидах, появились сочинения на арабском языке Ибн аль-Мугтаза (861—908), Ибн Кутайбы (828—889), Кудама бине Джагфара (ум. около 922), Абу Халила аль-Аскарри (ум. 1005), Абдел Хасана Джурджани (ум. 1079) и др.

Особое место в истории арабской средневековой поэтики занимает сочинение Ибн аль-Мугтаза «Китаб аль-бадиг» (887—888), представляющее собой, по мнению И.Ю. Крачковского, «первую попытку систематического анализа поэтического стиля у арабов»¹¹. «Идея этого трактата, — пишет исследователь, — очень проста, о чем в предисловии говорит и сам автор. Он хочет показать, что «новое», или новый стиль с его тропами и фигурами, не создан поэтами нового направления, как это обычно думают. Элементы этого стиля встречаются уже в Коране, в хадисах, в языке бедуинов»¹².

Автор устанавливает 5 фигур нового стиля: *истиғара*, *таджнис*, *мутабака*, *раддел гадж галес-садр* и *аль-мазхаб аль-калами*. Определяя значение этих

категорий (фигур), И.Ю. Крачковский пишет: «По своему значению термины здесь не вполне совпадают с греко-римскими, поэтому нужно все время остерегаться привнесения чуждых понятий в самобытную концепцию»¹³. Так, например, термин «*истигара*», который, по мнению исследователя, обычно переводят как «метафору», у Ибн аль-Мугтаза используется в более широком значении, включающем и синекдоху с метонимией; *мутабака*, традиционно определяемая как антитеза, представляет «сближение», «сопоставление». Последняя фигура *аль-мазхаб аль-калами (силлогизм)* в традиционном понимании не является фигурой поэтического стиля, и, как пишет Крачковский, «то, что она не выпала из позднейшей системы, можно объяснить только уважением к авторитету Ибн аль-Мугтаза»¹⁴. Помимо фигур *бадиг*, Ибн аль-Мугтаз выделяет 13 «украшений» (*махасин*).

Замечание авторитетного ученого по поводу несоответствия (или неполного соответствия) значений терминов Ибн аль-Мугтаза терминам греко-римской поэтики соответствует позиции И.Ю. Крачковского, по которой не следует преувеличивать роль античной поэтики (прежде всего «Поэтики» Аристотеля) в становлении средневековой арабской поэтики. «При большой популярности Аристотеля у арабов, — пишет Крачковский, — это обстоятельство на первый взгляд могло бы показаться несколько странным, если бы его нельзя было вполне убедительно объяснить тем, что круг его читателей и комментаторов состоял почти исключительно из философов или знатоков точных наук. Теоретики и историки литературы, филологи в тесном смысле, остаются в стороне»¹⁵.

Говоря об учении о *бадиг* в средневековой арабской литературе, Н.Ю. Чалисова, выделяет две линии в его развитии: «литературно-критическую» и «кораническую»¹⁶. Первая связана, с одной стороны, с деятельностью филологов, «занимавшихся собиранием

и комментированием древней поэзии, что придало теории филологическую окраску», с другой — с развитием литературной критики, «непосредственной задачей которой в IX в. было осмысление «нового» стиля в поэзии, несколько ранее уже получившего название *бадиг* (например, в трудах Джахиза) и существенно отличавшегося от стиля древней, преимущественно доисламской, поэзии, прежде всего в области «украшений» поэтической речи». Вторая линия, определяемая исследовательницей как экзегетическая (связанная с деятельностью комментаторов Корана), обусловила включение в теорию *бадиг* риторической проблематики¹⁷.

К первой линии Н.Ю. Чалисова относит труды таких ученых, как Абу Халил аль-Аскари (ум. 1004), который в «Китаб ас-санагатайн» («Книга об искусстве») значительно расширил количество фигур *бадиг* (до 36); Ибн-Рашика (999–1064), автора сочинения «аль-Умда» («Основа»), где *бадиг* рассматривается вместе с *арузом* и основами литературной критики (в «аль-Умда» рассматривается уже около 60 категорий *бади*). Ко второй, экзегетической, — работы ар-Руммани (909–996) «ан-Нукат фи иджаз аль-Куран» («Взгляд на Коран в сокращенном виде»), аль-Бакиллани (ум. 1013) «Иджаз аль-Куран» («Сокращенно о Коране»), аль-Джурджани (ум. 1078) «Иджаз аль-Куран» и «Асрар ал-балага» («Тайны балагата»)»¹⁸.

Окончательную форму учение о *бадиг* приобретает в трудах ас-Саккаки (1160–1228), который излагает теорию *бадиг* как третью часть гыйлем аль-балагата наряду с гыйлем аль-маани и гыйлем аль-байан. Ас-Саккаки уже не ограничивается исследованием стиля авторов, художественных средств, а предлагает определения и правила по использованию слов и приемов для совершенствования произведения¹⁹.

Начиная с XII в. появляются трактаты о *бадиг* на персидском языке, но, как отмечает Н.Ю. Чалисова, персидская традиция с самого начала довольно сильно расходится с арабской прежде

всего в составе рассматриваемых фигур²⁰.

Первым опытом по выявлению и определению поэтических фигур на фарси является «Тарджуман аль-балагъ» Мухаммада бине Гумара Радуйани. В нем описаны 77 фигур. Многие из них, как игтираз, тафрик, тафсир, илтифат, ташбих, кинайат, истигарэ, тасик ас-сыйфат и др., дошли до учебников начала XX в. Г. Сагди и др. в той интерпретации, зачастую с тем же определением. При написании книги Радуйани обращался к арабоязычным сочинениям Ибн аль-Мугтаза, аль-Маргинани, аль-Исфахани, но в отличие от арабских авторов, использовавших в качестве примеров отрывки из Корана и хадисов, Радуйани иллюстрирует теоретические положения исключительно примерами из художественной литературы²¹.

Трактат Рашид ад-Дина Ватвата Сады волшебства в тонкостях поэзии («Хадаик ас-сихр фи дакаи аш-шиир», XII) продолжает заложенную Радуйани традицию. Трактат включает предисловие, 55 глав, каждая из которых посвящена рассмотрению одной фигуры *бадиг* или ее разновидности, и приложение, содержащее объяснение ряда общих терминов поэтической теории²².

Наиболее распространенным среди поволжских тюрков был трактат Шамседдина Мухаммад бине Кайс ар-Рази «Аль-Мугаджам фи магайир ашгар аль-Аджам» («Неарабы о поэзии неарабов») (1218–1233). Именно Шамсе Кайс Рази впервые сознательно ограничивает свой выбор только самыми важными и наиболее распространенными фигурами (их у него всего 56).

Трактат Гатауллы Махмуда Хусайни «Бадигъ ас-санаиг» («Поэтика искусства») (1493) положил начало типологии фигур. В нем все художественные средства разделены на три группы: 1) лафзи (словесные); 2) магнави (образные); 3) лафзи ва магнави (словесно-образные)²³. Гатаулла Махмуд Хусайни дает квалификацию наук, изучающих художественную литературу: 1) гыйлем аль-балагъ (риторика), состоит из

двух самостоятельных наук: а) гыйлем аль-магани (наука об образах); б) гыйлем аль-байан (стилистика); 2) гыйлем аль-бадиг (поэтика). Все направления прежде всего ориентировались на поэзию. Однако на протяжении нескольких веков содержание и соотношение трех разделов арабской науки о литературе неоднократно менялись.

Так, например, всякое нарушение правил стихосложения как в системе метрики и рифмы, так и с точки зрения смысла и содержания считается «изъяном». Именно рассматриваемый вопрос о допустимости или недопустимости тех или иных изъянов направления (накд-и адаби) стал основой для появления литературной критики. Литературная критика в средневековье развивалась по двум направлениям, которые условно можно обозначить как практическое и теоретическое. Практическое состояло в том, что поэты и писатели в своих сочинениях отзывались о творчестве конкретных писателей. Теоретическое направление характеризовалось появлением специальных научных сочинений. «Критика, — пишет в этой связи В. Каскель, — существовала давно, еще во времена Омайядов, однако лишь на рубеже VIII в. она стала претендовать на самостоятельный научный подход (...), что впервые отчетливо прослеживается у Джахиза (первая половина X в.), особенно в «Китаб ал-байан» («Книге разъяснений») ²⁴. Но еще Кудама б. Джагфар (888–968), автор книги «Критика поэзии» («Накд аш-шиир»), разбирает 20 «качеств» поэзии, имеющих отношение к ее четырем основным элементам: словесной форме (лафз), содержанию (магна), метру (вазн), рифме (кафийа) ²⁵. Книги Абдел аль-Кахира аль-Джурджани (ум. в 1078 г.) «Асрар аль-балагъ» и «Далаил аль-иджаз» послужили основой для развития науки гыйлем аль-байан (науки, изучающей искусство ясного и красноречивого выражения). Кроме того, арабская литературная критика создала большое число трудов, названных «Китаб аль-магани» («Книга поэ-

тических мотивов»), где описывались мотивы всех основных жанров арабской поэзии (например, общеизвестный трактат аль-Аскари (ум.после 1005 г.) «Диван аль-магани») ²⁶. Чуть позже это направление стало называться гыйлем аль-магани (наука о значениях). В подобных сочинениях, которые со временем стали называть гыйлем накд-адаби (литературной критикой), тщательно разбирались и классифицировались всевозможные общие «изъяны» произведений. Кроме того, в трудах по поэтике тоже уделялось внимание характерным и общим для многих сочинений изъянам. Такая традиция продолжается и в первых книгах по теории татарской литературы.

Одной из основ арабской поэтики являлась метрика, основателем которой был арабский ученый, языковед Халил ибн Ахмад Фарихиди (719–792). Вместе с религией ислама данные науки – «гыйльме гаруз» и «гыйльме аль-кавафи» – проникают в персидскую литературу и тюркский мир, воспринимаются в качестве системы стихосложения. В то время появляются первые специальные сочинения теоретического характера на фарси, от которых в лучшем случае сохранились одни названия. Так, авторами первых трактатов на фарси об арузе и рифме считаются Абу Йусуф и Абу-л Ала Шуштари, о которых упоминает в своей книге Радуяни. Одно из сочинений принадлежало перу современника Махмуда Газнавидского – Абу Сада Ахмада б. Мухаммада Маншури Самарканди под названием «Мухтасар», на которое впоследствии был написан комментарий под названием «Казн ал-гараиб» Хуршиди, также не дошедший до нас. Несколько трактатов составил Рашиди Самарканди (сохранилось название одной из книг – «Зиннат намэ» («Книга украшений»)) ²⁷.

Вскоре появились фундаментальные работы по персидскому гарузу, например, «Рисалия джами мохтасар» («Краткое изложение трудов») Вахида Табризи, «Асас аль-иктибас» («Основа для подражания») Насруддина Туси

и другие, внесшие отдельные изменения в метрику в связи с требованиями свойств национальной поэзии ²⁸.

Тюркоязычная поэзия опиралась на арабо-персидскую теорию стиха, созданную на основе поэтических образцов на этих языках. В XV–XVI веках тюркские ученые, изучив труды арабских и персидских филологов, создают ряд работ, в которых предпринимают попытку приспособления их основных положений к особенностям своего языка. Это, в частности, «Мизан аль-вазн» («Весы стихотворных размеров») Алишера Навои, «Рисалия гаруз» («Книга о гарузе») Захираддина Бабура.

Алишер Навои (1441–1501) – государственный деятель, крупнейший тюркский поэт, автор трактатов по поэтике, лингвистике, истории, а также библиографических сочинений. Был учеником поэта-суфия Абдурахмана Джамии (под его влиянием вступил в суфийский орден Накшбенди). Его трактат «Мухакамат ал-лугатайн» («Суждение о двух языках» или «Тяжба двух языков») (1499) был написан с целью показать художественное совершенство тюркского языка, не уступающего в этом фарси, а в некоторых случаях и превосходящего изображение последнего, укрепить его престиж как языка литературы ²⁹. Общеизвестными стали его трактаты теоретического характера: «Рисалия мугамма» (1491), посвященный жанрам стихотворной шарады и загадки, «Насаимел-махаббат» (1496), касающийся особенностей суфийской поэзии ³⁰.

Трактат А. Навои «Мизан аль» стал сочинением, где впервые основы гаруза изложены на материале тюркоязычной литературы. Изучив труды по арабскому и персидскому гарузу Фарихиди, Шамсе Кайс Рази, Насруддина Туси, Джамии и др., Навои приходит к выводу, что из восьми рукнов пять (мафагилун, фагилатун, мустафагилун, мафулату и фагулун) применяются в тюркских литературах наиболее часто. А различные сочетания рукнов дают девятнадцать основных родов гаруза ³¹. По мнению

И.В.Стеблевой, такое осмысление различий тюркского и персидского гаруза могло явиться результатом многолетней поэтической практики тюркоязычных поэтов по нормам арабо-персидской поэтики³².

Основатель империи Великих Моголов (1483–1530) был не только талантливым полководцем и крупным поэтом, но и ученым. Его трактат по истории литературы «Бабурнамэ» посвящен описанию научных трактатов, анализу литературных произведений. Высоко оценив наследие А.Навои, Бабур указывает на его ошибки. Примечательно, что издавший в 1948 г. трактат Навои проф. Иззат Султанов признает правомерность критики Бабура³³.

Бабур является автором «Трактата о гарузе» («Рисалии гаруз»³⁴), посвященного рассмотрению гаруза на материале тюркоязычной поэзии, в котором показываются принципы приспособления арабо-персидской квантитативной метрики к тюркским языкам, не имеющим фонологического различения долгих и кратких гласных.

Основная часть трактата Бабура посвящена описанию особенностей применения гаруза в персидской и тюркской литературах. Вместе с тем автор детально разъясняет основные законы гаруза, обогащая тюркский гаруз новыми правилами. Бабур выделяет 10 ритмических единиц, добавив к предложенным Навои еще две. В отличие от Навои, который выделил 32 зихаф, Бабур выделяет 44.

Трактаты были очень популярны среди татар и имели большое теоретическое и практическое значение, так как возникновение теоретико-литературной мысли в области стихосложения происходит на основе национальной художественной практики с учетом языковых особенностей. Эти сочинения были своего рода руководством для поэтов.

Многие востоковеды (П.А.Гринцер, Н.В.Юшманов, М.А.Салье и др.) рассматривают развитие средневековой литературоведческой мысли в тесной

взаимосвязи с трудами по языкознанию, так как основой основ поэзии считался поэтический язык. По мнению П.А.Гринцер, средневековые риторики заимствовали понятие фигуры речи и общие представления о некоторых таких фигурах. Интерпретация этих фигур как поэтических начиналась как раз там, где логики и грамматики оставались в своем анализе³⁵.

Арабское языкознание обращается к результатам индийских и античных лингвистических традиций. Из-за различий между арабским и санскритом, древнегреческим ученые были вынуждены интерпретировать эти результаты в фонетическом, морфологическом, лексическом аспектах³⁶. Как доказательство того, что санскритская теория поэзии была теорией лингвистической, П.А.Гринцер приводит определение поэзии: «Поэзия — это слово и смысл, соединенные вместе»³⁷. Это определение было основным и в арабской науке о литературе, с незначительными вариациями повторялось в течение веков и дошло до первых учебников по теории литературы у татар Г.Сагди.

Первой арабской грамматикой, дошедшей до нас, является сочинение басрийца Сиваваихи (ум. 794 г.) «Аль-Китаб» («Письмо»). Сиваваихи был учеником Халиля ибн Ахмада ал-Фарихани — основоположника теории арабского стихосложения и лексикографии, автора известного толкового словаря арабского языка «Китаб ал-айна» («Книга по алфавиту»)³⁸. В своем трактате Сиваваихи дает развернутое и детальное описание всех проблем грамматики арабского языка: синтаксиса, морфологии, словообразования и фонетики. Проблемы языкознания рассматриваются им на материале поэтических произведений арабских авторов.

То же самое наблюдается и на материале словарей, которые были составлены специально для поэтов, по методу рифмы. Словари фиксировали новое метафорическое словоупотребление в литературе и тем самым способствовали совершенствованию арабского литера-

турного языка. Это словари Халили ибн Дурайда (ум. 934), Аль Джаухари (ум. ок. 1007), Ибн Манзура (ум. 1311), Фирузабади (1326–1414) – последний был переведен на персидский и турецкий языки³⁹. Даже словари, составленные в алфавитном порядке (Ибн Фариса (X в.), Ар-Рагиба Ал-Исфахани, Замахшари и др.), были созданы с учетом потребностей поэтов средневековья. Так, Замахшари снабжал пометками слова со значениями основными и метафорическими⁴⁰.

Такая особенность ярко проявляется на материале персидской лексикографии. Толковые словари персидского языка – фарханги – начали составляться с IX в., одновременно с развитием литературы на новоперсидском языке. Самым ранним памятником персидской лексикографии, сохранившимся до наших дней, является «Лугат-и фарси» («Словарь персидского языка»), составленный в Азербайджане приблизительно в 1065 г. поэтом Асади Туси. Кроме того, известны словари, составленные Абу Хафсом Согди («Фарханг-и Абу Хафс Согди», конец IX – начало X вв.), Катрана (ум. 1072–1073 гг.), основоположника персидско-таджикской литературы Рудаки («Тадж аль-масадир фи-л лугат-и фарси» – «Венец инфинитивов в персидском языке»), классика новоперсидской литературы Фаррухи («Навадир аль-лугат» – «Редкости слов»)⁴¹.

Структурный принцип раннего фарханга – построение по последней букве толкуемого слова – находился в прямой связи с прямым назначением словаря – быть словарем-справочником для чтения поэтических произведений. «Составляемые, как правило, поэтами, и предназначенные для поэтов, фарханги, построенные на лексике поэтических произведений, воспроизводили структурный принцип диванов – сборников стихов, где стихотворения внутри разделов следовали в алфавитном порядке конечных букв рифм»⁴².

Начиная со словаря Асади Туси, почти каждое толкование подтверждалось стихотворной цитатой, содержа-

щей пример из употребления этого слова в поэтическом контексте. Толкуемое слово часто повторялось в нем в составе рифмы, в строках парнорифмующегося двустипшия или в четверостишии. Асади Туси пишет в предисловии, что сын его, поэт, просил составить словарь так, «чтобы к каждому слову было подтверждение из стихов персидских поэтов, бейт или два»⁴³. Словарь Фирузабади (1329–1414) «Камус» («Океан»), например, полностью составлен на материале поэзии⁴⁴. В словаре XV в. «Адат аль-фузала» как приложение даны арабские фразы из «Гулистана» Саади. В словаре «Фарханг-и Джахангири» (XVII в.) Хусейна Инджу в приложении приведены метафоры и поэтические термины. Иллюстративные стихи, – как правило, бейт (двустипшие), мисра (полустипшие), реже – четверостишие, иногда фрагмент в несколько бейтов, – предваряются в словарях указанием имени их автора и вводятся следующими формулами: «Шахид сказал...», «У Рудаки сказано...» и т.д. Изредка составители отмечают название цитируемого сочинения. Включение стихотворных примеров с указанием имени поэта и (в редких случаях) названия произведения придает исключительную ценность персидским лексикографическим сочинениям, так как именно фарханги оказались в ряде случаев единственными источниками, сохранившими тексты утраченных литературных произведений наиболее раннего этапа развития поэзии на новоперсидском языке.

Только с середины XIV в. персидские лексикографы начинают руководствоваться первой буквой толкуемых слов. Но именно в это время появляется новое направление – составление толковых словарей наиболее известных произведений художественной литературы или отдельных авторов. Наибольшее число словарей составлено на материале творчества Фирдоуси («Шахнаме»), Низами («Искандер-наме»), Джалал ад-Дин Руми («Месневи маанави»), Саади («Гулистан» и «Бустан»), Хафиза. По мнению С.И.Баевского,

«ранние персидские толковые словари новоперсидского языка представляли собой не только пособия для чтения поэтических текстов, но и своего рода учебники литературного мастерства. Они совмещали в себе словари трудных рифм, словари синонимов, пособия для построения метафор, т.е. расширяли представление о художественных возможностях слова⁴⁵.

С XV в. составляются персидско-турецкие словари, которые помогали тюркоязычному читателю в освоении персидской поэзии «Шамил ал-лугат» (1494), «Василат ал-макасид» (1497), «Лугат-и Халими» (1511), «Тухфе-йе Шахиди» (1514), «Лугат-и Ниматалла» (не позднее 1540) и др.).

Главной формой существования и развития теоретико-литературной мысли у татар была сама литература. Еще в 1908 г. известный востоковед И.Ю.Крачковский сформулировал мысль о том, что арабскую поэзию нужно изучать именно в литературоведческом плане, она не должна рассматриваться только как источник сведений для историка, и оценивать эту поэзию следует в контексте ее собственного развития⁴⁶. Те же слова можно говорить и о восточной, в том числе и татарской поэзии вообще.

Авторы создавали свои произведения по образу и подобию уже существующих, которые служили пособием-наставлением к творчеству. Кроме того, сами художественные произведения включали в себя информацию теоретического характера. Так, например, арабский филолог ал-Асмаги (ум. между 825–832) утверждал, что всякий человек, желающий стать превосходным поэтом, должен хорошо знать правила стихосложения (гаруз), помнить на-

изусть значительное число поэтических произведений своих предшественников, удерживать в памяти поэтические мотивы (магни) и их конкретные словесные реализации (алфаз), быть сведущим в грамматике, а также истории и генеалогии арабов. Об этом же писал фарсиязычный автор Низами Арузи (XII в.), утверждавший, что поэт не достигнет высокой степени совершенства, если «не заучит наизусть двадцать тысяч стихов предшественников и не прочтет десять тысяч строк из произведений современников, если он не будет постоянно читать диваны великих мастеров и постигать, каким образом они превзошли и разрешили все трудности и тонкости слова, с тем, чтобы все виды и возможности поэзии запечатлелись в его естестве, а недостатки и достоинства стиха обрисовались на страницах его разума, дабы слово его устремилось к возвышению и талант приобрел склонность к совершенствованию»⁴⁷. В результате этот естественный синкретизм теоретической и художественной мысли средневековья давал возможность обходиться без специальных теоретико-литературных работ, которые по своей природе призваны решать те же самые задачи: служить, с одной стороны, наставлением для поэтов, а с другой – пособием для соответствующего восприятия и оценки произведения. Как подчеркивает И.В.Стеблева, творческая задача поэта-тюрка состояла в том, чтобы формально воспроизвести весь комплекс идей и представлений, именуемых персидской поэзией, на тюркском языке, создать, а не перевести, отразив в большей или меньшей степени свое национальное «я», свое знакомство с формами и содержанием тюркского фольклора⁴⁸.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См., напр., *Куделин А.Б.* Средневековая арабская поэтика / А.Б.Куделин. – М., 1983. – С. 4.

² *Сагадеев А.В.* Ибн-Сина (Авиценна) / А.В.Сагадеев. – М.: Мысль, 1985. – С. 20–21.

³ *Шарипов Х.* Формирование таджикской литературно-теоретической мысли в V–XI века: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Х.Шарипов. – Душанбе, 1970. – С. 18.

- ⁴ Мусульманкулов Р. Персидско-таджикская классическая поэтика (X–XV вв.) / Р. Мусульманкулов. – М.: Наука. Гл. ред. восточной лит-ры, 1989. – С. 6–7.
- ⁵ Сагадеев А.В. Ибн-Сина (Авиценна) / А.В.Сагадеев. – М.: Мысль, 1985. – С. 25.
- ⁶ Мусульманкулов Р. Персидско-таджикская классическая поэтика (X–XV вв.) / Р. Мусульманкулов. – М.: Наука. Гл. ред. восточной лит-ры, 1989. – С. 7.
- ⁷ Сагадеев А.В. Ибн-Сина (Авиценна) / А.В.Сагадеев. – М.: Мысль, 1985. – С. 18–19.
- ⁸ Сагадеев А.В. Ибн-Рушд (Аверроэс) / А.В.Сагадеев. – М.: Мысль, 1973. – С. 45.
- ⁹ Мусульманкулов Р. Литературно-эстетические взгляды Насириддина Туси // Актуальные проблемы философской и общественной мысли зарубежного Востока / Р. Мусульманкулов. – Душанбе, 1983. – С. 130–138.
- ¹⁰ Стариков А.А. Аль-Бируни о метрике индусов / А.А.Стариков // Проблемы теории литературы и эстетики в странах Востока. – М.: Наука, 1964. – С.304.
- ¹¹ Крачковский И.Ю. Избранные соч. Т. VI / И.Ю.Крачковский. – М.–Л., 1960. – С.138.
- ¹² Там же. – С. 364.
- ¹³ Там же. – С. 364.
- ¹⁴ Там же. – С. 365.
- ¹⁵ Там же. – С. 363.
- ¹⁶ Чалисова Н.Ю. Рашид ад-дин Ватват и его трактат «Сады волшебства в тонкостях поэзии» / Н.Ю.Чалисова // Рашид ад-дин Ватват. Сады волшебства. – М.: Наука, 1985. – С. 17.
- ¹⁷ Там же. – С. 15.
- ¹⁸ Там же. – С. 17.
- ¹⁹ Кулиева М. Вопросы теории арабской литературы на основе «Мифтах ал-улум» Ас-Саккаки: дис. ... канд. филол. наук / М.Кулиева. – Баку, 1983. – С. 153.
- ²⁰ Чалисова Н. Рашид ад-дин Ватват и его трактат «Сады волшебства в тонкостях поэзии» / Н.Чалисова // Рашид ад-дин Ватват. Сады волшебства в тонкостях поэзии. – М.: Наука, 1985. – № 71.
- ²¹ Мусульманкулов Р. Персидско-таджикская классическая поэтика (X – XV вв.) / Р. Мусульманкулов. – М.: Наука. Гл. ред. восточной литературы, 1989. – С.12.
- ²² Чалисова Н.Ю. Рашид ад-дин Ватват и его трактат «Сады волшебства в тонкостях поэзии» // Рашид ад-дин Ватват. Сады волшебства в тонкостях поэзии. Перевод с персидского, исследование и комментарий Н.Ю.Чалисовой. – М.: Наука, 1985. – С. 9.
- ²³ Мусульманкулов Р. Персидско-таджикская классическая поэтика (X–XV вв.) / Р. Мусульманкулов. – М.: Наука. Гл. ред. восточной лит-ры, 1989. – С. 16.
- ²⁴ Каскель В. «Китаб ал-бадиг» и ее место в арабской поэтике и риторике / В.Каскель // Арабская средневековая культура и литература: Сб. статей зарубежных ученых. – М.: Изд-во «Наука», 1978. – С. 199.
- ²⁵ Сагадеев А. Из истории эстетической мысли народов Ближнего и Среднего Востока (эпоха средневековья): Автореф. дис. ... канд. филол. наук / А.Сагадеев. – М., 1964. – С. 13.
- ²⁶ Куделин А.Б. Арабская литература: поэтика, стилистика, типология, взаимосвязи / А.Б.Куделин. – М.: Языки славянской культуры, 2003. – С. 174.
- ²⁷ Чалисова Н.Ю. Рашид ад-дин Ватват и его трактат «Сады волшебства в тонкостях поэзии» // Рашид ад-дин Ватват. Сады волшебства в тонкостях поэзии. Перевод с персидского, исследование и комментарий Н.Ю.Чалисовой. – М.: Наука, 1985. – С. 19.
- ²⁸ Аллахвердиев Т. Труд Хатиба Тебрезии «Китаб ал-кафи фи-л-аруз ва-л-кавафи» как источник по восточной поэтике / Т.Аллахвердиев. – Баку: Элм, 1992. – С. 5.
- ²⁹ Насилов Д.М. Лингвистические взгляды Алишера Навои // История лингвистических учений: Средневековый Восток. Отв. ред. А.В.Десницкая, С.Д.Кацнельсон. – М.: Наука, 1981. – С. 148.
- ³⁰ Маллаев Н. Гениальный поэт и мыслитель. Материалы для лекций и докладов к 525-летию со дня рождения Алишера Навои / Н.Маллаев. – Ташкент, 1968. – С. 14–15.
- ³¹ Хамраев М. Очерки теории тюркского стиха / М.Хамраев. – Алма-Ата: Мекитеб, 1969. – С. 24–25.
- ³² Стеблева И.В. О проникновении арабо-персидских метров в тюркоязычную поэзию / И.В. Стеблева // Проблемы теории литературы и эстетики в странах Востока. – М.: Изд-во «Наука», 1964. – С. 286.

³³ *Хамраев М.* Веков неумирающее слово. Литературоведческие статьи / М.Хамраев.— Алма -Ата:Жазушы, 1969. — С. 32.

³⁴ Другие названия этого трактата — «Мохтасар фи-л гаруз», «Мофассал». См.: Стеблева И. Трактат Бабура об арузе / И.Стеблева // Захираддин мухаммад Бабур. Трактат об арузе. — М.: Наука, 1972. — С. 22–23.

³⁵ *Гринцер П.А.* Санскритская поэтика и античная риторика: теория «украшений» / П.А.Гринцер // Восточная поэтика: Специфика художественного образа. — М.: Гл. ред. вост. лит-ры, 1983. — С. 30.

³⁶ *Звегинцев В.А.* История арабского языкознания. Краткий очерк / В.А.Звегинцев. — М.: Наука, 1958. — С. 32.

³⁷ *Гринцер П.А.* Санскритская поэтика и античная риторика: теория «украшений» / П.А.Гринцер // Восточная поэтика: Специфика художественного образа. — М.: Гл. ред. вост. лит-ры, 1983. — С. 30.

³⁸ *Ахведиани В.Г.* Арабское языкознание средних веков // История лингвистических учений: Средневековый Восток. Отв. ред. А.В.Десницкая, С.Д.Кацнельсон. — М.: Наука, 1981. — С. 56.

³⁹ Там же. — С. 92.

⁴⁰ Там же. — С. 93.

⁴¹ *Баевский С.И.* Средневековая персидская лексикография // история лингвистических учений: Средневековый Восток. Отв. ред. А.В.Десницкая, С.Д.Кацнельсон. — М.: Наука, 1981. — С. 116.

⁴² Там же. — С. 118.

⁴³ Там же. — С. 124.

⁴⁴ *Кондрашов Н.А.* История лингвистических учений: Учеб. пособие для студентов / Н.А.Кондрашов. — М.:Просвещение, 1979. — С.22.

⁴⁵ *Баевский С.И.* Средневековая персидская лексикография // История лингвистических учений: Средневековый Восток. Отв. ред. А.В.Десницкая, С.Д.Кацнельсон. — М.: Наука, 1981. — С. 128.

⁴⁶ *Стеблева И.В.* Изучение теории восточных литератур в России: XX век / И.В.Стеблева. — М.: Изд-ская фирма «Восточная литература» РАН, 1996. — С. 6.

⁴⁷ Цит. по: *Куделин А.Б.* Арабская литература: поэтика, стилистика, типология, взаимосвязи / А.Б.Куделин. — М.: Языки славянской культуры, 2003. — С. 172–173.

⁴⁸ *Стеблева И.В.* О проникновении арабо-персидских метров в тюркоязычную поэзию / И.В.Стеблева // Проблемы теории литературы и эстетики в странах Востока. — М.: Изд-во «Наука», 1964. — С. 286–287.

Summary

This article is devoted to Arab-Islamic poetical traditions in Tatar's literary consciousness.

УДК 297

МОНГОЛЬСКИЙ ОНГОН (ᠤᠨᠭᠤᠨ) – ПО-ТЮРКСКИ ᠤᠭᠠᠨ

Р.Ф.Исламов, доктор филологических наук

Известный ориенталист Г.С. Саблуков в одной из своих работ, посвященной внутреннему состоянию Золотой Орды, писал, что «в мусульманском вероучении нынешних татар, в числе имен Бога, почти всех персидских и арабских, сохранились два имени Бога, собственно татарские, оставшиеся от буддизма, эти слова Тенгри и Уган, этими именами называются в буддизме два добрые гения, произведенные Буддою»¹.

Действительно, *Тенгри* наряду с арабским *Allāh* и персидским *Xudā(ū)* твердо закрепились в духовной жизни татар-мусульман и существуют поныне. А что касается *Уган*, то он наблюдается только в древне- и средневековых тюркских литературных письменных памятниках как отражение части религиозного быта тюрков в прошлом.

В словаре Л.З.Будагова слово *ᠤᠭᠠᠨ* переводится как «Бог»². В.В.Радлов приводит две формы написания его с двумя значениями каждый: «знак собственности на коне» и *ūḡūn* «птицы, чтимые у тюрков»³. Э.Н.Наджип видит в нем смысловые значения «Бог», «всемогущий», «творец», «мощный», «сильный» и допускает возможность его образования от причастной формы глагола *умак* «мочь»⁴.

Академик В.В.Бартольд пишет: «... только из слов Рашид ад-дина мы знаем, что у огузов и при исламе были остатки тотемизма. Каждый род почитал какую-нибудь птицу, которую члены рода не трогали и не ели; для обозначения такого тотема употреблялось слово *онгун*, или *уйгун*»⁵.

Д.Банзаров его происхождение связывает с поверьем у древних монголов:

«Первоначальное простое почтение к предкам подверглось искажению и породило *онгонов*. Так называют монголы души умерших людей, сделавшиеся предметом уважения или страха народного. ...Но монголы с течением времени стали верить, что душа умершего человека действует во вред или пользу живых, и из них народ создал особый род богов – *онгонов*»⁶.

Правда, в современном монгольском языке Бог называется *Тэнгэр* и *Бурхан*⁷.

Слово *Онгон* (*ᠤᠨᠭᠤᠨ*) не встречается в летописи «Алтан тобчи» («Золотое сказание») Лубсана Данзана (XVII в.), в которой повествуется о событиях начиная с XII и кончая серединой XVII века⁸. Это, как нам представляется, явствует о том, что оно со временем у монголов прекратило свое практическое применение.

Слово *ᠤᠭᠠᠨ* в тюркских письменных памятниках впервые было зафиксировано в «Диван-и лугат-ит турк» известного филолога XI века Махмуда Кашгари и объясняется как «всесильный; всесильный Тенгри»⁹. Как видим, здесь оно выступает не как субстантив, а как определение субстантива, т.е. Тенгри.

Далее видим присутствие *ᠤᠭᠠᠨ* в тексте дидактического произведения «Кутадгу билик» Юсуфа Баласагуни, созданного в государстве караханидов в том же периоде, что и «Диван-и лугат-ит турк». Например:

*ᠤᠭᠠᠨ bir Baját ól qamúy üzá
öküš hamd-u ögdi ángár óq sežā
úlúylúq idisi ᠤᠭᠠᠨ Zū~l-Želāl
jartqán törütgen má qadir kemāl
aj jer kök idisi halā'iq bile
rüzīni ánútmış jigil sen köle*¹⁰

(Уган есть единственный
 Всевышний над всеми,
 Множество хвалы и воздаяния Ему.
 Властитель величия Уган Зуль-Джелал,
 Создатель, совершенно Всесильный.
 Хозяин неба, луны, земли с людьми,
 Созданную им пищу ты ешь смеясь).

öküſ ögdi birle tälüm ming ſenā
 Úġán bir Baját má ángá jóq fēnā

(Множество хвалы и много тысяч
 воздаяния Ему.

Уган он единственный Всевышний,
 Ему нет смерти).

aj erkliġ Úġán mengü múngsúz Baját
 jarámás Seningdin ádinqá bú át¹¹

(Эй, на все вольный Уган, вечно
 не знающий страдание

Всевышний,
 Это имя не достойно твоего имени).

Интересно то, что автор произведения наряду с *Úġán* приводит один из эпитетов Аллаха *Zū-l-Želāl*, что в переводе с арабского языка означает «величественный, великолепный».

Он наблюдается также в дидактическом произведении Ахмеда Юганки «'Ибат ал-хакик» (кон. XII – нач. XIII вв.):

jaráttı Úġánım tünüġ kündüzüġ
 (Создал мой Уган ночи и дни)

.....
 Úġán raġmet etsün bú sā'at áġá¹²

(Пусть Уган в этот час проявит
 к нему милость).

Úġán нашло свое успешное применение и в творчестве авторов средневековья, живших в разных культурных очагах Золотой Орды. Так, в одном из стихотворений в «Кыссас ал-анбийā» Рабгузи (кон. XIII – перв. четв. XIV вв.) читаем:

bir Úġána ħamd ájürdá kimlār
 erdi eſläri¹³

(В благословении единого Угана,
 кто были Его сподвижники?)

В «Хосров и Шири» Кутба (кон. XIII – сер. XIV) он присутствует несколько раз:

öküſ qūrbān qılıb ól ſāh Úġándın
 tilādi bir óyúl jegräk bú žān-dın

(Тот шах, принеся много жертв, у Угана
 Просил сына лучшего, чем эта душа).

.....
 İzi hükmi bilä jüklüg bólúr ól
 Úġán faſlı bilä berür áġá töl

(По велению Творца она забеременила,
 Уган даст ему в свое время ребенка).

.....
 Úġán-nıġ baġſiſi dārjāsı-dın dür
 ánúġ ſām'ingä bermiſ fazlı-dın nūr

(Жемчужина из даров моря Угана,
 Дал свет от мудрости в его светильник).

.....
 qıjnáġáj-män óſ áncá bú özümnı
 tilāb tün kün Úġándın áj jüzümni

(Так терзал я сам себя,
 Прося день и ночь у Угана мою
 луноликую).

.....
 tázarru' qılıyāmān áncá Úġána
 āġır hām ól óqúm teġġāj niſānā

(Покорную молитву совершив лишь
 Угану,
 Наконец та моя стрела попала
 в мишень).

.....
 äġā súġ käligli du'ā qıl áġá
 Úġánım tiläkiġni bersün saġá¹⁴

(Эй, хоть с опозданием помолись Ему,
 Пусть удовлетворит мой Уган твое
 желание).

В «Мухаббат-наме», сочиненном поэтом Хорезми (XIV в.), говорится:

Úġán Jūsuf žāmālin sizgä birdi
 maġabbat kimijāsın bizgä birdi¹⁵

(Уган дал тебе красоту Юсуфа,
 А мне дал алхимию любви).

Во многих известных нам списках «Джумджума султāн» (XIV в.) Хусам Кāтиба *Úġán* в тексте сочинения имеет место только один раз:

māġrīb māſrīġ tūtmiſ iki qánatı
 ól 'Azrā'ıl ermiſ Úġán qójyān áti¹⁶

(Его два крыла держат Запад и Восток,
 Он 'Азрā'иль, такое имя дал ему Уган).

При этом, однако, представляет интерес одна фрагментарная копия данного произведения, хранящаяся в отделе рукописей и редких книг Научной библиотеки им. Н.И.Лобачевского Казанского государственного университе-

та под шифром 3706 т, в тексте которой *Úyán* встречается несколько раз подряд:

päjgambär *Úyán*ǵa má qıldı nijāz
ğāzizmān qādīrsān qılurmān nijāz
jóq erdi jarátıñ bú iki žihān
kārīm-sin rahīm-sin ī eriklik *Úyán*
qó báš má tilgä ävürgil tedi

súrājın bilājin āhvālin tedi
päjgambär má *Úyán*ǵa qıldı nijāz
qó bášdın má çıqtı ‘ažā’b āváz

(Пророк [‘Иса] обратился к Угану
мольбой:

«Немошен я, Ты сильный, обращаюсь
с просьбой.

Не были, Ты создал эти два мира,
Милостив и милосердный, о свободный
Уган,

Позволь Черепу поговорить [со мной], –
сказал –

Спрошу, узнаю о его положении», –
сказал.

Как только пророк обратился с мольбой
к Угану,

От Черепа исходил чудесный голос).

В этом примере наше внимание привлекает также и то, что переписчик был хорошо знаком с творчеством Юсуфа Баласагуни. Свидетельством тому является заимствование из текста «Кутадгу билик» фразы *ī eriklik Úyán*. По этому поводу есть и другой, хотя к данной теме прямого отношения не имеющий, факт. В нем, в отличие от других ранее известных нам списков произведения, присутствует описание идеальной жизни с использованием антитезной образности «волк – овца», в тюркской литературе впервые успешно примененной автором древнетюркского произведения¹⁷. Вот как рассказывает Череп о своем былом справедливом царствовании:

māniñ čáyımdá qózi hām bārri
janášib jürür erdi ešitiñ böri

(В мое время овца и ее ягненок
Вместе ходили, слушайте, [с] волком).

В «Латафат-наме» Ходженди (кон. XIV – перв. пол. XV) *Úyán* встречается неоднократно:

Зихи султāн-и дāру-л-мулк-и афлāk
Уфāн берди саңа ташриф-и лавлāk

(Хвала султану столицы небесных сфер,
Уган наделил тебя почетом «лавлака»).

.....
Пари-мусен бу тал‘ат бирлэ йāхур
Уган кылсун йүзүңдин чашм-и бад дур
(Ты пери или гурия своей красотой?
Пусть Уган твое лицо убережет
от дурного глаза).

.....
Кашың нун-у көзүң ‘айн-и балā-дур
Уган кылсун жамāлыңдын балā дур
(Твои брови, как буква «нун», а глаза –
источник несчастья,
Пусть Уган сохранит от бед твою
красоту!).

.....
Телим емгәк йыпардым кан куруттум
Уган кылды ‘инайат сөз йүрүттүм¹⁸
(Я испытал много невзгод, иссушил кровь,
Уган оказал милость, я закончил речь).

Более того, слово *Úyán* присутствует даже в произведениях религиозно-дидактического содержания. Так, в «Ахырзāман китабы» («Книга о последнем времени (кончине мира)», нашедшей свое широкое распространение среди татар в прошлом, он упоминается шесть (!) раз. В данном случае мы ограничиваемся приведением только одного из этих примеров:

ól *Úyán*ım hājāt birlä hūkm qılyāj
havādin qúšlār inüb tášlār áttqāj
ól tášlar Jā’züclārni hālāk qılyāj
ándın ártıq täqi ‘ažāb táñlārı vār¹⁹

(Он – Уган мой произведет суд с угрозой.
Спустившись с неба, птицы будут
метать камни.

Эти камни погубят Гогов (т.е. Гога
и Магога).

Больше этого еще есть чудеса,
достойные внимания).

Отметим, что в древне- и средневековых тюркских письменных памятниках, наряду со словом *Úyán*, для обозначения Всевышнего активно используются и *Vajāt*, *İzi*, *Tāñri*, изучение их этимологий также привело бы к интересным выводам.

Известно, что в прошлом у тюркских народов был обычай долгожданному ребенку (мужского пола) давать имя Тенгриберди (=Тагриберди), Тенг-

рикул, Аллāхберди, Аллāгол, Худāйберди, Худāйкул, Худāгул²⁰. Письменные памятники средневековья представляют информацию о бытовании и имени Уганберди. В частности, один из таких примеров зафиксирован в сочинении «Бабур-наме», принадлежащем перу Захир ад-Дина Мухаммеда Бабур-а (1483–1530), основателя династии Великих моголов в Индии: «*Uğan-Birdi Moğul kumandasında bine yakın yiğit. ... Uğan-Birdi ve adamlarının bu gemilerle geçmeleri hakkında, Uğan-Birdi'ye emir verilidi*»²¹ (Уганберди из монгольской команды близок мне парень. ... Уганберди был дан приказ о том, что Уганберди и его люди должны плыть в этих лодках).

Таким образом, это небольшое наблюдение позволяет нам сделать некоторые выводы:

1. Заимствованное из монгольского языка слово *Онгон* (*Ūŋŋin*), надо полагать, вследствие фонетических изменений (выпадение *ŋ* и *ú>á*) в тюркском языке получило свое произношение как *Ūŋán*.

2. При этом оно, сохранив свое семантическое значение, в осмыслении тюрков приобрело субстантивный характер.

3. Это поможет, думается, открыть еще новые аспекты в изучении взаимосвязей двух культур в дальнейшем.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Саблуков Г.* Очерк внутреннего состояния Кипчакского царства. Отдельный оттиск из XIII тома «Известий Общества археологии, истории и этнографии» за 1895 год. — С. 46.

² *Будагов Л.З.* Сравнительный словарь турецко-татарских наречий, со включением употребительнейших слов арабских и персидских и с переводом на русский язык. — Санктпетербург, 1869. — Т. I. — С. 140.

³ *Радлов В.В.* Опыт словаря тюркских наречий. — Санктпетербург, 1893. — Т. 1. — Ч. 2. — С. 1645.

⁴ *Наджип Э.Н.* Историко-сравнительный словарь тюркских языков XIV века на материале «Хосрау и Ширин» Кутба. — М.: Гл. ред. вост. лит.-ры, 1979. — Кн. I. — С. 333.

⁵ *Радлов В.В.* Сочинения. — М.: Изд-во вост. лит.-ры, 1963. — Т. II (1): Общие работы по истории Средней Азии. Работы по истории Кавказа и Восточной Европы. — С. 576. В связи с этим укажем на блестящую статью С.П. Толстова, который подробно проанализировал тотемы каждого племени туркмен: Толстов С.П. Пережитки тотемизма и дуальной организации у туркмен // Проблемы истории докапиталистических обществ. — 1935. — № 9–10. — С. 3–41. Предлагаем еще одну работу, которая посвящена титулам в связи с тотемными онгонами племен в караханидском государстве: Pritsak O. Karachanidische Streitfragen // Oriens. — Leiden, 1950. — Vol. 3. — № 2. — S. 209–228.

⁶ *Банзаров Д.* Черная вера, или Шаманство у монголов / Д. Банзаров // Ученые записки, издаваемые Императорским Казанским университетом. 1846. — Казань: В типогр. Казан. Имп. ун-та, 1895. — Книж. III. — С. 99–100.

⁷ Русско-монгольский словарь / Составили А.Р. Димба-Ринчинэ и Г.С. Мункин. Под ред. проф. Г.Д. Санжеева. — М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1960. — С. 42.

⁸ *Данзан Л.* Алтан тобчи («Золотое сказание») / Перевод с монгольского, введение, комментарий и приложения Н.П. Шастиной. — М.: Гл. ред. вост. лит.-ры изд-ва «Наука», 1973. — 440 с.

⁹ Туркий сўзлар девони (Девону лүфотит турк): уч томлик / Таржимон ва нашрга тайёрловчи филология фанлари кандидати С.М. Муталибов. — Тошкент: ЎзбССР ФА нашр., 1960. — I т. — Б. 106.

¹⁰ *Kutadgu Bilig.* T1pk1basım. Fergana nüshası. II. — İstanbul: Alâeddīn K1ral Basımevi, 1942. — S. 3.

¹¹ *Kutadgu Bilig.* T1pk1basım. Mısır nüshası. III. — İstanbul: Alâeddīn K1ral Basımevi, 1943. — S. 12.

¹² *Arat R.R.* Edib Ahmed b. Mahmud Yükneki Atebet'ül-Hakayık / R.R. Arat. — İstanbul: Ates Basımevi, 1951. — S. CXIX, CLXIV.

¹³ *Кыйссас Рабгузи*. Кыйссасел-әнбийадә Рабат угызының казыйсы Борцанеддин Насреддин тәснийфедр. — Казан, 1859. — Б. 292 (на татар. яз. на араб. графике). При издании данного сочинения, по-видимому, учитывая читателя второй половины XIX века, многие исконно тюркские слова переведены либо на их арабские, либо на персидские эквиваленты. В этом нетрудно убедиться, сличив тексты рукописи, хранящейся в Британском Музее, и указанного источника.

¹⁴ *Zajaczkowski A. Najstarsza wersja turecka Husräv u Šīrīn Qutba / A. Zajaczkowski // Prace Orientalistyczne. — Warszawa: Państwowe wydawnictwo naukowe, 1958. — Т. VIII. — Część II. Facsimile. — S. 18, 30, 50, 171, 233.*

¹⁵ *Хорезми*. Мухаббат-наме. Издание текста, транскрипция, перевод и исследование Э.Н.Наджиба. — М.: Изд-во вост. лит-ры, 1961. — С. 42 (факсимиле).

¹⁶ Из рукописи, хранящейся в Институте языка, литературы и искусства им. Г.Ибрагимова АН РТ (39 колл., оп. 1, ед. хр. 375). — С. 5v⁰.

¹⁷ *Kutadgu Bilig. Tıpkıbasım. II. Fergana nüshası... — S. 44:*

ëlin etdi tözdi bájúdı búdún
böri qój bile súvládı ól údún

Kutadgu Bilig. Tıpkıbasım. Mıstır nüshası... — S. 17:

ázún qábdı kör tökäl qút qódı
qój birle qatlıb jüridi böri

¹⁸ *Ходжанди*. Латафат-наме. Книга о красоте / Введение, транскрипция текста, перевод, глоссарий, грамматический указатель Э.И.Фазылова. — Ташкент: Фан, 1976. — С. 38, 45, 57, 59.

¹⁹ Ахырзаман яки төкый гажэб. Матбагаи Кәримия Казанда кәнде мәсарыфлары илә 1908 сәнә. — Б. 6 (на татар. яз. на араб. графике).

²⁰ Об этом подр.: *Самтаров Г.Ф.* Татар исемнәре сүзлеге. — Казан: Татар. кит. нәшр., 1981. — 256 б.; *Sauvaget J.* Noms et surnoms de Mamelouks // *Journal Asiatique.* — 1950. — Т. CCXXXVII. — F. 1. — S. 44.

²¹ *Arat R.R.* Baburnâme. Babur'un Hâtıratı. Birinci basılıs. — İstanbul: Milli Egitim Basımevi, 1970. — S. 603.

Summary

Mongolian Ongon (ᠮᠣᠩᠭᠣᠯᠢᠨ).

УДК 82.0:372.8

КОМПАРАТИВИСТСКИЕ СТРАТЕГИИ ИССЛЕДОВАНИЯ И ИХ УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

В.Р.Аминева, кандидат филологических наук, доцент

В настоящее время в филологической педагогике внимание ученых привлекает проблема диалога культур в контексте личностно-ориентированных технологических стратегий современного образования. Природа учебной деятельности рассматривается в ценностном русле концепции Школы диалога культур, выдвинутой и разработанной В.С.Библером. В качестве одной из плодотворных социокультурных идей в сфере гуманитарного мышления признается идея взаимопонимания и общения, предметом которого является произведение искусства: предполагается, что современный читатель, приобщаясь к многообразным культурным ценностям разных времен и народов, зафиксированным в литературе, обретает свое неповторимое место на их границах, «в зоне контакта» с «чужими» познавательными, этическими и эстетическими смыслами.

Для того, чтобы решить главную задачу обучения на уроках как русской, так и родной литературы, связанную с формированием культуры читателя как творчески мыслящей личности, необходимо пересмотреть концептуальные стратегии литературного образования. Этой назревшей потребности отвечает монография Р.Ф.Мухаметшиной «Диалог русской и татарской культур в системе литературного образования: [(на материале школ Республики Татарстан)]», в которой объектом исследования является предметное, деятельностное и ценностное содержание литературного образования учащихся с родным (татарским) языком обучения. Анализ

структурно-содержательных «единиц» литературного образования учащихся национальных школ, а именно: эстетических, психологических и филологических аспектов проблемы читателя; принятого в сравнительном литературоведении системного разграничения форм межлитературного процесса, психолого-педагогических обоснований становления читателя, деятельность которого, направленная на осмысление диалога культур, носит творческий характер; методов обучения (традиционных и инновационных), стратегий учебного общения (интегрированный урок, компьютерные технологии), программ и учебников по татарской и русской литературам для школ с родным языком обучения — позволил автору сформулировать концепцию, в соответствии с которой литературное образование учащихся на основе диалога русской и родной культур способствует формированию не только бикультурной и билингвальной, но и биментальной личности⁴.

Таким образом, в методической науке сложились добротные традиции целенаправленного изучения специфики преподавания русской литературы в нерусской языковой и культурно-исторической среде, разработаны формы и приемы реализации диалога культур в литературном образовании. Однако многие методические аспекты современных компаративистских стратегий исследованы недостаточно, до сих пор не найдены оптимальные варианты преодоления разрыва между развитой в культурологии и философии концепции-

ей диалогического мышления и разнообразными проекциями этой концепции в плоскость преподавания русской и родной литератур.

Методическая наука опирается на принятое в традиционном сравнительном литературоведении системное разграничение форм межлитературного процесса на контактно-генетические связи и типологические схождения, демонстрирующие сходства и различия, обусловленные общественными, философско-психологическими и внутрিলитературными факторами. Однако на современном этапе наблюдается расширение как пределов компетенции, так и функций компаративистики. Решающая роль в этом процессе принадлежит концепции интертекстуальности, опираясь на которую ряд ученых принципиально отходят от представления о генетических и типологических связях. Наиболее сложный комплекс проблем связан с логикой и механизмами контактных взаимодействий, анализ которых предполагает определение вида и формы рецепции инонациональных литературно-художественных ценностей, способа их включения в художественную систему принимающей «стороны», степени участия творческого начала в самом процессе восприятия, особенностей трансформации инородных художественных элементов в новой структуре и др. В решении этих вопросов принципиальное значение имеет разграничение интертекстуальности в «широком» (Ю.Кристева, Р.Барт) и «узком» (Ж.Женетт и др.) значении. В широком смысле слова интертекстуальность относится к числу универсальных категорий искусства и культуры в целом и трактуется как «слагаемое широкого родового понятия, так сказать, интер<...>альности, имеющего в виду, что смысл художественного произведения полностью или частично формируется посредством ссылки на иной текст, который отыскивается в творчестве того же автора, в смежном искусстве, в смежном дискурсе или в предшествующей литературе»⁵.

В современной теории литературы неизбежная полигенетичность художественных текстов получает различные обоснования. И.П.Смирнов, утверждая, что художественный текст трансдиалогичен, доказывает, что новый текст, если он эстетически отмечен, нацелен на то, чтобы констатировать в используемом им литературном материале повторяемость и прервать ее. Поиск универсального отличительного механизма литературного (художественного) дискурса или литературности И.П.Смирнов результировал формулой «повтор прекращенного повтора». Но если любой текст есть поле пересечения чужих текстов, то в любом тексте можно вычлениить следы иноязычного и инолитературного текста, поэтому всякий текст может стать предметом компаративистики. Иными словами, концепция интертекстуальности – фактора своеобразного коллективного бессознательного, определяющего деятельность художника вне зависимости от его воли, желания и сознания, как показывает ряд компаративистских работ, выполненных А.К.Жолковским, Ю.К.Щегловым, Б.М.Гаспаровым и др., переводит проблематику сравнительного литературоведения в сферу общей поэтики.

В узком смысле интертекстуальность – литературный прием, сознательно используемый писателями. Предложенная Ж.Женетт пятичленная классификация разных типов отношений между текстами дает возможность охарактеризовать механизмы литературных взаимодействий, опираясь на современный понятийно-терминологический аппарат и привлекая современные филологические теории. Методы интертекстуального анализа, направленные на поиск разнообразных «текстовых плоскостей», в том числе и иноязычных, инокультурных, позволяют пройти мимо внешних причин и исторической описательности, определяя вхождение компаративистики в контекст современной семиотической культурологии.

Не менее существенное преобразование функций компаративистики происходит в той области, которая традиционно определялась как сфера типологических схождений (термин В.М. Жирмунского), конвергенций, аналогий, соответствий, совпадений или типологических общностей (термин Н.И. Конрада). В рамках изучения типологических схождений решалась, как правило, двуединая задача дифференциации сходств и различий — всякое сходство сопровождается существенными различиями, а различное только подчеркивает сходство. Причем различия квалифицируются как «национальные». Одной из задач компаративистики считалось познание специфики национальных литератур, выявление тех особенностей, которые имеют характерную национальную манифестацию. Национальное своеобразие художественного текста проясняют понятия «национальная картина мира», «национальный образ мира», «модель мира», «национальное сознание», «национальные традиции», «национальное своеобразие эстетического идеала», «национальная литература» и др. Однако объем и содержание этих понятий, их функционирование на современном этапе получают теоретическое переосмысление. Так, неравномерность мирового литературного процесса, существование на одном синхронном срезе разных стадий развития всемирной литературы позволяют ученым обосновывать тезис об относительности и исторической подвижности, например, концепта «национальная литература»².

Типологический подход в отечественном литературоведении теоретически обоснован В.М.Жирмунским, взявшим за основу идею стадийности литературного и общественно-исторического рядов. Выделив и терминологически оформив три аспекта сравнительно-литературных исследований, ученый приходит к выводу, что в сравнительно-исторических исследованиях нельзя останавливаться на уровне простого сопоставления сходных литера-

турных явлений. Высшая цель компаративистики — историческое объяснение этих сходств. Принцип объяснения, механизм всепроникающей обусловленности определяют теоретические построения А. Димы, Д. Дюришина и др. Например, классификация типологических схождений дается Д. Дюришиным в зависимости от того, какими факторами они обусловлены. Однако сходства, возникающие между литературами разных регионов, зачастую нельзя объяснить ни «общим источником», ни сходством определенного комплекса исторических условий. И многие противоречия и трудности, с которыми сталкиваются компаративисты, связаны с поиском глобальных закономерностей, общих, наднациональных образов и моделей, попыткой свести в одно целое огромное количество drobных, пестрых, разрозненных фактов.

Наряду с определением условий возникновения и развития однородных литературных явлений и процессов, методика сравнительного изучения литератур предполагает разграничение и уровней их типологической близости: типология литературных течений, направлений, художественных систем (Ренессанс, барокко, классицизм, Просвещение, романтизм, реализм, натурализм, модернизм и т.д.); типология жанров; стилей; исторического развития литератур, в движении которых наблюдаются одни и те же процессы, получившие значение определенных закономерностей. Но типологические категории и понятия обобщают в основном западноевропейский культурно-исторический опыт и отмечены ограниченностью, которую принято именовать «европоцентризмом». Несмотря на заключенные в типологических стратегиях исследования методологические возможности и эвристический потенциал, следует признать наличие культурно-исторических и литературных феноменов, не согласующихся с системой типобразующих признаков этих категорий, что лишает оправдания прямой перенос понятий, сформиро-

ванных в рамках европейской культуры на другие регионы. В связи с этим возникает потребность выработать другой подход к Востоку, выявив подлинную специфику универсума неевропейской литературы и культуры.

При углубленном анализе текстов, принадлежащих разным культурно-историческим традициям, возникает ситуация, когда логический анализ, т.е. исследование средствами и в понятиях современной литературоведческой науки, оказывается не работающим на литературном материале, имеющем иную языковую структуру и отражающем иные традиции художественного видения мира. Осознание насущной необходимости поисков адекватных средств понимания уникальности и своеобразия той или иной национальной художественной системы определяет остроту постановки герменевтических проблем в области компаративных исследований.

Научные термины и понятия являются носителями культурной памяти и традиций прошлого. Каждое понятие одновременно и постоянно, и изменчиво. Оно приходит к нам внутри готового контекста и с потенциальной возможностью использовать его в новом контексте, в котором оно обновляется, расширяет, а в контексте иной национальной традиции и изменяет свой семантический диапазон. М.М.Бахтин выражает эту мысль красноречиво и точно: «Слово не вещь, а вечно подвижная, вечно изменчивая среда диалогического общения. Оно никогда не довлеет одному сознанию, одному голосу. Жизнь слова – в переходе из уст в уста, из одного контекста в другой контекст, от одного социального коллектива к другому, от одного поколения к другому поколению. При этом слово не забывает своего пути и не может до конца освободиться от власти тех конкретных контекстов, в которые оно входило»¹. Неадекватность средств анализа при исследовании иных культур вызывает абберации, возникающие в результате использования понятий, которые в ев-

ропейской мысли имеют определенный объем содержания и достаточно устойчивую традицию словоупотребления. Как пишет А.С.Колесников, «мы не можем мыслить, не повинаясь логике и семантике определенного языка, но мы и не мыслим вне определенных социальных рамок, порядка ценностей, специфических для данной культуры, традиционного отношения к священному»³.

Возникающие между двумя литературами, вступающими в диалог, отношения и связи, основанные на различиях, не могут быть полностью зафиксированы и исчерпаны. Они требуют для своего постижения мышления не формального и абстрактного, а контекстуального и нарративного. При этом прежние контексты понятий, традиционно используемых при описании явлений одной национальной литературы, превращаются в субтексты новых дискурсов. Онтологические категории, лишаясь своей неоспоримости, растворяются в дискурсивности. Избежать иллюзий нормативно-ценностного сознания при описании инонационального историко-литературного материала позволяют такие методы и приемы интерпретации инонациональных художественных традиций, как контекстный подход, использование процедур психологической герменевтики, сравнительный и сопоставительный анализ понятий разных культур, признание непереводаемости конститутивных для нее категорий и стремление к более или менее аутентичному описанию их семантического поля как в дискурсивном плане, так и в метафорически образном. При этом создается ситуация диалога, при котором «чужое» раскрывается изнутри, как вне и рядом стоящее, «свое» и т.д., а «свое» познается «через другого», переосмысливается с позиций «чужого». Различные типы диалогических отношений, которые устанавливаются между национальными литературами, также являются формами межлитературного процесса, определяющими содержание литературного образования учащихся национальных школ.

Изучение разных типов диалогических отношений, возникающих между произведениями русской и родной литератур, меняет характер познавательной деятельности учащихся. Смысл литературного произведения делает подлинной проблемой контекст иной национальной литературы. В герменевтической ситуации, создаваемой на подобном уроке, учебная деятельность направлена на осмысление принципов и приемов художественного изображения, художественных форм освое-

ния действительности: образов странства и времени, сюжетных схем и мотивов, национально-характерного и общечеловеческого в персонажах и т.д. Нахождение этих смыслов помогает читателю-школьнику адекватно интерпретировать получаемую эстетическую информацию. «Чужая» культура начинает восприниматься как «иная / другая». Сознание учащегося фиксирует многообразие художественных принципов и форм изображения мира и человека.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Бахтин М.* Проблемы поэтики Достоевского / М.Бахтин. – М., 1979. – 318 с.
2. *Васильев Н.Л.* Историзм и относительность концепта «национальная литература» / Н.Л.Васильев // Сравнительное литературоведение: теоретический и исторический аспекты. – М., 2003. – С. 53–58.
3. *Колесников А.С.* Философская компаративистика: Восток – Запад / А.С.Колесников. – СПб., 2004. – 390 с.
4. *Мухаметшина Р.Ф.* Диалог русской и татарской культур в системе литературного образования: [(на материале школ Республики Татарстан)] / Р.Ф.Мухаметшина. – Казань: Магариф, 2007. – 197 [2] с.
5. *Смирнов И.П.* Порождение интертекста / И.П.Смирнов. – СПб., 1995. – 190 с.

Summary

The article is about comparative research strategies and it's teaching and methodical aspects.

УДК 81:372.8

ПРОБЛЕМЫ ТРУДОВОЙ МОТИВАЦИИ УЧИТЕЛЕЙ ТАТАРСКОГО ЯЗЫКА СРЕДНИХ ШКОЛ ТАТАРСТАНА: ЭТНОСОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Г.Ф.Габдрахманова, кандидат социологических наук

Государственные реформы национально-языковой сферы, стартовавшие на постсоветском пространстве в начале 1990-х гг., в научном и публичном дискурсе ассоциируются с явлениями культурной политики, ренессансом этнического самосознания, межэтническими отношениями. Пока мало говорится об этномаркированном пространстве с точки зрения социологической теории стратификации. Сегодня мы можем говорить о формировании в социальной структуре российского общества нового класса, связанного с обеспечением культурных потребностей народов (гуманитарная наука, издательская деятельность, национальные СМИ, театры, концертные и фольклорные коллективы и т.д.). В части национального образования и воспитания социальная группа состоит из учителей татарского языка и литературы, ученых-педагогов, филологов, деятелей искусства, чиновничьего корпуса. О стремительном росте этноориентированного класса в части образования свидетельствуют данные официальной статистики. В 1987–88 гг. в ТАССР функционировало 995 татарских школ (преимущественно в сельской местности) с охватом 104,4 тыс. учащихся. Проблемами национальных школ того периода являлись малое количество часов, отводимых на изучение родных языков, отсутствие учебных пособий и квалифицированных преподавателей. В 1990 – нач. 2000 гг. произошли заметные изменения в системе национального образования. По сравнению с началом 1990-х гг.

прибавилось около 200 школ. Все они открылись в городах и районных центрах. Общее число учителей татарского языка и литературы увеличилось почти в 5 раз (в 2004 г. в республике работало 6953 преподавателя). Стремительный рост социальной группы учителей татарского языка вызывает интерес с точки зрения понимания ее особенностей. Среди задач нашего исследования¹ стало изучение реальной картины отношения к труду среди преподавателей татарского языка, выступающего одним из показателей, влияющих на качество современного этноязыкового образования.

Принято считать, что наибольшую роль в трудовом процессе играют объективные характеристики трудовой деятельности и субъективное состояние общей удовлетворенности работой². В нашем исследовании по объективным данным были приняты следующие критерии – трудовая биография (средства построения, стаж работы по специальности, общий стаж работы, возраст, образование, квалификация), результаты трудовой деятельности, которые могут быть зафиксированы как уровень владения татарским языком учащимися, особенности мотивации школьников к изучению языков, а также степень инициативы и творчества преподавателей. В субъективном плане отношение к труду есть некоторая установка личности относительно понимания общественной значимости труда, степени удовлетворенности своей работой и специальностью. Она характеризуется также определенной структурой моти-

вов трудовой деятельности. Поэтому для изучения субъективного аспекта отношения к труду мы привлекли анализ психологических установок учителей в труде, а состояние удовлетворенности рассматривали как его итоговый показатель.

Трудовая биография преподавателей татарского языка и литературы строится на базе рекрутирования этничности. Закон «О языках народов Республики Татарстан» (от 8 июля 1992 г.) в РТ закрепил за татарским и русским языками статус государственных равноправных языков. В целях реализации этого принципа Государственная программа Республики Татарстан по сохранению, изучению и развитию языков народов РТ 1994 г. предусматривала обеспечение системы национального образования педагогическими кадрами. В связи тем, что татарским языком владели преимущественно сельские татары, корпус учителей татарского языка был сформирован представителями этой среды. Эта особенность преподавателей сохраняется до сих пор. По нашим материалам 86,2% учителей провели свое детство в деревне. 85,1% среди них изучили татарский язык через семью, 75,5% обучались в школе на татарском языке, 8,5% — на татарском и русском.

Выделим другие характеристики преподавателей. Среди опрошенных нами учителей татарского языка в республике 73,9% (г.Казани 64,1%) — это преподаватели татарского языка и литературы, еще 13,8% (14,1%) — филологи. Велика доля неспециалистов: каждый десятый среди опрошенных нами учителей татарского языка в республике имеет педагогическую специальность, далекую от своего предмета. Близкие показатели демонстрирует статистика МО и Н РТ: 12,3% учителей татарского языка работают не по профилю образования. Около половины преподавателей (46,8%) имеют солидный педагогический стаж — более 15 лет. Треть работает в школе от 11 до 15 лет. Пятая часть — от 6 до 10 лет. 3,7% — до 5 лет. Мужчин среди учителей оказалось лишь 1,6%. Портрет

учителя татарского языка — это, прежде всего, молодой специалист-женщина с небольшим педагогическим опытом. Каждый третий среди учителей татарского языка в возрасте до 30 лет, каждому четвертому — от 31 до 40 лет. В РТ 35,1% учителей татарского языка не исполнилось еще 35 лет. 28,7% — в возрасте 36–45 лет. 30,9% — 45–55 лет. Старше 55 лет — 3,7%. Высшее педагогическое образование по данным МО и Н РТ за 2004 г. имеют 75,1% учителей татарского языка. 13,1% — это специалисты со среднеспециальным педагогическим образованием.

Рассмотрим оценки качества работы учителей средних школ Татарстана. Учащиеся средних школ республики дают высокие оценки работы учителей-языковедов. 96,4% школьников оценили уровень преподавания русского языка как «положительно» и «скорее положительно». Близкие оценки получили учителя татарского (91,6%) и иностранных (91,2%) языков. В исследовании была выявлена разница в наиболее высокой оценке. Как «положительный» уровень обучения русскому языку оценили 86,3% молодых участников опроса, татарского — 70,2%, иностранного — 67,9%. Эти данные свидетельствуют о некоторых проблемах качества обучения татарскому и иностранным языкам.

В исследовании была обнаружена интересная тенденция, выявленная при сопоставлении казанского и республиканского массивов. Не только учащиеся-казанцы, но и их родители оценили уровень преподавания более низко, чем их жители других городов и районов республики. Наиболее заметно это обнаружено в оценках работы преподавателей иностранных западных языков («положительную» и «скорее положительную» оценку поставили в республике 91,2% старшеклассников и 78,4% родителей, в Казани — 77,6% и 69,6% соответственно). Разница в оценках оказалась в меньшей степени в отношении татарского (высокие баллы поддержали в республике 91,6% учеников и 85,1%

родителей, в столице – 82,2% и 69,6% соответственно), и несущественно – русского. Эти данные не могут являться оценкой работы учителей-казанцев и учителей других районов. Ситуация свидетельствует о том, что сегодня в условиях крупного города усиливается конкуренция и владение языками становится фактором социального успеха. Молодые люди – горожане, осознавая эту важность, предъявляют более высокие требования к образовательной системе.

Другим показателем качества работы учителей являются мотивационные основания учащихся к овладению языком. В мотивации играет роль целый спектр факторов – внешних и внутренних. Их переплетение и составляет рисунок мотивационной базы. Для нас было важно понять это сочетание. С чем в большей степени связан характер мотивации к татарскому языку?

Более половины школьников и их родителей республики считают важным владеть татарским языком (см. табл.). Еще треть согласна знать этот язык в какой-то мере. Разногласие во мнениях наблюдается между детьми и родителями в позиции «нет». Заметна разница в отношении к татарскому языку по национальной принадлежности респондентов. Дети- татары чаще, чем их русские сверстники, поддержали позицию «Да, я считаю важным владеть татарским языком». Русские школьники готовы изучать татарский язык в опреде-

ленной степени. В этом их поддержали родители.

Наше исследование выявило существенные расхождения в негативных оценках между родителями и учениками. Не считают для себя важным владеть татарским языком 13,1% школьников и 4,8% их родителей республики. Последние часто не могли определить свою позицию или не отвечали на вопрос. У нас возник вопрос: «Не связано ли это с тем, что у школьников как непосредственных участников образовательного процесса обнаруженный отрицательный настрой по отношению к татарскому языку обусловлен проблемами его обучения в рамках средней школы?».

Исследование показало, что приоритетная причина нежелания знать татарский язык заключается, прежде всего, в отсутствии мотивационной базы для его изучения и лишь потом связана с определенными проблемами национального образования, среди которых учительский корпус играет незначительную роль. Покажем этот вывод на результатах исследования.

Мотивационные основания к овладению татарским языком практически совпали среди школьников и родителей. Среди всех наших респондентов на первые места рейтинга вышли две позиции «Это государственный язык Татарстана» и «Это наш родной язык». Первая подчеркивает значимость официального статуса языка, вторая является неформальной мотивацией,

Таблица

Распределение ответов на вопрос: «Считаете ли Вы важным владеть татарским языком?» в представлениях школьников (1) и родителей (2) республики по национальной принадлежности респондентов

Степень	Всего		Татары		Русские		Другие	
	1	2	1	2	1	2	1	2
1. Да	53,4	55,2	83,3	82,8	21,2	23,8	31,6	20
2. В какой-то мере да	28,8	23,5	12,7	6,5	16,0	43,8	12,1	40
3. Нет	13,1	4,8	1,5	1,2	25,9	8,5	18,4	13,3
4. Затрудняюсь ответить	4,4	7,6	2,2		6,6	16,9	7,9	13,3
5. Нет ответа	0,3	8,9	0,3	9,5	0,4	6,9		13,3

апеллирующей к чувствам, связанным с родственными отношениями, семейному долгу. Треть родителей (31,1%) и каждый пятый школьник (18,4%) продемонстрировали общую установку на процесс познания, овладения чем-то новым. Владение татарским языком осознается как «дополнительные знания, которые никогда не помешают» и возможность «постижения чего-то нового». По отношению к русскому и иностранным западным языкам эту позицию поддерживает меньшее число респондентов. Такая картина свидетельствует о том, что современное среднее образование Татарстана учащимися и родителями республики воспринимается как реальная возможность овладения татарским языком. Если бы национальная школа работала плохо и неэффективно в течение всего периода реформирования, подобные установки среди населения к сегодняшнему дню не смогли бы сформироваться.

В этом нас убеждает распределение ответов на вопрос: «Что, по Вашему мнению, может стимулировать интерес школьников к татарскому языку?». Позицию «современные учителя» поддержали каждый пятый учащийся и 17,8% среди опрошенных родителей. Тогда как ответы «повышение престижа», «востребованность в дальнейшей работе», «расширение возможностей использования после окончания школы» набрали в два раза больше сторонников.

По мнению родителей, оценивающих проблемы преподавания языков в средней школе, большую обеспокоенность вызывает количество часов, отводимых на тот или иной предмет. Обнаружены существенные разногласия в оценках количества часов: по русскому и иностранным языкам считается, что оно недостаточно, по татарскому — слишком большим. Другими проблемами являются: для русского языка — объемы домашних заданий, татарского — учебно-методический комплекс (методики, учебники), иностранных западных — профессиональный уровень

учителей. Объединяющей проблемой всех языковых предметов, по мнению родителей, является недоучет индивидуальных психофизиологических возможностей детей.

Учителя татарского языка, выступающие профессиональными экспертами в оценках существующей учебно-методической базы, проявили единение с родителями. 41% преподавателей согласились с тем, что сегодняшнее содержание, приемы и методики обучения татарскому языку уступают методикам других языковых предметов. 26,6% видят в них наряду с негативными и позитивные моменты. Главным недостатком существующей методической базы, по мнению учителей-участников опроса, являются сложная программа (53,2%), недоучет индивидуальных особенностей детей (18,1%), плохо подобранная тематика уроков (14,9%) и отставание от требований современной жизни (11,2%).

Одним из вариантов решения проблем учебно-методического комплекса по татарскому языку является, по мнению ученых и учителей-практиков, разработка вариативных программ и методических пособий с учетом языковой компетентности учащихся и характера этнической среды. Кроме того, принцип вариативности, заложенный в основу альтернативных концепций обучения, может стать стимулом для преподавателей. Разнообразные программы «...способствуют раскрытию творческого потенциала субъектов педагогического процесса. Человек начинает мыслить тогда, когда он стоит перед выбором, когда есть что сравнивать, выбирать. Ситуация выбора, альтернативность — мощный толчок для развития методической мысли у педагогов»³. Наше исследование показало, что сегодня существуют объективные основания для развития подобного направления оптимизации национального образования. Учителя татарского языка и литературы имеют существенный инновационный потенциал. Каждый третий среди преподавателей республики готов участво-

вать в инновационных семинарах, деловых играх, конференциях по проблемам татарского языка; изучать и использовать в работе новые компьютерные технологии; участвовать в обмене опытом с коллегами; 19,1% – самостоятельно искать новые формы обучения; 16% – пройти дополнительную стажировку; 10,1% – обобщить опыт и подготовить рекомендации по усовершенствованию методик обучения татарскому языку; 7,4% – написать учебное пособие, учебник по татарскому языку или участвовать в коллективной работе по их подготовке. Лишь 9,6% считают свой профессиональный уровень и знания достаточными для работы.

Мы пытались выявить, какие средства используются учителями для повышения собственного профессионального уровня. Социологи давно выявили закономерность: респонденты в подобных вопросах стремятся приукрасить ситуацию. Очевидно, преподаватели-участники нашего опроса тоже были к этому склонны. Немногие признались в том, что не используют дополнительные источники самообразования. Тем не менее из всех представленных нами вариантов учителя выделяли следующие источники, помогающие им в работе: курсы повышения квалификации, методические пособия ИПКРО и республиканские педагогические журналы. В меньшей степени преподаватели используют в своей работе материалы МОиНРТ (методические пособия, нормативные документы и рекомендации). На последнем месте рейтинга оказались центральные педагогические журналы, что вполне понятно из-за незначительного их внимания к национальной тематике.

Перейдем к субъективным показателям отношения к труду преподавателей татарского языка и литературы. Прежде всего необходимо рассмотреть трудовые ценности корпуса учителей татарского языка.

В отличие от других групп работающего населения, содержание труда для учителей – это первостепенная

ценность. Второстепенными являются возможность творчества, соответствие работы способностям, большой отпуск, надежность работы. Зарботная плата не имеет ценностного значения, что вполне понятно из-за ее размеров.

С чем связана выявленная специфика трудовых ценностей учителей татарского языка и литературы? Для ответа на этот вопрос важно провести различия между понятиями «характер» и «содержание труда». Последнее связано с технологической основой и демонстрирует различия в профессиях. Функциональное содержание труда всех учителей средних школ идентично: сводится к передаче знаний и воспитанию подрастающего поколения. Специфика характера труда определяется тем, что в любых социально-экономических условиях существует общественное разделение труда. Отдельные виды трудовой деятельности закрепляются за определенными социальными классами и группами. В широком смысле характер труда связан с данными общественными отношениями. Именно из-за различий в социальном характере трудовой деятельности складывается специфика трудовой деятельности учителей татарского языка. Этноориентированное поле трудовой деятельности приводит к тому, что изменяется отношение к труду. 75,5% опрошенных нами учителей выбрали свою профессию потому, что чувствовали личную ответственность за сохранение и развитие татарской культуры и языка. Для трети респондентов профессия стала призванием. Столько же изучали татарский язык в школе и полюбили предмет.

Итоговым показателем трудовой деятельности учителей является удовлетворенность работой. 14,9% преподавателей полностью удовлетворены своей работой; 51,1% частично; 27,7% – скорее удовлетворены, чем нет; 6,4% – скорее не удовлетворены, чем удовлетворены. На состояние удовлетворенности или неудовлетворенности работой оказывает влияние трудовой опыт учителей. Преподаватели с боль-

шим опытом работы более удовлетворены имеющейся работой, нежели более молодые и сравнительно менее опытные. Полностью удовлетворенных и скорее удовлетворенных, чем нет, среди преподавателей, имеющих стаж работы более 15 лет, оказалось 45,4%. В группе со стажем 11 – 15 лет – 42,6%, 6 – 10 лет – 38,4%, менее 5 лет – 28,6%. Подобная корреляция обнаружена в других исследованиях. Это явление связывается с присутствием у молодого поколения жестких требований к своей работе и стремлениями реализовать эти требования на практике. От этого доля молодежи среди меняющих место работы намного выше, чем доля рабочих старшего возраста⁴. В отношении учителей татарского языка есть и другие объяснения. Влияние трудового опыта на степень удовлетворенности работой есть форма скрытого влияния другого более важного фактора – размера заработной платы, более высокого у преподавателей с большим стажем и квалификацией.

Выделив основные особенности корпуса учителей татарского языка и литературы, важно обозначить их важную социальную функцию в татарском обществе. На этот счет Жорж Дави пишет: «Он (учитель) по самой природе своего ремесла оказывает ежедневное воздействие на способность выражать все идеи и эмоции, то есть на язык. Обучая детей, которые знают этот язык лишь весьма посредственно, а может быть, вообще говорят на разных диалектах или говорах, одному и тому же языку, единому, ясному, четкому, он естественным образом приучает их видеть и ощущать вещи одинаково; тем самым он закладывает фундамент общего сознания нации»⁵. В современное понимание нации вкладывается понятие согражданства. С этой точки зрения сегодня преподаватели татарского языка играют важную роль в интеграции общества и формирования чувства «мы» независимо от национальной принадлежности и языковых ориентаций его членов.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Исследование «Государственные языки в школьном образовании РТ», реализованный в 2006–2008 гг. при поддержке Комитета по реализации Закона РТ «О языках Республики Татарстан» при Кабинете Министров РТ. В республике методом анкетирования было опрошено 188 учителей татарского языка и литературы средних школ, 635 учащихся, 315 родителей. В Казани – 142, 359, 158 соответственно.

² *Здравомыслов А.Г., Ядов В.А.* Человек и его работа в СССР и после: Учебное пособие для вузов. – М., 2003. – С.23.

³ *Хайдарова Р.З., Малафеева Р.Л.* Проблемы повышения качества обучения татарскому языку русскоязычных учащихся // Социолингвистические проблемы функционирования государственных языков Республики Татарстан: сборник научных статей / М.З.Закиев, Я.З.Гарипов, З.А.Исхакова и др. – Казань, 2007. – С. 104–105.

⁴ *Здравомыслов А.Г., Ядов В.А.* Указ. раб. – С.123.

⁵ Цитата по: *Бурдые П.* О производстве и воспроизводстве легитимного языка // Отечественные записки. – 2003. – № 2.

Summary

The article is about motivation problems of Tatar language teachers in the secondary school in the Republic of Tatarstan. (Ethno-sociological aspect).

УДК 82.0:372.8

**СПЕЦИФИКА ПРЕПОДАВАНИЯ КУРСОВ
«ИСТОРИЯ ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ»
И «ИСТОРИЯ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XVIII ВЕКА»
НА НАЦИОНАЛЬНЫХ ОТДЕЛЕНИЯХ
ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ВУЗОВ***

А. Ф. Галимуллина, кандидат педагогических наук, доцент

Многие студенты-филологи Татарского государственного гуманитарно-педагогического университета (ТГГПУ, Казань) готовятся работать в школах с нерусским (татарским) языком обучения, поэтому за годы обучения в вузе они должны осознать объективно существующие особенности преподавания русской литературы нерусским студентам. В преподавании историко-литературных курсов на специализированных факультетах, отделениях (группах), таких, как факультет татарской филологии, а также отделения «Русский язык и литература. Родной (татарский) язык и литература», наряду с общими методическими подходами в преподавании русской литературы, необходимо учитывать и специфические, в частности, такие, как явление интерференции, билингвизма; специфика национальных идеалов нерусских студентов. Названные проблемы являются актуальными не только для преподавателей вузов Республики Татарстан, но и для всех вузов России, готовящих кадры для работы в школах с родным (нерусским) языком обучения. Следовательно, при подготовке учителей данной специализации необходимо выявлять взаимосвязь русской и национальных литератур, а также обучать методикам преподавания русской ли-

тературе в условиях диалога литератур (культур).

При изучении русской литературы студентами-татарами ряд объективных факторов осложняет восприятие: временная отдаленность от современных читателей, сложность языка, преодолеть которые позволяет методика анализа произведений литературы Древней Руси и XVIII века, предложенная Д.С.Лихачевым. Отмечая важность и актуальность эстетического изучения памятников древнего искусства, исследователь писал: «Одно из важнейших свидетельств прогресса культуры — развитие понимания культурных ценностей прошлого и культур других национальностей, умение их беречь, накапливать, воспринимать их эстетическую ценность. (...) И это развитие понимания других культур в известной мере сливается с историей гуманизма. Это развитие терпимости в хорошем смысле этого слова, миролюбия, уважения к человеку, укрощения ненависти к другим народам»³. Такой подход к изучению древнерусской литературы позволяет татарским филологам преодолевать ощущение различий в литературных процессах русской и татарской литератур и, напротив, выявлять непреходящие ценности, такие как любовь к ближнему, аскетизм, способ-

* Статья выполнена при финансовой поддержке гранта РГНФ 08-06-29601 а/В и гранта АН РТ 08-06-29601 а/В / 2008 (Г).

ность нести страдания и жертвы во имя веры, созерцательность, собранность и смирение, а также постижение Бога как абсолютной мудрости и абсолютной красоты, что обуславливает высокую нравственность и патриотизм древнерусских текстов.

Студенты усваивают также преемственную связь литературы Древней Руси и XVIII века с последующей литературой, выявляющуюся на трех уровнях: на тематическом; на уровне стилизации в широком смысле, когда поэты XIX–XX веков сознательно имитируют стиль древних писателей, и на третьем, наиболее глубинном уровне, когда реминисценции средневековой литературы проникают в сознание независимо от чьей-либо индивидуальной воли, ибо слились со «стихией, данной нам для сообщения наших мыслей»².

Диалог внутри литературы не прерывается, преемственность «новой» русской литературы по отношению к традициям древнерусской литературы обуславливается скрытыми возможностями, позволяющими перебросить своеобразный смысловой мост от литературы XVIII–XX вв. к средневековой. Одним из путей восстановления традиционных связей является выявление роли мифов в литературе Древней Руси и литературе нового времени: идеологические, социальные, политические, национальные, культурные, авторские.

Большой вклад в изучение регионального компонента литературы и культуры России внесли и продолжают вносить представители научного направления, возглавляемого Ю.Г.Нигматуллиной, по системно-комплексному изучению литературы и искусства (возникло в 1970–80-е г. в КГУ). В трудах казанских исследователей^{5–10} 1970–2000 г. прослеживается тенденция интеграции гуманитарных и социальных наук, взаимодействие концептуалистики, методологии и приемов исследования, свойственных различным направлениям общественнознания. Так, в трудах С.М.Михайловой по истории

общественной мысли, просвещения и просветительства народов Востока России, истории Казанского университета показан широкий диапазон общих интересов христианской и мусульманской цивилизаций. Парадигма анализа базируется на тезисе о том, что Волго-Уральский регион был местом наиболее пространственной и длительной встречи исламской и христианской по своим основам культур и литератур. Диалог этих культур во времени рассматривается как встреча равных и корневых по происхождению социокультурных и этноконфессиональных общностей, хотя отношения были далеки от бесконфликтности^{5–9}.

При обращении к вопросу традиций в истории русской литературы необходимо учитывать и хорошо разработанные методики и методологию сопоставительного и типологического анализа русской и татарской литератур и в связи с этим сходные закономерности их развития на уровне типов культур и цивилизаций. Выбор татарской литературы для подобного анализа не случаен: связь исторических судеб и культур русского и татарского народов имеет тысячелетнюю историю, когда Киевская Русь и Волжская Булгария были двумя крупными государствами Восточной Европы. Ю.Г.Нигматуллина и представители ее школы в работах последних лет последовательно выявляют парадоксальные на первый взгляд явления типологического сходства на уровне типов цивилизаций и типов культур (и литератур, в частности) народов (русского и татарского), относящихся к разным этносам, исповедующих разные религии, развивающихся в разных социально-политических условиях. Такое сходство обогащает на протяжении многовековой истории взаимодействия обе литературы, дает широкое поле для возникновения интертекстуальных интерпретаций.

При всем различии литератур можно выделить «сквозные» темы, которые на протяжении веков одинаково волновали русских и татарских писателей «ста-

рога» и «нового» времени. Постигание Бога, защита Родины и приумножение ее благосостояния, образ вечной Женственности, проблемы Дома, Семьи, Прекрасного, Жизни и Смерти, смысла жизни — были и остаются одними из ведущих тем русской и татарской литературы.

В преподавании курсов «История древнерусской литературы» и «История русской литературы XVIII века» на национальных отделениях педагогических вузов необходимо соблюдение следующих методических принципов: 1) поэтапность в работе по формированию представлений о традициях литературы Древней Руси и литературы XVIII века в последующем литературном процессе; 2) учет психолого-педагогических особенностей (уровень развития интеллекта и эмоциональной сферы) личности студентов, необходимых для восприятия средневековой литературы и формирования понятия о преемственных связях новой литературы с древней; 3) использование убедительных фактов о сходных явлениях в русской и родной литературах, их взаимосвязях; 4) выявление произведений, сходных по тематике, близких в проблемном и жанровом отношениях, а также сравнение произведений, варьирующих общую тему на различном национальном материале; 5) обращение к переводам произведений на русский или татарский языки; 6) при разработ-

ке форм и приемов проведения занятий доминирующим считать личностно-деятельностный принцип обучения, а также обеспечивать интенсивную эмоциональную и интеллектуальную работу студентов; 7) использование мультимедийных технологий в изучении традиций в русском литературном процессе, что позволит повысить и стимулировать интерес студентов, активизировать мыслительную деятельность и эффективность усвоения материала, моделировать и визуализировать абстрактные понятия и процессы, индивидуализировать обучение, повысить скорость изложения и усвоения информации, а также вести экстренную коррекцию. Этот принцип особенно важен при работе с национальной аудиторией, потому что образное мышление нерусских студентов формируется во многом под воздействием родной литературы, национальной культуры, национальных традиций. В связи с этим возрастает роль визуальных средств, которые способствуют максимальной психологической мобилизации.

Преподавание литературы Древней Руси и XVIII века с учетом специфики восприятия студентов национальных отделений педагогических вузов способствует формированию гуманитарного мышления, которое является в современном обществе одной из предпосылок преодоления кризиса современной культуры.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Демин А.С. О художественности древнерусской литературы / А.С.Демин. — М.: Языки русской культуры, 1998. — 848 с.

² Лебедев Е.Н. М.В.Ломоносов и русские поэты XIX века / Е.Н.Лебедев // Ломоносов и русская литература / Отв. ред. А.С.Курилов. — М.: Наука, 1987. — С. 296—339.

³ Лихачев Д.С. Поэтика древнерусской литературы / Д.С.Лихачев — Л.: Худож. лит., 1971. — 412 с.

⁴ Лихачев Д.С. «Слово о полку Игореве» и культура его времени / Д.С.Лихачев. — Л.: Худож. лит., 1978. — 360 с.

⁵ Михайлова С.М. Труды казанских востоковедов как один из источников изучения татарской литературы / С.М.Михайлова // Проблема комплексности изучения татарской литературы. — Казань, 1980.

⁶ Михайлова С.М. Казанский университет в духовной культуре народов Востока России. / С.М.Михайлова — Казань, 1991.

⁷ Михайлова С.М., Коршунова О.Н. Культурология / С.М.Михайлова, О.Н.Коршунова. – Казань, 1998.

⁸ Михайлова С.М. Культура мусульманских народов России в контексте исторического взаимодействия цивилизаций / С.М.Михайлова // Ислам и христианство в диалоге культур на рубеже тысячелетий. – Казань, 2001.

⁹ Михайлова С.М., Коршунова О.Н. Поволжье и Приуралье: культура многонациональной провинции / С.М.Михайлова, О.Н.Коршунова. – Казань, 2001.

¹⁰ Нигматуллина Ю.Г. Типы культур и цивилизаций в историческом развитии татарской и русской культур / Ю.Г.Нигматуллина. – Казань: ФЭН, 1997. – 190 с.

Summary

The author discourses upon the teaching specificity of «History of old Russia literature» and «History of Russia literature in 18 century» courses.

УДК 81:371.272

ЕДИНЫЙ РЕСПУБЛИКАНСКИЙ ЭКЗАМЕН ПО ТАТАРСКОМУ ЯЗЫКУ КАК ПОКАЗАТЕЛЬ КАЧЕСТВА ЗНАНИЙ УЧАЩИХСЯ

Э.Н.Денмухаметова, кандидат филологических наук, доцент

Как известно, уже несколько лет учащиеся по всей территории РФ сдают выпускные экзамены по форме единого государственного экзамена (ЕГЭ), как форма оценивания знаний, полученных в общеобразовательных учебных заведениях. Начиная с 2005 года, экзамены по выбору выпускники в Республике Татарстан могут сдать и на татарском языке как единый республиканский экзамен (ЕРЭ).

ЕРЭ по татарскому языку тоже является экзаменом по выбору, т.е. его сдают только те учащиеся, которые выбрали по своему желанию.

Цель ЕРЭ — объективно оценить состояние подготовки школьников по татарскому языку и на этой основе провести аттестацию выпускников общеобразовательных школ и отобрать наиболее подготовленных учащихся, желающих продолжить обучение в вузах РТ.

Двоякая направленность ЕРЭ определяет содержание экзаменационной работы. Несмотря на различия задач, оно в целом соответствует требованиям к подготовке по татарскому языку, зафиксированным в нормативных документах. И нет таких элементов, которые выходили бы за пределы общеобразовательного минимума и школьных программ по татарскому языку. Однако имеются задания разных уровней сложности — базового, повышенного и высокого. Последние, оставаясь в пределах школьных программ, отличаются от заданий базового уровня характером предлагаемого языкового материала и

видом деятельности, которая требуется для их выполнения. По тематике и уровню сложности предлагаемого дидактического материала все задания соответствуют требованиям «обязательного минимума содержания основного общего образования по татарскому языку» (как родному, так и неродному).

Экзаменационная работа полностью соотносится с конечными целями обучения татарскому языку в школе. В нее включены задания, проверяющие языковую компетенцию учащихся, т.е. практическое владение татарским языком, соблюдение в устных и письменных высказываниях языковых норм (орфоэпических, лексических, грамматических, пунктуационных); коммуникативную компетенцию, или владение разными видами речевой деятельности, умениями воспринимать чужую речь и создать собственное высказывание — читать, понимая смысл, выраженный в словах и содержащийся в подтексте, писать с учетом условий и задач общения.

Соответственно контрольно-измерительные материалы для ЕРЭ содержат задания, с помощью которых проверяется подготовка выпускников по всем основным содержательным линиям школьного курса, а именно:

1) знания о языке как системе (знания по фонетике, лексике, словообразованию, морфологии, синтаксису);

2) знания о речевой деятельности (о тексте, основной мысли, средствах связи в нем, о типах речи — повествова-

нии, описании, рассуждении; о стилях речи — разговорном, официально-деловом, публицистическом, научном, художественном; о функции языковых средств в тексте в зависимости от темы, цели, адресата и ситуации общения, стиля и типа речи);

3) специальные учебные умения (владение способами действия с языковым материалом на основе понятий и правил);

4) владения нормами литературного языка (орфоэпическими, лексическими, морфологическими, синтаксическими, стилистическими, орфографическими и пунктуационными);

5) умения, связанные с разными видами речевой деятельности — чтением (проводить смысловую, речевую, языковую анализ текста) и письмом (создавать на основе прочитанного вторичный текст — сочинение-рассуждение).

Каждый вариант состоит из трех частей (А, В, С) и включает три типа заданий: с выбором ответа (А1 — А31), с кратким ответом (В1 — В8) и с развернутым ответом (С), что в целом составляет 40 заданий.

По результатам тестирования можно судить о подготовке экзаменуемых по татарскому языку за весь курс средней (полной) школы и составить представление об уровне достижения образовательных целей обучения — о сформированности у выпускников лингвистической, языковой и коммуникативной компетенции.

Часть А представляет собой 31 задание (А1 — А31) с выбором ответа — для проверки подготовки по татарскому языку на базовом уровне — и предназначается в основном для аттестации выпускников средней школы.

Задания части А охватывают все разделы и аспекты курса с целью проверки сформированности всех трех компетентностей. По результатам выполнения этих заданий можно составить представление о базовом уровне подготовки учащихся по основным содержательным линиям курса: обладают ли выпускники минимально достаточными зна-

ниями о системе языка — по фонетике, лексике, словообразованию, морфологии и синтаксису; владеют ли важнейшими нормами устной и письменной разновидностей литературного языка — орфоэпическими, лексическими, морфологическими, синтаксическими, стилистическими, орфографическими и пунктуационными; владеют ли коммуникативными умениями, связанными с восприятием и анализом текста при чтении, умеют ли интерпретировать читаемый текст, создавать из разрозненных предложений связное высказывание (текст).

Части В и С содержат задания повышенного и высокого уровней сложности и ориентированы как на аттестацию учащихся, заканчивающих школу, так и на отбор абитуриентов для продолжения учебы в вузе.

Часть В состоит из заданий открытого типа. Выпускникам предлагается самостоятельно сформулировать ответ и оформить его кратко: в виде слова (слов) или в виде цифр. Все задания части В связаны с текстом, данным для чтения в последних заданиях А.

От экзаменуемого требуется найти в тексте примеры того или иного языкового явления (выписать слова или словосочетание, указать номер предложения) либо назвать термин, соответствующий данному примеру. Все 8 заданий части В в совокупности с тремя последними заданиями части А дают возможность провести языковой и речеведческий анализ текста, по которому экзаменуемому предстоит выполнить задания части С.

Часть С состоит из одного задания, которое следует отнести к разноуровневому: оно может быть выполнено на базовом, повышенном и высоком уровнях. Посредством задания С проверяется умение учащихся создавать собственное письменное высказывание на основе частично рассмотренного ранее текста. С помощью этого задания выявляется уровень сформированности комплекса умений и навыков, составляющих коммуникативную компетенцию, а имен-

но: понимать и интерпретировать читаемый текст (адекватно воспринимать информацию, содержащуюся в тексте); определять его основную тему, важнейшие мысли; оценивать позицию автора, на этой основе формировать замысел собственного высказывания, определять его основную мысль; выстраивать композицию письменного высказывания, подчиняя ее логике выражения своего коммуникативного намерения; выбирать нужный для данного случая стиль и тип речи; отбирать языковые средства, обеспечивающие точность и выразительность речи; соблюдать нормы литературного языка, в том числе орфографические и пунктуационные.

Кроме того, составленный учащимся текст дает возможность судить о способности ученика самостоятельно определить свою личностную позицию и корректно выражать ее, соблюдая принятые в культурном обществе нормы речевого этикета.

В 2008 г. в КИМы были внесены небольшие изменения по сравнению с предыдущим годом. Сократилось количество заданий А (не 32, а 31). Максимальная сумма баллов за сочинение уменьшилась на 1 балл (20 баллов вместо 21).

Изменены формулировка и оценивание заданий В8 и С.

Варианты экзаменационного текста равноценны по трудности, одинаковы по структуре, параллельны по расположению заданий: под одним и тем же порядковым номером во всех вариантах находится задание, проверяющее один и тот же элемент содержания.

Задания первой части автоматически обрабатываются после сканирования и не требуют для их оценки привлечения лиц со специальным образованием по татарскому языку.

Результаты выполнения заданий второй части с кратким ответом тоже автоматически обрабатываются после сканирования.

Задания с развернутым ответом проверяются специалистами по татарскому языку.

Распределение заданий экзаменационной работы по уровню сложности:

первая часть работы (А1 – А31) выполняется на базовом уровне сложности;

все задания второй части работы (задания В1 – В8) относятся к повышенному уровню сложности.

Выполнение части С, состоящей из одного задания, дает возможность школьникам проявить в процессе создания собственного текста сочинения (на основе предложенного исходного текста) важные коммуникативные умения: воспринять адекватно прочитанный текст, понять его тему и основную мысль; представлять, держать в памяти, занести в черновик или записать в чистовик заголовок ко всей работе для проверки соответствия ему всех частей своего сочинения; написать такое вступление, в котором был бы виден подход к теме, к выбранной проблеме; определить одну из основных проблем текста (исходя из первого критерия); прокомментировать проблему (в соответствии со вторым критерием); пояснить позицию автора в исходном тексте по выдвинутой проблеме (в соответствии с третьим критерием); выразить свое мнение по взятой для рассуждения проблеме, проявив к ней свое отношение: написать тезис, привести три аргумента (для русскоязычных учащихся – 2 аргумента) для доказательства, для подтверждения своих мыслей; сделать вывод в этом блоке, сказав о том, что следует из тезиса и аргументов (для выполнения четвертого критерия); структурировать все свое высказывание от начала и до конца в соответствии с возможным заголовком, с логикой своей темы (о чем пишу? О смысле отрывка); со своей основной мыслью (зачем я пишу, с какой целью? Чтобы проявить свою филологическую компетентность, показать понимание текста и выразить свое отношение к нему); соблюдать единство замысла в определенном типе речи, как правило, в рассуждении; сделать заключение (после выводов по четвертому критерию); соблюдать единство

стиля в данной речевой ситуации, чаще всего — публицистического; находить свои языковые средства для грамотного, точного, лаконичного, эмоционального и корректного выражения своих мыслей и чувств; пользоваться отдельными авторскими языковыми средствами для более эффективной передачи содержания и смысла отрывка; в меру цитировать, не переходя на пересказ текста; по возможности пользоваться своего рода «подсказками» из заданий А29 — А31, так как здесь специально обращается внимание на выражения из текста, тип речи, значения отдельных слов; графически правильно оформлять работу в правописном плане (орфографически и пунктуационно); соблюдать по возможности верное графическое изображение букв и знаков препинания в разборчивом почерке для адекватного восприятия написанного проверяющими.

ЕРЭ по татарскому языку проводится для 3 категорий учащихся, в зависимости от учебной программы обучаемого: 1 — учащиеся в национальных (татарских) школах; 2 — учащиеся в татарских группах общеобразовательных учреждений Республики Татарстан с русским языком изучения других предметов и 3 — русскоязычные учащиеся. В эксперименте по введению ЕРЭ по татарскому языку на территории Республики Татарстан в 2008 г. участвовали 373 выпускника. Количество учащихся, сдавших ЕРЭ в 2008 г. по татарскому языку по категориям, следующее: учащиеся в национальных (татарских) школах — 279; учащиеся в татарских группах общеобразовательных учреждений Республики Татарстан с русским языком изучения других предметов — 75; русскоязычные учащиеся — 19 учеников.

Как показывают результаты, выполнение заданий у разных категорий учащихся отличается. У учащихся национальных (татарских) школ затруднение вызвали задания для синтаксического анализа простого и сложного предложений, определения принадлежности предложений к синтаксическим моде-

лям по смыслу и задания на знаки препинания в предложениях при обособленных членах предложения. Наиболее успешно выпускники выполнили задания на соблюдение орфографических норм татарского языка.

У учащихся татарских групп общеобразовательных учреждений Республики Татарстан с русским языком изучения других предметов определенные затруднения вызвали задания, также относящиеся к разделу синтаксиса. Учащиеся плохо справились с заданиями на синтаксический анализ предложения, умения определить принадлежность предложения к определенной синтаксической модели по его смыслу, интонации и грамматическим признакам. В задании А28 (на которое верно ответили только 53,33% учащихся) нужно было продемонстрировать умение определить стили речи и функционально-смысловые типы речи, но здесь они допустили смешение этих понятий. Высокий уровень умений был показан экзаменуемыми при выполнении заданий на соблюдение орфографических норм татарского языка; на перевод предложений с русского на татарский язык; на соблюдение речевых норм, работу с текстом.

Русскоязычные выпускники испытывали определенные затруднения при выполнении заданий на определение сложноподчиненного предложения; на определение орфографической ошибки в предложении и при задании на правописание сложных слов. На 100% справились учащиеся с заданиями на перевод словосочетаний и предложений с русского на татарский язык.

Средний процент выполнения всех заданий с выбором ответа (часть А) по РТ составляет 81,09%. При выполнении задания части В наибольшие затруднения выпускники испытывали в заданиях, также относящихся к разделу синтаксиса. На невыполнение задания повлияли, наверное, недостаточная работа выпускников с языковым оформлением исходного текста и неправильное распределение времени.

Однако учащиеся показали хорошие результаты по заданиям морфологического и лексического характера, успешно выполнили морфологический и фонетический анализы.

В целом в части В средний процент выполнения заданий составляет 52,39%.

Как показали результаты ЕРЭ 2008 г. по татарскому языку, выпускники в целом успешно справились с заданиями частей А и В. Одиннадцатиклассники в основном знают орфографические правила татарского языка и умеют их применять. Учащиеся владеют хорошими знаниями по лексике и морфологии татарского языка, имеют навыки перевода с татарского на русский и с русского на татарский языки. Редко встречаются и ошибки в разборе слова по составу.

Однако оставляют желать лучшего знания орфографических и пунктуационных норм.

В части С выпускники должны были написать сочинение-суждение по прочитанному исходному тексту из части В. Тексты были взяты из известных произведений татарских авторов, таких как А.Кутуй, М. Галиев, М.Насыйбуллин, Т. Галиуллин, В.Исхаков и др. В содержании текстов были такие темы, как следы войны, выбор профессии, искренность чувств, отношение к матери, первый учитель, национальные праздники, родной язык, героизм, любовь к Родине, духовная культура, выбор занятий, природа родного края и другое.

В текстах авторами поднимаются важные для осознания школьниками проблемы: памяти о высоком в жизни людей, в их деятельности; национальной культуры; преданности к родителям и близким людям; понимания смысла человеческой жизни; экологии родного края; несправедливости в социальном устройстве; чувства собственного достоинства; нравственных качеств и межличностных отношений; материнской любви и морального долга; истинности дружеских отношений и расчетливости; свободы личности; охраны окружающей среды и др.

В текстах были представлены разные типы речи: повествование, описание, рассуждение; преобладают смешанные тексты, где соединяются те или иные типы речи.

Объем текстов был приблизительно одинаковый: одна печатная страница (около 500 слов) – для татароязычных учащихся и один печатный лист (около 300 слов) – для русскоязычных учащихся, что вполне доступно для осмысления старшеклассниками.

Задания в части С проверялись в соответствии с 12 критериями.

К1. Сформулировали проблему исходного текста. С заданием справились 94,10% учащихся. Наиболее частые ошибки: расплывчатость суждения, отклонение от проблемы, подмена проблемы, суждение на бытовом уровне и др.

К2. С комментарием к сформулированной проблеме исходного текста справились 67,83% (на 2 балла), 21,72% (на 1 балл). Иногда вместо комментария были пересказ или не всегда удачное цитирование, неоправданные повторы и лексическая бедность.

К3. Отражена позиция автора исходного текста полностью в 85,52% работ. Остальные выпускники часто не могли определить позицию автора, допускали много лексических и фактических ошибок, путали понятия «проблема» и «авторская позиция».

К4. С изложением собственного мнения по проблеме справились всего 28,95% выпускников (на 2 балла), 46,11% (на 1 балл). Наибольшую сложность вызывало отсутствие умения привести всего три аргумента, характерна нечеткость в рассуждениях, некорректная формулировка собственной позиции.

К5. Смысловая цельность, речевая связность и последовательность изложения. Справились с заданием 57,64% (на 2 балла), частично – 31,9% (на 1 балл). В работах встречались логические ошибки, была нарушена последовательность изложения текста.

К6. Точность и выразительность речи показали 52,01% (2 балла), 38,34%

(1 балл). Почти в 10% работ прослеживалось однообразие грамматического строя речи.

К7. Следует констатировать низкий уровень орфографической грамотности выпускников – только 43,7% учащихся избежали ошибок или сделали 1 негрубую ошибку. А треть экзаменуемых допустили более двух ошибок и получили 0 баллов.

К8. Еще более серьезные замечания касаются соблюдения пунктуационных норм. Лишь 16,62% учащихся не допустили пунктуационных ошибок и 59,79% (!) выпускников показали неудовлетворительный результат по данному критерию.

К9. Соблюдение языковых норм обозначает отсутствие грамматических ошибок в работе. Часто неправильно передаются смысл и структура слова, неграмотно употребляются причастные и деепричастные обороты, нарушается структура сложного предложения.

К10. Речевые нормы изложения текста также представляют определенную трудность для 21,72% учащихся. Основные ошибки – неоправданные повторы, многословность, неточное выражение своей мысли, злоупотребление официально-деловым стилем.

К11. Этические нормы соблюдены в большинстве работ – 95,17%.

К12. Фактологическая точность в фонемном материале в целом не вызвала затруднений и соблюдена в 90,62% работ.

Многие учащиеся правильно поняли текст, логично высказывали суждения, придерживаясь одной из проблем. Однако следует отметить, что в работах много общих фраз, приводится мало аргументов, что говорит о слабой речевой подготовке учащихся и их недостаточной способности выразить собственную мысль и доказывать ее с помощью собственных аргументов.

ЕРЭ показывает как успехи в обучении татарскому языку, так и несовершенство. Результаты проведенного анализа позволяют рекомендовать следующее:

- необходимо обеспечивать регулярное повторение ранее изученных разделов, наладить систему тестового контроля;

- следует создавать благоприятные условия для развития и совершенствования связной речи учащихся в работе с текстами разных стилей и жанров;

- систематически поддерживать и совершенствовать работу школьников с орфографическими, орфоэпическими и морфемными словарями.

Summary

The content of the article is about Tatar language unified national exam as an index of student's knowledge quality.

УДК 811.1/8

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ЯЗЫКИ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ РФ В КОНТЕКСТЕ «ЕВРОПЕЙСКОЙ ХАРТИИ РЕГИОНАЛЬНЫХ ЯЗЫКОВ ИЛИ ЯЗЫКОВ МЕНЬШИНСТВ»

*М.З.Закиев, доктор филологических наук,
профессор, академик АН РТ*

После Второй мировой войны в развитых капиталистических странах господствующие нации в экономическом, политическом и культурном отношениях начали ставить себя в привилегированное положение. В результате в 1960-х г. в промышленно развитых странах Запада появился так называемый «большой национализм малых наций». Малыми народами таких стран на повестку дня ставился вопрос борьбы за полный государственный суверенитет. С такими требованиями выступали североирландцы в Великобритании, фламандцы и валлонцы — в Бельгии, баски и каталонцы — в Испании, юрцы — в Швейцарии, корсиканцы и бретонцы — во Франции, квебекцы — в Канаде. В ответ в этих странах приняли меры по стабилизации межнациональных отношений, были предоставлены все возможности для сохранения и развития малых наций.

В этом плане весьма поучителен опыт Испании. После ликвидации фашистской франкистской диктатуры, жестко подавлявшей в Испании развитие каталонского, баскского и галисийского народов и их языков, в 1978 г. была принята новая Конституция, в 3-й статье которой наличие многих народов и их языков объявляется богатством страны, общенациональным культурным достоянием и расценивается как объект особого уважения и специальной охраны. На основе этой Конституции в национальных регио-

нах разработаны и приняты законы о языковой нормализации. Например, согласно закону, утвержденному парламентом Каталонии, каталонский язык объявлен государственным языком автономной территории, а испанский (кастильский) признан официальным языком испанского государства, т.е. общегосударственным языком Испании в целом. Закон обязывает, чтобы делопроизводство во всех территориальных органах и организациях, подчиненных правительству Каталонии, велось на каталонском языке, а переписка с центральными властями осуществлялась на испанском. Указы же и постановления парламента Каталонии публикуются на двух языках. Объявлено обязательным обучение каталонскому и испанскому языкам во всех школах. Конечная цель при этом — активный и паритетный (двусторонний) билингвизм. Закон предусматривает также создание двухгодичных бесплатных курсов обучения каталонскому языку для служащих местной администрации, которые не владеют им в достаточной степени, регламентирует оказание финансовой помощи газетам и журналам на каталонском языке, стимулирует развитие национального телевидения, кино, театра, издательства, поощряет дублирование фильмов. Подобные законы приняты в Стране Басков, Валенсии, Галисии. Прошло 20 лет, и никаких серьезных разногласий или осложнений на национальной почве не наблюдалось

ни в одном регионе Испании. Значит, законы и пути их реализации оказались эффективными.

Аналогичные мероприятия по защите региональных языков были разработаны и в других передовых капиталистических странах.

С целью обеспечения в Европе международной стабильности этим вопросом вплотную начал заниматься Евросоюз и 5 ноября 1992 г. в Страсбурге он принял закон «Европейская хартия региональных языков или языков меньшинств».

Хартия призвана защищать и поддерживать региональные языки или языки меньшинств как находящуюся под угрозой исчезновения часть культурного наследия Европы. Поэтому там не только содержится положение о запрещении дискриминации в отношении использования этих языков, но и предусматриваются меры их активной поддержки: имеется в виду обеспечивать, насколько это возможно, использование региональных языков или языков меньшинств в сфере образования, в средствах массовой информации и создать возможности для их использования в судопроизводстве и административном обиходе, в экономической, общественной жизни, при проведении культурных мероприятий. Только таким образом можно при необходимости компенсировать те неблагоприятные условия, в которых эти языки существовали в прошлом, сохранять и развивать их как живую грань европейского культурного своеобразия.

В пояснительном докладе к Хартии отмечается, что практика некоторых государств — членов Совета Европы уже идет дальше, чем того требует Хартия. Положения Хартии ни в коем случае не должны препятствовать этому.

Страны, которые хотели быть членом Европейского союза, ратифицировали эту Хартию и реализуют те ее пункты, которые были приняты ими при ратификации. Россия еще не ратифицировала эту Хартию и не является членом Евросоюза.

В царской России проводилась политика ассимиляции нерусских народов, которая открыто называлась просто русификацией.

После победы в революции в начале XX в. большевики приняли ленинскую национальную политику, которая была основана на трех принципах: 1) все народы России равноправны, 2) ни один народ, даже русский, не пользуется привилегиями, 3) каждый народ определяет свою судьбу сам, если сочтет необходимым, может создать свое государство, а при необходимости даже отделиться от России. Каков результат, мы знаем: царская Россия из-за русификаторской политики пала, победили большевики, которые обещали всем народам равноправие, их сохранение и развитие; многие народы России получили возможность создания или возрождения своей государственности.

Но, как известно, эта ленинская национальная политика в 30-х г. XX в. была заменена политикой создания единого советского народа, которая во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. на несколько лет приостанавливалась. После победы в Великой Отечественной войне вновь развернулась работа КПСС по созданию единого советского народа с единой коммунистической культурой и в будущем «с одним» языком, начался шовинистический разгул, и политика русификации и ассимиляции нерусских народов, в первую очередь, породила социально-экономическое неравенство наций, в более выгодном социальном положении оказались люди, оторванные от своих национальных корней, отчужденные от своего национального языка и национальной культуры. В результате началась деградация национальных меньшинств, их языков, что стало одной из серьезных причин значительного замедления темпов социально-экономического развития национальных республик, в конечном итоге Советского Союза в целом.

В 1988 г. XIX партийная конференция пришла к выводу, что без пере-

стройки во всех сферах общественной жизни невозможно преодолеть серьезные отставания СССР от мирового прогресса.

Началась перестройка и в гуманитарной сфере. Вместо единой общесоюзной программы «Образование единого советского народа» была выдвинута программа «Возрождение и развитие народов СССР». Таким образом, все мы, работники гуманитарной сферы, в своей деятельности повернулись на 180 градусов. В период борьбы за создание единого советского народа нерусские нации были обречены на вымирание. Поэтому применение выражения «Возрождение и развитие наций» точно отражает тогдашнюю обстановку в межнациональных отношениях.

В результате проведения такой политики и в СССР по примеру Испании союзные республики начали принимать законы о языках. Такие законы были приняты во всех союзных республиках. Но, по-видимому, начали это дело поздно. В конце 1991 г. произошел развал СССР, одной из причин которого была и политика создания единого советского народа, ущемления интересов национальных языков.

25 октября 1991 г. Верховный Совет РФ принял два важнейших документа: «Декларацию о языках народов России» и Закон РСФСР «О языках народов РСФСР». Здесь русский язык объявлен государственным языком России, по отношению к другим языкам в Законе было записано, что республики, входившие в состав РФ, титульным языком могут устанавливать статус государственного языка своей республики. По Закону РФ языки народов России пользуются защитой государства. «Органы законодательной, исполнительной и судебной власти РСФСР гарантируют и обеспечивают социальную, экономическую и юридическую защиту всех языков народов РСФСР».

Закон РСФСР «О языках народов РСФСР» после распада СССР по наследству перешел как полноправный Закон суверенной РФ. Плюс к этому

правительством РФ для гуманитарных наук и учреждений культуры было определено основное направление деятельности, которое было сформулировано как «Народы России: возрождение и развитие».

Все эти российские документы дали возможность и татарам принять в июле 1992 г. Закон РТ «О языках народов РТ», была составлена Государственная программа по сохранению, изучению и развитию языков народов РТ. Закон и Госпрограмма были рассчитаны на 10 лет, поэтому в 2004 г. были приняты Закон в новой редакции и новая Госпрограмма на 2004–2013 гг.

В результате реализации этих документов татарский язык, как государственный, проник во все сферы общественной жизни, кроме сферы межгосударственных отношений. Он применяется определенной частью татар в семейно-бытовой сфере, в сфере детских учреждений, начальных, общеобразовательных и специальных средних школ, в сфере науки и высшей школы, в сфере пропаганды, отдыха и досуга, а также в сфере трудовой деятельности.

В дошкольных учреждениях, школах, средних специальных учебных заведениях, вузах Татарстана татарский язык, татарская литература и татарская история преподаются как национально-региональный компонент учебного процесса.

Вернемся к вопросу ратификации в российской Госдуме Европейской хартии региональных языков или языков меньшинств.

Президент РФ В.В.Путин 5 мая 2005 г. дал указание правительству: «Обеспечьте проработку вопросов, связанных с процессом ратификации Российской Федерацией «Европейской Хартии региональных языков или языков меньшинств». В РФ проводились совещания и конференции по подготовке вопросов ратификации Хартии.

Нам, сотрудникам ИЯЛИ, также пришлось принять участие в подготовке вопросов ратификации Хартии в

РФ. Когда официально просили мнение ИЯЛИ, я от имени руководства подготовил письмо следующего содержания.

1. Основные идеи Европейской хартии региональных языков и языков меньшинств в основном совпадают с идеями, легшими в основу Закона РФ о языках народов РФ, а также Закона РТ о государственных языках и языках народов РТ, но Европейская хартия открывает более широкие возможности для возрождения и развития национальных языков. Поэтому ее ратификация явится одним из существенных путей стабилизации межнациональных отношений в РФ.

2. В соответствии со статьей 3 в отношении татарского языка — языка народа, занимающего по численности второе место в РФ после русских, при ратификации, принятии или одобрении Российская Федерация как участник не должна ограничиваться минимумом (тридцатью шестью пунктами — это обязательное условие Евросоюза) пунктов или подпунктов, отобранных из положений части III Хартии; просьба к РФ при ратификации принять обязательства применять на практике все пункты статей 8 (Образование) и 12 (Культурные мероприятия и средства их обеспечения), а также все пункты статей 9 (Судебные власти), 10 (Административные органы и государственные службы), 11 (Средства массовой информации), 13 (Экономическая и общественная жизнь). Все пункты этих статей в Республике Татарстан реализуются без ущерба применению государственного (русского) языка РФ. Необходимо еще раз отметить, что именно поэтому, в известной степени, в Татар-

стане установлена межнациональная и межконфессиональная стабильность.

Что касается статьи 14 (Межгосударственные обмены), то необходимо сказать, что при ратификации и эта статья по отношению к татарскому языку, учитывая комментарий к положениям Хартии, вполне применима. Институт языка, литературы и искусства просит при составлении предложений АН РТ по ратификации Хартии учесть наши пожелания.

Но, к сожалению, закон «Европейская хартия региональных языков или языков меньшинств» до сих пор Российской Федерацией не ратифицирован, без чего РФ не будет принята в Евросоюз.

Плюс к этому Госдума РФ в 2007 г. приняла Закон № 309 об образовательном пространстве Российской Федерации, где сказано, что с 2009 г. национально-региональный компонент в программах учебных заведений РФ исключается.

Этот Закон РФ противоречит положениям Европейской хартии региональных языков или языков меньшинств. Встает вопрос, не закрывает ли себе путь Россия для принятия ее в Евросоюз, не будет ли этот закон подспорьем нарушения принципов установления межнациональной стабильности в Российской Федерации? Гарантировано ли то, что этот закон не будет использован в будущем какой-нибудь партией в борьбе против «Единой России», не приведет ли он к неожиданным результатам в общественной жизни страны, как обычно скорбно завершается политика, направленная на ущемление интересов региональных языков или языков меньшинств?

Summary

This item is about national languages in common educational environment of Russian Federation in a context of «European charter of regional languages and language minorities».

УДК 81:372.8

К ВОПРОСУ ИЗУЧЕНИЯ СОСТОЯНИЯ УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКОЙ БАЗЫ ПРЕПОДАВАНИЯ ТАТАРСКОГО ЯЗЫКА (ПО МАТЕРИАЛАМ ЭТНОСОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)

З.А.Исхакова, кандидат филологических наук

Одним из важнейших вопросов реализации языкового законодательства в сфере школьного образования являются «разработка и внедрение школьного курса татарского языка как родного с акцентом на расширение коммуникативной компетенции учащихся и глубокое усвоение литературных норм татарского языка, а также качественное обновление содержания и методов преподавания татарского языка как неродного, укрепление учебно-методической и учебно-материальной базы преподавания татарского языка как государственного языка Республики Татарстан»¹.

Укрепление учебно-методической базы означает не только обеспечение, но и создание новых современных, более совершенных учебников.

Данный вопрос неоднократно обсуждался учеными и специалистами Министерства образования и науки, что нашло отражение в научных работах, в материалах конференций, в публикациях на страницах журнала «Магариф».

Нельзя сказать, что соответствующая работа не ведется. Региональный перечень учебной литературы, рекомендованной (допущенной) Министерством образования и науки Республики Татарстан к использованию в образовательном процессе в образовательных учреждениях, реализующих образовательные программы общего образования, насчитывает около 100 наименований учебной литературы по татарскому

языку и литературе, в написании которых участвовали около 60 авторов.

Учителя татарского языка и литературы работают по программам, утвержденным Министерством образования и науки Республики Татарстан. Известно, что «программа является научно-методическим руководством для составления учебников, учебных пособий, а также для организации учебного процесса с учетом коммуникативных задач, условий и технологий обучения языку»¹⁰. Что касается учебника татарского языка, то «его основная цель – облегчить учащимся процесс овладения татарским языком»¹⁰. Несмотря на важность программы, ученые считают, что «учебник имеет более важное и более самостоятельное значение, чем программа: он определяет собой и содержание, и метод преподавания...»⁷.

Следует отметить, что после принятия Закона «О языках народов Республики Татарстан» от 8 июля 1992 года наметился количественный и качественный рост национальных школ, появились разные типы образовательных учреждений – гимназии, лицеи и т.д., которые «работают по многовариантным новым учебным планам и программам». Более половины этих учебных планов и программ составлены в нашей республике для новых типов учебных заведений с учетом местных условий, национальных особенностей. Очень много внимания было уделено написанию учебников по татарскому

языку, которые составлялись отдельно для татарских школ, для учащихся-татар русских школ, а также для русскоязычных учащихся. У каждого учебника своя цель, задачи, содержание, определяемые учебной программой.

Сегодня мы имеем достаточное количество учебников по татарскому языку и литературе, что позволяет творчески решать вопросы преподавания языка и литературы в средней школе. С другой стороны, известно, что состояние учебно-методической базы преподавания татарского языка еще далеко от совершенства.

Поэтому, ставя перед собой задачу выявления проблем, связанных с преподаванием татарского языка в средней школе, мы также не могли обойти вниманием и его учебно-методическую базу. Для ее анализа в исследовании мы привлекли учителей татарского языка, которые в ходе непосредственной практической работы в школе, апробации учебников, методических пособий по татарскому языку выявляют и знают их «плюсы» и «минусы». Мы стремились выявить мнения и оценки учителей с точки зрения определения спектра проблем, связанных с самим процессом обучения школьников татарскому языку на основе существующих учебников.

Среди причин недостаточной успешности реализации языковой политики в плане повышения уровня знания татарского языка, наряду с низкой мотивацией, учителями называлась неподготовленность введения татарского языка в методическом плане. Именно

эта позиция превалировала в ответах учителей на вопрос: «С какими трудностями приходится сталкиваться преподавателям татарского языка и лично Вам в школе?»

Исследование показало, что эти трудности связаны, в первую очередь, по мнению учителей, с отсутствием хороших учебников и неразработанностью программ. И уже во вторую – с отсутствием интереса и понимания со стороны детей, родителей и других предметников. И все это при непомерно высоких, с точки зрения учителей, требованиях к преподавателям татарского языка в школах.

Но в школе преподаются и другие «языковые предметы» – русский язык, иностранные языки. Мы попытались выяснить, насколько и чем отличается методика преподавания татарского языка и других «языковых предметов» (табл. 1).

Материалы исследования свидетельствуют о том, что учебно-методическая база преподавания татарского языка не выдерживает с ними сравнения, так как 41,0% из числа опрошенных отметили, что «содержание, приемы и методики обучения татарскому языку уступают методикам других языковых предметов». Это означает, что проблема есть и она достаточно серьезная, чтобы не обращать на нее внимания.

Отметим, что 26,6% учителей дали на этот вопрос несколько уклончивый ответ, т.е. они считают, что методика обучения татарскому языку, по сравнению с другими языковыми предметами,

Таблица 1

Сравнительная оценка преподавателями татарского языка существующих методик по татарскому языку с методиками других «языковых» предметов (в %)

Варианты ответов	Татарстан
Они примерно на одном уровне и мало чем отличаются	19,7
Содержание, приемы и методики обучения татарскому языку уступают методикам других «языковых предметов»	41,0
Содержание, приемы и методики обучения «языковым предметам» уступают методикам по татарскому языку	2,1
В чем-то они выше, но в чем-то и уступают	26,6
Затрудняюсь сказать	10,6

в чем-то выше, но в чем-то и уступает. Однако только 2,1% учителей татарского языка считают, что содержание, приемы и методы обучения другим языковым предметам уступают методике преподавания татарского языка. Это, на наш взгляд, является весьма показательным фактом, так как оценка дана специалистами.

Учителя не только сравнили методику преподавания языковых предметов, но и обозначили проблемы, существующие в программах, методиках и образовательных технологиях по татарскому языку (табл. 2).

Наиболее актуальной проблемой для учителей является сложность программ и то, что не учитывается степень начальной подготовки учащихся, так как многие из них начинают обучаться с «нуля». Более половины опрошенных респондентов (53,2%) выделили именно этот момент... Опрос выявил также необходимость учета в программах индивидуальных способностей детей. Учитывая то, что классы формируются не по степени владения языками, то у учителя должна быть возможность дифференцированно подходить к отбору материала для работы с более «сильными» и «слабыми» учениками. Очевидно, было бы правильнее заложить такую возможность в саму программу. Во-первых, это позволило бы учителю более рационально и результативно проводить уроки, во-вторых, были бы учтены индивидуальные способности

детей, в-третьих, положительные результаты в овладении языком способствовали бы развитию у учащихся желания знать и дальше совершенствовать свои познания.

Довольно равномерно распределились ответы учителей по другим параметрам. Как видно из таблицы, учителя хотели бы иметь более новые, соответствующие требованиям современной жизни программы, с интересной тематикой и с возможностью использования новейших приемов обучения.

В связи с этим возникает вопрос, каким же должен быть учебник татарского языка и литературы?

Первый заместитель министра образования и науки Д.Мустафин считает, что «главное требование – учебный материал должен соответствовать государственному образовательному стандарту»¹. Но как показало исследование, соответствие государственному образовательному стандарту не решает всех проблем.

Учителя – участники нашего исследования должны были оценить учебники татарского языка, рекомендованные Министерством образования и науки РТ по ряду критериев по пятибалльной системе. Критерии оценки предлагались следующие: структура учебника, доступность изложения материала, возможности для самостоятельной работы, оформление учебника, наглядность, методический и понятийный аппарат учебника, соответствие теоретического

Таблица 2

Перечень проблем в существующих программах, методиках и образовательных технологиях по татарскому языку (в %)

Варианты ответов	Татарстан
Они устаревшие и не отвечают требованиям современной жизни	11,2
Не используются современные приемы обучения языкам	10,6
Программы слишком сложные, не учитывается, что татарскому языку многие начинают обучаться с «нуля»	53,2
Плохо подобрана тематика уроков	14,9
Не учитываются индивидуальные способности детей	18,1
Не ставятся воспитательные задачи	3,2
Если есть что-то еще, пожалуйста, напишите	3,2
Нет ответа	6,4

и практического материала, содержание и характер практических заданий.

При заполнении предложенной анкеты необходимо было указать также авторов учебников, с которыми они работали и работают в настоящее время.

На первый взгляд, учебников много, немало отдельных авторов и авторских коллективов, взявшихся за столь сложное и ответственное дело, как написание учебника. Но когда дело доходит до выбора учебника, то здесь возможности учителя оказываются достаточно ограниченными, так как выбор чаще всего обусловлен типом школы и возможностями приобретения тех или иных учебников. Вероятно, таким образом можно объяснить то обстоятельство, что учителями чаще всего указывались учебники под авторством Ф.С.Сафиуллиной и К.С.Фатхулловой, Р.Хайдаровой, И.Литвинова, М.З.Закиева и Н.В.Максимова. Некоторые преподаватели, оценивая учебники, «забыли» указать автора. Заметим, что количество учителей, занимающихся в тех или иных классах по разным учебникам, различно. Таким образом и представительность ответов также различна.

В татарских школах и гимназиях изучение татарского языка ведется по учебникам, которые отличаются от учебников для русскоязычных учащихся и по содержанию, и по сложности. По данным исследуемого материала преподаватели выделили учебники под авторством М.З.Закиева и Н.В.Максимова.

Здесь необходимо отметить, что это — учебники родного языка. Если при написании учебников для русскоязычных учащихся ставится цель — научить ребят разговорной речи, то в данных книгах цель несколько иная — достижение более высокого уровня владения всеми формами языка — чтения, грамотного письма и, конечно, устной речи.

Оценивая учебники М.З.Закиева и Н.В.Максимова за 5-9 классы, большая часть опрошенных учителей дали им высокую оценку (4-5 баллов). Учебники 10-11 классов оценены ими в сред-

нем на 4 балла. Занижение шло за счет оформления учебников, проблем, связанных с соответствием теоретического и практического материала.

Никто из учителей не «пожаловался» на сложность грамматики, на изложение правил грамматики в этих учебниках. В то же время преподаватели отметили, что тексты, на которых строятся учебники, по своему содержанию не соответствуют интересам нынешнего поколения школьников. Не устраивает учителей и оформление учебников, их неяркость. Сегодня возможности полиграфии достаточно большие, любые идеи вполне осуществимы в техническом плане. По всей вероятности, необходимо продумать и содержательную сторону иллюстративной части учебников, чтобы они были интересны для детей любого возраста и места проживания. Необходимо иметь в виду, что по ним занимаются и учащиеся, проживающие не только в селе, но и в городах.

Пока же сельская тематика превалирует в этих учебниках как содержательно, так и иллюстративно.

Больше всего нареканий было высказано в адрес учебников по татарскому языку для русскоязычных учащихся.

Сегодня отношение к процессу, методике преподавания татарского языка русскоязычным учащимся неоднозначное. В чем это заключается? Одни считают, что татарский язык для русскоязычных является иностранным и преподавать его необходимо как иностранный. Например, автор многочисленных трудов по языкознанию, учебников, пособий Ф.С. Сафиуллина пишет, что татарский язык в русской школе изучается не как родной язык, а как незнакомый ребенку иностранный язык [Сафиуллина, 2001, 306]. Другой известный автор учебников и пособий по татарскому языку И. Литвинов в своей статье «Рус телле укучылар өчен татар теле дәреслеге: ул нинди булырга тиеш?» («Учебник по татарскому языку для русскоязычных учащихся: каким он должен быть?») ³ отмечает, что, как правило, эти учебники с лингвистической

стороны написаны хорошо. Но с точки зрения методики многие из них не соответствуют современным представлениям методики преподавания иностранных языков. Они больше напоминают учебники по родному языку, нежели учебники по обучению иностранным языкам. Его идеи нашли поддержку и у других преподавателей. Например, Р.Ф. Низамиева в своей статье «Текстлар аһәңле булсын» (Тексты должны быть благозвучными)⁵ пишет, что современные учебники не способствуют развитию и пониманию татарской речи, умению вести беседы, общаться на бытовые темы и т.д.

Но среди методистов есть и другое мнение о методике преподавания татарского языка русскоязычным учащимся. Например, по мнению Р. Нигматуллиной, преподавание татарского языка русскоязычным учащимся по-новому в корне отличается от преподавания иностранных языков, так как навыки говорения, общения на татарском языке ребенок приобретает в реальной языковой обстановке⁴. Как видим, сегодня нет единого мнения относительно методики преподавания татарского языка русскоязычным учащимся. Это, в свою очередь, осложняет выбор методики преподавания татарского языка учителями.

В ходе анализа анкетного материала выяснилось, что большее число преподавателей татарского языка работает с учебниками Ф.С. Сафиуллиной и К.С. Фатхулловой. Это говорит о том, что учителя хорошо знают все достоинства и недостатки данных учебников. Очень низко оценены учителями методический и понятийный аппарат учебников для начального, а также содержание и характер практических заданий для среднего звена и старшеклассников. Респонденты выразили недовольство тем, что предложенные в данных учебниках темы слишком сложные. Это относится как к учебникам начальных классов (около половины учителей), так и к учебникам 5-9 классов (свыше 60% учителей). Видимо, есть необходимость

обратить внимание и на содержательную сторону текстов. Из ответов учителей следует, что содержание учебников не соответствует интересам нынешнего поколения.

Среди учебников по татарскому языку были названы и учебники под авторством И. Литвинова. Оценки, данные учителями учебникам этого автора, оказались более высокими, в массе своей – 4-5 баллов. По мнению преподавателей, автор в основном достиг поставленной цели: теоретический материал соответствует практическому материалу, учащиеся имеют возможность для самостоятельной работы, на должном уровне методический и понятийный аппарат учебников. В то же время и здесь имеются нарекания со стороны учителей. Как и в предыдущем случае, учителя хотели бы видеть в учебниках этого автора также больше материала, способствующего развитию умений и навыков говорения. Такое желание выразили около половины учителей, работающих по учебникам И. Литвинова. Нельзя сказать, что большинство учителей удовлетворены содержанием текстов. Почти половина учителей из числа опрошенных также отметили, что содержание не соответствует интересам нынешнего поколения. В то же время, если в учебниках Ф.С. Сафиуллиной и К.С. Фатхулловой недовольство учителей вызывала сложность материала, то по отношению к книгам И. Литвинова подобных нареканий не обнаружено. Нет особых «жалоб» и на перегруженность учебников грамматическим материалом, грамматический материал в учебниках для начальных классов не вызвал негативного отношения в целом. Таким образом, в оценках учителей учебников И. Литвинова наблюдается больше позитива.

Среди перечисленных учителями учебников обращают на себя внимание учебники Р. Хайдаровой. Эти книги преподавателями оцениваются в основном только на «хорошо» и «отлично». Учителя, работающие по ним, затрудняются отметить какие-либо недостатки. Лишь

около 20% считают, что в учебниках этого автора мало внимания уделяется разговорному языку, и столько же преподавателей хотели бы видеть книги по татарскому языку более красочными, с более содержательным видеорядом. По учебникам Р.Хайдаровой меньше всего негативных высказываний, хотя и они, как видим, не лишены недостатков.

В ходе анализа анкетного материала были рассмотрены мнения преподавателей по учебникам татарского языка для разных типов школ. К сожалению, трудно назвать учебники, которые бы полностью устраивали учителей. Здесь нельзя исключать и наличия субъективизма. Однако такой анализ позволил выявить определенную тенденцию в оценках учебников и наличие общего мнения по отдельным моментам.

В учебниках для начального звена учителя больше всего сетовали на «серость» учебников, на неинтересные иллюстрации. Значит, один из важных принципов дидактики — наглядность, которая способствует формированию более прочных знаний, помогает поддерживать интерес к речевой деятельности на изучаемом языке, соблюдается не полностью. И как нельзя лучше сказал об этом К.Д.Ушинский: «Учите ребенка каким-либо пяти неизвестным словам, и он будет долго и напрасно мучиться над ними, но свяжите с картинками 20 таких слов, и ребенок схватит на лету»⁹. А если эти рисунки будут интересные и яркие, то результат может превзойти все ожидания.

Необходимо отметить, что в современном образовательном процессе большое внимание уделяется разработке инфокоммуникационных образовательных технологий, то есть разработке и практическому использованию электронных учебников, в том числе

и по татарскому языку. Нет сомнения в том, что электронные учебные пособия не могут заменить учителя. Однако эффективность учебного процесса благодаря компьютерным технологиям может заметно возрасти. Как отмечают ученые-практики, «благодаря комплексу разнообразных мультимедийных возможностей (видеосюжеты, анимация, звук, качественные иллюстрации, сотни интерактивных заданий и т.п.), процесс обучения языку становится более эффективным и интересным. Мультимедийные компьютерные программы позволяют активизировать учебный процесс, индивидуализировать обучение, повысить наглядность в предъявлении материала, повысить интерес учеников к обучению»⁸. Наши респонденты из числа учителей, также высказываясь об эффективности использования компьютерных программ на уроках, сетовали на их малую доступность.

В целом в отношении учебников татарского языка для русскоязычных учащихся преподаватели не назвали ни одного учебника, который бы их полностью устраивал по всем параметрам. Возможно, что некоторые ответы несколько субъективны. Но общая картина прослеживается и здесь есть над чем задуматься.

Исходя из анализа имеющегося материала, можно сделать вывод, что и сегодня современные учебники татарского языка для русскоязычных учащихся «в основном продолжают традиции прошлого, составлены с учетом специфики контингента учащихся», но не коммуникативной направленности. Это еще раз подтверждает мнение наших респондентов-учителей об отсутствии целостной системы коммуникативного подхода к обучению татарскому языку.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Әхмәтҗанова С.* Боз кузгалырга тора... // Мәгариф. — 2005. — № 6. — Б. 10–11.

2. Закон Республики Татарстан. О государственных языках Республики Татарстан и других языках в Республике Татарстан. Государственная программа Республики Татарстан по сохранению, изучению и развитию государственных языков Республики Татарстан и других языков в Республике Татарстан на 2004–2013 гг. — Казань, 2005. — 68 с.

3. *Литвинов И.Л.* Я начинаю говорить по-татарски. – Казань, 1998. – 276 с.
4. *Нигъмәтуллина Р.* Сынап карау: татар телен янача укыту // Мәгариф. – 2006. – № 11. – Б. 24–27.
5. *Низамиева Р.* Текстлар аһәңде булсын // Мәгариф. – 1998. – № 9. – Б. 92.
6. *Сафиуллина Ф.С.* Рус мәктәбендә татар теленә өйрәтүнең фәнни-методик нигезләре // Мәгариф. – 1998. – № 4. – Б. 88–92.
7. *Советкин Ф.Ф.* О новых научно-методических требованиях к учебникам русского языка для национальных школ // Родной и русский языки в национальной школе. – М., 1962. – С. 90.
8. *Сулейманов Дж.Ш., Харисов Ф.Ф., Гильмуллин Р.А., Хасанова Л.Р.* Разработка и реализация мультимедийной программы по морфемному разбору татарского слова // Актуальные проблемы обучения татарскому языку в русской школе. Материалы II Республиканской научно-практической конференции. – Казань, 2005. – С. 158–160.
9. *Ушинский К.Д.* Об учебно-воспитательной работе в школе (Отрывки из пед. произведений). – М., 1939.
10. *Харисов Ф.Ф.* Научные основы начального обучения татарскому языку как неродному. – Казань, 2000. – 479 с.

Summary

This item is about examining the condition of teaching and methodical Tatar language teacher's base (according to ethno-sociological studies).

УДК 371.13

АДАПТИВНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ДОПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ В СИСТЕМЕ НЕПРЕРЫВНОГО ГУМАНИТАРНОГО И ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Л.А.Лисенкова, старший научный сотрудник

Российское образование на современном этапе находится в периоде основательных качественных изменений, и одной из приоритетных задач является задача подготовки педагогических кадров, отличающихся мобильностью и конструктивностью мышления, высоконравственностью и высокообразованностью; кадров, обладающих чувством ответственности и предприимчивостью, способных творчески и эффективно работать в совершенно новых, динамичных условиях современной российской педагогической действительности и создать свой собственный инновационный опыт обучения и воспитания людей будущего.

Кардинальные изменения социально-экономического уклада жизни требуют качественно новых подходов к подготовке учителя, способного на высоком профессиональном уровне самостоятельно, творчески и ответственно решать проблемы образования, в том числе с учетом национально-регионального компонента.

Цели таких новых подходов должны состоять в следующем:

- расширение общей и становление первоначальных основ профессиональной культуры будущего учителя;
- усиление ориентации студентов на педагогическую профессию через формирование целостных представлений о гуманистическом и творческом характере педагогической деятельности;
- обеспечение установки на профессионально-личностное развитие, саморазвитие, самоопределение и самовос-

питание учащихся и студентов с учетом их индивидуальных особенностей;

- развитие национальной культуры, региональных культурных традиций и особенностей.

Одним из перспективных средств осознанного управления реформами образования является многоуровневая система образования. Практика показывает, что адаптация молодого педагога проходит быстрее, успешность его значительно выше, да и ориентация к профессии более оправдана, если этот молодой педагог получил многоуровневую подготовку: педагогический класс (школа) – педагогический колледж – педагогический вуз – образовательное учреждение (педагог). Например, по итогам республиканского конкурса «Учитель года Республики Татарстан – 2008», проводимого в целях выявления, поддержки и поощрения творчески работающих педагогов, повышения престижа педагогического труда, большинство финалистов получили двухуровневое образование: 2 финалиста конкурса – Рябкова Ирина Александровна, учитель гимназии № 3 (3-е место) и Самигуллина Гузьяль Юнусовна, учитель гимназии № 122, сначала в Казанском педагогическом колледже, Гончаров Владимир Евгеньевич, учитель биологии Сюкеевской средней общеобразовательной школы Камско-Устьинского муниципального района в Тетюшском педагогическом училище, а затем все трое получили высшее профессиональное образование в Татарском государственном гумани-

тарно-педагогическом университете. Отличает всех троих постоянное стремление к самообразованию, повышению своей квалификации, познанию всего нового.

В качестве одного из наиболее реальных средств воплощения идеи непрерывного образования служит так называемое «периодически возобновляющееся образование». Поскольку жизнь не стоит на месте, а социально-экономическое развитие становится все стремительнее и технологичнее, учитель, как никто другой, должен соответствовать времени и чуть-чуть его опережать. Соответствовать профессии педагога сможет личность, подготовленная к требованиям времени и наделенная определенными компетенциями, необходимыми для самореализации. Поэтому серьезное внимание в последнее время уделяется отбору молодых одаренных учащихся, проявляющих заинтересованность к педагогической деятельности, и включению данной категории учащихся в систему допрофессиональной подготовки.

Допрофессиональная подготовка — это первый этап в системе непрерывного образования, который имеет целью профессиональную ориентацию учащихся, строится с учетом выбранного учащимися профиля обучения и реализует следующие задачи:

- помочь вхождению учащихся в педагогическую культуру;
- сориентировать учащихся на человека как ценность;
- сформировать положительную установку на педагогическую деятельность;
- развить интерес к педагогическим профессиям;
- помочь в осознанном выборе профессии.

В России сложились разнообразные формы допрофессиональной педагогической подготовки:

- педагогические классы в школах, работающие по специально разработанным программам;
- педагогический профиль 10—11 классов в гимназиях (как правило, при педвузах);

- специализированные довузовские образовательные учреждения педагогического профиля;

- педагогические лицеи или классы лицейстов;

- факультеты довузовской подготовки, существующие в структуре педвузов;

- летние лагеря «Юный педагог».

Наиболее эффективной формой допрофессионального педагогического образования в Республике Татарстан можно назвать педагогические классы (группы), которые фактически являются гуманитарно-ориентированной старшей школой, решающей задачи допрофессиональной педагогической подготовки.

В рамках всероссийского эксперимента по созданию условий развития предпрофильной подготовки школьников и реализации Концепции профильного обучения Министерством образования и науки Республики Татарстан проведена работа по созданию предпрофильных и профильных педагогических классов (групп) и с 2006 г. проводится мониторинг по их сохранению и развитию. В 2005—2006 учебном году педагогические классы созданы в 22 общеобразовательных учреждениях республики. В 2007—2008 учебном году профильные педагогические классы получили развитие в 66 общеобразовательных учреждениях. В текущем учебном году в сети допрофессиональной педагогической подготовки насчитывается 84 профильных и 46 предпрофильных педагогических классов с охватом обучающихся 2439 человек. В системе допрофессиональной подготовки общеобразовательные учреждения сотрудничают с педагогическими учреждениями среднего и высшего профессионального образования. Своеобразной диагностикой проявления и развития профессиональных способностей на разных этапах становления (учащийся педагогического класса, студент педагогического учреждения среднего или высшего профессионального образования, молодой педагог) являются республиканские конкурсы на лучшую исследова-

тельскую работу в сфере образования «Педагогический Олимп» и на лучшую проектную работу «Трансформер».

Научно-методическое сопровождение работы педагогических классов осуществляется учреждениями среднего и высшего профессионального образования с целью создания условий для подготовки и обеспечения адаптации будущего учителя.

Известно, что адаптация — это приспособление организма к изменяющимся внешним условиям с целью наилучшего восприятия стимулов внешней среды и предохранения от излишней перегрузки.

В нашем случае термин «адаптация» рассматривается с точки зрения педагогической психологии. С поступлением ребенка в школу под влиянием обучения начинается перестройка всех его познавательных процессов, приобретение им качеств, свойственных взрослым людям. Это связано с тем, что дети включаются в новые для них виды деятельности и в систему межличностных отношений, требующую от них новых психологических качеств.

Этот процесс — приспособление к внешней среде путем приобретения новых психологических качеств и преобразования старых — носит название психологической адаптации ребенка к школе. Аналогично можно объяснить понятие адаптации учащегося к профессиональному образованию: это приспособление к условиям допрофессионального образования путем приобретения новых знаний и умений.

Большинство старших школьников к окончанию школы уже самоопределяются в будущей профессии. У них складываются профессиональные предпочтения, которые, однако, не всегда являются достаточно продуманными и окончательными. Некоторые дети уже к концу подросткового возраста твердо знают, кем они станут, у других выбор профессии не является незавершенным даже тогда, когда они ее фактически приобретают.

Ранний или поздний выбор профессии, как правило, не основывается на

профессиональных успехах; они могут быть значительными или незначительными независимо от того, насколько рано или поздно происходит окончательное профессиональное самоопределение.

В допрофессиональном образовании необходимо умело использовать имеющиеся у учащегося резервы и способствовать его быстрой и наиболее полной адаптации к системе допрофессионального образования: к работе в школе, во внешкольных учреждениях и дома, научиться их учиться, быть внимательными, усидчивыми. Адаптация учащегося к профессиональному образованию — это его приспособление к условиям допрофессионального образования путем приобретения новых знаний и умений. В этой связи учебная программа должна быть составлена таким образом, чтобы вызывать и поддерживать постоянный интерес у учащихся.

Поэтому важным свойством системы допрофессионального образования является такое ее свойство, как адаптивность, которая является показателем скорости адаптации системы в случае изменения внешних условий и появления новых стимулов внешней среды.

Необходимость адаптивности как свойства системы допрофессионального образования связана с тем, что многие учащиеся приходят в школу не только не подготовленными к новой для них социально-психологической роли, но и со значительными индивидуальными различиями в мотивации, знаниях, умениях и навыках, что делает процесс обучения для одних слишком легким, неинтересным делом, для других чрезвычайно трудным (и вследствие этого также неинтересным) и только для третьих, которые далеко не всегда составляют большинство, соответствующим их способностям. Возникает необходимость психологического выравнивания детей с точки зрения их готовности к обучению за счет подтягивания отстающих к хорошо успевающим.

Адаптивность — необходимое профессионально значимое качество учителя. Профессия педагога — одна из

важнейших в современном мире. От усилий учителя зависит будущее человеческой цивилизации. Профессиональный педагог — это единственный человек, который большую часть своего времени занимается воспитанием и обучением детей. Если процесс обучения детей учителем прекратится, то неизбежно наступит системный кризис. Новые поколения из-за отсутствия конкретных знаний не смогут поддерживать культурный, экономический и социальный прогресс. Без сомнения, общество не получит морально и профессионально подготовленных людей различных специальностей.

Способность адаптации к новым условиям и принципам работы является необходимым условием существования познавательных и самообразовательных способностей учителя. Показателем уровня адаптивных способностей у учителя, как правило, является успешность обучения в средней школе и педагогическом учебном заведении и проявляется в глубине и разносторонности информации, которую учитель может получить об особенностях развития своих учащихся, в скорости перестройки своей деятельности. Адаптивность, как и все педагогические способности, содержит в себе умение быстро познать психологию воспитанника и умение перестроить свою деятельность на основе самообразования и самовоспитания.

Таким образом, адаптивность можно отнести к важнейшим, предопределяющим другие способности, творческо-педагогическим способностям учителя.

К адаптивным способностям учителя можно отнести:

- способность самостоятельно подбирать учебный материал, определить оптимальные средства и эффективные методы обучения;
- способность по-разному излагать, доступным образом один и тот же учебный материал с тем, чтобы обеспечить его понимание и усвоение всеми учащимися;
- способность строить обучение с учетом индивидуальности учащихся,

обеспечивая быстрое и глубокое усвоение ими знаний, умений и навыков;

- способность за сравнительно короткий срок добиваться усвоения значительного объема информации, ускоренного интеллектуального и нравственного развития всех учащихся;
- способность правильно строить урок, совершенствуя свое преподавательское мастерство от занятия к занятию;
- способность передавать свой опыт другим учителям и в свою очередь учиться на их примерах;
- способность к самообучению, включая поиск и творческую переработку полезной для обучения информации, а также ее непосредственное использование в педагогической деятельности.

К адаптивным свойствам относится также способность сознательно управлять мышлением, делая его более продуктивным. Основные приемы саморегуляции мышления сводятся к следующему:

- внимательный анализ условий решаемой задачи;
- соотнесение требуемого результата с заданными условиями с целью установления того, чего в них не хватает для получения нужного результата;
- постоянная тренировка мышления, выражающаяся в его систематическом упражнении.

Итак, можно сделать вывод, что педагогические способности определяются как индивидуальные устойчивые свойства личности, состоящие в специфической чувствительности к объекту, средствам, условиям педагогического труда и создании продуктивных моделей формирования искомых качеств личности воспитуемого.

Важнейшей задачей допрофессионального образования является не только освоение конкретных знаний определенных курсов дисциплин, но и выработка вида мышления, присущего данной области деятельности будущего специалиста.

Поэтому одна из проблем допрофессиональной подготовки современного учителя заключается в формировании у него гуманитарного мышления, помо-

гающего ему сознательно решать нетрадиционные, творческие педагогические проблемы. Естественно, что этот процесс неразрывно связан с общим процессом формирования личности специалиста на всех стадиях его пребывания в образовательных учреждениях всех уровней.

Решение проблемы формирования у будущего учителя гуманитарного мышления возможно через реализацию идеи непрерывного образования. В этой связи необходимо наличие у системы до-профессионального образования таких свойств, которые помогали бы учащемуся адаптироваться к условиям учебной деятельности педагогических учебных заведений среднего или высшего профессионального образования.

Адаптация учащегося к профессиональной системе обучения предполагает модульность построения образования в целом и основывается на следующих принципах:

1) непрерывность развития основных представлений, понятий и законов педагогики в курсах всех педагогических дисциплин;

2) фундаментальность специального педагогического образования путем создания модуля общепедагогических дисциплин «введение в специальность»;

3) приоритетность и ранжирование модулей с учетом профиля и характера специальностей;

4) универсальность – возможности замены одного модуля «введения в специальность» другим.

Осуществление принципа непрерывности оказалось возможным благодаря систематизации всей суммы знаний по курсам общепедагогических дисциплин на основе усложнения представлений о педагогическом процессе. С другой стороны, решить проблемы при переводе с одной ступени образования на другую, в частности проблему переструктурирования и согласования содержания профессионально-теоретической подготовки, позволяет

принцип вариативности. Процесс подготовки специалистов разного уровня не является замкнутой системой. Он зависит от многих факторов.

На современном этапе развития нашего общества и системы образования как одного из его важнейших социальных институтов неуклонно возрастает потребность в компетентных специалистах с творческим складом ума, способных находить новые пути и методы в науке, технике, экономике, управлении. Современное образование обеспечивает более эффективный вклад каждого человека в инновационное развитие общества, играет ключевую роль в технологических и структурно-экономических преобразованиях.

Сегодняшняя социально-экономическая ситуация предъявляет к педагогу значительные профессиональные и личностные требования: он должен быть высоко компетентным специалистом в своей предметной области, в сфере воспитания, психологии, педагогических технологий, обладать способностью к инновационной педагогической деятельности. Только педагог инновационного типа может подготовить конкурентоспособных учеников – будущую профессиональную и культурную элиту Республики Татарстан.

Осуществить подобные преобразования возможно лишь на основе тесной интеграции органов управления образованием, учреждений профессионального педагогического образования и науки, других образовательных учреждений и оптимальной формой такой интеграции в контексте инновационного развития Республики Татарстан может стать научно-образовательный гуманитарно-педагогический кластер как республиканское корпоративное сообщество учреждений, связанных партнерскими отношениями, которому и будет поставлена задача создания и развития системы непрерывного профессионального образования.

Summary

The content of the contribution is about contemplation of teaching materials conditions of Tatar language teachers (according to ethno-sociological studies).

УДК 81:001.12/.18

ЯЗЫКОВЫЕ РЕФОРМЫ В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ РТ В КОНТЕКСТЕ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ ФЕДЕРАЛЬНОГО ЦЕНТРА И РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН

Г.Макарова, кандидат философских наук

В постсоветский период в РТ проводились языковые реформы в сфере образования в контексте общих тенденций развития этнокультурной политики Федерального центра и Республики Татарстан. Статья основывается на анализе официальных документов – принятых в РФ и РТ в 1990–2000 гг., связанных с языками, культурой и этнокультурным развитием законов, программ, концепций, а также статистических данных по языку и образованию в Татарстане, в которых нашла отражение осуществлявшаяся в республике языковая политика.

1990-е г. на федеральном уровне были ознаменованы политикой признания языково-культурных особенностей этносов, отказа от жесткой концентрации функций управления культурной жизнью в центральных органах власти и управления. По сути это была политика «уступок и консенсусных мер, обеспечивающих сохранение целостности страны»¹ в условиях всплеска активности национальных и региональных элит. В национальных же республиках это был период построения самостоятельных этнокультурных политик, направленных на развитие регионального языкового и культурного своеобразия, актуализацию самосознания народов – в первую очередь титульных этносов.

Основы языковой политики постсоветской России были заложены в следующих документах: Закон РФ «О языках народов Российской Федерации», Конституция Российской Федерации и Закон РФ «Об образовании».

Во вводной части Закона РФ «О языках народов РФ» (от 25 октября 1991 г.) отмечается, что «языки народов Российской Федерации – национальное достояние Российского государства» и «находятся под защитой государства», которое «способствует развитию национальных языков, двуязычия и многоязычия». В статье 9 (п.2) того же Закона прописывается право граждан РФ «на получение основного общего образования на родном языке, а также на выбор языка обучения в пределах возможностей, предоставляемых системой образования». Это право, согласно Закону, обеспечивается созданием необходимого числа соответствующих образовательных учреждений, классов, групп, а также созданием условий для их функционирования» (п.2 – в ред. от 24.07.1998).

Принятый двумя годами позже Основной закон Российской Федерации подтвердил право каждого гражданина РФ «на пользование родным языком, на свободный выбор языка общения, воспитания, обучения и творчества» (ст.26). При этом русский язык провозглашен в нем в качестве государственного языка «на всей территории Российской Федерации» (ст.68 п.1), республики же, согласно статье 68 (п.2), «вправе устанавливать свои государственные языки», которые могут употребляться в органах власти, местного самоуправления, государственных учреждениях республик «наряду с государственным языком Российской Федерации». Причем пунктом 3 статьи 68 Конституции

РФ определяется, что «Российская Федерация гарантирует всем ее народам право на сохранение родного языка, создание условий для его изучения и развития».

Не обходится вниманием вопрос о языках народов России и в принятой в 1996 г. Концепции национальной политики РФ. Так, в разделе 111 документа за государством, помимо ряда других функций, практически закрепляется ответственность за «использование русского языка как государственного», а также за «обеспечение оптимальных условий для сохранения и развития языков всех народов России...». В разделе же VI, касающемся региональных программ государственной национальной политики, среди их направлений выделяется в том числе и «развитие и расширение сферы применения национальных языков, утверждение принципов культурного плюрализма, двуязычия и многоязычия при интегрирующей роли русского языка».

Наконец, в федеральном законе «Об образовании» (от 13 января 1996 г.) еще раз закрепляются мультикультурные по сути, тезисы Закона РФ «О языках народов Российской Федерации», касающиеся языков изучения и обучения. Среди них (ст.6): тезис о праве «на получение основного общего образования на родном языке», «на выбор языка обучения в пределах возможностей, предоставляемых системой образования», об обеспечении данного права «созданием необходимого числа соответствующих образовательных учреждений, классов, групп, а также условий для их функционирования», об изучении русского языка как государственного языка Российской Федерации, о содействии государством в получении общего образования на родном языке «представителям народов Российской Федерации, проживающим вне ее территории». При этом статьями 28 и 29 Закона закрепляется фактически уже сложившееся к тому времени на практике разграничение полномочий в области образовательной политики между Российской

Федерацией и субъектами РФ. Так, за регионами признается право на установление «национально-региональных компонентов государственных образовательных стандартов» (ст.29); федеральные же компоненты, согласно тому же закону, устанавливаются федеральными органами государственной власти и органами управления образованием (ст.28).

В Татарстане в 1990-е гг. начинается разработка и реализация новой языковой политики, суть которой заключается в придании татарскому языку (как языку титульного этноса республики), наряду с русским, статуса государственного, в создании реальных условий для расширения его социальных функций, ареала социального функционирования. С этой целью была утверждена серия официальных документов, определявшая основные принципы, цели, задачи и механизмы реализации языковой политики республики. Закон «О языках народов Республики Татарстан», а также принятая в ноябре 1992 г. Конституция Республики Татарстан законодательно закрепили государственный статус и равноправие татарского и русского языков (см.: ст.3 Закона, ст.4 Конституции РТ). При этом Конституция РТ (1992 г.) гарантирует гражданам «право ... на обучение в школе на родном языке» (ст.48).

Законом «О языках народов Республики Татарстан» (от 8 августа 1992 г.) была провозглашена социальная, экономическая и правовая защита обоих государственных языков РТ, для развития которых предусмотрена разработка Государственной программы Республики Татарстан по сохранению, изучению и развитию языков народов РТ (ст.7). Им определяется право граждан РТ на выбор языка воспитания и обучения, а пунктом 2 статьи 10 закрепляется положение о том, что «татарский и русский языки как государственные языки Республики Татарстан изучаются в детских дошкольных учреждениях, образовательных школах, средних и средних специальных учебных заведениях в

равных объемах». В Законе прописаны сферы употребления государственных и других языков народов республики.

Что касается специальных положений, непосредственно касающихся поддержки собственно татарского языка, следует выделить: пункт 3 статьи 7 Закона, в котором речь идет о разделе Государственной программы, посвященном возрождению, сохранению и развитию языка титульного этноса РТ, о помощи татарскому населению других регионов в сохранении его родного языка и культуры; пункт 2 статьи 9, где говорится об обеспечении государством на территории РТ создания «системы воспитательно-образовательных учреждений, иных форм воспитания и обучения на государственных языках республики»²; пункты 1 и 2 статьи 23, которыми закрепляется обеспечение перевода на татарский язык художественной, политической, научной и другой литературы, фильмов, а также перевода «известных татарских произведений на русский язык, их издание и тиражирование». Наконец, в разработанной и утвержденной 20 июля 1994 г. «Государственной программе по сохранению, изучению и развитию языков народов Республики Татарстан» прописаны способы и механизмы претворения в жизнь закона о языках, его обеспечение ресурсами, кадрами, научно-исследовательской базой, указан круг мероприятий, связанных с реализацией названной цели.

Следующим важным документом, характеризующим этноязыковую политику республики 1990-х гг., является Закон РТ «Об образовании» (от 19 октября 1993 г.), который закрепляет за гражданами «право обучаться на татарском и русском языках», а также на «обучение в школе на родном языке» (ст. 6 п. 1). Причем статья 5 Закона специально посвящается татарскому национальному просвещению. В ней прописано, что деятельность национально-образовательных учреждений «направлена на возрождение национального самосознания личности, исходя из приоритета

общечеловеческих ценностей», и что обучение и воспитание в таких учреждениях проводятся «на основе Концепции развития татарского национального просвещения» (ст. 5). В пункте же 2 статьи 6 Закона «Об образовании» очередное подтверждение находит положение о том, что татарский и русский языки — как государственные языки РТ — «изучаются в детских дошкольных учреждениях, общеобразовательных школах, средних профессионально-технических и средних специальных учебных заведениях в равных объемах».

В ходе «проведения в жизнь» охарактеризованных выше документов в Татарстане на протяжении 1990-х гг. были открыты либо перепрофилированы более 170 школ и гимназий, обучение в которых стали вести на татарском языке. Общее число татарских школ в республике достигло 1220 — по данным Министерства образования РТ. Причем, если раньше это были в основном сельские школы, среди вновь открытых татарских школ и гимназий — большинство городских. В результате процент обучающихся в Татарстане на татарском языке с 1990/91 учебного года по 1998/99 учебный год возрос с 12,9% от общего числа учащихся до 23,7%.

До конца 1980-х гг. татарский язык не преподавался в русскоязычных школах. В 1988—1989 гг. во многих средних учебных заведениях создаются группы по изучению татарского языка, причем обучение ведется на добровольной основе. После принятия Закона РТ «О языках народов Республики Татарстан» во всех школах республики вводится обязательное изучение татарского языка и литературы. На начало 2000-х гг. 99,1% всех учащихся республики изучают в школе татарский язык, в связи с чем в РТ были существенно расширены: система подготовки преподавателей татарского языка, издание учебников и методических пособий по его изучению и преподаванию. Система дошкольного воспитания также являлась каналом реализации языково-культурной политики Татарстана: в

1340 дошкольных учреждений (из них 570 расположены в городских поселениях) к 2002 г. работа велась на татарском либо на татарском и русском языках.

Наконец, в сфере среднего профессионального и высшего образования также в этот период наблюдались некоторые изменения, которые увеличили возможности получения образования на татарском языке. Однако эти процессы протекали не столь интенсивно, как в системе среднего образования. Преподавание на татарском языке велось к началу 2000-х гг. в 9 профессиональных училищах РТ (в 1989 г. таких было 7), на базе 16 училищ открыты татарские группы. По действующим правилам каждый поступающий в вуз Татарстана может по своему выбору сдавать экзамен на одном из государственных языков. В ряде вузов созданы группы с татарским языком обучения. Организован Татарский государственный гуманитарный институт, ведущий подготовку национальных педагогических кадров.

В начале 2000-х годов в Российской Федерации происходит «усиление Центра в отношениях с регионами» в кадровой и финансовой областях³, новое выстраивание правовой вертикали, преодоление многообразия «реальных правовых режимов», в том числе и в вопросах, касающихся этнокультурного развития. Эти годы характеризовались стремлением Центра скоординировать и интегрировать федеральную и региональные языково-культурные политики, деятельность многочисленных министерств и ведомств, связанных с их реализацией. При этом политический и научный дискурсы уже велись в терминах поиска новых форм управления этнокультурным многообразием, основ консолидации полиэтнического поликультурного российского общества, делался акцент на формировании единой российской гражданской нации. В законодательстве РФ эти тенденции, к примеру, выразились в появлении нового Федерального закона «О государственном языке Российской Федерации» (от

1 июня 2005 г.), укрепляющего статус русского языка как государственного языка РФ, обеспечивающего использование государственного языка Российской Федерации на всей территории страны, закрепляющего права граждан РФ на пользование государственным языком России, на защиту и развитие языковой культуры. Одновременно в Законе указывается, что данные положения не умаляют права граждан на пользование государственными языками республик, находящихся в составе РФ, языками народов РФ.

Четырьмя годами ранее (в 2001 г.) в РФ принимается федеральная целевая программа «Русский язык» на 2002–2005 гг., в которой прописываются задачи развития и распространения «русского языка как государственного языка РФ», «национального языка русского народа» и «средства межнационального общения народов России», а также «усиления роли русского языка в сфере образования», в сохранении «единого культурного пространства» и т.д. (раздел 2. Цель и задачи реализации Программы⁴).

Наконец, стремление федерального центра к интеграции федеральной и региональных образовательных политик привело к утверждению в декабре 2007 г. поправок к Закону РФ «Об образовании», касающихся государственных образовательных стандартов. Согласно поправкам изменяются их понимание, функции, статус и роль. Подготовленный Российской академией образования образовательный стандарт проходит апробацию основных компонентов в регионах России.

В национальных республиках РФ обозначенные тенденции вызвали, с одной стороны, латентную неудовлетворенность элит, стремящихся сохранить «завоевания» предыдущего десятилетия по укреплению статуса титульных языков и культур, развитию системы национального образования и т.д., с другой стороны, – встречные меры, направленные на реализацию требований Центра. В частности, в этот

период были внесены изменения и дополнения в ряд законов РТ, приняты новые законы и новые редакции законов, в которых более четко, нежели в предыдущий период, прописывалось соотношение законодательств РФ и РТ о языке и культуре, уточнялся ряд моментов, касающихся взаимодействия центральных и региональных властей и органов управления в указанной сфере. К примеру, в новой редакции Закона РТ «О государственных языках Республики Татарстан и других языках в РТ» (от 28 июля 2004 г.), помимо ряда других моментов, вводится уточнение (гл.111, ст.15), касающееся языка ведения официальной переписки с адресатами РФ и ее субъектами, каким является русский язык.

Можно также говорить о некоторой корректировке этнокультурной политики национальных регионов РФ 2000-х гг. по отношению к русскому языку и русской культуре. Так, после принятия федеральной целевой программы «Русский язык» в РТ утверждается Республиканская целевая программа «Русский язык в Татарстане» на 2001–2005 гг. Ее цель – обеспечить активное развитие и функционирование русского языка как государственного языка РТ на основе паритета с другим государственным языком – татарским. Среди ряда мер, направленных на достижение этой цели, программа предусматривала расширение сети русских гимназий и школ с углубленным изучением русского языка. В результате к 2004/05 учебному году в РТ функционируют 29 школ и 296 классов с русским этнокультурным компонентом.

Что касается развития языков других народов республики (помимо русского и татарского), 12 мая 2003 г. в Татарстане был принят Закон «О национально-культурных автономиях в РТ», в котором уточняются меры, предпринимаемые органами государственной власти республики по обеспечению прав граждан РТ на сохранение и развитие национального (родного) языка и национальной культуры. В регионе

развивается сеть национальных школ, которую к 2004/05 учебному году составили 145 чувашских, 22 марийских, 45 удмуртских и 5 мордовских школ. Для представителей же ряда других народов, проживающих в РТ, открыты воскресные школы.

В то же время татарский язык продолжает оставаться одним из приоритетов этнокультурной и образовательной политики Татарстана. Так, в 2004 г. здесь принимается Государственная программа РТ по сохранению, изучению и развитию государственных языков Республики Татарстан и других языков в РТ на 2004–2013 гг. (от 11 октября 2004 г.). В ней подтверждается общий курс языковой политики РТ и ставятся новые задачи по созданию условий для сохранения и развития государственных языков и других языков РТ, по обеспечению их оптимального функционирования (см. раздел 2. Основные цели и задачи программы). Среди механизмов реализации Программы выделяются: нормативно-правовое, организационно-структурное и ресурсное обеспечение, «координация и организация научных исследований», «продолжение изучения языков в образовательной системе», «национально-языковая среда семьи» и «институт общественного мнения» (см. раздел 3). В разделе же 3.4 «Система образования» подробно прописываются меры по совершенствованию преподавания татарского языка как родного и неродного, по улучшению качества преподавания русского языка в средней и высшей школе, по содействию преподаванию на языках представителей других народов, проживающих в РТ, и т.д. При этом особый акцент делается на следующих моментах: создание учебных программ нового поколения, разработка, поиск новых современных методов преподавания, оригинального иллюстративного материала и наглядных пособий, включая аудиовизуальные средства.

И в завершение следует кратко охарактеризовать реакцию регионов России на изменения государственного

образовательного стандарта РФ. По мнению региональных властей, они «ведут к ограничению прав народов России», «к сокращению объемов преподавания родного языка и литературы»⁵ и ряда других предметов в национальных республиках РФ, в связи с чем руководство республик выступает за предоставление субъектам Российской Федерации права на самостоятельное формирование региональной части государственных образовательных стандартов.

Тем самым динамику взаимных трансформаций языково-культурных политик Центра и регионов России можно охарактеризовать следующим

образом: от признания и развития языкового и культурного многообразия, децентрализации управления в сфере культуры к политике управления этнокультурными различиями и формирования единой общероссийской идентичности. При этом, если Федеральный центр делает сегодня акцент на единстве и интеграции, национальные регионы, принимая «новые условия игры», пытаются сохранить относительную самостоятельность в решении вопросов языково-культурного развития, подчеркивают важность диалога Центра и регионов по проблемам этнокультурной политики, сохранения языково-культурного многообразия.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Дробизева Л.М. Социальные проблемы межнациональных отношений в постсоветской России. — М.: Центр общечеловеческих ценностей, 2003. — С. 34.

² Поскольку система образования и воспитания на русском языке в этот период уже функционировала, по сути, речь идет о создании системы образовательных учреждений, ведущих обучение и воспитание на татарском языке.

³ Зорин Ю.В. От национальной политики к этнокультурной: проблемы становления доктрины и практики (1990–2002 гг.) // Журнал социологии и социальной антропологии. — 2003. — Т. VI, № 3. — С. 144.

⁴ Цит. по: Федеральная целевая программа «Русский язык» на 2002–2005 гг. // <http://elementy.ru/Library9/progr483.htm?context=2>.

⁵ См.: <http://www.mari.ee/rus/news/soc/2008/04/29.html>.

Summary

The article deals with language reforms in educational sphere in the Republic of Tatarstan in a context of ethno-cultural policy of Federal Center and in The Republic of Tatarstan.

УДК 81:001.12/.18

ЯЗЫК И ГЛОБАЛИЗАЦИЯ: НАСЛЕДИЕ ПРОШЛОГО, НОВЫЕ КОНКУРЕНТЫ И НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ

Л.В. Сагитова, кандидат исторических наук

Важность исследования языковых процессов в современном обществе связана с все более и более усложняющимся социальным контекстом. Его локальное и мировое измерения складываются под воздействием динамично развивающейся глобализации. Язык, как основной инструмент коммуникации, в условиях мобильного общества становится не только проводником и инструментом модернизации. От знания, или, наоборот, незнания языка часто зависят шансы личности на повышение своего социального статуса. Как показывает история, модернизация, начавшаяся в советскую эпоху, сильно повлияла на судьбу татарского языка.

Исторически модернизационные процессы зарождались и получали развитие в условиях города. Город, как центр промышленности, являлся средоточием квалифицированных кадров и образовательной инфраструктуры, отвечающей за их подготовку. Советский период характеризовался ускоренной модернизацией, которая проходила на языке культурного большинства – русском. Татарский язык остался на обочине модернизационных процессов, что способствовало его вытеснению в бытовую сферу. В большей мере язык сохранялся в сельской местности благодаря носителям-сельчанам и национальной школе.

Сегодня модернизация проходит в условиях глобализации, сущностной чертой которой является прозрачность границ. Сосуществование оставшихся

с советского времени традиционных сфер занятости с новыми, рыночными и транснациональными, придают гибридный характер рынку труда. Социальная мобильность теперь уже не обеспечивается исключительно одним государственным языком. У него появились конкуренты – английский и ряд других западноевропейских языков. Новые сферы деятельности и формы коммуникации открывают новые возможности, а мобильность теперь не ограничена рамками одного национального государства.

Культурные последствия трансформации проявляют себя в том, что сфера языковой компетенции обогащается и усложняется. Так, сфера управления и обслуживания в Татарстане требует знания, наряду с русским, татарского языка. Университетское образование, система повышения квалификации, работа в филиалах международных организаций и фирм, на совместных предприятиях требуют знания иностранных языков. Таким образом, складывается сложная языковая конъюнктура.

Наши исследования, проведенные в последние пятнадцать лет, свидетельствуют о том, что конкурентность языков в новейших условиях усилилась. Наиболее чувствительной к этим изменениям оказалась молодежь. Чутко реагируя на модернизационную конъюнктуру, молодежь выстраивает жизненные стратегии, ориентируясь на информационную модель общества, но при этом не ограничивает потенциал мобильности внутринациональными рамками.

Молодежь — показательная часть общества с точки зрения перспективы его развития. Молодые быстрее других реагируют на новые условия не только в силу специфики возраста, но и потому, что осознают: умение уловить конъюнктуру дает возможность преуспеть в будущем. Если говорить о сохранении и развитии национального языка и культурного наследия, то именно с молодежью связывается их будущее.

Вполне закономерно, что в этой динамичной среде, как в никакой другой, ощущается острота конкурентности языков. Русский и татарский возведены на территории республики в статус государственных и являются обязательными предметами в школе. Западноевропейские и восточные языки не имеют такого статуса, но дают шанс социальной мобильности как в рамках России, так и в глобальном обществе. Постоянно меняющаяся динамика сложной социальной конъюнктуры, а ее образуют: деятельность регионального правительства в сфере культурной политики; образовательный рынок Российской Федерации; региональный и общенациональный рынки труда, в которых представлены как традиционные, так и глобализационные сегменты — явственнее всего проявляет себя в установках и ориентациях молодежи. Поэтому имеет смысл основательнее рассмотреть выявленные нами в ходе последнего этносоциологического исследования тенденции¹.

Сегодня описанная выше тенденция продолжается, но уже в новых, меняющихся условиях. С открытием границ появился новый конкурент в виде западноевропейских иностранных языков. Насколько модернизационные процессы определяются конъюнктурой глобальной экономики, настолько возрастает роль ее главного коммуникативного инструмента — европейских языков, и в большей степени — английского.

Данные нашего исследования свидетельствуют о противоречивых процессах. С одной стороны, повышение

статуса татарского языка на территории республики привело к осознанию его ценности как основания татарской культуры и самой этнической общности. С другой стороны, новые экономические условия ослабляют его конкурентоспособность. Сохраняется тенденция советской модернизации, где основной водораздел проходит по оси «город — село». Инструментальная роль татарского языка уменьшается в условиях города. На вопрос «Считаете ли Вы для себя важным владеть татарским языком?» ответ «Да» выбрали 46,4% учащихся школ крупных и средних городов Татарстана, в то время как сельские школьники отмечали эту позицию чаще — 68,5%. Вариант «Важно знать в какой-то мере» выбрали 30,8% учащихся-горожан и 24,5% сельчан.

По этническим группам также прослеживается сильная дифференциация. Среди татар-горожан вариант «Да, считаю для себя важным владеть татарским языком» отметили 79,7%, среди сельчан — 89,7%. Обращает на себя внимание диспропорция среди русских учеников — горожан и сельчан: доля первых составила 15,5%, вторых — 38,2%. В то время как позицию «Важно знать в какой-то мере» выбрали 46,6% горожан и 44,1% сельчан. Таким образом, можно сделать вывод, что важную роль на установку к овладению языком играют ближайшее окружение и среда общения. В сельской местности учащиеся-русские в большей степени ориентированы на овладение татарским языком. Кроме того, среди русских учащихся-сельчан доля тех, кто считает, что татарский язык пригодится в дальнейшей работе, в два раза выше (36,8%), чем у горожан (17,5%).

Если же говорить о языке образования, то и здесь дает о себе знать разница между городом и селом. Так, среди учащихся-сельчан дальнейшее образование (среднее специальное и высшее) на татарском и русском языках хотели бы получать 38,6%, в то время как доля горожан значительно ниже — 18,9%.

Таблица 1

На каком языке хотели бы получить образование в ссузе и в вузе (в %)

Язык обучения	РТ		Татары		Русские	
	крупные, средние города	малые города, село	крупные, средние города	малые города, село	крупные, средние города	малые города, село
Русский	73,6	62,5	57,0	53,4	88,8	76,5
Татарский	0,5	1,5	1,0	1,7	0	0
Русский и татарский	18,9	29,5	38,6	41,4	1,0	13,2
Другой	6,4	6,0	2,9	3,4	9,2	8,8

Влияние модернизационных процессов проявляется в отношении к западноевропейским языкам. Так, доля учащихся-горожан, считающих, что для них важно знание иностранных языков, составила 66,9% против 59,5% сельчан. Показательно выявленное в ходе исследования представление молодежи о том, что знание западноевропейских языков дает основания для социальной мобильности. Именно вопрос на мотивацию изучения иностранного европейского языка дал самые высокие показатели, связанные с профессиональным продвижением. Среди всех учащихся 56,4% (РТ) и 57,9% (Казань) подтвердили значимость для каждого человека иностранного языка. Это говорит о том, что дальнейшее развитие России и личная биография молодого человека неразрывно связываются с общемировым развитием, открытостью границ и мобильностью не только в рамках одной страны, но и всего мира.

Почти половина опрошенных учащихся считает, что знание иностранного языка пригодится в дальнейшей работе – 41,7% (РТ), 51,5% (Казань), а то, что без знания языка невозможно претендовать на работу – подтвердили 40,6% (РТ) и 50,7% (Казань) (табл. 2).

Эти данные подтверждают результаты проективного вопроса о будущей профессии или сфере профессиональной деятельности, в которой хотел бы работать учащийся. Так, первые три позиции занимают профессии: 1) финансово-экономической сферы; 2) юриспруденции и промышленно-производственной сферы; 3) культуры и искусства. Остальные места распределяются между такими сферами, как международные отношения, предпринимательство, торговля, сфера услуг; компьютерные технологии. Приведенные установки соотносятся с потребностями рынка труда в республике. Так, представители кадровых агентств отмечают, что:

Таблица 2

Рейтинг мотивационных установок к овладению западноевропейскими языками (%)

Мотивационная установка	Выбрали ответ	
	РТ	Казань
1. Каждый человек должен знать хотя бы один иностранный язык	56,4	57,9
2. Это пригодится в дальнейшей работе	41,7	51,5
3. Без знания иностранного языка невозможно претендовать на работу	40,6	50,7
4. Без его знания невозможно претендовать на престижную работу	26,9	36,2
5. Без его знания нельзя считать себя образованным человеком	15,6	22,6
6. Мне нравится сам этот язык и постижение чего-то нового	14,2	17,8
7. Это язык культуры мирового значения	17,6	14,8

«Берут хорошо ребят со знанием иностранного языка, им открыты двери западных компаний (...). Сегодня же активны коммуникации, очень много западных партнеров. Люди со знанием иностранного языка, особенно английского, — они устраиваются гораздо удобнее, гораздо выгоднее и быстрее.

Обращают внимание на личные качества — люди должны быть развитые, контактные, у них должен быть широкий кругозор, они должны быть мобильные, активные, у нас очень много бывает таких проектов с западными компаниями (...)

Роль татарского языка в современной трудовой конъюнктуре характеризуется таким образом:

«А вот в плане татарского языка ... абсолютно никак, оно никому не нужно... Это раньше люди, когда приходили к нам клиенты, они просили, и это как правило сказывается на проектах топ-уровня. Раньше думали, — у вас здесь (в Татарстане. — Л.С.) очень специфично... У вас отдельная маленькая страна в стране, давайте мы возьмем руководителя со знанием татарского языка. Либо когда человек будет продавать в регионах. Где у нас в Татарстане далеко регионы, там, в основном все разговаривают на татарском языке, и там проще продавать, договориться с человеком, если знаешь татарский. Было такое... Сейчас это вообще не встречается. Давно не встречала и знание татарского языка не требовалось ни разу. Единственное, может в какую-нибудь локальную компанию, не буду называть название, где управление такого требует, только в этом случае. А вообще не надо»².

Сопоставление данных по всем трем языкам показало, что самая высокая степень мотивации связана с изучением иностранного европейского языка. Поскольку именно этот язык воспринимается учащимися как одно из базовых оснований будущей социальной мобильности, профессиональной успешности и условием получения престижной работы. На эту установку, без

сомнения, влияет складывающаяся общественно-экономическая конъюнктура, когда больший удельный вес международных контактов и связей принадлежит европейским странам и Америке в сравнении с восточными тюркскими странами. Безусловно, решающую роль в приоритете первых над вторыми играет развитость коммуникационной, образовательной и производственной инфраструктуры как между Россией и странами Запада, так и внутри самой страны.

Владение русским языком воспринимается большинством опрошенных как основание образованности, высокого культурного уровня и инструмент межличностного общения. Получение престижной работы или социальная мобильность не связываются с этим языком как условие, или как проблема. Укорененность во всех сферах общественной жизни и «естественность» бытования русского языка не актуализируют устремленность к его овладению, и, соответственно, не делает проблемным его изучение.

Если же обобщить ситуацию с восприятием школьниками татарского языка, то здесь взаимодополняют друг друга эмоциональная и статусная мотивации. Полученные данные свидетельствуют о том, что сегодня татарский язык не воспринимается как условие и гарантия социальной мобильности и профессионального успеха.

Результаты нашего исследования продемонстрировали влияние инструментальной мотивации. Это сказывается на отношении к урокам русского, татарского и иностранного языков. Так, на вопрос «Если Вы относитесь к урокам русского/татарского/иностранного языка положительно, то почему?» главным аргументом был инструментальный: «Это мне пригодится в дальнейшей жизни». Рейтинг выстроился следующим образом:

1-е место отдано русскому языку — 90,1% (РТ), 81,3% (Казань) из опрошенных;

2-е место – иностранному европейскому языку – 82,7% (РТ), 77,2% (Казань);

3-е место – татарскому языку – 46,4% (РТ), 34,3% (Казань).

С вышеприведенными данными коррелируют ответы на вопрос: «Пригодится ли Вам в дальнейшей работе знание русского/ татарского/ иностранного языков?»:

на 1-м месте русский язык – 95,1% (РТ), 81,3% (Казань);

на 2-м месте – иностранный европейский язык – 46,0% (РТ), 77,2% (Казань);

на 3-м месте – татарский язык – 33,2% (РТ), 34,3% (Казань).

Мы видели, что формальный статус языков признается учащимися. Они с уважением относятся к тому, что в Татарстане государственные языки – русский и татарский. Более того, подавляющее большинство опрошенных подтверждают мнение, что в определенных сферах необходимо владение обоими государственными языками. 84,7% (РТ), 82,2% (Казань) из опрошенных признали необходимость обязательного владения и русским, и татарским языками для тех, кто работает в органах власти в республике (15,0% (РТ), 17,8% (Казань) – против). Для сферы услуг владение обоими языками представляется в следующей пропорции: «За» – 85,0 (РТ), 78,6% (Казань) и 14,8% (РТ), 21,4% (Казань) – «Против».

Значимость инструментальной мотивации в изучении татарского языка неразрывно связана с его ролью в профессиональной сфере, с его значимостью в социальном продвижении будущего молодого специалиста. Поэтому вполне логично, что на вопрос: «Что может стимулировать интерес к татарскому языку?» на первое место вышел аргумент повышения престижа татарского языка (39% из опрошенных). Престиж по своей природе связан с модернизацией, инновациями, социальным статусом. На втором месте – «Его востребованность в ходе дальнейшей работы» – 30,9%. На третьем месте условие: «Развитие современной татарской культуры в условиях города» (отметило 29,5%). Оно косвенно связано с первыми тремя позициями, поскольку престижность культуры определяется ее адаптированностью к условиям современного города, новым стилям и стандартам жизни. И четвертое место в рейтинге заняла позиция «Расширение возможностей его использования после окончания школы» – 26,5%. И большинство ответивших (18,7%) на вопрос: «Что может способствовать поднятию престижа татарского языка?» подчеркнули его востребованность в обществе. Востребованным язык бывает лишь тогда, когда он активно включен в модернизационные процессы, происходящие в обществе.

Таблица 3

Рейтинг мер, способных стимулировать интерес к татарскому языку по мнению учащихся (%)

Меры	Выбрали ответ	
	РТ	Казань
Повышение престижа татарского языка	41,9	39,0
Востребованность языка в ходе дальнейшей работы	34,8	30,9
Развитие современной культуры в условиях города	30,6	29,5
Расширение возможностей его использования после окончания школы	30,2	26,5
Создание интересных современных и актуальных теле- и радиопрограмм	21,3	
Возможность получить высшее образование на татарском языке	18,4	18,9
Введение в школах обязательного государственного выпускного	11,3	
Ничто не может	7,4	12,5

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Исследование «Государственные языки в школьном образовании Республики Татарстан. Этносоциологический аспект» (осуществлено в рамках мероприятий Комитета по реализации Закона РТ «О языках народов Республики Татарстан» при Кабинете Министров РТ группой этносоциологов Института истории АН РТ (рук. Р.Н. Мусина, 2006–2007 гг.).

² Интервью с сотрудником кадрового Агентства «Анкор», взято О. Панченко в рамках Проекта «Развитие высшего образования: первый этап – Диагностическое исследование» (рук. Л.В. Сагитова, 2007–2008).

Summary

The article is about language and globalization: holdover, new competitors and new facilities.

УДК 81'373

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЦВЕТООБОЗНАЧЕНИЙ В РУССКОМ И ТАТАРСКОМ ЯЗЫКАХ (НА МАТЕРИАЛЕ ЯЗЫКА ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ)

Л.А. Усманова, кандидат филологических наук

Достижение высокого уровня языковой компетенции возможно при наличии представления о той картине мира, которая свойственна родному языку, и соотнесении ее с картиной мира, отраженной в системе изучаемого языка. В результате формируется языковая личность, «в которой сбалансированы черты универсальной и родной культуры, толерантность и открытость к восприятию новых реалий, а стереотипность мышления не заслоняет способности адекватно интерпретировать информацию, поступающую как в вербальной, так и невербальной форме» [Язык и культура, 2000].

При изучении любого неродного языка в сознании билингва происходит стихийное взаимодействие двух языковых систем — родного и изучаемого неродного, что может привести к разного рода интерферентным ошибкам, возникающим под влиянием лингвистических законов родного языка. Именно этим обстоятельством диктуется необходимость сопоставительного изучения языков, которое должно занять надлежащее место в системе подготовки учителей, обучающихся второму языку (например, учителей русского языка для татарской школы).

При сопоставлении языков в учебных целях важное значение приобретают содержание и характер сопоставления. Обучая учащихся-татар мыслить и общаться на русском языке, необходимо вести работу по определению значения слова. По мнению К.З. Заки-

рьянова, в первую очередь «необходимо установить, как выражается то или иное лексическое и грамматическое значение в сопоставляемых языках. Так как одно и то же значение (и лексическое, и грамматическое) передается в разных языках разными средствами, поэтому основную задачу сопоставительного изучения языков составляет установление в них эквивалентных средств для выражения тождественных значений»². Значение и форма языковых единиц выявляются в контексте в процессе функционирования их в речи, т.е. сопоставительный анализ фактов двух языков будет соответствовать схеме: значение — форма — функция.

В качестве примера сопоставительного изучения разноструктурных языков нами были рассмотрены функциональные особенности цветообозначений красного тона в русской и татарской литературе начала XX в.

Поскольку цвета играют большую роль в формировании художественной картины мира того или иного поэта и с каждым цветом у представителей разных лингвокультурных общностей связаны определенные ассоциации, те или иные цветовые предпочтения, то сопоставительный анализ является методом для выявления универсальных свойств и национальной специфики цветообозначающей лексики в разных языках.

Цветообозначения красного тона отличаются широким употреблением, многозначностью и большим сочетательным потенциалом в произведении-

ях как русских, так и татарских авторов. Общность и специфичность сочетаемых свойств исследуемых лексем в русском и татарском языках обусловлены их многозначностью.

В плане функционально-семантической характеристики исследуемых лексем было установлено, что сочетаемые свойства цветообозначений красного тона и их внутрисистемные отношения (парадигматические и синтагматические) могут содержать общие и идиоэтнические признаки, что в прикладном плане означает наличие сходных, универсальных лексико-семантических вариантов при различной сочетаемости. Различия при совпадении ЛСВ зависят от особенностей мировидения разных народов, поскольку «каждому языку соответствует своя особая организация данных опыта и в разных языках одни и те же зоны смысла покрываются словами неодинаково»³.

К числу универсальных относятся прямое номинативное, собственно цветное значение, некоторые оценочные значения, выражающие эмоциональное отношение к называемым реалиям и их цвету, а также символические значения.

Цветовые номинации красного тона в русских художественных текстах представлены лексемами *красный, алый, розовый, багровый, багряный, пурпурный (пурпуровый), пунциновый, рдяный, рубиновый, гранатовый, червонный, кумачовый*.

Исследуемые цветообозначения красного тона в татарской литературе имеют следующий синонимический ряд: *кызыл, кызгылт, кие кызыл, кансу кызыл, ут төсле, кызылсу, ал, алу, канлы*.

Как видим, синонимические ряды цветových прилагательных в русском языке богаче, чем в татарском, и среди них выделяются градационные ряды. Слова ряда дифференцируются на основании оттенков значения. Вокруг слова-доминанты *красный (кызыл)* объединяются цветообозначения различных оттенков красного тона, которые можно условно разделить на три груп-

пы: цветообозначения ярко-красного тона, светло-красного тона и темно-красного тона¹.

Особое положение среди экспликативных реализаций, так и по семантико-эстетической значимости в обоих языках занимают лексемы *красный (алый) – кызыл (ал)* (и их дериваты). Они имеют широкий круг значений и участвуют в создании различных поэтических образов. При этом одни из них в контактирующих языках соответствуют, другие – нет. Совпадения в цветовыражении касаются прежде всего привычности, естественности, эмоционально-экспрессивной силы образов, создаваемых с помощью указанных средств. Так, наиболее традиционной, частотной смысловой зоной реализации указанных цветообозначений в обоих языках является соотнесенность с солнцем и распространяющимися от него лучами, поэты активно используют эти лексемы при номинировании цвета утренних и вечерних зорь: *Красное, лучистое, / Солнце чуть сквозит (И.А. Бунин «Рыжими иголками...»); Уже поют / В рассвете алom муэдзины (И.А. Бунин «Шипит и не встает верблюд...»);*

Сап-сары, кызгылт кояш та зурая, шундук бая (Поднялось желтое, красноватое солнце и погасло (М. Гафури «Кызгылт кояш» – «Ярко-красное солнце»); Галибанә яктырып, әкрән генә ал таң ата... (Величаво и спокойно разгорается алая заря (Г. Тукай «Жәйге таң хатирәсе» – «Летняя заря»); Кояш инде түбән булып, төсе кызгыл, күләме шактый зур күрәнә иде. Көнбатыш як ачык түгел. Кояш шәүләсе кызарткан оешык болытлар фикергә калган төсле күрәнә иделәр (Солнце было уже низко. Оно выглядело багровым и большим. На востоке стояли облака. Заалевшиеся от лучей заходящего солнца, они, казалось, погрузились в думы (Ш. Камал «Козгыннар оясында» – «В вороньем гнезде»);

При создании соответствующих поэтических образов русскими авторами используются также и несобственно

цветовые лексемы, с которыми на дено-тативном уровне связано представление о красном цвете: *малиновый, вишневый, кровавый, румяный, пламенный, огненный* (За дальней их чертой *погас закат румяный/ Но точно ждет чего вечерний тихий час* (И.А. Бунин «Могилы, ветряки, дороги и курганы...»); *Настали поздние сумерки, а за ними теплая поздняя ночь, но еще долго, до самой полуночи, тле-ла густая малиновая заря* (А.И. Куприн «Поединок»); *Но, едучи кататься, видел осинку в этой зелени – совершенно малиновая! ...целый островок желтого (в которое пущена красная краска – светлая охра? Нет, не то!) – особый цвет осенних берез* (И.А. Бунин «Окаянные дни»).

Доказательством этимологической связи цветообозначений красного тона с процессом горения служат примеры метафорической соотнесенности с данным процессом, причем в отличие от татарских текстов, где употребляется только эпитет *кызыл*, русские авторы привлекают цветовые слова для обозначения как самого цвета огня, так и его отсветов, распространяющихся на окружающие реалии: *Ялыкн сибеп, кызыл кумер чэчеп, / Ут яцгыры ява, боркелэ... (Идет дождь, огнем полыхает, / Пламенем и красным углем сыла (Ш.Бабич «Кузеңне ач.» – «Открой глаза!»); Өермэлэр ясый кызыл уттан (Из красного огня делает бурю (Ш.Бабич «Кузеңне ач.» – «Открой глаза!»);*

Корабли в багряном зареве заката (И.А. Бунин «Закат»); *Тонет солнце, рдяным углем тонет...* (И.А. Бунин «Бог полдня»); *Солнце к морю спускается./Светит по морю красным огнем* (И.А. Бунин «Один»); *На ледяном Казбеке блещет/ Востока розовый огонь...* (И.А. Бунин «Стена горы – до небосвода...»); *Солнце садилось в пожаре пурпурного пламени и расплавленного золота* (А.И. Куприн «Одиночество»); *На западе за городом горела заря. Точно в жерло раскаленного, пылающего жидким золотом вулкана сваливались тяжелые сизые облака и рдели кроваво-красными, и янтарными, и фиолетовыми огнями* (А.И. Куприн «Поединок»).

Факт этимологической соотнесенности с лексемами *огонь* и *пламя* позволяет выявить в художественной речи русских авторов позиции взаимозаменяемости с цветовыми прилагательными красного тона, тем самым обнаруживая способность к установлению с ними близких синонимических отношений¹: *Красным пламенем* настурции горят (И.А. Бунин «Первый утренник, серебряный мороз...»); *Дивная орлица:/ Плещется крылами, красными, как пламень* (И.А. Бунин «Там не светит солнце, не бывает ночи...»); *Чернеют пламенные дали* (А.Блок «Благовещение»); *И на заре, когда с заката/ Пурпурный блеск огня и злата/ Пожаром терем освещал* (И.А. Бунин «Листопад»).

По семантическому признаку «яркий» выявляется также цветовая характеристика крови, причем в татарском языке данная сочетаемость является устойчивой, в русском же языке, по мнению Е.В. Рахилиной, для слова *кровь* «признак цвета не является различительным и, в общем случае, не релевантен для атрибутивной конструкции с ним, т.к. данная лексема уже имеет фиксированный цвет»⁴, что тем не менее не исключает вероятности встретить подобные сочетания в художественных текстах: *И глаза великана/ Красной кровью свирепо горят* (И.А. Бунин «Каин»);

Бушка акмас пакъ, кызыл кан: аннан аккан тамчылар/ Жиргә тамгач, шул урыннан кып-кызыл голләр чыгар (Не зря пролита красная кровь: если капельки эти/ Попадут в землю, там выйдут ярко-красные цветочки (М.Гафури «Изге юлда» – «На священном пути»); Бир син миңа/ сугышып, шул сугышта/ Кызыл каннар тамган кулыңны (Дай мне руку, на которую в боях/ Красная кровь проливалась не раз (М.Гафури «Бир кулыңны» – «Дай мне руку»).

Эпитеты-соответствия *кровавый* – *канлы* активно употребляются как в русской, так и татарской литературе. Причем данную цветовую номинацию татарские поэты чаще используют при описании событий Октябрьской революции, Гражданской войны, а также

первой и второй мировых войн (канлы яшь (кровавые слезы), канлы куллар (кровавые руки), канлы уklar, сөнгеләр (кровавые стрелы, копья), канлы ил (кровавая страна), канлы пәрдә (кровавый занавес) у Х.Такташа⁵.

В текстах русских авторов у лексемы *кровавый* наряду с эмоционально-оценочным признаком со знаком «-» (зловещий, страшный, тревожный и т.п., приобретающим подчас символическое звучание), н-р, у И.А.Бунина *Кровавый свет зари* («Стой, солнце!»); Туманно *утро красное*, туманно/ *Кровавое* не светит и не греет («Казнь»), также выявлены лексемы «красивый, торжественный» при описании цвета осенней листвы: *Клен в жадовском саду — цвета королька, по оранжевому темно-красное...лес еще весь зеленый — и вдруг одно дерево, сплошь все в листве прозрачной, багряно-розовой с фиолетовым тоном крови* <...> *Еще не желтые осинки, но дорога вся усыпана их листвой круглой — сафьян малиновый, лимонный, палевый, почти канареечный есть* <...> *...хорош был кровавый клен. Я взял листок. Он сейчас передо мной, точно его, бывший светло-палевым, обмакнули в воду с кровью* («Окаянные дни»).

Эстетическая сущность лексем *кызыл*, *ал*, *алсу* как номинатора цвета (света) утренних зорь, нежного цвета кожи способствует реализации в семантической структуре данных слов целого комплекса коннотативных признаков с доминирующим признаком «прекрасный». Типичные образы *кызыл ирен*, *ал* (*алсу*) *йөзең* (красные губы, розовое, алое лицо), естественные и выразительные в татарском языке, не имеют эмоционально-экспрессивной силы для русского читателя: *Кызыл ирен бер елмайса, ходай шаһит./ Бөтен фикер әсир төшәр, гаकыл шүрләр* (Если красные губки улыбнутся хоть раз,/ Все мысли мои в плену, теряется разум (Ш.Бабич «Матур сыннар» — «Красивый стан»); *Сәрвәр туташ! Алсу йөзең, күзең күркәм... (Сарвар туташ! Щеки розовы, глаза прекрасны... (Ш.Бабич «Исемнәр бакчасы» — «Сад имен»); Күзләреннән шаян нурлар агып чыгып./ Ал йөзенә таралалар борын буй-*

лап (Озорные искры из глаз ее сыплются./ И по алым щекам рассыпаются (Ш.Бабич «Исемнәр бакчасы» — «Сад имен»).

Специфичным для татарского языка является также прием сравнения образа молодой девушки, возлюбленной с алым цветком: *Кызыл гол төсле ирене уртасыннан/ Тезелгән энҗедәй тешләр күренде* (Показались зубки, как кристаллы,/ Меж губ, похожих на красные цветы (М.Гафури «Көлде» — «Улыбнулась»); *Кайвакыт сүтелеп төшә дә ал яңақлар өстенә./ Ул кызыл гөлдәй яңақларның берәз урынын күмә* (Когда локоны падают на алые щеки/Красные как цветы щёки закрываются слегка (М.Гафури «Чөчә» — «Ее локоны»); *Ал гөлем син, тармагы гөлнең кулың белән бармагың* (Ты мой алый цветок, лепестки цветка руки и пальцы твои (Ш.Бабич «Кил, Сабия!»- («Приди, Сабия!»).

Цветономинации *красный/ кызыл*, выступая в обоих языках эпитетами, являются символом революционного, партийного, советского (ср.: *красные, красногвардейцы* — *кызыллар*). Особенно широко данное значение представлено в татарских поэтических текстах, где в роли поясняемых слов выступают лексемы *байрак*, *әләм*, *такта*, *юл*, например: *Гаһед кылдым, ямин иттем, кызыл байрак тотып кулга* <...> *Альмын эҗан, тугәрмен кан шушы изге кызыл юлда* (Я слово и клятву дал, держу в руках красное знамя <...> *Наберусь сил и пролью кровь на этом святом и красном пути (М.Гафури «Ант» — «Клятва»); Кемнәр эшли фабрик-заводларда./ Кемнәр тауташларны актара./ Без шуларның исемен хөрмәт итеп/ Язабыз шул «Кызыл такта»га... (Кто работает на заводах и фабриках./ Кто великие дела творит./ Мы их имена с почетом/ Пишем на «Красной доске» (М. Гафури «Кызыл тактага» — «На красной доске»).*

Помимо всего прочего, отмечены случаи, когда сочетаемость обусловлена не объективным содержанием лексем, а коннотативным, при этом световое восприятие порождается внутренними ощущениями, эмоциональным состоянием героя или автора: *Уж сквозит рас-*

свет багряный, / Дышит холодом расцвет!
(И.А. Бунин «Долог был во мраке ночи»); ...
в этой мирной неге с благосклонностью
принимает прощальные прикосновения
налитых печальным багрянцем отблес-
ков, словно ласковый знак внимания со
стороны светила, которое медленно ухо-
дило теперь за древние и загадочные горы
(А.И. Куприн «Чайки»); В дальней темной
деревушке все стекла горят **празднич-
ным красным светом заката**: точно там
справляют свадьбу (А.И. Куприн «Груня»);

Кояш иңгән як офыкта бөдрәләнеп
торган сыек болытлар, алтынлы пар-
чалар төсле, күз камаштырырлык **ачык
алсу нурга** манчылганнар, агач, башлары-
на, водокачка чанына һәм шулай ук ке-
шеләрнең йөзләренә дә беленер-беленмәс
кенә алсу шәүләләр төшерәләр, **матур
һәм дәртле моңлылык биреп торалар**.
(Редкие волнистые тучки на закате, ос-
вещенные снизу ярко-оранжевые, отли-
вами ослепительной золотой парчой, едва
уловимый розоватый отсвет падал на
кроны ветел, на чан водокачки, а также
на лица людей, придавая всему красоте,
навевая светлую грусть (Ш. Камал «Ког-
да рождается прекрасное» — «Матур ту-
ганда»).

Итак, семантика цветообозначений
красного тона в сопоставляемых язы-
ках характеризуется, с одной стороны,
высокой степенью сходства, наличием
универсальных свойств, что свидетель-
ствует о всеобщности когнитивной де-
ятельности в разных лингвокультурных
обществах, а с другой стороны — суще-
ственными различиями, подчеркиваю-
щими специфику членения мира.

Таким образом, сопоставление на
уровне лексики и грамматики русского
языка с татарским, соотношение значе-
ний слов, их сочетаемости, выявление
лексики с национально-культурным
компонентом значения (безэквива-
лентная, коннотативная, фоновая), ус-
тановление основных трудностей, с
которыми могут столкнуться учащие-
ся-татары при изучении системы рус-
ского языка и ее функционирования в
пространстве художественных текстов,
позволяют правильно решать вопросы,
связанные с отбором дидактическо-
го материала и организацией учебного
процесса. Знание и учет сходств и раз-
личий в сопоставляемых языках делают
работу учителя-словесника в татарской
школе более успешной и эффективной.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Алимпиева Р.В. Семантическая значимость слова и структура лексико-семантической группы: На материале прилагательных цветообозначений в русском языке / Р.В. Алимпиева. — Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1986. — 184 с.

2. Закирьянов К.З. Сопоставление языков как методический прием / К.З. Закирьянов // Сопоставительная филология и полилингвизм: Материалы II Всероссийской научно-практической конференции. — Казань: РИЦ «Школа», 2005. — С. 96–97.

3. Морковкин В.В. Идеографические словари и обучение языку / В.В. Морковкин // Вопросы учебной лексикографии. — М., 1969. — 145 с.

4. Рахилина Е.В. Когнитивный анализ предметных имен: Семантика и сочетаемость / Е.В. Рахилина. — М.: Русские словари, 2000. — 416 с.

5. Юсупов Р.А. Вопросы перевода, сопоставительной типологии и культуры речи / Р.Юсупов. — Казань: Татар. кн. изд-во, 2005. — 383 с.

Summary

This article is devoted to functional particular qualities of color naming in Russian and Tatar languages. (based on fiction materials).

УДК 81.009 (100)

ПРОБЛЕМЫ РАЗРАБОТКИ УЧЕБНИКА ТАТАРСКОГО ЯЗЫКА ДЛЯ АНГЛОГОВОРЯЩИХ СТУДЕНТОВ

А.Р. Фатыхова

В рамках международной научно-практической конференции «Мировые языки и перспективы их распространения в современном Татарстане», прошедшей в марте 2007 г. в Казани, были высказаны мысли о перспективах распространения татарского языка по всему миру. Президент Ассоциации Американских советов по международному образованию Дэн Дэвидсон отметил, что «студенты американского штата Аризона изучают татарский язык и проявляют заинтересованность в обучении»¹. Действительно, в Университете штата Аризона вот уже более десяти лет преподается татарский язык. Все желающие могут пройти двухмесячный интенсивный курс татарского языка, начиная с базового до продвинутого уровней. С 2006 г. преподаванием своего родного языка поспособствовало заниматься мне, а также, наряду с преподаванием, и разработкой учебных материалов по татарскому языку для англоговорящих студентов, по причине полного отсутствия таковых. В декабре 2007 г. я и Аюпов И.Х., также преподававший татарский язык в Аризоне летом 2007 г., получили грант Госдепартамента США на разработку учебника и в июне 2008 г. мы предоставили первый макет учебника на рассмотрение спонсирующей стороны. В процессе разработки учебника мы опирались на:

1. Двухгодичный опыт работы с американскими студентами в Университете штата Аризона.

2. Отзывы и рекомендации американских студентов, обучавшихся татарскому языку сначала в Аризоне, а затем

в Казанском государственном университете, таким образом имевших шанс использовать язык на практике.

3. Отзывы и рекомендации представителей татарской диаспоры за рубежом (мы выкладывали отдельные главы учебника на интернет-сайте, специально созданном для этой цели).

4. Один год дистанционного (онлайн) преподавания татарского языка американским студентам.

5. Руководство языковым практикумом для студентов американских вузов на базе ТГГПУ.

6. Преподавание татарского языка в русскоязычной аудитории.

7. Исследование литературы по отечественным и зарубежным методикам обучения иностранным языкам.

8. Изучение и анализ существующих учебников иностранных языков.

В данной статье я хочу поделиться проблемами и вопросами, возникшими в процессе создания учебника «The Tatar Language for the English Speakers» («Татарский язык для англоговорящих»).

Учебник мы создавали на основе коммуникативного принципа, по образцу современных учебников иностранных языков. В результате обучения по данному учебнику ожидается формирование следующих компетенций у студентов: 1. Коммуникативная (речевая); 2. Лингвистическая (языковая); 3. Социокультурная; 4. Компенсаторная компетенции². Хочу отметить, что учебник рассчитан на интенсивное изучение языка, то есть подразумевается покрытие большого объема информа-

ции за короткий период времени. Ожидается, что по завершении учебника учащиеся достигнут уровня «Базовый» (на примере сертификационных уровней владения русским языком ТРКИ (TORFL))³.

Каждая глава (всего их 11) построена по тематическому принципу:

Вводная глава: Общая информация о татарском народе (истории, месте их проживания, диаспорах). Алфавит. Общая информация о словарном составе, фонетической системе, морфологии, синтаксисе, ударении и интонации.

Эта глава написана на английском языке и носит ознакомительный характер. Кроме того, учебник предусмотрен и в качестве рабочей тетради. Например, в вводной главе студент может попрактиковаться в написании букв кириллицы для формирования графических навыков.

Глава 1: Знакомство с новыми людьми. Приветствие. Прощание.

Глава 2: Семья. Характер. Профессии.

Глава 3: Свободное время. Режим дня. Время.

Глава 4: Город. Транспорт.

Глава 5: Одежда. Цвета. Еда.

Глава 6: Дом. Мебель. Материалы. Поздравления.

Глава 7: Человеческое тело. Здоровье. Чувства и эмоции.

Глава 8: География. Экология. Флора и фауна.

Глава 9: История. Политика. Экономика. Традиции. Религия.

Глава 10: Образование. Культура.

Вокруг вышеперечисленных тем выстроена следующая структура глав:

Раздел 1: Речевые образцы, диалоги.

Раздел 2: Лексика по теме.

Раздел 3: Грамматика.

Раздел 4: Коммуникативные упражнения на развитие говорения.

Раздел 5: Чтение.

Раздел 6: Письмо.

Раздел 7: Повторение.

Каждая глава начинается с проиллюстрированных речевых образцов. За ними следуют 2–4 небольших диалога,

включающие в себя наиболее характерные речевые обороты и частоупотребляемую лексику по той или иной тематике. Диалоги даются с переводом на английский язык.

В следующем разделе главы – «Vocabulary» («Лексика») предлагаются лексический минимум по теме с переводом на английский язык, а также слова и выражения, необходимые для работы в классе («Words for classroom interaction»).

Лексический минимум, представленный в учебнике, составил приблизительно 1500 единиц. Считается, что для общения на иностранном языке, на уровне базовый, достаточно иметь словарный запас в объеме 1300 лексических единиц³. При составлении лексического минимума мы столкнулись с рядом проблем. Например, представители татарских диаспор за рубежом неоднократно писали отклики на главы, представленные в электронном виде в интернете. Наряду с положительными откликами на учебник, было и неодобрение по поводу использования русских и западноевропейских заимствований. Например, они негодовали по поводу включения в учебник таких слов, как «флаг», «кухня», «плита», «шкаф», «галстук», «кофта», «шампунь» и т.д. В некоторых случаях они предлагали архаичные или диалектные эквиваленты этих слов. Но, как отмечается во вступительной статье к учебнику, мы предлагаем пособие для изучения современного литературного татарского языка, который в силу своего развития принял немало заимствований из русского и других западноевропейских языков. Мы не можем вернуть язык, на котором говорили татары, эмигрировавшие в разные исторические эпохи за рубеж и передавшие своим потомкам татарский язык той самой эпохи, и который из поколения в поколение передавался в относительно законсервированном виде.

Второй вопрос, стоявший при выборе лексического минимума, заключался в оправданности выбора той или иной единицы с функциональной точки зре-

ния. В августе 2008 г. на базе ТГГПУ проводился языковой практикум для студентов из США. Основной целью практикума было полное погружение студентов в языковую среду и закрепление знаний, приобретенных ранее в Университете штата Аризона. В Аризоне я проводила апробацию учебника. К примеру, изучая пятую главу, в которой речь идет о национальных блюдах, еде, мы разыгрывали ролевые ситуации на темы «В ресторане», «В продуктовом магазине» и т.д. Но, к сожалению, приехав в Казань, они не нашли применения своим знаниям и навыкам. Горестно осознавать, но речь идет об ограниченной функциональности татарского языка в современном обществе. Они поразились тому, что даже татары «по умолчанию» начинали говорить на русском языке и переходили на татарский только после того, как они просили об этом. Единственным местом, где студенты-американцы смогли полностью погрузиться в языковую среду, была татарская деревня Кляшево (Келәш) Тетюшского района, в которой они провели целый день, впоследствии, после окончания практикума, отозвавшись об этой поездке только с положительной стороны. Таким образом, вопрос заключается в следующем: как учитывать функциональные реалии татарского языка при выборе словарного минимума для учебника, делать ли это с оптимистическим взглядом на будущее расширение сфер использования языка или же руководствоваться только сегодняшней ситуацией? В ретроспективе я хочу отметить, что при разработке учебника все-таки взял верх оптимизм.

За «Vocabulary» следует раздел «Grammar» («Грамматика»). При распределении грамматического материала по главам мы по возможности пытались связать определенные грамматические темы с лексическими. Например, при изучении темы «Семья» и родственных связей мы ввели грамматическую тему родительного падежа (например, «Камиләгә әнисенең апасының кызы кем була?»), а обучение предикативным

словом легко связалось с темой «Транспорт» (например, «Бу урынды юлны чыгарга ярамый», «Сезгә 15 нче номерлы автобус кирәк») и т.д. Как известно, по коммуникативному принципу обучению иностранным языкам, грамматике уделяется второстепенное внимание. Обучение грамматике иностранного языка ведется через обучение видам речевой деятельности. Однако, исходя из опыта преподавания татарского языка американским студентам, я могу сказать, что обучение грамматике занимает довольно много времени. Этот факт объясняется объективными причинами. При изучении татарского – агглютинативного языка носителям английского – флективного языка приходится перестраиваться на новую языковую систему. Это и усложняет усвоение грамматического материала. В нашем учебнике презентация грамматического материала дается на английском языке, часть информации преподносится в таблицах и/или в схемах. После объяснения грамматического материала предлагаются упражнения для развития и закрепления навыков. Упражнения нацелены и на создание механических навыков, и на их смысловое использование, а часть упражнений носит коммуникативно-творческий характер. Надо отметить, что грамматические категории, представленные в каждой главе, присутствуют во всех разделах главы. Таким образом, закрепляются навыки корректного использования грамматических форм в речи.

Следующие 3 раздела главы посвящены видам речевой деятельности – говорению, чтению и письму («Сөйләшү», «Уку», «Язу»). К сожалению, аудирование как один из важнейших видов речевой деятельности не заняло своего места в учебнике. Разработка этого раздела требует очень много времени и усилий. Но в ближайшем будущем мы планируем начать работу над созданием аудиопособия к учебнику.

В разделе «Сөйләшү» уделяется внимание как развитию диалогической, так и монологической речи. Абсолютное

большинство упражнений носит творческий интерактивный характер. Среди заданий, представленных в этом разделе, есть упражнения, направленные на работу в малых группах, решение проблем, ролевые и деловые игры, имитации, «мозговой штурм», проекты и т.д. Например, при изучении темы «Политика» мы предлагаем студентам создать упрощенную версию «Модели ООН» на татарском языке, а по теме «История» мы просим студентов рассказать об одном дне Чингис-хана, Сююмбике или М.Шаймиева или же порассуждать на сюрреалистичные темы, такие как «Что было бы, если бы в татарском языке исчезли все окончания?», «Что произошло бы, если у всех людей появился третий глаз?» и т.д. Обучение языку должно идти непринужденно и легко, без волнений и барьеров. Виды деятельности, требующие творческого подхода и максимально приближенные к реальным жизненным ситуациям, создают дополнительную мотивацию к изучению языка. Хотя нужно отметить, что, исходя из моего опыта, сам факт того, что американские студенты выбирают татарский язык для изучения, говорит об их высокой мотивированности. Ведь татарский язык входит в список редко преподаваемых в учебных заведениях США языков (LCTL – Less Commonly Taught Languages), наряду с армянским, албанским, таджикским, узбекским и т.д.

Раздел «Уку» находится в процессе разработки. Основной трудностью в создании этого раздела является адаптация текста, учитывая уровень изучающих язык, при этом пытаясь максимально сохранить аутентичность текста. Как известно, аутентичность текста является важнейшим условием при выборе материала для развития навыков коммуникативного чтения. Более того, при выборе текстов нужно уделять особое внимание на подачу информации культурологического характера. Обучение языку неразрывно связано со знакомством культуры и особенностями быта, традиций того народа, язык кото-

рого изучается. Это усиливает интерес к языку, делает «абстрагированный, безличный» язык «живым». Это особенно важно при изучении иностранцами татарского языка, ведь информация на иностранных языках по изучению истории, культуры, литературы и быта татар весьма ограничена. Но помимо текстов на «классические» темы, такие как «Татарские праздники», «Татарская кухня», «Литература», «Татарские ученые», мы включили и более современную информацию, например, текст о татарской певице, проживающей в Австралии, Зуле Камаловой, а также о международном фестивале «Золотой минбар». Надо сказать, что информация культурологического характера была представлена не только в данном разделе. Во всех разделах, по мере необходимости, дается культурологическая справка под заголовком «Culture point».

В данном разделе до и после текста предлагается ряд упражнений на развитие различных навыков чтения (навык угадывания значения слова по контексту, сканирование текста, чтения для получения общей информации и т.д.).

Упражнения в разделе «Язу» направлены на развитие продуктивной письменной речи. Следует отметить, что при разработке заданий для этого раздела особое внимание уделялось сложности создания мотивации и заинтересованности в выполнении письменной работы. Поэтому задания как можно более правдоподобные, приближенные к реальности. Актуальность предложенных упражнений также усиливает мотивацию. Например, в одной из глав мы просим студентов подготовить в письменном виде текст рекламного ролика о Республике Татарстан для трансляции на каналах BBC, CNN и Euronews, предварительно объяснив о приоритете развития туризма в РТ. В другой главе мы предложили студентам подать заявку на участие в гранте для обучения в одном из университетов Казани. В заявке, помимо заполнения анкеты, требовалось написать эссе на тему «Почему я считаю себя достойным получения

этого гранта?» и т.д. Некоторые же из заданий требуют исследований по заданной теме.

В конце каждой главы есть раздел «Review» («Кабатлау») в форме тестовых заданий. Они направлены на повторение и закрепление лексических, грамматических и речевых навыков, изученных в главе.

Учебник завершается грамматическим материалом в форме схем и таблиц и англо-татарским, татаро-английским словариком.

Очень важным отличием учебника также является его качественное оформление профессиональным ди-

зайнером. Учебник яркий, привлекает внимание. Таким образом, изучение татарского языка доставляет не только интеллектуальное, но и эстетическое удовольствие.

В заключение, хочется сказать, что разработка учебника татарского языка для англоговорящих является очень актуальным направлением, учитывая тот факт, что английский является языком международного общения и может быть применен как для обучения студентов, для которых английский родной, так и для тех, для которых он является вторым языком, включая многочисленную татарскую диаспору за рубежом.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ www.tatar-inform.ru/news/society.

² Харисов Ф. Ф. Татар телен чит тел буларак өйрәтүнең фәнни-методик нигезләре / Русчадан Н. К. Нотфуллина тәрж. — Казан: Мәгариф, 2002. — 367 б. www.istu.edu/ru/international/international_management/center-rus.

³ Сайт МГУ, Центр тестирования граждан зарубежных стран по русскому языку — www.old.philol.msu.ru/rus/kaf/testcenter/ruscommon.

Summary

In this article formulation problems of Tatar language text book for English speaking students are affected.

УДК 378.14

ПРОБЛЕМЫ ВНЕДРЕНИЯ КОМПЕТЕНТНОСТНОГО ПОДХОДА В ПЕДАГОГИЧЕСКОМ ВУЗЕ

Д.Р. Шакирова, кандидат филологических наук, доцент

Основным отличием федеральных государственных образовательных стандартов высшего профессионального образования (ФГОС ВПО) третьего поколения от предыдущих является введение в соответствии с «Планом мероприятий по включению российской системы высшего профессионального образования в Болонский процесс на 2002–2010 гг.» компетентностного подхода к определению содержания, процесса обучения и форм контроля результатов освоения учебного материала.

Проблема компетентностного подхода широко обсуждается педагогическими работниками нашей страны с 2002 г. Внутри компетентностного подхода могут быть выделены два базовых понятия: *компетенция и компетентность*. Первое из них включает «совокупность взаимосвязанных качеств личности, задаваемых по отношению к определенному кругу предметов и процессов», а второе соотносится с «владением, обладанием человеком соответствующей компетенцией, включающей его личностное отношение к ней и предмету деятельности».

В ходе обсуждения проектов ФГОС-3 продолжает дискутироваться вопрос о том, что же принципиально нового привносит идея компетентностного подхода в современную отечественную образовательную практику. Некоторые исследователи продолжают настаивать на том, что компетенции по сути являются новым обозначением умений, с которыми отечественная школа работает уже на протяжении длительного времени.

История понятия *компетентность* берет начало не в педагогике, а в области экономики, управления и подготовки кадров. Истоки компетентностного подхода коренятся в философских представлениях позитивизма и прагматизма, современной теории менеджмента и текстологии.

Чтобы проанализировать принципиальные отличия между «знаниевым» и компетентностным подходами, необходимо разобраться с пространством, в котором оформляется определенный набор умений, который уже затем с помощью педагога формируется у обучаемых, и с пространством, в котором оформляется набор ключевых компетенций. Пространства эти принципиально разные. Знания, умения, навыки – это единицы культуры, несущие на себе приоритетные культурные ценности. В отличие от них компетентности – это единицы экономики.

Таким образом, компетенции, конечно, опираются на определенные знания и умения, которые формировались в процессе обучения, но далеко не исчерпываются ими. Сам же переход педагогики на другой язык и обсуждение компетентностного подхода свидетельствуют, что образование признало, наконец, значимость существования экономической действительности и ключевых рынков и, в частности, рынка труда, так как понятие компетенции напрямую соотносится с рыночной, социально ориентированной экономикой¹.

Вышесказанное позволяет утверждать, что внедрение компетентностного

подхода представляется весьма своевременным, так как, с одной стороны, позволяет отечественным вузам войти в единое образовательное пространство, которое создают страны-участницы Болонского процесса и которое подразумевает общие принципы оценки результатов обучения; с другой стороны, преимущество данного подхода, в сравнении с существовавшим до этого «знаниевым», видится в том, что новый подход учитывает интересы каждого потенциального работодателя, заинтересованного в том, чтобы пришедший к нему выпускник учебного заведения умел прежде всего хорошо выполнять конкретные профессиональные действия.

В новых стандартах компетенции выступают средством оценивания результатов освоения образовательной программы. К сожалению, эти компетенции в существующих проектах ФГОС прописаны весьма нечетко и в представленном виде содержат возможность существенных разночтений. Перечисленные в стандартах компетенции, на наш взгляд, представлены недиагностично и на сегодняшний день не предлагают унифицированной процедуры оценивания. Дальнейшей разработкой требует вопрос о составе универсальных (межличностных, инструментальных, системных) и профессиональных компетенций.

Принятие и внедрение в практику компетентного подхода к оценке результатов обучения должно привести к формированию новой системы оценочных средств с переходом от оценки знаний к оценке компетенций. Поэтому результаты выбора и формирования необходимого перечня компетенций являются ключевым моментом реформирования образования. Россия, присоединившись к Болонской декларации в 2003 г., приняла на себя обязательства по переработке содержательных установок и формальных принципов подготовки специалистов с высшим образованием и по существенному изменению подходов к формированию

нормативных документов в области образования.

Вводимую систему обучения логично называть кредитно-модульно-компетентностной, так как три ее основных элемента — кредиты, модули и компетенции выступают как тесно взаимосвязанные и взаимодополняющие друг друга компоненты единого целого. Понятие компетенции при этом представляет собой сочетание характеристик (относящихся к знанию и его применению, к позициям, навыкам и ответственности), описывающих уровень или степень, до которой некоторое лицо способно эти компетенции реализовать. Иными словами, компетенция «есть некоторое интегративное качество субъекта, включающее в себя когнитивные, мотивационные, ценностные и практические аспекты, которое проявляется в успешных действиях в какой-либо области»².

Компетенции можно разделить на две группы: те, которые относятся к ключевым (универсальным, общим, надпрофессиональным), и те, которые можно назвать предметно-специализированными (профессиональными). В Рекомендациях Парламента и Совета Европы от 18 декабря 2006 г. «О ключевых компетенциях обучения в течение жизни» сказано: «Образование в его двойной роли: как социальной, так и экономической играет ведущую роль в обеспечении овладения гражданами Европы ключевыми компетенциями, необходимыми для того, чтобы они были способны гибко адаптироваться к таким переменам».

Еврокомиссией рекомендовано 8 ключевых компетенций, которыми должен обладать каждый европеец:

- 1) компетенция в области родного языка;
- 2) компетенция в сфере иностранных языков;
- 3) математическая и фундаментальная естественнонаучная и техническая компетенции;
- 4) компьютерная компетенция;
- 5) учебная компетенция;

6) межличностная, межкультурная и социальная компетенции, а также гражданская компетенция;

7) компетенция предпринимательства;

8) культурная компетенция (Рекомендации Парламента и Совета Европы от 18 декабря 2006 г. о ключевых компетенциях обучения в течение жизни (2006/962/ЕС).

В европейском проекте TUNING были проанализированы источники 1993–2001 гг. и в ходе длительных дискуссий на общеевропейском уровне из 85 компетенций были отобраны 30:

1. Способность использовать научные методы;

2. Способность к организации и планированию;

3. Базовые знания в различных областях;

4. Тщательная подготовка по основам профессиональных знаний;

5. Письменная и устная коммуникация на родном языке;

6. Знание второго языка;

7. Элементарные навыки работы с компьютером;

8. Навыки управления информацией;

9. Решение проблем;

10. Принятие решений;

11. Способность к критике и самокритике;

12. Работа в команде;

13. Навыки межличностных отношений;

14. Способность работать в междисциплинарной команде;

15. Способность общаться со специалистами из других областей;

16. Принятие различий и мультикультурности;

17. Способность работать в международной среде;

18. Приверженность этическим ценностям;

19. Способность применять знания на практике;

20. Исследовательские навыки;

21. Способность учиться;

22. Способность адаптироваться к новым ситуациям;

23. Способность порождать новые идеи (креативность);

24. Лидерство;

25. Понимание культур и обычаев других стран;

26. Способность работать самостоятельно;

27. Разработка и управление проектами;

28. Инициативность и предпринимательский дух;

29. Забота о качестве;

30. Стремление к успеху.

Далеко не все из этих компетенций можно обнаружить в существующих проектах ФГОС ВПО. Проведенный нами анализ показал, что в представленных проектах стандартов компетенции разделены на четыре группы в соответствии с четырьмя циклами образовательной программы. Выделяются такие группы компетенций:

– социально-личностные и общекультурные (СЛК);

– общенаучные (ОНК);

– инструментальные (ИК);

– профессиональные (ПК).

В обобщенном виде перечень компетенций в ФГОС-3 по направлениям в области педагогического образования выглядит следующим образом:

а) социально-личностные и общекультурные:

1) способность к социальному взаимодействию, к сотрудничеству и разрешению конфликтов в социальной и профессиональной сферах, к толерантности, к социальной мобильности;

2) готовность к толерантному восприятию социальных и культурных различий, уважительному и бережному отношению к историческому наследию и культурным традициям;

3) готовность к соблюдению прав и обязанностей гражданина; к свободному и ответственному поведению;

б) общенаучные:

1) способность выявлять научную сущность проблем, возникающих в ходе профессиональной деятельности, умение использовать на практике методы гуманитарных, социальных и

экономических наук в различных видах профессиональной и социальной деятельности;

2) способность приобретать новые научные знания;

3) способность учитывать в своей профессиональной деятельности современные тенденции развития компьютерных, информационных и телекоммуникационных технологий.

в) инструментальные:

1) способность самостоятельно работать на компьютере;

2) способность к письменной и устной коммуникации на государственном языке и владение одним из иностранных языков на уровне профессионального общения;

3) готовность работать с информацией из различных источников;

4) владение навыками публичной речи, аргументации, ведения дискуссии и полемики;

г) профессиональные:

учебно-воспитательная деятельность (ПК УВД):

1) способность преподавать предмет (в соответствии с профилем) с учетом специфики познавательных задач и его научного содержания, возрастных особенностей и мотивации обучающихся;

2) способность обеспечивать деятельностную ориентацию образовательного процесса, использовать интерактивные педагогические технологии, исходя из специфики преподаваемого предмета;

3) способность определять и комбинировать средства и методы обучения, адекватные поставленным образовательным задачам, уровню подготовленности обучающихся и их индивидуальным характеристикам;

4) способность осуществлять комплексную диагностику и анализ образовательного процесса, моделировать на этой основе систему мониторинга качества образования;

методическая деятельность (ПК МД):

1) готовность к обоснованному выбору образовательной программы, учебно-методического обеспечения и

их адаптации к условиям конкретного образовательного процесса;

2) готовность к организации учебно-исследовательской деятельности обучающихся по предмету (предметам) в соответствии с профилем (профилями) подготовки;

3) способность к планированию, организации и анализу собственной педагогической деятельности и ее постоянному совершенствованию;

социально-педагогическая деятельность (ПК СПД):

1) способность к организации и развитию внутриколлективных и межличностных отношений обучающихся;

2) способность к взаимодействию с социальными коллективами и родителями обучающихся, оказанию помощи родителям в семейном воспитании;

культурно-просветительная деятельность (ПК КПД):

1) готовность к формированию общей культуры обучающихся;

2) готовность к организации культурного пространства образовательного учреждения;

организационно-управленческая деятельность (ПК ОУД):

1) готовность к управлению учебной деятельностью обучающихся;

2) готовность к обеспечению охраны жизни и здоровья обучающихся в учебно-воспитательном процессе и внеурочной деятельности;

3) способность к организации контроля за результатами обучения и воспитания;

4) готовность к организации взаимодействия с общественными и образовательными организациями, детскими коллективами для решения задач профессиональной деятельности.

Важнейшим моментом, на который хотелось бы обратить внимание, является то, что компетенция, которая в рекомендациях Еврокомиссии занимает первое место – компетенция в области родного языка, в представленных Проектах даже не упоминается, хотя она была обозначена в ГОС ВПО второго поколения. Вместо компетенции в об-

ласти родного языка новыми федеральными стандартами вводится компетенция в области государственного языка, что в условиях многонациональной Российской Федерации не одно и то же. Отсюда возникает несоответствие между декларируемыми целями реформирования процесса образования и способами его достижения.

Введение компетентностного подхода потребует пересмотра структуры и принципов организации образовательного процесса, приведет к изменениям в практике преподавания, а следовательно, в сознании преподавателей и студентов. Введение новых ФГОС — проблема не только административная

или организационно-правовая, но и психологическая. Именно эти обстоятельства представляются основной трудностью распространения нового типа организации учебного процесса, требующей разработки специальных мер по ее предупреждению и скорейшему решению.

Внедрение компетентностного подхода в образовательный процесс будет проходить непросто, но в условиях наличия воли к повышению социальной и экономической эффективности образования, развитию кадрового потенциала российского общества компетентностный подход неизбежно будет востребован.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Щедровицкий П.Г.* Коммуникативная и рефлексивная компетенция в рамках мыслительного подхода: контуры нового понимания // Педагогика развития: ключевые компетентности и их становление. — Красноярск, 2003.

2. Методические материалы к семинару по проблемам формирования базовых компетенций цикла гуманитарных и социально-экономических дисциплин ГОС ВПО (Москва, 6–7 декабря 2005 года). — М., 2005.

Summary

The article illustrates implementation problems of competency building approach in pedagogic higher education institutions.

УДК 378

КОНЦЕПЦИЯ РЕСПУБЛИКАНСКОГО НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ГУМАНИТАРНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОГО КЛАСТЕРА

И.Э. Ярмакеев, доктор педагогических наук, профессор

Основным фактором ускоренного экономического и социального развития Республики Татарстан является усиление ее конкурентоспособности, что в первую очередь связано с ростом уровня образованности жителей республики. Современное образование обеспечивает более эффективный вклад каждого человека в инновационное развитие общества, играет ключевую роль в технологических и структурно-экономических преобразованиях.

Влияние системы образования Республики Татарстан на экономический рост и повышение конкурентоспособности республики пока еще далеки от желаемого, что объясняется недостаточно высоким уровнем качественных показателей данной системы. Необходимы существенные изменения в республиканской системе образования, прежде всего кардинальное усиление ее кадрового потенциала как ключевого ресурса современного образования, способного существенно повысить качество его результатов. Современная социально-экономическая ситуация предъявляет к педагогу значительные профессиональные и личностные требования: быть высоко компетентным специалистом в своей предметной области, в сфере воспитания, психологии, педагогических технологий, обладать способностью к инновационной педагогической деятельности. Только педагог инновационного типа может подготовить конкурентоспособных учеников – будущую профессиональную и культурную элиту Республики Татарстан.

Проведенный учеными-педагогами ТГГПУ анализ проблем кадрового обеспечения республиканской системы образования¹ показал, что кардинальное совершенствование структуры и качественного состава педагогических работников требует серьезных системных преобразований в области их профессиональной подготовки и повышения квалификации. Осуществить подобные преобразования возможно лишь на основе тесной интеграции органов управления образованием, учреждений профессионального педагогического образования и науки, других образовательных учреждений.

В то же время процесс допрофессиональной и профессиональной подготовки педагогов в 110 педагогических классах, 10 педагогических училищах и колледжах, 3 федеральных педагогических вузах и 3 учреждениях дополнительного профессионального педагогического образования Республики Татарстан сегодня значительно расплывлен, а зона ответственности за конечные результаты чрезвычайно размыта.

Наиболее оптимальным выходом из создавшейся ситуации является максимально тесная и действенная интеграция органов управления образованием и учреждений профессионального педагогического образования и науки, а также всех других образовательных учреждений региона. Эффективной формой такой интеграции в контексте инновационного развития системы образования Российской Федерации и Республики Татарстан должен стать ре-

гиональный научно-образовательный гуманитарно-педагогический кластер как республиканское корпоративное сообщество органов регионального и муниципального управления образованием, а также учреждений профессионального гуманитарного и педагогического образования и науки, связанных партнерскими отношениями с образовательными учреждениями республиканской системы образования.

Целью кластера является существенное повышение эффективности и качества профессиональной подготовки гуманитарно-педагогических кадров Республики Татарстан, в соответствии с требованиями модернизации отечественного образования. Ключевым условием реализации данной цели является придание деятельности кластера наукоемкого, инновационного и практико-ориентированного характера.

Важнейшей особенностью кластера является его особая, интегративная роль в развитии республиканской системы отраслевых образовательных кластеров, так как от качества подготовки работников образования и культуры прямо или опосредованно зависит качество подготовки профессиональных кадров в любой другой области — экономике, социальной сфере, культуре, здравоохранении и т.д.

В соответствии с этим основными задачами кластера являются:

- оптимизация объема и структуры подготовки и повышения квалификации педагогических кадров на основе создания единой, научно обоснованной системы кадрового аудита, мониторинга республиканского рынка труда работников образования, прогнозирования перспективных потребностей кадрового обеспечения республиканской системы образования;

- кардинальное усиление качества подготовки гуманитарно-педагогических кадров путем создания единой, научно обоснованной и практико-ориентированной системы непрерывного профессионального гуманитарно-педагогического образования, совершенс-

ствования ее кадрового потенциала, модернизации материально-технической базы, внедрения новейших технологий профессионального образования;

- оптимизация сроков подготовки и повышения квалификации гуманитарно-педагогических кадров путем разработки и реализации сквозных двухуровневых образовательных программ профессионального образования, новых интенсивных технологий повышения профессиональной квалификации.

По инициативе руководства республики творческой группой ученых нашего университета с участием специалистов Министерства образования и науки РТ, других республиканских министерств, ведомств, Федерального института развития образования (г. Москва) и Академии наук республики разработан проект концепции создания гуманитарно-педагогического кластера. Он ставит целью существенное повышение эффективности и качества профессиональной подготовки и повышения квалификации педагогических и управленческих кадров образовательных учреждений нашего региона.

В рамках данного кластера предполагается интеграция образовательных учреждений, осуществляющих предпрофильную педагогическую подготовку, а также педагогических образовательных и научных учреждений разных типов, форм и уровней вокруг научного и образовательного ядра кластера — головного вуза. Функцию головного вуза в кластере готов реализовать Татарский государственный гуманитарно-педагогический университет как наиболее крупное и развитое учреждение педагогического образования и педагогической науки в регионе, а также один из крупнейших педагогических университетов Приволжского федерального округа.

Серьезность и обоснованность наших намерений нашли свое отражение в таком документе, как «Стратегия развития ГОУ ВПО «Татарский государственный гуманитарно-педагогический университет» до 2015 года», недавно

одобренном ученым советом университета, а также руководством Республики Татарстан. Согласно этому документу, ключевым направлением развития ТГГПУ признано создание научно-образовательного гуманитарно-педагогического кластера. Два других приоритетных направления — реализация национально-культурной миссии вуза, а также его интеграция в единое мировое образовательное-научное и культурное пространство — также тесно связаны с деятельностью кластера.

Для того, чтобы успешно реализовать функции научно-образовательного ядра кластера, сам ТГГПУ должен быть подвергнут серьезным изменениям. Необходимо создание на его базе **университетского комплекса**, целостно реализующего образовательные программы всех уровней непрерывного педагогического образования и научные исследования в данной области. Для этого вуз должен войти в тесные интегративные взаимосвязи со всеми образовательными учреждениями среднего и дополнительного профессионального педагогического образования республики. Кроме того, должны быть созданы базовые экспериментальные дошкольные и профильно-ориентированные общеобразовательные учреждения — это гуманитарно-педагогические лицеи при ТГГПУ, они могут быть и в форме образовательных учреждений кадетского типа в наиболее крупных муниципальных центрах республики.

Каких результатов можно ожидать от такого подхода?

Максимальная интеграция разновысоких образовательных учреждений вокруг головного вуза позволит достичь необходимой концентрации научных, образовательных, учебно-методических и материально-технических ресурсов для разработки и внедрения эффективной системы непрерывного гуманитарно-педагогического образования Республики Татарстан. Данная система должна стать научно-методической основой создания кластера, придать ему наукоемкий, инноваци-

онный и практико-ориентированный характер.

Эффективность и качество результатов деятельности научно-образовательного кластера связаны с успешной реализацией им своих организационных, научно-педагогических, учебно-методических, ресурсо-обеспечивающих и инновационно-внедренческих функций, среди которых:

- организация системы мониторинга и создание баз данных маркетинговой информации о состоянии рынка труда работников образования и культуры Республики Татарстан;
- координация деятельности различных учреждений гуманитарного и педагогического образования Республики Татарстан, их взаимосвязей с заказчиками и потребителями научных и образовательных услуг;
- совершенствование учебно-методического, кадрового и материально-технического обеспечения образовательного процесса в системе непрерывного гуманитарно-педагогического образования Республики Татарстан;
- организация, выполнение и внедрение в практику научно-исследовательских работ и разработок в области совершенствования профессиональной подготовки, повышения квалификации и переподготовки гуманитарно-педагогических кадров Республики Татарстан и Российской Федерации;
- изучение, обобщение и распространение передового отечественного и зарубежного опыта непрерывного гуманитарно-педагогического образования, организации методической работы в образовательных учреждениях;
- организация и проведение научно-практических семинаров, конференций, симпозиумов, конкурсов по проблемам совершенствования профессиональной подготовки, повышения квалификации и переподготовки гуманитарно-педагогических кадров Республики Татарстан и Российской Федерации;
- создание единого корпоративно-го информационного пространства на

основе современных информационных и телекоммуникационных технологий для оперативного представления членам кластера деловой, научной, учебной, учебно-методической и иной информации;

- научно-методическое руководство деятельностью инновационных образовательных учреждений различных типов и уровней (ДОУ, ООУ, УДО и т.д.) в муниципальных образованиях Республики Татарстан как базовых экспериментальных стажерских площадок для повышения квалификации гуманитарно-педагогических кадров;

- научно-методическое обеспечение системы аттестации гуманитарно-педагогических кадров Республики Татарстан;

- формирование положительного имиджа республиканской системы непрерывного гуманитарно-педагогического образования, осуществление рекламной и редакционно-издательской деятельности в интересах кластера;

- разработка локальных нормативных актов, регулирующих деятельность кластера и взаимоотношения между его членами;

- участие в разработке законопроектов и нормативных документов муниципальных образований, Республики Татарстан и Российской Федерации, касающихся проблем профессиональной подготовки, повышения квалификации и переподготовки работников образования;

- установление и развитие связей с аналогичными организациями России и зарубежных стран, участие в работе международных организаций;

- создание и хостинг Web-сайта кластера для информационного и учебно-методического обеспечения и сопровождения деятельности кластера и ее членов;

- иные функции, не запрещенные действующим законодательством РФ, РТ и соответствующие цели и задачам деятельности кластера.

Отличительной особенностью данного кластера является отсутствие в его

составе бизнес-сообщества в качестве непосредственного заказчика и потребителя научных и образовательных услуг, а также общереспубликанский характер его деятельности, затрагивающий интересы всех сфер жизни и деятельности каждого человека. Поэтому представляется необходимым создание Попечительского совета кластера, включающего представителей республиканских органов власти, муниципальных органов управления, общественности и крупных предприятий с целью оказания поддержки и привлечения дополнительных ресурсов для обеспечения деятельности и развития кластера.

В целом источниками финансирования деятельности кластера должны стать:

- целевой государственный заказ на подготовку, переподготовку и повышение квалификации педагогических кадров, а также научно-исследовательские разработки в области развития образования в Республике Татарстан;

- целевое государственное финансирование конкретных программ регионального развития образования, реализуемых кластером или его отдельными членами;

- средства, полученные от хозяйственной деятельности, в частности, проведения курсов переподготовки кадров и повышения квалификации, научно-исследовательских разработок прикладного характера и т.п.;

- спонсорские взносы работодателей и различных фондов;

- другие, не запрещенные законом поступления.

Задачи создания и успешного функционирования кластера предполагают создание двух субрегиональных ресурсных центров подготовки педагогических кадров на базе Елабужского государственного педагогического университета и Набережночелнинского государственного педагогического института.

А университетский комплекс ТГГПУ призван сыграть роль базового ресур-

сно-координационного центра непрерывного профессионального педагогического образования Республики Татарстан, концентрирующего в себе лучшие научно-педагогические кадры, наиболее современное и качественное научное и учебное оборудование и, что весьма существенно, отвечающего за качество подготовки, а также повышения квалификации и переподготовки работников образования. В этом плане следует учесть, что ТГГПУ – единственный вуз республики, получивший сертификат соответствия требованиям международного стандарта ИСО по всем направлениям деятельности вуза, в том числе и по управлению инновационными проектами в области гуманитарного и педагогического образования и науки.

Планируемые краткосрочные результаты деятельности кластера:

- Оптимизация объема и структуры подготовки педагогических кадров в соответствии с актуальными и перспективными потребностями республиканской системы образования.
- Сокращение сроков подготовки и повышения квалификации педагогических и управленческих кадров.
- Повышение качества подготовки, повышения квалификации и аттестации педагогических и управленческих кадров в соответствии с требованиями модернизации отечественного образования.

Планируемые долгосрочные (стратегические) результаты деятельности кластера:

- Повышение профессиональной квалификации, активности, иннова-

ционного потенциала педагогических и управленческих кадров Республики Татарстан в соответствии с требованиями модернизации отечественного образования.

- Повышение качества образования в образовательных учреждениях Республики Татарстан, рост образованности и конкурентоспособности выпускников – будущей профессиональной и культурной элиты.

- Усиление конкурентоспособности республиканской системы образования.

Индикаторы эффективности деятельности кластера:

- Удовлетворенность работодателей качеством подготовки педагогических кадров.

- Удовлетворенность родителей (законных представителей), выпускников и общественности качеством полученного образования.

- Доля выпускников СПО и ВПО, распределившихся на работу в отрасли.

- Доля выпускников СПО и ВПО, работающих по специальности более 3 лет.

- Доля выпускников СПО, продолжающих обучение в вузе.

- Уровень кадрового обеспечения системы непрерывного профессионального педагогического образования.

- Уровень учебно-методического обеспечения процесса непрерывного профессионального педагогического образования.

- Уровень материально-технического обеспечения процесса непрерывного профессионального педагогического образования.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ См. Образование в Республике Татарстан. 2001–2005. Аналитические доклады о состоянии и результатах деятельности системы образования Республики Татарстан. – Казань: Изд-во ТГГПУ, 2007. – С. 53–62.

Summary

This article carries the conception of the Republican research and educational humanitarian and pedagogic clusters.

ХРОНИКА ЖИЗНИ АКАДЕМИИ НАУК РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН

ОАО «ВНИИУС» АН РТ в марте 2008 года внедрил в промышленность очередную технологию очистки сырой нефти от меркаптанов. Заказчиком технологии является компания ТОО «Жаикмунай», владеющая Чинаревским нефтегазоконденсатным месторождением. Производительность установки – 400 тыс.т в год.

Процесс демеркаптанализации нефти – процесс ДМС-3, внедренный на Чинаревском нефтегазоконденсатном месторождении, позволяет очистить нефть до отсутствия сероводорода и содержания метилэтилмеркаптанов менее 10 ppm. Все проектные показатели по ЧНГКМ достигнуты.

Уже сейчас заказчиком поставлена задача увеличения производительности установки почти в 2 раза. Такой опыт у специалистов ОАО «ВНИИУС» есть, и после заключения соответствующего контракта с «Жаикмунай» институт выдаст технологический регламент на реконструкцию установки в связи с расширением мощности.

* * *

2 апреля в Министерстве экологии природных ресурсов РТ состоялся «круглый стол» с участием представителей делегации Свободного Государства Саксония. Во встрече принимали участие министр экологии и природных ресурсов РТ А.К. Садретдинов, президент Академии наук РТ А.М.Мазгаров, заместитель гендиректора Инвестиционно-венчурного фонда РТ Р.Х.Билалов, гендиректор Инновационно-производственного технопарка «Идея» С.В.Юшко, представители АН РТ, вузов республики и др.

В ходе встречи обсуждалось сотрудничество с Институтом энергетики и окружающей среды Саксонии по рекультивации Самосыровской свалки и получения биогаза из отходов, а также перспективы дальнейшего использования этого вида топлива. Гости поделились своими впечатлениями от поездки по районам республики.

Доктор Франк Шольвин провел презентацию «Энергия из биогаза биомассы: возможности интеграции в энергосистему», после чего зарубежными гостями был предложен ряд передовых технологических проектов, предусматривающих переработку в биогаз не только твердых бытовых отходов, но и отходов сельского хозяйства.

Также на встрече были рассмотрены вопросы экологически безопасного и эффективного сбора отходов – гости привели в качестве примера Германию. С подробной презентацией выступил специалист инжиниринговой компании Лотар Дорнбуш.

Президент АН РТ А.М.Мазгаров в своем выступлении напомнил собравшимся, что делегация Академии наук РТ в ноябре 2007 года находилась с деловым визитом в Свободном Государстве Саксония. Тогда были обсуждены конкретные направления сотрудничества ученых Татарстана и Саксонии. Еще одним перспективным направ-

лением, видимо, станет разработка технологий по переработке различного рода отходов с целью получения биотоплива. Прозвучавшие на «круглом столе» предложения саксонских ученых будут проанализированы в АН РТ и минэкологии РТ, а затем доложены правительству республики — заверил он. Это подтвердил в своем заключительном слове и министр экологии и природных систем Татарстана А.К.Садретдинов.

* * *

8 апреля в издательстве «Фэн» Академии наук Республики Татарстан вышло второе исправленное и дополненное издание книги «Лауреат Нобелевской премии Абдус Салам» Юлдуза Халиуллина.

Книга представляет собой первый на русском языке научно-популярный очерк о жизни и творчестве выдающегося мусульманского ученого, одного из создателей современной «стандартной модели» структуры атома, крупного исследователя законов взаимодействия элементарных ядерных частиц.

Автор книги — профессиональный дипломат с многолетним стажем Юлдуз Халиуллин, изучивший биографию пакистанского ученого-физика не только по книгам и монографиям. Он сумел разыскать родственников ученого, проживающих в Англии и Пакистане, а также побывал в Триесте (Италия) в Международном Научном Центре теоретической физики, основанном Абдусом Саламом и носящем его имя.

Презентация первого издания книги состоялась в 2007 г. одновременно в Москве и Казани, в Дубне и Оксфорде. Книга получила положительный отклик среди научной общественности. Автор надеется, что и второе, дополненное, издание будет встречено с таким же интересом.

* * *

18 апреля серебряную медаль и диплом получили ученые ООО «Центра совершенствования методов разработки нефтяных месторождений» при Академии наук Республики Татарстан на XI Международном салоне промышленной собственности «АРХИМЕД-2008», проходившем в апреле 2008 г. в Москве.

Центр совершенствования методов разработки нефтяных месторождений при АН РТ получил столь престижную награду за «Комплексную автоматизированную систему поддержки управления инновационной деятельностью предприятий «ЭДИСОН+», разработанную по заказу ОАО «Татнефть».

Одним из основных направлений деятельности ООО «ЦСМР-нефть» при Академии наук РТ является автоматизация менеджмента интеллектуальных ресурсов. Начиная с 2003 г., в рамках этого направления осуществляется разработка конкретной системы для ОАО «Татнефть», обеспечивающей мониторинг эффективного документооборота интеллектуальной собственности при организации нефтедобычи — «ЭДИСОН+». Использование данной разработки позволяет своевременно и с наименьшими трудозатратами формировать механизмы создания, внедрения в производство инновационных технологий бизнес-процессов и бизнес-администрирования предприятия.

* * *

26 апреля в Академии наук Татарстана состоялся финал I городского конкурса «Эрудит-2008». Организаторами проекта выступили Академия наук РТ, Дом ученых АН РТ, Академический лицей им. Н.И. Лобачевского.

В ходе конкурса учащимся 7-11 классов города были предложены вопросы по физике, химии, биологии, истории и другим дисциплинам, составленные членами Отделений Академии наук РТ. Жюри конкурса возглавил член-корреспондент АН РТ; доктор исторических наук Фаяз Хузин, в составе жюри – Флер Багаутдинов, член-корреспондент АН РТ, судья Конституционного суда РТ, Ирина Галкина, кандидат химических наук, ученый секретарь Отделения химии и химических технологий АН РТ, доцент химического факультета КГУ; Андрей Скворцов, кандидат физико-математических наук, доцент физического факультета КГУ; Павел Зеленихин, кандидат биологических наук, старший преподаватель биолого-почвенного факультета КГУ и спонсор конкурса – Вадим Беспалов, исполняющий обязанности директора компании «Ак Барс Капитал».

В конкурсе приняли участие 150 учащихся из более 30 школ Казани. По итогам II тура первое место поделили Алексей Голосов (8-й класс, гимназия № 122), Анна-Мария Заострожных (7-й класс, специальная музыкальная школа при КГК) и Аль Анси Аммар (9-й класс, Академический лицей им. Н.И.Лобачевского). Абсолютным чемпионом, главным эрудитом города стал Станислав Даниличев, десятиклассник школы № 139. Победители и наиболее отличившиеся участники конкурса получили в награду дипломы и памятные призы.

В будущем Академия наук РТ планирует проводить конкурс «Эрудит» ежегодно и придать ему статус республиканского.

* * *

15 мая в Академии наук Татарстана президент АН РТ Ахмет Мазгаров открыл Международную научную конференцию «Шигабутдин Марджани: наследие и современность».

Конференция посвящена 190-летию со дня рождения выдающегося татарского мыслителя, религиозного деятеля, просветителя и ученого-энциклопедиста Шигабутдина Марджани, внесшего значительный вклад в развитие мусульманской богословской мысли и исторической науки.

Организаторы конференции – Академия наук РТ, Кабинет министров РТ, Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, Центр социальных исследований (США).

Конференция проходит по двум секциям: «Ш.Марджани и проблемы национальной истории» и «Ш.Марджани и традиции татарской богословской и общественной мысли».

16 мая в 10 часов участники конференции соберутся на круглый стол «Джадидизм и ислам в Евразии», которая пройдет в Институте истории Ш.Марджани АН РТ.

17 мая для гостей и участников конференции организуется поездка-экскурсия на родину Ш.Марджани – деревни Ябынчи (Атнинского р-на) и Ташкичу (Высокогорский р-н).

* * *

15-16 мая в Академии наук Республики Татарстан состоялись вторые Махмутовские чтения «Философское и педагогическое наследие». Организаторы мероприятия – Академия наук Республики Татарстан, Министерство образования и науки Республики Татарстан и другие.

На конференции были представлены последние научные интересы известного российского педагога и востоковеда академика Мирзы Исмаиловича Махмутова. Также философы, педагоги, религиоведы и практики образования совместно обсудили сложнейшие проблемы современного мира с позиции диалога и толерантности.

На вторые Махмутовские чтения приехали гости из Италии, США, Китая и российских городов – Москвы, Санкт-Петербурга, Самары, Нижнего Новгорода, Дмитровграда и другие.

В Казанском государственном архитектурно-строительном университете прошли секции «Мировоззренческий диалог образования, науки, культуры, философии и религии» и круглый стол «Наследие В.И. Несмелова и современность». В работе Чтений приняли участие ведущие специалисты по изучению творчества Несмелова: Н.К. Гаврюшин – профессор Московской духовной академии и семинарии, М.С. Уваров – профессор Петербургского государственного университета, В.П. Горюнов – профессор Петербургского политехнического университета и другие.

* * *

21 мая в Казанской ратуше прошел вечер, посвященный научным династиям «Любовь к науке – по наследству». Это мероприятие стало началом новой традиции Академии наук РТ – чествование татарстанских научных династий, которые внесли большой вклад в развитие науки.

Событие было приурочено к Году семьи и Международному Дню семьи (15 мая). Организаторы – Академия наук и Научно-исследовательский центр семьи и демографии АН РТ. Идея мероприятия принадлежала директору Казанского дома ученых Ирине Сергеевне Донской, которая на протяжении многих лет собирала материал о научных династиях Казани. Большая организаторская работа, которая осталась «за кадром» праздника, проделана сотрудниками Отдела по связям с общественностью и СМИ Академии наук РТ. Автор текста сценария вечера – начальник Отдела Р.В. Даутова. Научные династии по праву считаются бесценным достоянием Татарстана. Имена этих ученых записаны в славную летопись республики: Арбузовы, Пудовики, Широковы, Муштари, Дьяконовы, Сиразетдиновы, Ильясовы, Гумеровы, Айдаровы, Юзеевы, Гильмановы, Мазитовы, Валеевы, Хисамовы, Тумашевы, Фахрутдиновы, Нигмати и др. Вечере «Любовь к науке – по наследству» приняли участие научные династии Казани: Пудовики, Широковы, Дьяконовы, Хисамовы, Айдаровы, Сиразетдиновы. Представителям этих династий вручены почетные дипломы и памятные подарки.

Состоялся праздничный обряд регистрации научных династий. Они вошли в «Золотую книгу» фонда научных династий РТ.

Их поздравил президент АН РТ Ахмет Мазгарович Мазгаров, который сказал, что теперь чествовать научные династии Татарстана Академия наук Республики Татарстан будет ежегодно в Международный день науки. Также приветствовали династии государственный советник Президента РТ по социальным вопросам Татьяна Петровна Ларионова, президент ООО «Банковская ассоциация Татарстана» Людмила Романовна Китайцева, заместитель президента АН РТ А.М.Гумеров, советники Президиума АН РТ А.В.Ильясов и Ф.Г.Хамидуллин и др. Программу украсили выступления молодых певцов и учеников татарской гимназии № 2 им.Ш.Марджани.

В конце вечера научные династии сфотографировались на память.

* * *

27 мая 2008 г. в здании ЦНИИГеолнеруд (ул. Зинина, 4) состоялось очередное заседание Президиума Академии наук Республики Татарстан. В заседании принимали участие первый вице-премьер РТ Равиль Муратов, президент Академии наук Татарстана Ахмет Мазгаров, министр Министерства образования и науки РТ Наиль Валеев, первый замминистра экономики РТ, директор Центра экономических и социальных исследований при Кабинете министров РТ Алевтина Кудрявцева, ректоры вузов республики.

О плане работы на 2008 г. ФГУП «ЦНИИГеолнеруд» доложил директор института Е.М. Аксенов. Перед заседанием президиума была организована интересная экскурсия по институту.

ФГУП «Центральный научно-исследовательский институт геологии нерудных полезных ископаемых» — единственный в странах СНГ специализированный крупный комплексный центр по изучению геологии, вещественного состава, технологии, экономики нерудных полезных ископаемых, обладающий развитой лабораторной и материально-технической базой и большим крупным потенциалом.

На протяжении более 60 лет ученые и специалисты института своими теоретическими и прикладными разработками своевременно отвечали на актуальные запросы сельского хозяйства, строительства, металлургии, машиностроения, химической и других отраслей промышленности. Результаты их исследований в решающей мере определяли и определяют направления и методику работ на нерудные полезные ископаемые ранее Министерства геологии СССР и ведущиеся сейчас Министерством природных ресурсов Российской Федерации и Федеральным агентством по недропользованию.

С целью координации научных исследований, проводимых в Республике Татарстан решением Президиума АН РТ в 1993 г., ЦНИИГеолнеруд был принят под ее научно-методическое руководство.

Приоритетным направлением в научно-технической деятельности института являются научно-исследовательские, поисково-оценочные, аналитико-технологические работы на твердые нерудные полезные ископаемые на территории Республики Татарстан. Сотрудники института участвовали в разработке и реализации с 2004—2007 гг. ежегодной «Территориальной программы геологического изучения недр и воспроизводства минерально-сырьевой базы Рес-

публики Татарстан». Одновременно по договорам с организациями различных форм собственности институт проводит геологоразведочные и аналитико-технологические исследования по изучению объектов недр на твердые нерудные полезные ископаемые Республики Татарстан.

Вторым вопросом повестки дня Президиума АН РТ были предстоящие в июне выборы в АН РТ и обсуждение выдвинутых научными коллективами кандидатов. С докладом выступил президент АН РТ А.М.Мазгаров.

Как сообщил Ахмет Мазгаров, на 13 вакантных мест в академии претендуют 27 человек. За неделю до выборов во всех 7 отделениях академии будут проведены обсуждения кандидатов с приглашением научной общественности республики.

Одной из наиболее востребованных стала вакансия члена-корреспондента АН РТ по специальности «Химическая технология» Отделения химии и химической технологии. На эту должность выдвинуты 5 человек, в их числе — доктор технических наук, профессор, глава технопарка «Идея» Сергей Юшко, а также доктор химических наук, профессор, ректор КГТУ (КХТИ) Герман Дьяконов.

Также Ахмет Мазгаров доложил о кандидатах в почетные члены Академии наук РТ. На вакансии почетного члена Академии наук РТ выдвинуты председатель комитета по науке, образованию, культуре и национальным вопросам Госсовета РТ Разиль Валеев, татарский народный поэт Ринат Харис, а также ученые из России, Турции, Башкортостана.

По мнению Равиля Муратова, необходимо омолаживать состав почетных академиков и принимать ряд ученых хотя бы не старше 60 лет. К тому же, по мнению Равиля Муратова, признание АН РТ должно быть, прежде всего, среди татарстанцев. «Мне очень жаль, что представителей реального сектора экономики Татарстана, генералов от производства, среди кандидатов в почетные члены нет», — добавил первый заместитель премьер-министра Татарстана.

В то же время многие члены академии сошлись во мнении, что почетными академиками должны становиться авторитетные люди, чтобы способствовать расширению контактов АН РТ с общественностью. Эти параметры неизбежно подразумевают солидный возраст. К следующему заседанию Президиума АН РТ планируется пересмотреть список кандидатов в почетные члены академии.

* * *

9 июня в малом зале Академии наук РТ состоялась праздничная встреча академиков с лицеистами, посвященная окончанию учебного года.

Воспитанники Академического лицея им.Н.И.Лобачевского пришли в АН РТ с отчетом о своих достижениях в учебной, научно-исследовательской и общественной деятельности, а также об успехах в различных олимпиадах за прошедший учебный год.

Во встрече принимали участие советники Академии наук РТ — академики Ш.М.Чабдаров и А.В.Ильясов. Они вручили лицеистам памятные подарки и высказали пожелание им активной жизненной позиции и новых побед.

* * *

В издательстве «Фэн» Академии наук РТ вышла книга Ирека Фахри «Карьера. Цели и средства».

Ирек Фахри (Ирек Хайруллович Фахрутдинов) — доктор технических наук, профессор, действительный член Академии наук Татарстана, Российской и Международной инженерных академий, лауреат Государственной премии СССР, заслуженный деятель науки и техники РФ и ТАССР, почетный авиастроитель.

В книге автор делится менеджерскими «секретами» — формирования личности, самоорганизации и опережения конкурентов до организации и управления многотысячным коллективом. Все это иллюстрируется описанием конкретных моментов жизни и карьеры автора — бывшего Главного авиаконструктора — Генерального директора крупного предприятия, разрабатывавшего и производившего сложную технику.

Одновременно автор оценивает события, происходившие в экономических системах мира, СССР и России с начала 50-х годов XX по первые годы XXI века, представляет свое видение грядущего человечества и рациональной организации управления будущей экономической системой России.

Книга написана простым языком и может быть полезной для студентов, аспирантов и преподавателей экономических и технических факультетов вузов, менеджеров, административно-управленческого персонала производственных фирм, научно-исследовательских организаций и государственных учреждений, а также для всех, кто интересуется оценкой социально-экономических процессов, происходящих в мире и России.

* * *

20 июня 2008 г. в Академии наук РТ состоялось Общее собрание. В нем приняли участие президент АН РТ Ахмет Мазгаров, председатель Госсовета РТ Фарид Мухаметшин, руководитель Аппарата Президента РТ Юрий Камалтынов, министр экономики Марат Сафиуллин, председатель Казанского научного центра РАН Олег Синяшин и другие представители власти, вузовская и научная общественность.

С докладом об основных итогах деятельности Академии наук Татарстана и очередных задачах выступил президент АН РТ А.М.Мазгаров. Он отметил, что Татарстан встал на инновационный путь развития экономики. «Ученые республики внесут весомый вклад в инновационное развитие региона», — добавил он. Президент АН РТ также рассказал о работе по привлечению талантливой молодежи в науку.

Председатель Госсовета РТ отметил, что благодаря АН в республике были сохранены научные кадры. «Академия наук исправно выполняет функцию координатора научных исследований в Татарстане, — резюмировал он. — Сегодня организация наряду с проведением фундаментальных исследований акцентирует внимание на серьезной модернизации своей структуры и деятельности. На современном этапе назрела необходимость развития новых научных направлений. В этом плане нам необходимо примеряться к работе Российской академии наук и равняться на международные академии».

По завершении выступления Фарид Мухаметшин вручил Благодарственное письмо Президента РТ заместителю президента Академии наук РТ Асхату Гумерову.

Один из главных вопросов повестки дня – выборы новых членов АН РТ. По итогам тайного голосования на вакансию действительного члена АН РТ избран *Паймушин Виталий Николаевич* – доктор физико-математических наук, профессор КГТУ им. А.Н.Туполева.

Членами-корреспондентами АН РТ стали:

Миннуллин Ким Мугаллимович – доктор филологических наук, профессор (Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ)

Сафин Радик Ильясович – доктор сельскохозяйственных наук, профессор (ГОУ ВПО «Казанский государственный аграрный университет»)

Бадриев Ильдар Бурханович – доктор физико-математических наук, профессор (ГОУ ВПО «Казанский государственный университет им. В.И.Ульянова-Ленина»)

Сулейманов Альфред Мидхатович – доктор технических наук, профессор (ГОУ ВПО «Казанский государственный архитектурно-строительный университет»)

Бухараев Анастас Ахметович – доктор физико-математических наук, профессор (Казанский физико-технический институт КНЦ РАН)

Иванов Владимир Петрович – доктор технических наук, профессор (ФГУП «НПО «Государственный институт прикладной оптики»)

Гильмутдинов Альберт Харисович – доктор физико-математических наук, профессор (ГОУ ВПО «Казанский государственный университет им.В.И.Ульянова-Ленина»)

Кашапов Наиль Фаикович – доктор технических наук, профессор (ГОУ ВПО «Казанский государственный технологический университет»)

Дьяконов Герман Сергеевич – доктор химических наук, профессор (ГОУ ВПО «Казанский государственный технологический университет»)

Ханнутдинов Исмагил Шакирович – доктор технических наук, профессор (ГОУ ВПО «Казанский государственный технологический университет»).

Также состоялись выборы почетных академиков и двух иностранных членов АН РТ. Ими стали: *Рашитов Фрид Айниевич*, *Жданов Ренад Ибрагимович*, *Мазитов Назиб Каюмович*, *Гусманов Узбек Гусманович*, *Нигматуллин Роберт Искандерович*, *Тахаутдинов Шафагат Фахразович* и два иностранных – *Юлай Шамилоглу* и *Надир Девлет*.

* * *

26–28 июня 2008 г. в Центре «Эрмитаж-Казань» (Кремль, музейный комплекс «Хазинэ», средний подъезд) состоялась юбилейная Международная научно-практическая конференция «Этносоциология в России: научный потенциал в процессе интеграции полиэтнического общества», посвященная 40-летию начала массовых этносоциологических исследований в Советском Союзе и России. Организаторы конференции – Институт этнологии и антропологии им. Н.Н.Миклухо-Маклая РАН, Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, Институт социологии РАН.

Республика Татарстан является первым исследовательским полем этносоциологов. В конференции примут участие такие корифеи этносоциологических исследований, как *Ю.В.Арутюнян*, *Л.М. Дробижева*, *В.А.Шнирельман* (Москва). География участников обширна: Москва, Санкт-Петербург, Башкортостан, Молдавия, Киргизстан и т.п.

На конференцию также приглашены председатель Госсовета РТ Ф.Х.Мухаметшин, заместитель Премьер-министра РТ – министр культуры РТ З.Р.Валеева, председатель Комитета Госсовета по культуре, науке, образованию и национальным вопросам Р.И.Валеев, начальник Управления по вопросам внутренней политики Президента РТ А.М.Терентьев и другие.

* * *

25 июня вышел в свет новый номер журнала «Научный Татарстан».

Номер полностью посвящен юридическим наукам. В него включены материалы, которые полностью отражают результаты научных исследований по самому широкому кругу актуальных проблем юридической науки и практики.

Особенностью данного выпуска является его широкая география – авторами публикаций выступают не только ученые Казани, Татарстана, но и ведущие ученые-юристы из других городов и регионов. Среди них – выпускники юридического факультета Казанского государственного университета, а также наши соотечественники, работающие в различных высших учебных заведениях страны.

* * *

1 июля 2008 г. в Академии наук РТ прошло совещание рабочей группы по созданию региональной системы добровольной экологической сертификации сельскохозяйственной продукции, сырья, продуктов питания и оказания услуг.

Решение о создании при Академии наук РТ рабочей группы по созданию региональной системы добровольной экологической сертификации сельскохозяйственной продукции, сырья, продуктов питания и оказания услуг было принято на одном из последних заседаний Президиума АН РТ. В первом совещании этой группы приняли участие член-корреспондент АН РТ, заведующий лабораторией экологических проблем Р.Г.Ильязов, директор ФГУ «Татарстанский центр стандартизации, метрологии и сертификации» В.А.Гогин, представители Кабинета министров РТ, Министерства экологии и природных ресурсов РТ, Министерства здравоохранения РТ, управления Россельхознадзора и другие.

Основной вопрос, обсуждавшийся на совещании, – разработка системы добровольной сертификации экологически безопасной сельскохозяйственной продукции, сырья, продуктов питания и услуг. В.Гогин и Р.Ильязов представили свои разработки и анализ экологической обстановки сельскохозяйственного производства в Татарстане.

Далее прошло обсуждение прослушанных докладов, во время которого присутствовавшие выразили желание принять участие в создании региональной системы добровольной экологической сертификации. Р.А.Юнусов, заместитель руководителя управления

Россельхознадзора по РТ, рассказал об опыте Нижнего Новгорода в области сертификации экологически чистой продукции, предложил пригласить на следующее совещание ученых и специалистов в области агрохимии, почвоведения и защиты растений, а также фермеров, занимающихся производством продукции растениеводства и животноводства.

Участники совещания решили:

1. Приступить к формированию программы создания региональной системы добровольной экологической сертификации сельскохозяйственной продукции, сырья, продуктов питания и оказания услуг.

2. Каждому участнику рабочей группы дать предложения для составления программы по разработке региональной системы добровольной сертификации сельскохозяйственной продукции, сырья, продуктов питания и оказания услуг.

3. Организовать поездку в Нижний Новгород ответственных членов рабочей группы для ознакомления с опытом работы по данной проблеме.

* * *

25 августа в Казани открылась XVI Международная научная конференция Академии наук исламского мира (ИАН) «Наука, технологии, инновации для устойчивого развития исламского мира. Сближение политиков и ученых».

На представительный научный форум съехались более 100 ведущих ученых исламского мира. Сегодня открытие конференции началось с чтения священного Корана. С приветственным словом перед участниками форума выступил Президент Татарстана Минтимер Шаймиев.

«Сердечно приветствую участников и гостей конференции ИАН на гостеприимной татарстанской земле. Столь представительный исламский форум проходит в России впервые», — отметил Президент РТ. Он выразил признательность ИАН за выбор Казани в качестве места проведения конференции и уверенность в том, что этот выбор не случаен. Со многими мусульманскими странами Татарстан успешно развивает промышленно-технические, торгово-экономические и культурные связи. Нас объединяют многовековые исторические и духовные традиции, которые способствуют взаимопониманию и конструктивному диалогу. Востоковед Бартольд образно назвал наши земли самым северным форпостом исламского мира.

«И сегодня в условиях глобализации Татарстан стремится внести свою лепту в укрепление взаимоотношений между Россией и исламским миром, Западом и Востоком. В 2005 г. Россия получила статус наблюдателя в Организации Исламская Конференция (ОИК). Татарстан по праву гордится своим вкладом в развитие связи РФ с этой влиятельной международной организацией», — заявил Минтимер Шаймиев.

По его словам, проведение в Казани международной конференции ИАН является возможностью для консолидации общих усилий в создании новых условий развития науки и технологий. Это способствует примером единения ученых всего мира во имя успешной совместной работы и достижения общих целей.

Глава республики рассказал гостям форума про богатые традиции научной школы Казани и Татарстана. Об открытии неевклидовой геометрии ректором Казанского университета Лобачевским. О зарождении отечественной органической химии благодаря открытиям Бутлерова и Зинина. Об открытии эффекта парамагнитного резонанса Завойским. С 1807 г. при Казанском университете существовал «Восточный разряд» – первое востоковедческое научное учреждение в России, ставшее впоследствии крупнейшим центром востоковедения Европы. В рамках «Восточного разряда» создавались отечественные научные арабистика и тюркология.

«Сегодня деятельность наших ведущих вузов, научно-исследовательских институтов и центров, координируемая Академией наук РТ, нацелена на решение вопросов инновационного развития республики. Накопленный опыт важно развивать и приумножать в XXI веке. Мы неукоснительно должны следовать заветам Пророка Мухаммеда о том, что ученые на Земле сравнимы со звездами на небесах. И пусть эти звезды горят ярко, излучают теплоту и возрождают в сердцах людей надежду на мирное, светлое благополучие человечества», – подчеркнул Минтимер Шаймиев.

Президент РТ выразил надежду на то, что XVI Международная научная конференция ИАН станет мощным импульсом в создании модели созидания и сотрудничества, интеграции единого научно-технического пространства, осуществлении научно-инвестиционной политики, направленной на наукоемкую экономику и высокотехнологичное производство.

«Сегодня в этом зале собрались выдающиеся представители исламских стран, работающих над решением общих проблем. Уверен, что консолидация ума, таланта и величие духа ученых исламского мира, направленная на благо науки и прогресса, принесет свой плодотворный результат. Желаю вам успешной работы, здоровья и благополучия», – пожелал участникам форума глава республики.

В своем приветственном слове президент ИАН Абдель-Салам Маджали отметил 3 важных момента: ученым необходимо четко реагировать на вызовы устойчивого развития; необходимо разграничить области конкуренции и сотрудничества в науке; необходимо повышать свободу и мобильность науки.

В послании Президента Исламской Республики Пакистан и учредителя Академии наук исламского мира, в частности, говорилось о необходимости создания крупного университета и научного центра мирового уровня в исламских странах для инновационного развития.

На церемонии открытия конференции были вручены дипломы новым академиком ИАН, премия ИАН-КОМСТЕК имени Ибрагима. Диплом Почетного члена ИАН был вручен Президенту РТ.

Организаторами научного форума «Наука, технологии, инновации для устойчивого развития исламского мира (Сближение политиков и ученых)» выступают Академия наук исламского мира, Академия наук Татарстана и Организация объединенных наций по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО).

В международном аэропорту «Казань» президента Академии наук исламского мира г-на Абдель Салама Маджали приветствуют первый заместитель Премьер-министра РТ Р.Ф.Муратов и президент Академии наук РТ А.М.Мазгаров.

* * *

27 августа в КГУ в рамках XVI научной конференции Академии наук исламского мира (ИАН) «Наука, технологии, инновации для устойчивого развития исламского мира. Сближение политиков и ученых» состоялся Международный симпозиум по истории исламской науки, технике и инновации.

Форум собрал в университете более 100 известных ученых, политиков и общественных деятелей из России, США, Франции, Канады, Ирана, Сенегала, Пакистана и других стран.

Дато Энг Ли Йи Чеонг из Малайзии, выступающий в качестве председателя научного мероприятия в КГУ, поблагодарил руководство университета за радушный прием в стенах старейшего вуза Татарстана и озвучил тему, которая стала сквозной для всех докладов — исламская наука. Он также напомнил, что в 2005 году, в Малайзии, на подобной конференции обсуждались схожие темы, касающиеся, правда, только определенных стран. На симпозиуме в КГУ была затронута действительно масштабная тематика — роль исламской науки, технологий и инноваций в развитии человечества. Дато Энг Ли Йи Чеонг выступает за то, чтобы исследование исламского наследия проводилось как в развитых, так и в развивающихся странах, а также призывает к возрождению центров изучения исламской науки в западных университетах.

Одним из первых со своим докладом «Роль Казанского государственного университета в развитии российской и мировой науки» выступил ректор вуза Мякзюм Салахов. «Для нас большая честь принимать таких великих ученых и общественных деятелей в стенах Казанского университета. Это выдающееся событие», — начал Мякзюм Халимуллович свое выступление. Он подчеркнул, что отличительная черта КГУ заключается в том, что здесь классически соединяются наука и образование. Из уст первого лица вуза гости из других стран смогли узнать о предпосылках развития науки в университете, о знаменитых выпускниках альма-матер и выдающихся открытиях, прославивших эти стены. Особое географическое положение вуза, известный восточный разряд, сотрудничество со многими мусульманскими странами — это все то, что способствует укреплению связей, взаимодействию наук.

Затем профессор физики Технологического университета Шариф Мехди Голшани (Тегеран, Иран) представил свой взгляд и оценку роли исламской науки. «Ученые многих стран спорят о причинах подъема и спада науки в мусульманском мире. Еще в Коране было сказано, что необходимо изучать природу, — это и есть основной залог расцвета науки. В древнем писании также говорится, что путешествия необходимы для приобретения знаний», — считает он. По его словам, к спаду науки привели мистицизм, политические разногласия и нехватка финансовой поддержки.

В следующих докладах рассматривались исламская наука и становление европейского ренессанса, научное предпринимательство в исламском мире и другие темы.

* * *

27 августа вечером закончила свою работу XVI международная конференция Академии наук исламского мира «Наука, технологии, инновации для устойчивого развития исламского мира. Сближение политиков и ученых». На заключительном заседании в зале «Пушкин» гостиницы «Корстон» была принята Казанская Декларация по конференции Академии наук исламского мира.

Подведение итогов конференции проходило в атмосфере творческого единодушия. Особенно с большим воодушевлением было воспринято участниками научного форума выступление министра образования штата Селангор Малайзии госпожи Халимах Бинте Али. В частности, она сказала: «Мы все, мусульманские ученые, собрались здесь, потому что Аллах избрал нас, дал нам ум и знания, чтобы мы приложили все усилия для развития человечества».

Президент Академии наук исламского мира Абдель Салам Маджали познакомил участников конференции с Казанской Декларацией, в которую вошли основные положения, прозвучавшие на конференции. Документ состоит из пяти пунктов. Суть их в следующем.

- В странах, нуждающихся в устойчивом развитии, требуются специальные меры для достижения этого.
- Политикам необходимо обращать больше внимания на устойчивое развитие мира и улучшение окружающей среды.
- Роль академий наук заключается в консультации правительств по вопросам науки и техники, и Совет Академии наук исламского мира призывает политиков обращать больше внимания на академии наук и их финансирование.
- Должна быть кооперация усилий, сотрудничество политиков и научных журналистов для популяризации и развития науки во всем мире.
- Совет Академии наук исламского мира выражает огромную благодарность руководству Республики Татарстан за организацию и проведение на высоком уровне очередной конференции Академии наук исламского мира и за выступление Президента РТ Минтимера Шаймиева на открытии форума.

* * *

Впервые российский ученый стал вице-президентом Академии наук исламского мира. Им избран президент Академии наук Татарстана А. Мазгаров.

Руководство Академии наук исламского мира осуществляют президент Абдель Салам Маджали и два вице-президента. Один из них – профессор из Туниса, академик IAS Ахмет Маракчи. Второе место было до сих пор вакантным. На Генеральной Ассамблее членов Академии наук исламского мира (IAS), состоявшейся в дни работы XVI международной научной конференции Академии наук исламского мира «Наука, технологии, инновации для устойчивого развития исламского мира. «Сближение политиков и ученых», вице-президентом IAS единогласно избран президент Академии наук Татарстана Ахмет Мазгаров.

Следующие выборы состоятся во время XVII Международной конференции IAS, которая будет проходить в декабре 2009 г. в Малайзии.

Напомним: Число действительных членов Академии наук исламского мира в настоящий момент – 103 человека, среди которых 4 человека из России:

*А.Ю.Беккеев (Кабардино-Балкария, Россия) – радиофизика,
М.И.Залиханов (Кабардино-Балкария, Россия) – нефтехимия,
А.М.Мазгаров (Татарстан, Россия) – нефтехимия,
С.Н.Хаджиев (Чечня, Россия) – нанотехнология.*

* * *

12 сентября 2008 г. состоялось первое после летних каникул заседание Президиума Академии наук РТ.

Основных докладов было три. Президент АН РТ, академик А.М.Мазгаров, доложил об итогах XVI Международной научной конференции Академии наук исламского мира «Наука, технологии, инновации для устойчивого развития исламского мира. «Сближение политиков и ученых», состоявшейся 25–28 августа в АН РТ. С планом мероприятий по реализации Стратегии развития научной и инновационной деятельности в Республике Татарстан до 2015 года познакомил собравшихся академик-секретарь Отделения математики, механики и машиноведения РТ Г.Л.Дегтярев. Проблемам нового Института Академии наук РТ, получившего название Институт по проблемам экологии и недропользования, и перспективам его развития был посвящен доклад директора института академика И.А.Ларочкиной.

На заседании президиума решался также вопрос о создании двух новых научно-исследовательских центров АН РТ. Заслушав доклад академика-секретаря Отделения гуманитарных наук Р.М.Мухаметшина, Президиум АН РТ постановил создать государственное учреждение «Центр исламоведческих исследований» АН РТ. Важность этого шага была обоснована достаточно широко: центр нужен для углубленного изучения различных аспектов ислама и мусульманской культуры, участия татарстанских ученых в решении задач формирования полноценной конфессиональной политики в республике, формирования научной базы в целях установления разносторонних связей с мусульманскими странами.

О необходимости создания еще одного научно-исследовательского центра выступил директор Института истории АН РТ Р.С. Хакимов. После всестороннего обсуждения вопроса Президиум АН РТ принял решение создать при Институте истории Центр по изучению истории и культуры крещеных татар.

Председатель Комиссии Президиума АН РТ по проблемам отбора и поддержки талантливой молодежи академик Н.А.Сахибуллин познакомил членов Президиума с результатами конкурса на стипендии АН РТ за 2-й семестр 2007/08 учебного года. Решено присудить на осенне-зимний семестр 2008/09 учебного года (с 1 сентября 2008 г. по 28 февраля 2009 г.) стипендии Академии наук Республики Татарстан следующим студентам вузов Татарстана:

Мухаметгалиевой Ландыш Фаритовне – студентке Казанского государственного аграрного университета,

Хальфиевой Асе Михайловне – магистрантке Казанского государственного энергетического университета,

Шаймухаметовой Эльвире Рамилевне – магистрантке Казанского государственного университета,

Сидорову Николаю Анатольевичу — студенту Казанского государственного технологического университета,

Бургановой Гузель Рустамовне — студентке Казанского медицинского университета.

Дипломы стипендиатам Академии наук РТ будут вручены на Общем собрании АН РТ.

* * *

19 сентября в рамках проекта пресс-службы АН РТ, направленного на сближение академической науки с журналистами, состоялась первая встреча — с советником президента Академии наук РТ, академиком, заслуженным деятелем науки и техники Республики Татарстан профессором Шамилем Мидхатовичем Чабдаровым.

Такие мероприятия планируется проводить 2 раза в месяц. Встречи будут проходить в неформальной обстановке, за чашкой чая. Круг журналистских вопросов — самый разный: можно интересоваться как самим ученым, так и его разработками в науке, а также актуальными проблемами современности. Подобные встречи — для журналистов уникальная возможность узнать о новейших достижениях науки из первых рук, а для ученых познакомиться с теми, кто рассказывает обществу о событиях в научной сфере. И, надо сказать, ученые охотно принимают предложение поучаствовать в этом мероприятии.

* * *

24 октября Академию наук Татарстана посетила группа экспертов Международной организации экономического сотрудничества и развития (ОЕСД, Париж).

В Международной организации экономического сотрудничества и развития Россия имеет статус наблюдателя. В ближайших планах российского государства — вступить в члены этой престижной организации. Экспертная группа, изучающая состояние таких вопросов, как труд, занятость и социальная защита российского населения, выбрала для посещения два города — Казань и Самару. В программу посещения Казани был включен визит в Академию наук Татарстана, обсуждение данных вопросов с учеными республики. В этой встрече с представителями ОЕСД принимали участие советник Президиума АН РТ член-корреспондент Ф.Г.Хамидуллин, председатель научного совета по экономике АН РТ, член-корреспондент В.И. Мельник, а также представители Министерства труда и занятости РТ и ряда вузов (КФЭИ, КГМУ, ТИСБИ и др.).

* * *

25 сентября 2008 года в Академии наук Татарстана состоялась встреча президента Академии наук РТ А.М. Мазгарова с президентом Российской академии образования Н.Д. Никандровым. Сторонами был подписан договор о сотрудничестве.

На встрече А.М.Мазгаров познакомил гостей с историей создания Академии наук Татарстана, структурой и задачами, стоящими перед ней. Говоря о научных традициях татарстанской науки, президент АН РТ подчеркнул роль выдающегося деятеля науки, педагога, академика Мирзы Исмаиловича Махмутова, рассказал о том, как планируется увековечить его память. Особое внимание было уделено

А.Мазгаровым такому важному и современному направлению в деятельности академии, как интеграция усилий науки и производства в развитии инновационной экономики.

Ахмет Мазгарович также упомянул, что в настоящий момент у региональных академий нет должной координации с российскими академиями наук. Необходимо возродить единое научное пространство.

Президент РАО Н.Д.Никандров в ответном слове сказал, что это не первое его знакомство с Академией наук Татарстана. Его радует стремление Академии наук РТ связать науку и производство, сохранив то, что не разрушено. Он привел слова выдающегося геометра, легендарного ректора Казанского университета Н.И.Лобачевского: ничего не уничтожать, но все совершенствовать.

В завершении встречи стороны подписали договор о сотрудничестве АН РТ и РАО, в рамках которого будет осуществляться деятельность по следующим направлениям:

- Обмен научной информацией, публикациями и другими научными материалами.
- Обмен учеными для проведения исследований и содействия взаимному обмену научными идеями.
- Проведение двусторонних семинаров, научных конференций и симпозиумов по актуальным направлениям образования, включаемым ежегодно в программу сотрудничества.
- Экспертиза научно-исследовательских работ, научно-технической продукции, рецензирование научных статей, монографий в области образования.

Сотрудничество между АН РТ и РАО в сфере образовательной науки и технологий может внести реальный вклад в социально-экономическое и гуманитарное развитие Республики Татарстан и Российской Федерации в целом.

* * *

3 октября в Академии наук Республики Татарстан состоялась торжественное вручение Международной премии им. Е.К. Завойского 2008 года Михаэлю Мерингу – профессору Университета Штутгарта (Германия).

Президент Академии наук РТ Ахмет Мазгаров поздравил профессора, начав свое приветствие на трех языках: английском, русском, татарском. «Мне очень приятно поздравить здесь, в здании нашей Академии наук Республики Татарстан, выдающегося физика, профессора Михаэля Меринга. Вы известны своими выдающимися исследованиями в области двойного электронно-ядерного резонанса, своими трудами и монографиями, некоторые из них изданы и на русском языке», – отметил президент.

Международная премия присуждается ежегодно. Сегодня была вручена 17-я премия Е.К.Завойского. Лауреатами премии стали уже 5 ученых из Германии и 3 – из России. В этом году решение Международного совета ученых было единогласным. Достижения господина Меринга в развитии электронного парамагнитного резонанса (ЭПР) и квантовой физики несомненны. Доказательством служат и выдающиеся, престижные награды – премия имени Роберта Воана (США, 1975 г.) и премия Амперского общества (1996 г.).

Сприсуждением международной премии им. Е.К. Завойского профессора поздравили министр образования и науки РТ Н.М.Валеев, ректор КГУ М.Х.Салахов, вице-президент Международного Общества ЭПР профессор Томас Приснер, вице-президент АН РТ, директор Казанского физико-технического института им. Е.К. Завойского (КФТИ) К.М.Салихов.

Лауреат премии господин Меринг выступил с публичной лекцией «Очарование вращающегося волчка» и в завершение выступления поблагодарил Академию наук Татарстана, КФТИ и КГУ за высокую награду и прекрасную организацию Международного симпозиума «Современное развитие магнитного резонанса – 2008».

* * *

8 октября в Академии наук РТ состоялась очередная встреча в рамках проекта, организованного пресс-службой АН РТ и направленного на сближение академической науки и журналистов с целью более объективного освещения вопросов науки в прессе. Гостем мероприятия стал Искандер Гилязов, декан факультета татарской филологии Казанского государственного университета, член-корреспондент Академии наук РТ, профессор КГУ, доктор исторических наук.

В ходе неформальной беседы поднимались вопросы, связанные с развитием образования сегодня, изучением и статусом татарского языка в республике, а также проблемами и перспективами изучения различных этапов истории татарского народа.

Искандер Гилязов говорил о том, что на сегодняшний день можно отметить значительное снижение уровня подготовки абитуриентов, школьное образование все более и более ухудшается. Декан факультета татарской филологии связывает это с тем, что современная молодежь все меньше и меньше читает, «им просто трудно прочитать книгу». Именно поэтому в качестве своей глобальной задачи Искандер Гилязов видит повышение образованности общества, подготовку думающей молодежи, которая могла бы самостоятельно расти и развиваться на благо общества.

В ходе беседы ставились и вопросы о деятельности факультета татарской филологии и истории. В частности, речь шла о том, что сегодня меньшинство выпускников факультета идут работать по специальности, а именно, преподавать татарский язык и татарскую литературу в школу, большинство же из них уходят в журналистику, литературное творчество, органы государственной власти и множество других сфер деятельности. Искандер Гилязов связывает это с падением авторитета профессии учителя в современном обществе, однако, по его мнению, университет все-таки дает не узкоспециальное, а во многом универсальное образование, следовательно, нет ничего плохого в том, что его выпускники добиваются успехов в самых различных отраслях.

Журналисты задавали декану факультета татарской филологии и вопросы о преподавании татарского языка в средней школе, а именно, почему так низок уровень знаний этого языка среди выпускников школ. Искандер Гилязов видит несколько ответов на этот вопрос. Во-первых, он подчеркнул, что проблема заключается в неумении поставить задачу изучения языка: хотим ли мы научить ребят говорить на татарском или желаем, чтобы они освоили грамматику

языка. С другой стороны, существует проблема хороших учебников татарского: ребята из русских семей, никогда не изучавшие татарский, должны заниматься по учебникам, отличным от тех, которые предлагаются ученикам из татарских семей. Различными должны быть учебники для сельских и городских учеников. Помимо всего прочего, учебник должен быть «живым», примеры, которые приводятся в нем, должны быть понятны современным детям.

Говорили на встрече и о развитии современной гуманитарной науки. Искандер Гилязов подчеркнул, что еще не все ученые понимают, что живут в новой ситуации, что сегодня для получения финансирования своих исследований нужно активно работать, нужно самостоятельно искать фонды и гранты. Говоря же о меценатстве в татарском мире, том меценатстве, которое после первой русской революции буквально подняло татарскую культуру, без которого не было бы татарского профессионального искусства, Искандер Гилязов отметил, что сегодняшние богатые люди еще не осознали необходимости поддерживать культурные и просветительские проекты, т.е. вкладывать деньги в будущее своего народа.

В заключение встречи речь зашла о собственных научных планах Искандера Гилязова. Он рассказал о собственном пути в науку, о проведенных уже исследованиях и поделился некоторыми идеями будущих изысканий. В частности, сегодня Искандера Гилязова интересуют сюжеты, связанные с татарской диаспорой в дальнем зарубежье, а также тема татар и татарского общества в годы Первой мировой войны.

* * *

22 октября в большом зале Академии наук РТ состоялась презентация первого тома «Татарской энциклопедии» на татарском языке. В торжестве приняли участие президент АН РТ А.М.Мазгаров, заместитель министра культуры Г.Р. Нигматуллина, вице-президенты АН РТ Р.А.Юсупов, А.Л.Абдуллин, главный ученый секретарь Д.Ф. Загидуллина, советники АН РТ М.А. Усманов и Ф.Г.Хамидуллин, руководство и сотрудники института «Татарская энциклопедия», представители научной и вузовской общественности Казани.

В первый том энциклопедии на татарском языке вошло 3860 статей, из которых 1620 содержат информацию о биографиях известных личностей. Остальные посвящены истории Татарстана и татарского народа, городам, районам, деревням республики, также дается подробная информация о природе, флоре и фауне РТ, широко освещаются история и современное состояние науки, техники, литературы, искусства, просвещения. Издание содержит 1200 иллюстраций, из них 655 – цветные.

Первый том энциклопедии на татарском языке был пополнен совершенно новыми статьями (их более 300). Так, некоторые статьи, которые войдут лишь в следующие тома русского варианта, в первом томе татарского издания уже нашли свое отражение. Например, статья под названием «Сельское хозяйство» будет размещена лишь в пятом томе русской «Татарской энциклопедии», а на татарском языке под названием «Авыл хужалыгы» ее можно увидеть уже в первом томе. Энциклопедия способна стать настольной книгой для историков, литературоведов, специалистов в области точных наук, а также

для обычных учителей, школьников и студентов. Разносторонняя и интересная информация, размещенная в этом фундаментальном издании, может стать подспорьем для каждого.

В списке авторов первого тома 430 фамилий. На презентации заместитель директора Института татарской энциклопедии Академии наук РТ Гумер Сабирзянов выразил им свою благодарность за их труд. «Знание проблем своего времени и научный статус авторов являются показателем высокого качества энциклопедии», — сказал он. Действительно, работа над энциклопедическим изданием чрезвычайно сложна. Приходится анализировать большое количество информации, проверять факты, в поисках недостающего материала копаться в архивах, иллюстрации к статьям доставать в фондах различных музеев.

Заместитель министра культуры Гульшат Нигматуллина начала свое выступление с поздравлений от имени министра культуры Зили Валеевой. Далее она сказала о том, что выход энциклопедии на татарском языке является значимым событием в культурной жизни. Она назвала энциклопедию «изданием, вобравшим в себя многовековой научный труд татарского народа».

Выступление народного поэта Татарстана Рената Хариса было особенно выразительным. «В татарской энциклопедии есть все для становления татарского человека гражданином, значимой личностью» — сказал он и закончил выступление, прочитав свое стихотворение об энциклопедии.

Татарская энциклопедия будет состоять из 6 томов, в них будет содержаться 20 тысяч статей. Уникальность этого издания в том, что она с научной точки зрения дает представление о длинной и сложной судьбе татарского народа с древних времен до сегодняшнего дня. Данный труд является первым регионально-универсальным энциклопедическим изданием на татарском языке. И в этом его ценность.

Напомним: первый том «Татарской энциклопедии» на русском языке появился в 1999 году, сейчас почти готов четвертый том.

* * *

Судьбе и деятельности выдающегося татарского богослова начала XX века Мусы Бигиева посвящен документальный фильм «И раскололся месяц...», который был отмечен специальной наградой на IV Международном фестивале мусульманского кино «Золотой Минбар». Авторами сценария фильма выступили директор Института истории им. Ш.Марджани Академии наук РТ Рафаиль Хакимов и старший научный сотрудник института, кандидат философских наук Айдар Хайретдинов, режиссер — Батыр Байшев, продюсер — Венера Алтынбаева.

В фильме прослеживается нелегкий жизненный путь в духовных поисках Мусы Джаруллаха Бигиева — ученого, философа, богослова, публициста, признанного во всем мусульманском мире одним из лучших знатоков исламского вероучения. Съемки проходили в Казани, Санкт-Петербурге, Стамбуле, Каире, где в разные годы жил и трудился ученый. Для описания основных событий его биографии авторы фильма прибегли и к игре профессиональных актеров.

Фильм снят на киностудии «Алтын давлят» на русском языке, планируется сделать дубляж и на татарском.

* * *

25 октября Академию наук РТ посетил с рабочим визитом вице-президент Российской академии наук В.В. Козлов. Академию наук Татарстана представляли президент АН РТ А.М.Мазгаров, вице-президент А.Л.Абдуллин, заместитель президента А.М.Гумеров, академик-секретарь Отделения математики, механики и машиноведения Г.Л.Дегтярев. Сопровождал гостя директор Института механики и машиностроения Казанского научного центра РАН, чл.-корр. РАН Д.А.Губайдуллин.

Академик, профессор, доктор физико-математических наук Валерий Васильевич Козлов возглавляет Математический институт им. В.А.Стеклова РАН. В сфере его обязанностей, как вице-президента, курирование вопросов взаимодействия РАН с региональными академиями наук. Валерий Васильевич познакомился с основными направлениями работы Академии наук Татарстана, а также с презентацией Отделения математики, механики и машиноведения. Вице-президент РАН выразил большое удовлетворение и выступил с инициативой более тесного взаимодействия и сотрудничества РАН и АН РТ в самом ближайшем будущем.

* * *

28 октября в Академии наук РТ в рамках проекта, организованного пресс-службой АН РТ и направленного на сближение академической науки и журналистов с целью более объективного освещения вопросов науки в СМИ, состоялась встреча с Ольгой Николаевной Ильинской – членом-корреспондентом Академии наук РТ, профессором КГУ, доктором биологических наук, заведующим кафедрой микробиологии Казанского государственного университета.

Ольга Николаевна Ильинская рассказала об основных научных направлениях, в которых работают сотрудники ее кафедры, и об основных результатах, полученных ею в области биологической активности ферментов-рибонуклеаз, установления механизмов их действия и разработки на их основе генноинженерных и природных препаратов противоопухолевого действия. Кроме того, ряд результатов связан с установлением генотоксичности химических соединений, роли оксида азота и гипометаболическим состоянием бактерий, деструкцией ксенобиотиков и разработкой агробио-препаратов на основе региональных штаммов микроорганизмов. А также ответила на вопросы журналистов, которых интересовали проблемы биогаза и биотоплива (О.Ильинская является руководителем этого направления в АН РТ), республиканская программа «Генетическая безопасность населения Республики Татарстан» и многое другое.

* * *

29-31 октября 2008 г. президент Академии наук Республики Татарстан А.М. Мазгаров принял участие в работе Международной научно-технической конференции «Инновационные технологии освоения ресурсов углеводородного и неуглеводородного сырья в XXI веке» (г. Оренбург).

А.Мазгаров выступил на пленарном заседании конференции с докладом «Эффективные решения проблем промышленной подготов-

ки и переработки высокосернистого и тяжелого углеводородного сырья». Разработки Волжского научно-исследовательского института углеводородного сырья Академии наук РТ, с которыми познакомил участников научного форума Ахмет Мазгарович, возглавляющий этот институт, вызвали большой интерес у специалистов. Были проведены переговоры с представителями «Каз Мунай Газ» (Казахстан) о внедрении технологий очистки газов от сернистых соединений. Также состоялись переговоры с представителями немецкой фирмы «Linde AG» о сотрудничестве.

* * *

28–31 октября 2008 г. в АН РТ прошла II Всероссийская конференция «Физические и физико-химические основы ионной имплантации».

Конференция посвящена памяти выдающего ученого, члена-корреспондента РАН, академика АН РТ, лауреата Государственной премии СССР, Государственной премии РТ, главного ученого секретаря АН РТ Ильдуса Хайбуллина, который основал признанную в России и за рубежом Казанскую школу по ионной имплантации.

Организаторами конференции выступили Академия наук Республики Татарстан, Казанский физико-технический институт им.Е.Завойского КНЦ РАН, Нижегородский государственный университет им.Н.Лобачевского при поддержке Федерального агентства по образованию, Российской академии наук, Российского фонда фундаментальных исследований, Министерства образования и науки РТ.

Проведение данной конференции в столице Татарстана является не только важным событием в научной жизни республики, но и признанием этой роли научной общественностью России. Казань входит в число ведущих научных центров по ионной имплантации. В работе конференции приняли участие более 50 ученых из Москвы, Санкт-Петербурга, Нижнего Новгорода, Ижевска, Казани, а также из Белоруссии, Турции, Швеции.

* * *

13 ноября в Казани открылась III Всероссийская научная конференция «Национальная идентичность России и демографический кризис». Ее организаторами выступили институты и исследовательские центры Российской академии наук и Академия наук РТ.

Участие в открытии приняла государственный советник при Президенте РТ по социальным вопросам Татьяна Ларионова. Она напомнила, что 2008 г. в Татарстане был объявлен Годом семьи, и сейчас необходимо работать над укреплением институтов семьи и брака, улучшением демографической ситуации в нашем регионе и в целом в стране.

Открыл пленарное заседание генеральный директор Центра проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования при отделении общественных наук РАН Степан Сулакшин. Он выступил с докладом «Идентичность и демография» и познакомил собравшихся с условиями, в которых протекают современные демографические процессы в России.

Участниками конференции стали крупные ученые и исследователи – директор Института демографических исследований (Москва)

Игорь Белобородов, главный редактор журнала «История и современность» Эдуард Кульпин-Губайдуллин и другие.

Сегодня наиболее острой проблемой остается низкая рождаемость и, вследствие этого, сокращение числа детей. В Республике Татарстан с 1996 г. количество детей и подростков в возрасте до 15 лет уменьшилось на 10 процентов. На сегодняшний день их доля составляет 20 процентов от общей численности жителей республики, то есть на каждых четырех взрослых приходится только по одному ребенку.

Большую роль в формировании этих негативных процессов играют также высокий уровень разводов и низкое количество заключаемых браков. 4 года назад в республике произошло резкое снижение количества браков. Сегодня на два заключенных в год брачных союзов приходится в среднем по одной распавшейся паре.

По экспертным расчетам ООН, суммарный коэффициент рождаемости в России только к 2030 г. достигнет уровня 1,5 ребенка, а показатель 1,75 ребенка будет достигнут лишь к 2050 г. Это дает основание обозначить демографическую ситуацию в России как депопуляционную и выдвигать пессимистические прогнозы на перспективу.

Объявление 2008 г. Годом семьи способствовало привлечению внимания общественности к проблеме семьи и демографической ситуации России. С реализацией национальных проектов стимулирования рождаемости на федеральном и региональном уровнях, инвестиций в повышение рождаемости следует ожидать определенного улучшения демографической ситуации в стране. Однако потребуются не менее дорогостоящие программы, направленные на сокращение смертности населения и увеличение средней продолжительности жизни. Для преодоления демографического кризиса потребуется длительный период времени.

* * *

14 ноября 2008 г. в Академии наук РТ состоялась публичная лекция директора Государственного Эрмитажа Михаила Пиотровского на тему: «Загадки мусульманского искусства в зеркале Эрмитажа».

Основная часть публичной лекции состояла из демонстрации фотографий различных произведений исламского искусства, имеющих в коллекции Эрмитажа. Были продемонстрированы изделия, изготовленные в различные исторические периоды (от VIII до XVIII в.) в разных странах (Иран, Персия, Египет, Дагестан и др.) с применением различных технологических тонкостей. Особое место докладчик уделил такому виду искусства, как исламское каллиграфическое письмо (вязь), различные виды которого очень часто встречаются в виде доброжелательных и священных надписей на глиняной посуде, литых металлических изделиях, тканях, резных поделках и, конечно, на рисунках (миниатюра, живопись и пр.) всех временных периодов.

Во время демонстрации фотографий Михаил Борисович рассказал о той символической и идеологической нагрузке, которую несет с собой искусство ислама. В его докладе была особенно выделена тема борьбы с идолопоклонством и ее отражения в искусстве как мусульман, так и христиан. В ходе доклада автор неоднократно сравнивал,

устанавливал сходства и различия в символике искусства христианства и ислама.

После завершения доклада было отведено время для вопросов аудитории.

* * *

28 ноября в Академии наук РТ в рамках проекта, организованного пресс-службой АН РТ и направленного на сближение академической науки и журналистов с целью более объективного освещения вопросов науки в СМИ, состоялась встреча с Кевом Салиховым, вице-президентом АН РТ, директором Казанского физико-технического института им. Е.К.Завойского.

Доктор физико-математических наук, профессор, член-корреспондент РАН, академик АН РТ Кев Салихов является специалистом в области изучения динамики спиновых систем в парамагнетиках, томографии, нанолитографии.

Кев Минуллинович рассказал журналистам о том, как пришел на пост директора КФТИ. Ученый на протяжении 25 лет работал в одном из научно-исследовательских институтов новосибирского Академгородка, в институте, известном во всем мире, в том числе и исследованиями в области электронного парамагнитного резонанса, родиной которого является Казань. Однажды Кеву Салихову предложили принять участие в выборах на замещение должности директора Казанского физико-технического института РАН, что было шансом развить в столице Татарстана направление работы, связанное с изучением парамагнитного резонанса. «Я хочу сделать Казанский физтех лучшим институтом в мире, и даже установил срок реализации этого проекта – конец 2010 года», – отметил он.

Кев Салихов является, помимо всего прочего, председателем Совета по нанотехнологиям РТ. Это направление его деятельности также обсуждалось на встрече. Профессор подчеркнул, что нанотехнологиями занимаются все исследователи, которые рассматривают те или иные процессы на молекулярном уровне. Однако развитие именно нанотехнологий выводит подобные исследования на новый уровень, открывает новые перспективы. «Эта методика позволяет строить любую, наперед заданную конструкцию из атомов и молекул, но мы пока далеки от создания технологий в этой области», – объясняет Кев Салихов. По словам доктора физико-математических наук, сейчас принято называть нанотехнологиями даже то, что не имеет к ним никакого отношения («все, что не видно глазом, все – нано»), однако в Татарстане и до нанотехнологического бума существовал ряд институтов, действительно занимающихся данной проблематикой, среди них – физтех, арбузовский институт, физический факультет КГУ. В начале декабря в Москве состоится большой форум по нанотехнологиям, где будут представлены разработки, в том числе и КФТИ.

Журналисты задавали вопросы и о практическом применении тех фундаментальных исследований, которые ведутся в институте, возглавляемом Кевом Салиховым. В качестве самого значительного примера ученый привел разработку магнитно-резонансного медицинского томографа, проекта, который поначалу казался неосуществимым, но работу над ним поддержало руководство республики, в

частности Президент РТ Минтимер Шаймиев, и теперь томограф существует, однако пока есть сложности с серийным его производством.

Особенно интересными показались журналистам разработки Кева Салихова в области телепортации. Исследователь отметил, что, конечно, это не та телепортация, о которой пишут фантасты, перемещение тела из одного места в другое таким способом невозможно. Однако, по всей вероятности, существует явление квантовой телепортации, расчеты которой уже произведены ученым, и в скором времени будет проделан практический опыт.

Задавали Кеву Минуллиновичу и личные вопросы о том, что привело его в науку, о том, как и насколько он ощущает свою этничность, что любит читать, верит ли в существование Бога. Ученый оказался человеком очень открытым и искренним и говорил о том, что, например, в науку его привели два обстоятельства: во-первых, его школьная учительница истории, которая научила будущего исследователя системному подходу в работе, а во-вторых, его собственное стремление постоянно думать, находить те или иные варианты разрешения самых различных ситуаций. По поводу своей этничности, а Кев Салихов – татарин родом из башкирской деревни, он ответил, что в детстве очень много и самое лучшее взял от татарской культуры, но в дальнейшей жизни принял и русскую, чему очень рад. Ученый очень любит петь татарские песни, и даже исполнил журналистам свою самую любимую. Из художественной литературы предпочитает детективы, но не может выделить кого-то из авторов, потому что читает в основном в дороге, во время вынужденных пауз в работе. По поводу веры в Бога Кев Салихов ответил: «Я верю в науку, не вижу, чем бы мне помогла гипотеза о существовании Бога, однако очень уважительно отношусь к религиозности, и резко против, когда на этом спекулируют».

В целом Кев Салихов, человек, имя которого расшифровывается как «Климент Ефремович Ворошилов», произвел впечатление удивительно открытого, увлеченного и в какой-то мере дерзкого в своих научных исследованиях ученого, который не унывает и, по его собственным словам, не любит ходить, а предпочитает бег, потому что ходьба – это бесполезная трата времени.

* * *

Академик Миркасым Абдулахатович Усманов награжден престижной премией Международного исследовательского центра по изучению исламской истории, искусства и культуры при Организации Исламской Конференции.

Данная премия вручается за выдающиеся достижения в исследовательской деятельности в различных областях изучения исламской цивилизации и вклад в развитие соответствующих научных дисциплин и пропаганду межкультурного понимания и диалога. Премия «За выдающиеся достижения в области научных исследований» вручалась в 1990, 1997, 2000 и 2003 г. В этом году ею удостоилась пятая группа лауреатов, среди которых оказался и известный татарский историк. Решение о награждении М.А.Усманова вынесено Генеральным Директором и Исполнительным комитетом центра.

Церемония награждения является частью инаугурационной церемонии Международного симпозиума «Багдад в исламской цивилизации». Симпозиум проходил в Турции с 6 по 10 ноября и был посвящен истории древнего Багдада, его значению как столицы Халифата. Организаторами конференции, на которую съехались ученые из десяти стран – от Марокко до Индонезии, выступили организация IRCICA и Мармарский университет. Торжественная церемония награждения премиями состоялась 7 ноября во Дворце культуры Стамбула. Миркасыму Абдулахатовичу была вручена уникальная копия средневековой «Вазы с лилиями» (XVI в.) из знаменитой коллекции Сулеймана Великолепного и Почетный диплом лауреата.

* * *

2 декабря 2008 г. в актовом зале КГУ отметил свой 5-летний юбилей академический лицей имени Н.И.Лобачевского. Поздравить с юбилеем пришли от имени Академии наук Татарстана советник Президиума АН РТ А.В. Ильясов и руководитель пресс-центра АН РТ Р.В. Даутова. Лицейстам были вручены памятные подарки от Академии наук Татарстана.

Пять лет назад при поддержке Академии наук РТ и КНЦ РАН на базе казанского Дома ученых было открыто негосударственное образовательное учреждение «Академический лицей им.Н.И.Лобачевского». За эти годы лицей проделал очень большую работу по организации учебно-воспитательного процесса, установлению контактов и связей с учеными республики, увековечиванию памяти Николая Лобачевского.

На сегодняшний день в лицее обучается 98 учащихся, работает 38 педагогов, из них 8 кандидатов наук, 1 доктор наук. Лицей поддерживает тесные связи с Казанским государственным университетом, сообщила директор лицея Т.В.Беспалова.

За 5 лет лицей выпустил 93 учащихся, из них 44 человека поступили в КГУ, 49 выпускников учатся в КГТУ, КФЭИ, КГМУ, КГТХУ, КГУКИ. Все эти годы 1 декабря – день рождения выдающегося ученого Н.И.Лобачевского торжественно отмечался лицейстами в актовом зале КГУ, где проходили встреча с почетными попечителями лицея, Лобачевские чтения и посвящение в лицейсты.

* * *

18 декабря в Академии наук Татарстана прошла презентация тома «Этнография», третьего по счету, из серии Атласов «Тартарика», подготовленного сотрудниками Института истории АН РТ.

Это издание, безусловно, – событие в научном мире, в полиграфическом, похоже, тоже. Генеральный директор издательско-продюсерского центра «Дизайн. Информация. Картография» Андрей Притворов, вручая охапку дипломов, которые были присуждены российскими и международными полиграфическими сообществами первому и второму тому, сказал, что проекта такого масштаба в России больше нет. По его словам, Атлас «Тартарика» стал образцом для научных коллективов из других регионов, которые предпринимают попытки «пересадить» концепцию татарстанских ученых на свою почву, но это не так-то просто.

Заметим, что проект действительно впечатляет: и глубиной содержания, и уровнем полиграфического исполнения, и ценой – 6 тысяч

рублей за том — тоже. Книга выполнена в подарочном варианте, к ней прилагается компакт-диск с материалом о расселении татар в период Казанского ханства. Впрочем, по мнению академика Миркасима Усманова, издание и не предназначено для частных библиотек. От того, что его приобретут те, кто запросто это может себе позволить, толку будет немного, считает ученый. Надо, чтобы тома «Тартарики» дошли до студентов: попали бы в вузовские библиотеки.

— Это серия весомая и в прямом смысле слова тоже. Я, интереса ради, взвесил: каждый том тянет на 5–6 кг. А если всерьез, то ценность этого издания в том, что ученые впервые собрали и систематизировали под одной обложкой колоссальный материал об истории и культуре татар, позволяя нам совершить увлекательный экскурс в прошлое. Картографический материал, старинные фотографии, изображения экспонатов, свидетельств исторических событий из многих музеев мира — все это отлично иллюстрирует текст. Выверенной, с точки зрения историка, мне кажется и концепция авторского коллектива: история любого народа не может быть связана с одним регионом, история народов — это движение, культурное и материальное освоение новых пространств, — считает Миркасым Абдулахатович.

— С учеными все ясно, а что дает «Этнография» массовому читателю? — обратились мы к директору Института истории АНТ Рафаэлю Хакимову.

— Гордость, — ответил он. — Такой историей и такой культурой можно и нужно гордиться.

Рафаэль Сибгатович сообщил, что издается серия на спонсорские деньги, дополнительные средства помог привлечь Госсовет РТ. А затевался этот проект по инициативе Академии наук РТ. В связи с этим стоит вспомнить пожелание академика Усманова: такие книги должны появиться в библиотеках, от себя добавим — и не только в вузовских, чтобы они были доступны всем тем, кого интересует история татар.

Сегодня же, по словам Р.Хакимова, состоится презентация нового проекта «Идель-Алтай», исследования о происхождении тюркских народов. Но и от серии «Тартарика» никто отказываться не собирается, работа будет продолжаться, а скоро ли выйдут в свет новые тома, зависит от того, удастся ли найти средства в период кризиса. Похоже, на этот счет Рафаэль Сибгатович настроен оптимистично.

* * *

23 декабря в Академии наук РТ состоялся круглый стол «От научных результатов — к производственному продукту (проблемы капитализации и коммерциализации научных результатов и производственных инноваций)». Это уже не первый круглый стол на подобную тему. Академия наук Татарстана уже собирала представителей вузов для обсуждения этих вопросов. Современная экономическая ситуация и политика государства в определенной степени приблизили ученых к реальной экономике, поставив перед ними новые задачи.

Для обсуждения проблем создания и реализации инновационных проектов, потенциальной роли ученых в современной экономике собрались представители научного сообщества Татарстана — проректоры казанских вузов, руководители технопарков, преподаватели, ученые и журналисты. Академию наук РТ на круглом столе

представляли советник президента АН РТ академик Ш.М.Чабдаров и член-корреспондент АН РТ И.Ш.Хуснутдинов.

И.Ш.Хуснутдинов, делая свое сообщение, достаточно подробно, с привлечением примеров из научной практики, охарактеризовал проблемы всех трех сторон, занятых в процессах капитализации и коммерциализации научных результатов и производственных инноваций. Ученые, на его взгляд, далеко не всегда представляют работы высокого научного уровня и качества, далеко не все предлагаемые вузовскими учеными разработки могут быть коммерциализованы. Нет у представителей научного сообщества и опыта «продажи» своих работ. Государство в свою очередь охотно тратит деньги на коммерциализацию, а вот поисковые научные исследования не получают никакой поддержки. В числе современных проблем сферы производства были названы такие, как отсутствие научного прогнозирования, которое позволило бы более внимательно относиться к научным проектам, рассчитанным на востребованность и прибыль через 10-15 лет; уверенность, что все проблемы решат западные ученые и технологи; разрушение советской системы отраслевых НИИ. Общей проблемой всех трех сторон была названа разобщенность государственных и научных структур, занимающихся этими вопросами.

Ш.М.Чабдаров предложил на суд участников круглого стола схему, показывающую различные этапы капитализации и коммерциализации научных результатов – от научной продукции до проектно-конструкторского этапа, а затем до промышленного производства. Множество факторов влияет как на промежуточные результаты, так и на конечный. На каждом этапе работают разные специалисты, автор начальной идеи нередко забывается на этапе реализации на производстве. Академик обратил внимание на такую серьезную проблему, как отсутствие капитализации интеллектуальной субстанции. И вспомнив шутку «Почему ты такой бедный, если такой умный?», сформулировал вопросы, требующие, на его взгляд, решения: Каким образом научные достижения должны капитализоваться? Какова стоимость идеи? Как закрепить научное авторство, чтобы ученый также мог получать прибыль от реализации на производстве?

Как заметил профессор С.А.Михайлов, профессор КГТУ (КАИ), очень действенной мерой было бы проведение целевых профессиональных конкурсов по решению конкретных производственных проблем. В этом случае процент реализации научных разработок значительно повышается. Профессор кафедры менеджмента КХТИ Т.З. Мухутдинова напомнила, что миссия вузов, кроме научной работы, заключается еще и в преподавании и воспитании кадров. Для научной работы остается мало времени, кроме того, занятия наукой в стенах вуза практически не финансируются. Проректор по науке Казанского университета Д.К.Нургалеев напомнил собравшимся, что ученые вынуждены работать сегодня в условиях рыночной экономики, поэтому механизмы спроса и предложения естественным образом регулируют, какие научные проекты внедрять, а какие не внедрять. То же самое касается и фундаментальной науки – если идея экономически не проработана, стоит ли ее поддерживать? По мнению проректора КФЭИ А.П.Мищенко, в России пока нет работающего рынка идей, и насущная задача состоит в том, чтобы создать его, обеспечить маркетинговой обработкой. В том, что необходимы

менеджмент в отрасли науки и специально подготовленные специалисты, согласились все присутствовавшие на обсуждении экономисты. Условия финансового кризиса особенно остро поставят вопросы продажи идей, и здесь не обойтись без венчурного капитала. Неплохо бы предоставить доступ к тем идеям, которые забраковываются на конкурсах, — возможно, среди них есть такие, которые могли бы заинтересовать какого-нибудь производителя. Кстати, ни один технический вуз, заметил А.П.Мищенко, почему-то не привлекает ученых КФЭИ в качестве экономических финансовых экспертов, хотя союз вузов мог бы быть весьма полезным.

Подытоживая работу «круглого стола», заместитель министра образования и науки РТ член-корреспондент АН РТ В.В.Хоменко сказал, что вопрос инноваций и их реализации — это прежде всего вопрос заказчика. Не только в Татарстане, но и в России на сегодняшний день отсутствует глобальный и региональный рынок интеллектуальной собственности. Как, где и на каких условиях продавать научный проект? На республиканском уровне к этой проблеме присоединяется и проблема отсутствия тесного контакта научных ведомств и республиканских структур.

Ведущий обсуждения — академик Ш.М.Чабдаров, закрывая «круглый стол», сделал следующие выводы:

- Академии наук Республики Татарстан необходимо продолжить работу по координации научных исследований как в самой республике, так и в других регионах в интересах Республики Татарстан;

- необходимо обобщить положительный опыт по коммерциализации научных проектов, накопленный Академией наук РТ, Инвестиционно-венчурным фондом РТ, Технопарком «Идея», вузами, организациями и ведомствами республики;

- Усилить интеграцию структур, занимающихся коммерциализацией научных результатов в Республике Татарстан;

- Обратить внимание правительства республики на необходимость финансовой поддержки поисковых научных исследований. Именно они обеспечат республике будущее.

* * *

26 декабря в Академии наук Республики Татарстан состоялось торжественное Общее собрание. В преддверии Нового года научная общественность республики традиционно собралась для вручения дипломов вновь избранным членам Академии наук Татарстана. В этом году к этому праздничному поводу была добавлена и научная составляющая — публичную лекцию на тему «Физика плазмы и нанотехнологии» прочитал член-корреспондент АН РТ, профессор Альберт Харисович Гильмутдинов.

Праздничное собрание открыл президент АН РТ Ахмет Мазгаров. Он сказал, что долгосрочные перспективы социально-экономического развития Татарстана связаны, прежде всего, с повышением качества научных исследований. И очень важно в условиях финансового кризиса развивать интеллектуальный потенциал республики, не потеряв достигнутого. В числе успехов АН РТ организационного характера президент назвал повышение с 1 сентября 2008 г. заработной платы сотрудников академических институтов и повышение стипендии членов академии до уровня РАН. Некоторых институтов академии коснулось реформирование, которое позволит еще более тесно

взаимодействовать с республиканскими министерствами и ведомствами и перейти к новым направлениям научной деятельности.

— Сегодня весь мир живет в условиях финансового кризиса, который не обошел и Россию, — говорил Ахмет Мазгарович. — Влияние кризиса стало ощутимо и для нас: к сожалению, пока еще не удалось создать Фонд науки, предусмотренный «Стратегией развития научной и инновационной сферы Республики Татарстан до 2015 года».

Президент АН РТ А.М.Мазгаров призвал ученых республики искать пути выхода из кризиса как в области техники и технологии, так и в области идеологии. В области техники это, в первую очередь, создание энерго-ресурсосберегающих технологий во всех областях промышленности. В области идеологии, финансов и экономики предстоит думать над новой моделью, которой можно было бы заменить западную модель общества потребления, зашедшую в тупик. И добавил: «Мы должны уже сегодня думать о дальнейшей поддержке процесса модернизации фундаментальных и прикладных исследований, а для этого необходимо определение приоритетных научных проектов, т.е. инновационных стратегий».

Президиум Академии наук РТ разработал план мероприятий по реализации «Стратегии развития научной и инновационной деятельности в Республике Татарстан до 2015 года» и сформировал пакет научно-исследовательских проектов по основным направлениям развития науки в РТ. В будущем году ученые Татарстана должны будут сообща рассмотреть эти проекты и согласовать их с потребностями республиканской экономики. Роль государства как прямого заказчика научно-исследовательских проектов будет усилена.

После публичной лекции А.Х. Гильмутдинова, вызвавшей большой интерес у участников Общего собрания, состоялось вручение дипломов членам АН РТ, избранным в 2008 г. Действительным членом АН РТ стал профессор КГТУ (КАИ) В.Н.Паймушин, членами-корреспондентами АН РТ — И.Б.Бадриев, А.М.Сулейманов, В.П.Иванов, А.А.Бухараев, А.Х.Гильмутдинов, Н.Ф.Кашапов, К.М.Миннуллин, Р.И.Сафин, И.Ш.Хуснутдинов, Г.С.Дьяконов. Членами АН РТ стали также два иностранных гражданина — известный историк, профессор университета Мармара Надир Давлет (Турция) и профессор Висконсинского университета Юлай Шамилоглу (США). Шесть представителей научной общественности России (Москва, Саратов, Татарстан и Башкортостан) избраны почетными членами АН РТ.

Кроме того, удостоверения внештатных советников Президента АН РТ были вручены С.А.Шарипову, директору ФГОУ «Татарский институт по подготовке кадров агробизнеса» — советнику по сельскохозяйственным наукам и члену-корреспонденту АН РТ А.Ш.Зиятдинову — советнику по нефтехимическим наукам.

Почетными грамотами за многолетнюю плодотворную научную, научно-организационную деятельность в Академии наук награждены профессор В.А.Бойко и член-корреспондент АН РТ А.С.Гаялович.

Общее собрание закончилось вручением дипломов стипендиатам Академии наук Республики Татарстан осенне-зимнего семестра — их получили пять студентов казанских вузов. Тут же вице-президент АН РТ А.Л.Абдуллин объявил о начале конкурса на соискание стипендий весенне-летнего семестра. Со следующего года их станет уже 15.

ПРОФЕССОР МАРС КОНСТАНТИНОВИЧ МИХАЙЛОВ (к 70-летию со дня рождения)

17 июня 2008 г. исполнилось 70 лет одному из известных рентгенологов российской медицины, доктору медицинских наук, профессору, заслуженному деятелю науки РФ и РТ, академику АН РТ, действительному члену Петровской академии науки и искусств, почетному профессору медицинского факультета Белградского университета, почетному ректору и заведующему кафедрой лучевой диагностики Казанской государственной медицинской академии Марсу Константиновичу Михайлову.

Трудовая и общественная деятельность Марса Константиновича Михайлова служит примером профессионального постоянства и преданности Казанской медицинской академии. Более 40 лет связывает его со ставшей уже родной ему академией, которой он руководил с 1980 по 2007 г. Благодаря своим природным качествам, таким как трудолюбие, пылкий ум, упорство, благодаря прекрасным наставникам он смог пройти путь от старшего лаборанта до врача-специалиста высокого уровня и эрудиции.

М.К. Михайлов участник многих отечественных и международных съездов, конгрессов и симпозиумов рентгенологов (ФРГ, США, Япония, Австрия, Франция и др.), неоднократно приглашался для чтения лекций в Норвегию, Югославию, ФРГ.

Для выполнения комплексной программы подготовки высококвалифицированных специалистов по инициативе М.К. Михайлова, поддержанной Министерством здравоохранения СССР, создано научно-учебно-производственное

объединение «Родовая травма», которое он и возглавляет с 1988 г. М.К. Михайловым разработан и внедрен в практику алгоритм лучевых методов диагностики при заболеваниях и повреждениях центральной нервной системы у детей и взрослых с применением современных методов лучевой диагностики.

Перу М.К. Михайлова принадлежит более 400 научных работ, из них 35 книг, руководств, монографий, учебных пособий, написанных в соавторстве и самостоятельно. Значительным вкладом в науку является издание двухтомного руководства для врачей «Рентгенодиагностика в педиатрии», выпущенного в издательстве «Медицина» в 1988 г. Раздел этого руководства по нейрорентгенологии написан М.К. Михайловым. Большое практическое значение имеют созданные книги, посвященные проблемам рентгеноosteологии, в том числе диагностике синдромов остеохондроза позвоночника.

Основным научным направлением профессора М.К. Михайлова и его учеников стало углубленное изучение вопросов нейрорентгенологии детского возраста. Данные исследований обобщены в многочисленных публикациях, выступлениях на съездах, конгрессах, в диссертациях, выполненных под руководством или при консультативной помощи М.К. Михайлова. Полученные результаты легли в основу монографий «Нейрорентгенология детского возраста» (Казань, 1986 г.) и «Рентгенодиагностика родовых повреждений позвоночника» (1983 г. — первое издание и второе издание — 2001 г.), которые включены в унифицированную про-

грамму для подготовки рентгенологов страны.

Научные идеи профессора М.К. Михайлова нашли воплощение в работах его учеников. Под его руководством защищены 22 докторские и 52 кандидатские диссертации. В настоящее время выполняются еще 10 работ по лучевой диагностике и смежным медицинским специальностям. В большинстве своем диссертации, выполненные под руководством и при консультативной помощи профессора М.К. Михайлова, посвящены улучшению диагностики и лечению заболеваний центральной нервной системы у взрослых и детей, дистрофических процессов позвоночника, изучению минерального состава костной системы. Многие диссертации посвящены изучению заболеваний органов брюшной полости, в частности желудка и печени. Оригинальные исследования проведены при легочной гипертензии, раке мочевого пузыря, эпилепсии с использованием таких современных методов лучевой диагностики, как компьютерная томография, магнитно-резонансная томография, ультразвуковые исследования с цветным картированием и доплерографией. Крупным научным направлением, которое развивает профессор М.К. Михайлов в настоящее время, является использование новых сложных медицинских технологий для диагностики заболеваний головного мозга, позвоночника, печени.

Признанием авторитета казанской школы рентгенологов явилось проведение в 1991 г. в Казани совместного заседания членов правления Российского и Всесоюзного обществ с участием 250 ведущих специалистов страны. Признанием научных заслуг казанских ученых является также открытие в академии в 1974 г. совета по защите докторских и кандидатских диссертаций по специальности «лучевая диагностика, лучевая терапия и нервные болезни» (председатель — профессор М.К. Михайлов).

Революционное развитие медицинской техники, электроники, появление

специального оборудования и инструментария создали предпосылки для развития интервенционной радиологии. Помимо решения исследовательских задач интервенционная радиология предполагает широкий спектр лечебных мероприятий. Этим проблемам был посвящен программный доклад профессора М.К. Михайлова на VII конгрессе радиологов России в 1996 г., работой которого руководил, будучи избранным его президентом.

Много сил и энергии М.К. Михайлов прилагает для оснащения рентгенологическим оборудованием медицинских учреждений города и республики.

М.К. Михайлов занимает активную позицию и в общественной жизни. Он являлся депутатом районного, городского Советов нескольких созывов, в 1990–1995 гг. был депутатом Верховного Совета Республики Татарстан, где возглавлял комиссию по здравоохранению. Является президентом Ассоциации лучевых диагностов РТ, членом правления Общества рентгенологов и радиологов РФ, членом проблемных комиссий МЗ РФ и РАМН, председателем координационного совета Поволжского региона по подготовке кадров, членом редколлегии журнала «Вестник рентгенологии и радиологии» и редакционного совета «Казанского медицинского журнала».

Самое непосредственное и активное участие М.К. Михайлов принимал в организации Академии наук Республики Татарстан. В 1991 г. он избран действительным членом и, будучи академиком-секретарем, возглавляет Отделение медицинских и биологических наук.

За значительные достижения и вклад в развитие общества Американский Биографический институт избрал М.К. Михайлова в 1997 г. «Человеком года». За заслуги в области здравоохранения, многолетний и добросовестный труд М.К. Михайлов Указом Президента Российской Федерации награжден орденом Почета. За цикл работ, посвященных разработке и внедрению медицинского магнитно-резонансного

томографа «ТМР-0.06 КФТИ» совместно с физиками, присуждена Государственная премия Республики Татарстан в области науки и техники 2005 г.

В свои 70 лет Марс Константинович полон творческих сил и идей. Желаем юбиляру крепкого здоровья и дальнейшей плодотворной работы на благо российской и мировой медицины.

* * *

28 октября 2008 г. исполнилось 80 лет почетному члену АН РТ *Биктемирову Шаукату Хасановичу*.

Родился в 1928 г. Народный артист СССР, лауреат Государственных премий Республики Татарстан и Российской Федерации.

Ш.Х.Биктемиров является выдающимся представителем татарского театрального искусства, артист Татарского государственного Академического театра имени Г.Камала, заслуженный артист Республики Татарстан, народный артист Республики Татарстан, Российской Федерации и СССР, лауреат Государственной премии Российской Федерации имени К.Станиславского (1979).

Заметным событием и в жизни театра, и в творческой судьбе Биктемирова стал спектакль «Тополек мой в красной косынке» Ч.Айтматова. За исполнение роли Байтемира актер был удостоен Государственной премии имени Г.Тукая.

Ш.Х.Биктемировым создано более 130 образов в спектаклях классического и современного репертуара. Такие значительные роли, как Нургали – «Потоки» Т.Гиззата, Мелузов – «Таланты и поклонники», Дульчин – «Последняя жертва», Кнуров – «Бесприданница» А.Островского, Галин – «Габбас Галин» Ш.Камала, Талгат – «Первая любовь» Х.Вахита, Ислам – «Приехала мама» Ш.Хусаинова, Кривохатский – «Одна ночь» Б.Горбатова, Фаюнин – «Нашествие» Л.Леонова, Туктамыш хан – «Идегей» Ю.Сафиуллина, Ишан – «Голубая шаль» К.Тинчурина, Христолюбов – «Виноватые» А.Арбузова, Хасан Акчурин – «Мы уходим,

вы остаетесь», Сибгат – «Конокрад», Нурмухамат – «Ильгизар + Вера», Нурислам – «Дружеский разговор», Шахит – «Прощайте» Т.Миннуллина, Хан – «Тахир – Зухра» Ф.Бурнаша, Тархан – «Хужа Насретдин» Н.Исанбета, Семенов – «Как звезды в небе» М.Горького, Дорозуар – «Станция Шамбодэ» Э.Лабиша, Чмутин – «Ретро» А.Галина, Пастор Мандерс – «Привидения» Г.Ибсена и многие другие, вошли в сокровищницу татарского актерского искусства.

Большим этапом в творческой жизни актера явилось создание образов Ленина в спектакле «Третья патетическая» Н. Погодина и крестьянского полководца Бахтияра Канкаева, сподвижника Емельяна Пугачева, в спектакле «Бахтияр Канкаев» по пьесе Т. Миннуллина.

Выдающимся достижением артиста стал образ старика Альмандара в спектакле «Старик из деревни Альдермеш» Т.Миннуллина, за исполнение этой роли ему присуждена Государственная премия РСФСР имени К.С.Станиславского. Спектакль вот уже в течение 30 лет не сходит со сцены, на этом произведении выросло несколько поколений зрителей и актеров.

Ш.Х.Биктемиров с гастролями объехал почти все города бывшего СССР, побывал в Финляндии и Турции.

Избирался депутатом Казанского городского Совета, депутатом Верховного Совета ТАССР, депутатом Верховного Совета СССР, работал председателем республиканской комиссии по шефской работе на селе и в настоящее время является членом художественного Совета театра. Систематически выступает в центральной и местной печати, по радио и телевидению с актуальными вопросами театрального искусства.

Народный артист СССР Шаукат Биктемиров – один из самых популярных артистов татарского театра. Его творческая карьера и жизненный путь – символ преданности своему призванию.

* * *

20 ноября 2008 г. исполнилось 80 лет члену-корреспонденту АН РТ *Кузнецову Аркадию Васильевичу*.

Родился в 1928 г. Механик. Доктор физико-математических наук, профессор, член-корреспондент АН РТ. Заслуженный деятель науки Республики Татарстан и Российской Федерации.

Выпускник Казанского государственного университета. Работал на кафедре механики КГУ ассистентом, доцентом, заведующим отделом гидромеханики НИИММ при КГУ.

Специалист в области механики жидкости, газа и плазмы, механики струйных и кавитационных течений. Разработал теорию нестационарных слабо возмущенных течений, на основе которой решены задачи струйного и кавитационного обтекания колеблющихся препятствий и препятствий изменяющейся формы. Автор монографии «Нестационарные возмущения течений жидкости со свободными границами». А.В. Кузнецовым решена задача обтекания сверхзвуковым потоком тонкого крыла с дозвуковыми передними кромками. На основе методов теории течений жидкости с неизвестными границами разработан эффективный метод определения формы катода-инструмента по заданной форме анода-детали и метод управления передними кромками.

А.В.Кузнецовым опубликовано свыше ста тридцати научных работ, создана научная школа. Под его руководством подготовлены и защищены пять докторских, двадцать кандидатских диссертаций. Результаты исследований представлены на всероссийских съездах по теоретической и прикладной механике, научно-технических конференциях по теории корабля, в научных школах по гидродинамике больших скоростей, на международных и региональных конференциях.

Награжден Почетной грамотой Президиума Верховного Совета ТАССР. Член Научного совета Академии наук Республики Татарстан по экологии,

председатель секции математического моделирования, член специализированного докторского совета и оппонент по экспертизе диссертаций.

* * *

14 декабря 2008 г. исполнилось 50 лет члену-корреспонденту АН РТ *Насырову Семену Рафаиловичу*.

Родился в 1958 г. Директор учебно-научного центра математики и механики, декан механико-математического факультета, заведующий кафедрой математического анализа Казанского государственного университета, доктор физико-математических наук, профессор, член-корреспондент РАЕН, сороковский профессор.

С.Р.Насыров – крупный ученый и специалист в области комплексного анализа, теории краевых задач и их приложений в механике. Широко известен работами по сходимости к ядру римановых поверхностей, построению разветвленных накрытий поверхностей с заданной проекцией границы, разрешимости краевых задач со свободной границей на римановых поверхностях, обоснованию сходимости приближенных методов решения краевых задач, исследованию вариаций емкостных характеристик областей.

С.Р.Насыров автор и соавтор более 70 научных трудов, среди которых одна монография, одно учебное пособие, 2 патента на изобретения. Участник многих международных конференций, в том числе Всемирных конгрессов математиков в Цюрихе, Берлине, Европейских математических конгрессов в Париже и Будапеште. Выступал с лекциями и докладами в Японии, Норвегии, Румынии. Один из основных организаторов Международных Казанских летних школ-конференций по теории функций, конференций «Актуальные проблемы математики и механики». В 1997 г. организовал в Казани Математический центр им. Н.И.Лобачевского по проведению всероссийских молодежных школ-конференций по математике, механике и информатике.

Руководит основным научным направлением КГУ «Современные проблемы математического анализа, алгебры и геометрии». С.Р.Насыров – член докторского диссертационного совета Д002.07.02 по специальности: 01.01.01 – математический анализ (ИММ УрО РАН, Екатеринбург), кандидатского диссертационного совета К212.081.12 по специальностям 01.01.01 – математический анализ, 01.01.07 – вычислительная математика (КГУ). Трижды выигрывал конкурс на получение государственной научной стипендии Президента РФ за выдающиеся достижения в области математики (1993-1996, 1997-2000, 2000-2003). За последние пять лет участвовал в качестве руководителя и исполнителя в четырех грантах РФФИ.

С.Р.Насыров – член Американского математического общества (с 1987 г.). Внештатный сотрудник реферативных журналов «Mathematical Reviews» (США), «Zentralblatt für Mathematik» (Германия). Член редколлегии научного журнала «Canadian Journal of Pure and Applied Sciences». Является экспертом по оценке проектов Российского фонда фундаментальных исследований. Член президиума Научно-методического совета по математике и механике учебно-методического объединения университетов РФ. Заслуженный работник высшего профессионального образования РФ.

* * *

31 декабря 2008 г. исполнилось 80 лет почетному члену АН РТ *Вахитову Гаделю Галаутдиновичу*.

Родился в 1928 г. Г.Г.Вахитов – крупный ученый, обогативший нефтяную науку фундаментальными трудами, а нефтепромышленное дело – эффективными инженерными решениями. Действительный член Международной академии информатизации при ООН, действительный член Российской академии естественных наук, действительный член Международной академии наук и искусств, почетный член Академии наук Республики Татарстан, доктор техниче-

ских наук, профессор, начальник отдела разработки и повышения нефтеотдачи нефтяных месторождений ООО «Научно-инженерный центр НК «Лукойл».

Г.Г.Вахитов с отличием окончил Уфимский нефтяной институт. Трудовую деятельность начал в нефтяном районе Ишимбаево в БАССР. С 1956 по 1971 г. руководил Татарским НИПИ нефтяной промышленности, являлся директором ВНИИнефть (г.Москва) – головного института Миннефтепрома в области разработки нефтяных и газовых месторождений, заместителем генерального директора межотраслевого научно-технического комплекса «Нефтеотдача», заместителем директора по научной работе в институте НИПИморнефтегаз на совместном советско-вьетнамском предприятии «Вьетсовпетро» в Социалистической Республике Вьетнам.

Научная деятельность Г.Г.Вахитова связана с разработкой месторождений Урало-Поволжья, Западной Сибири и Казахстана. Научные исследования посвящены решению проблем разработки крупного Ромашкинского месторождения. Предложенные им методы и технологии добычи нефти применяются на промыслах Хасси-Мессауд (Алжир), Северная Румейла и Западная Курна (Ирак), Белый Тигр (Вьетнам). Г.Г.Вахитов впервые дал систематическое и полное изложение метода конечных разностей применительно к широкому кругу специфических задач разработки нефтяных месторождений с учетом неоднородности пласта и особенностей фильтрационных течений, что явилось основой компьютерного моделирования разработки нефтяных месторождений как альтернативы существовавшему в 1940–1950 гг. электромоделированию. Предложил избирательную систему разработки нефтяных месторождений с учетом неоднородности продуктивных пластов.

В 1965 г. ему присвоено звание заслуженного деятеля науки и техники ТАССР.

Г.Г.Вахитов – один из руководителей составления комплексного проекта

разработки крупнейшего в мире нефтегазового месторождения Самотлор в Западно-Сибирском регионе. За высокие результаты разработки Самотлорского нефтегазового месторождения ему присуждена премия СМ СССР за 1981 г. Идеи Г.Г.Вахитова по «ступенчато-термальному заводнению» были впервые применены на Узеньском месторождении в Казахстане и дали большой экономический эффект. За внедрение новой технологии нефтедобычи Г.Г.Вахитову в 1984 г. была присуждена Государственная премия Казахстана.

Особое внимание Г.Г.Вахитов уделял теоретическим исследованиям и организации опытно-промышленных работ по комплексному освоению ресурсов природных битумов Татарстана. По его инициативе было организовано ОЭНГДУ «Татнефтебитум», которое впоследствии вошло в состав МНТК «Нефтеотдача».

Г.Г.Вахитов – автор более трехсот научных статей, пятнадцати монографий, восьмидесяти изобретений, оформленных авторскими свидетельствами и патентами. Под его руководством защитили кандидатские и докторские диссертации более 40 человек.

Многообразна его общественная деятельность: с 1967 по 1971 г. – депутат ВС ТАССР, зам. Председателя ВС ТАССР; с 1980 по 1989 г. – член Комитета по Государственным и Ленинским премиям в области науки и техники. С 1971 по 1990 г. – член, председатель секции Национального комитета СССР по мировым нефтяным конгрессам. Член и председатель секций научных советов АН СССР, ГКНТ, Госплана СССР, ГКЗ СССР, НТО Миннефтепрома. Принимал участие в работе мировых нефтяных и газовых конгрессов. Член Центральной комиссии по разработке нефтяных месторождений Минэнерго России, председатель ученого совета по присуждению ученых степеней и званий Академического центра нефтяной и газовой промышленности при МАНИ.

За заслуги перед нефтяной промышленностью награжден орденами Ленина, Трудового Красного Знамени, 6 государственными и 2 золотыми медалями ВДНХ и др.

Президиум Академии наук Республики Татарстан сердечно поздравляет юбиляров, желает им доброго здоровья и новых творческих успехов.

ВЫПИСКА

из постановления Президиума Академии наук Республики Татарстан
от 22 января 2009 года (протокол № 5)

СЛУШАЛИ:

4. Подведение итогов конкурса именных премий АН РТ 2008 года

ПОСТАНОВИЛИ:

По п. 4 повестки дня

4.1. Утвердить решения Экспертных комиссий Отделения медицинских и биологических наук, Отделения сельскохозяйственных наук АН РТ по результатам объявленного в 2008 году конкурса на именные премии АН РТ и присудить именные премии:

им. А.Г.Терегулова (в области медицины и здравоохранения) – зав.кафедрой лучевой диагностики КГМА, доктору медицинских наук, профессору **Михайлову Марсу Константиновичу**, доктору медицинских наук, профессору кафедры лучевой диагностики КГМА **Тухбатуллину Муниру Габдулфатовичу** за работу по теме «Комплексная лучевая диагностика заболеваний желудка и печени»;

им. В.А.Энгельгардта (в области биологических и сельскохозяйственных наук) – профессору кафедры микробиологии биолого-почвенного факультета КГУ, доктору биологических наук **Наумовой Римме Павловне**, старшему научному сотруднику кафедры микробиологии биолого-почвенного факультета КГУ, кандидату химических наук **Гарусову Александру Васильевичу**, младшему научному сотруднику кафедры микробиологии биолого-почвенного факультета КГУ, кандидату биологических наук **Зиганшину Айрату Мансуровичу** за работу по теме «Биохимические основы микробного метаболизма ксенобиотиков»;

им. К.Г.Боля (в области ветеринарии и животноводства) – зав. кафедрой микробиологии ФГОУ ВПО «Казанская государственная академия ветеринарной медицины им. Н.Э.Баумана», доктору ветеринарных наук, профессору **Галиуллину Альберту Камилевичу**, зав. кафедрой патологической анатомии и гистологии ФГОУ ВПО «Казанская государственная академия ветеринарной медицины им. Н.Э.Баумана», доктору ветеринарных наук, профессору **Идрисову Газиму Зиганшиновичу**, научному сотруднику ФГУ «НТРБ-ВНИВИ», кандидату ветеринарных наук **Александровой Светлане Александровне** за работу по теме «Старые сибироязвенные захоронения – возможные источники распространения инфекции».

4.2. Лауреатам в соответствии с Положением об именных премиях АН РТ вручить на торжественном заседании, приуроченном ко Дню науки, дипломы лауреатов и денежные премии в размере 92 тыс.рублей.

4.3. Комиссии по именным премиям АН РТ (пред. акад. Зубаиров Д.М.) подготовить дипломы лауреатов установленного образца до 1 февраля 2009 года.

4.4. Зам.президента АН РТ по общим вопросам Гумерову А.М. предусмотреть необходимые средства для премирования лауреатов.

4.5. Начальнику НОО АН РТ Яхину Р.Г. и главному редактору издательства «Фэн» Хамидуллину Б.Л. проинформировать научную общественность РТ о лауреатах именных премий АН РТ 2008 года через средства массовой информации и журнал «Научный Татарстан».

Главный ученый секретарь Академии наук РТ,
член-корреспондент

Д.Ф. Загидуллина

УВАЖАЕМЫЕ АВТОРЫ!

Начиная с 2008 года журнал «Научный Татарстан» издается в обновленном по структуре и содержанию виде. Он ориентирован на публикацию научных статей по следующим научным направлениям: 07.00.00 (исторические науки), 09.00.00 (философские науки), 10.00.00 (филологические науки), 12.00.00 (юридические науки), 17.00.00 (искусствоведение) и 23.00.00 (политические науки). Журнал будет издаваться на русском языке 4 раза в год (смотри объявление о подписке). При подаче материалов в редакцию вы должны учесть следующие наши требования (в противном случае статьи будут отклонены без рассмотрения):

– необходимо наличие распечатанного на бумаге текста и его электронного варианта на 2-х дискетах 3,5” (шрифт Times New Roman, размер шрифта 14-й, междустрочный пробел полуторный, одно из полей – не менее 2 см, обязательная нумерация страниц) объемом не более 1 авторского листа (40 тысяч знаков), без иллюстраций, с указанием УДК, короткой аннотацией на русском и английском языках, примечаниями (ссылки необходимо указывать в тексте сплошной надстрочной нумерацией «1, 2, 3 и т.д.», а сами примечания – в конце текста) или списком литературы (в конце текста), сведениями об авторе/авторах (Ф.И.О. полностью, звание, должность, контактные телефоны);

– необходимо наличие 2-х рецензий на статью от двух докторов наук либо одного доктора и одного кандидата наук (научные направления 07.00.00, 09.00.00, 10.00.00, 12.00.00, 17.00.00, 23.00.00).

При соблюдении вами указанных требований редакция журнала в обязательном порядке направит поступившие материалы на дополнительное независимое рецензирование, после чего будет принято решение об их публикации или отказе в публикации.

Адрес редакции:

420111, Казань, ул. Баумана, 20

Телефоны: 2924034 (гл. редактор), 2927939 (зам. гл. редактора),

2921564 (ответ. секретарь)

Факс: 2920272 (обязательно указать – «для редакции «НТ»)

e-mail: anrt@rambler.ru (обязательно указать – «для редакции «НТ»)

С наилучшими пожеланиями

и с надеждой на плодотворное сотрудничество

Редакция журнала «Научный Татарстан»

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ ЖУРНАЛА!

**ПОДПИСКА НА «НАУЧНЫЙ ТАТАРСТАН»
ОСУЩЕСТВЛЯЕТСЯ ПО КАТАЛОГУ «ТАТАРСТАН ПОЧТАСЫ»,
ИНДЕКС 78700**

**СТОИМОСТЬ ПОДПИСКИ НА 2009 ГОД:
6 МЕСЯЦЕВ (2 НОМЕРА) – 459 РУБ. 62 КОП.,
12 МЕСЯЦЕВ (4 НОМЕРА) – 919 РУБ. 24 КОП.**

**ПО ВОПРОСАМ ПОДПИСКИ НА ЖУРНАЛ
ОБРАЩАЙТЕСЬ В БИБЛИОТЕКУ АКАДЕМИИ НАУК
РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН
(ТЕЛ. 2922723; ЗАВЕДУЮЩАЯ – ВАЛИАХМЕТОВА Т.К.)
ЛИБО В ФГУП УПС «ТАТАРСТАН ПОЧТАСЫ»
(420111, КАЗАНЬ, УЛ. РАХМАТУЛЛИНА, 3; ФАКС 2928877;
E-MAIL delo@tatpochta.ru).**

**ОФОРМЛЕНИЕ ПОДПИСКИ
БУДЕТ СПОСОБСТВОВАТЬ СОТРУДНИЧЕСТВУ**

